НАЧЕРТАНІЕ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ.

НАЧЕРТАНІЕ

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ,

ПРИМѢНИТЕЛЬНО

КЪ ОБЩЕЙ ТЕОРІИ РУССКАГО

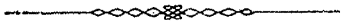
И ДРУГИХЪ РОДСТВЕННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

СОСТАВИЛЪ

АНТОНЪ БУДИЛОВИЧЪ,

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ДОКТОРЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.



ВАРШАВА.

1883.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета. 30 Октября 1882 г.

Ректоръ **Н. Благовѣщенскій.**

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1688
31

Въ типографіи К. Ковалевскаго. Королевская улица № 23.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Грамматическое изученіе церковнославянскаго языка началось очень рано, чуть ли не съ самаго основанія въ 9-омъ вѣкѣ славянской письменности; но въ теченіе многихъ вѣковъ оно преслѣдовало чисто практическую цѣль: научить правильному пониманію и употребленію священнаго органа богослуженія и духовной литературы древнихъ Славянъ. Такой практическій характеръ имѣли еще виленскія грамматики Зизанія (1596 г.) и Смотрицкаго (1619 г.) и всѣ послѣдовавшія, вплоть до Institutiones linguae slavicae dialecti veteris (1822 г.) Добровскаго. Въ этомъ монументальномъ сочиненіи впервые сдѣлана была попытка показать на ц. слав. матеріалѣ образецъ грамматическаго анализа и синтеза славянской рѣчи вообще и такимъ образомъ выработать теоретическую основу для изученія строя и отправленій всѣхъ живыхъ славянскихъ нарѣчій.

Съ тѣхъ поръ практическій характеръ ц. слав. грамматики все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, вслѣдствіе постепеннаго ограниченія области литературнаго примѣненія ц. слав. языка и вытѣсненія его живыми говорами; возрастаетъ же въ замѣнъ того теоретическій интересъ къ изученію этого славянскаго санскрита, благодаря какъ общимъ успѣхамъ языковѣдѣнія, такъ и введенію историко-сравнительнаго направленія въ славянскую филологію.

Не мало благопріятствовалъ тому и самый характеръ ц. слав. языка, какъ языка полумертваго, но вмѣстѣ легко доступнаго и мысли, и чувству современныхъ Славянъ: первое обстоятельство облегчало въ немъ задачу анатомическаго сѣченія рѣчи на ея звуковые, этимологическіе и синтактическіе элементы; второе же дѣлало этотъ языкъ чрезвычайно пригоднымъ для наблюденій надъ внутренними функціями тѣхъ элементовъ и ихъ сочетаній. Эта двойная задача еще болѣе упрощается древнимъ видомъ, прозрачнымъ составомъ, сомкнутымъ строемъ и достаточной научной разработкой ц. слав. языка.

Въ самомъ дѣлѣ, ц. слав. грамматика сдѣлала громадные успѣхи въ послѣдніе 50 — 60 лѣтъ и въ настоящее время является строгой опытной наукой, обладающей богатымъ и проспѣяннымъ матеріаломъ, надежными методами, правильной системой и цѣлымъ рядомъ обобщеній, важныхъ не только въ языковѣдномъ, но и въ этнологическомъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ.

Вотъ почему ученое и учебное значеніе ц. слав. грамматики не только не ослабѣло, но еще расширилось и упрочилось въ послѣднія десятилѣтія.

Но для того, чтобы высшая и даже средняя наша школа могла дѣйствительно воспользоваться преимуществами, представляемыми ц. слав. языкомъ, необходимо сочиненіе, въ которомъ на его матеріалѣ была бы сжато обработана общая теорія славянскаго языка. Къ сожалѣнію, подобнаго сочиненія нѣтъ еще ни на русскомъ, ни на иностранныхъ языкахъ.

Для восполненія этого пробѣла въ славянской филологической литературѣ составлено авторомъ предлагаемое „Начертаніе церковнославянской грамматики.“ Въ небольшомъ сравнительно объемѣ въ немъ сгруппированы важнѣйшія данныя

о ц. слав. языкѣ, добытыя доступными автору спеціальными изслѣдованіями въ этой области.

Система изложенія принята синтетическая, представляющая постепенное восхожденіе отъ простого къ сложному, отъ элементовъ языка къ ихъ сочетаніямъ, отъ звуковъ къ словамъ и предложеніямъ, отъ строенія къ отправленіямъ. Каждая по возможности шестерня, каждая пружина язычнаго механизма или—если угодно—организма разсмотрѣна тутъ въ отдѣльности и въ сочетаніяхъ, съ приблизительнымъ опредѣленіемъ элементарныхъ и комбинированныхъ функцій тѣхъ колесъ и пружинъ.

Чтобы рельефнѣе выставить на видъ особенности ц. слав. языка, въ необходимыхъ случаяхъ приводятся параллели изъ другихъ родственныхъ и неродственныхъ языковъ, насколько они могутъ быть доступны безъ спеціальнаго изученія.

Взглядъ на языкъ, какъ на дѣятельность, а не готовый и неизмѣнный продуктъ, какъ на ἐνέργειαν, *а не* ἔργον, *опредѣлилъ необходимость внимательно слѣдить по историческимъ памятникамъ за постепеннымъ измѣненіемъ внѣшняго строя и системы значеній славянскаго языка, съ цѣлью обозначить хоть въ общихъ чертахъ послѣдовательность и относительный возрастъ язычныхъ наслоеній, а чрезъ то—общую покатость развитія этого языка. При этомъ часто приходилось забѣгать въ область языка русскаго, чтобы яснѣе разглядѣть и рѣзче выставить цѣли и итоги развитія ц. слав. языка въ ходѣ времени.*

Кое гдѣ сдѣланы попытки объяснить язычныя явленія изъ одиночнаго или совокупнаго дѣйствія факторовъ физическихъ и психическихъ.

Стремленіе дать грамматическому матеріалу симметрическое расположеніе и естественную систему привело ав-

тора къ видоизмѣненію традиціоннаго взгляда на отношеніе этимологіи къ синтаксису. Тѣмъ изъ читателей, которые привыкли относить семазіологію ко второму, а не къ первой, и не желаютъ разубѣдиться въ такомъ взглядѣ, можно присовѣтовать начинать синтаксисъ съ 206-ой страницы: черезъ то расположеніе грамматическаго матеріала ни мало не измѣнится, а измѣнится лишь уголъ зрѣнія на двѣ смежныхъ области грамматики.

Желая достичь возможной ясности изложенія, авторъ не боялся прибѣгать къ наглядньмъ сравненіямъ, даже графическому изображенію разныхъ языкныхъ отношеній.

Не всѣ намѣченныя въ общей системѣ грамматическія рубрики удалось заполнить подходящимъ содержаніемъ; многія пришлось оставить пока бѣлыми, особенно въ семазіологіи и синтаксисѣ, предоставивъ ихъ пополненіе дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Задавшись такими цѣлями и руководясь этими взглядами, авторъ долженъ былъ пренебречь всѣми тѣми сторонами изложенія, которыя отвлекали бы въ другую сторону вниманіе его и читателя. Вотъ почему онъ отказался отъ первоначальнаго желанія сопровождать каждый параграфъ книги указаніемъ источниковъ и пособій для его подробнаго изученія. Свѣдущій читатель узнаетъ и безъ цитатъ, что заимствовано авторомъ изъ Востокова, Миклошича, Потебни и другихъ славистовъ; профанъ же легко можетъ орієнтироваться по каждому грамматическому вопросу, взявъ въ руки новѣйшія библіографическія работы профф. Бодуэна де Куртене [1]), Котляревскаго [2]) и Кочубинскаго [3]). Излишнимъ признано и выдѣ-

---

[1]) *Подробная программа лекцій въ 1877—78 п. Казань 1881.*

[2]) *Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Воронежъ. 1881.*

[3]) *Итоги славянской и русской филологіи. Одесса. 1882.*

леніе изъ общаго научнаго фонда собственныхъ—довольно скромныхъ впрочемъ—вкладовъ автора. Анонимный характеръ изложенія можетъ принести ту пользу, что оставитъ мысль читателя—особенно юнаго—свободною отъ гнета научныхъ авторитетовъ. Конечно, автору было бы безопаснѣе раздѣлить иной разъ свою единоличную отвѣтственность съ другими; но въ сочиненіяхъ подобнаго характера было бы трусостію скрываться за чужія имена отъ стрѣлъ хотя бы самой неумолимой и притязательной критики.

Не найдетъ читатель въ „Начертаніи“ и указанія источниковъ, откуда почерпнуты приводимые ц. слав. и другія слова и выраженія: они вѣдь въ большинствѣ случаевъ общеизвѣстны и встрѣчаются въ любомъ ц. слав. памятникѣ, а потому и не представлялось надобности документировать ихъ цитатами. Можно впрочемъ заявить здѣсь, что значительная часть примѣровъ заимствована авторомъ изъ грамматическихъ сочиненій Востокова [1]), Миклошича [2]), Буслаева [3]) и Потебни [4]); другіе взяты изъ Савиной книги [5]); кое что цитовано и по памяти. Во всѣхъ трехъ случаяхъ тексты воспроизводятся не буква въ букву, а въ томъ орѳографическомъ видѣ, который представляется нормальнымъ для кирилловскаго періода ц. слав. письменности. Подобный пріемъ не годится, конечно, для палеографическихъ изданій и даже спеціальныхъ грамматическихъ сочиненій; но въ предлагаемомъ трудѣ излишнимъ казалось безпрерывно отвлекать внима-

---

[1]) *Грамматика ц. слав. языка. СПб. 1863.*

[2]) *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen I², II, III², IV. Wien. 1852 слл. Его же: Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874.*

[3]) *Историческая грамматика русскаго языка. I, II. Москва. 1858 (4-е изд. 1875 г.).*

[4]) *Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. II. Воронежъ и Харьковъ. 1874.*

[5]) *Срезневскій. Древнія славянскіе памятники іосоваго письма. СПб. 1868.*

ніе отъ прямого предмета рѣчи разными описками и ошибками переводчиковъ или переписчиковъ. По мѣстамъ читатель встрѣтитъ и въ „Начертаніи“ непослѣдовательное написаніе сходныхъ словъ или формъ: въ этомъ невольно отразилось колебаніе самыхъ источниковъ ц. слав. грамматики.

Но и взгляды автора кое въ чемъ мѣнялись по мѣрѣ обработки сочиненія: напечатанное позже да будетъ въ такихъ случаяхъ поправкою для предыдущаго!

Для болѣе легкаго отличенія словъ и текстовъ ц. слав. и древнерусскихъ отъ позднѣйшихъ и современныхъ, первые набраны остромировскимъ шрифтомъ.

Въ заключеніе авторъ заявляетъ, что „Начертаніе“ предназначается не столько для ученыхъ, сколько для учащихъ и учащихся, и имущественно же для студентовъ-филологовъ.

Если впрочемъ предлагаемое сочиненіе и не выполнитъ роли, намѣченной для него въ предыдущихъ строкахъ, а вызоветъ лишь строгую и даже разрушительную критику того грамматическаго метода, системы и началъ, которыя въ немъ развиты; то и въ такомъ случаѣ оно будетъ, вѣроятно, не безполезно для дальнѣйшей разработки теоріи славянскаго языка вообще, а церковнаго въ частности.

22 октября 1882 года. Варшава.

А. Будиловичъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ (1—13).

§ 1. *Арійская семья языковъ* 1—3.
§ 2. *Славянская семья языковъ* 3—7.
§ 3. *Церковнославянскій языкъ* 7—11.
§ 4. *Система церковнославянской грамматики* 11—13.

ЧАСТЬ I. УЧЕНІЕ О ЗВУКАХЪ ИЛИ ФОНОЛОГІЯ (14—119).

Предварительныя замѣчанія.

§ 5. *О природѣ звуковъ человѣческаго языка* 14—51:
физическія условія образованія звуковъ (14—15); анатомія и физіологія голоса (14—20); условія образованія гласныхъ чистыхъ (20—22), смѣшанныхъ (23), глухихъ (23) и носовыхъ (23); графическое изображеніе системы основныхъ гласныхъ (24); переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ (24—25); согласные тѣснинные (26 — 28) и смычные (28—30), звонкіе и глухіе (30—32), плавные (32—35) и полусогласные (35); классификація основныхъ согласныхъ (35—37); согласные твердые и мягкіе (37—39); гласные ударенные (39—40), протяженные (40) и дифтонги (40—42); согласные протяженные (42); согл. дифтонги (43—44); согл. постіотованные (44); согл. фонемы (44—45); группы согласныхъ (45—46); слоги (46—47); слова (47); уподобленіе и расподобленіе смежныхъ звуковъ (47—48); звуковыя опущенія (48) и вставки (48—49); звукоизмѣненія діалектическія и историческія (49—50); зв. обусловленныя психическими причинами (50—51).

Глава I-ая. Ученіе о буквахъ или графика (52—59).

§ 6. *Виды письма* 52—59:
кириллица и глаголица (53—56); палеографическія примѣты рукописей (56—57); способъ счисленія (57—59); основы правописанія (59).

Глава 2-ая. Ученіе о звукахъ или фонетика (60—119).

§ 7. *Система гласныхъ* 60—93:
звуковое значеніе ц. слав. буквъ: гласныхъ чистыхъ (61—62), глухихъ (62—63), смѣшанныхъ (63—64), носовыхъ (64—66) и іотованныхъ (66); отношеніе ц. слав. гласныхъ къ иноарійскимъ (67); ихъ

процентныя отношенія (67—68); чередованія близкихъ по выговору гласныхъ (68); чередованія діалектическія (68—70); чередованія гласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ слоговъ и словъ (70—71); чередованія гласныхъ, обусловленныя вліяніемъ смежныхъ звуковъ: уподобленіе (71—73), расподобленіе (73), замѣнительное усиленіе (74—75) и подъемное движеніе гласныхъ (76—84); метрическія (84—87) и тоническія видоизмѣненія гласныхъ (87—90); звукоизмѣненія отъ дѣйствія психическихъ факторовъ (90—93); общее направленіе славянскаго вокализма (92—93).

§ 8. *Система согласныхъ* 94—117:

звуковое значеніе ц. слав. согласныхъ буквъ (96—97); процентныя отношенія согласныхъ (97); согласные первичные, вторичные и третичные (98—100); чередованія согласныхъ, обусловленныя: родствомъ звуковъ (101—192), діалектическимъ перерожденіемъ (102—104), расположеніемъ въ слогахъ и словахъ (104—106), взаимодѣйствіемъ смежныхъ гласныхъ (106—110) и согласныхъ (110—116) и причинами психическими (116); процентныя отношенія ц. слав. гласныхъ и согласныхъ (116—117).

§ 9. *О значеніи звуковъ* 117—119:

значеніе звуковъ вообще (117—118); ихъ значеніе въ междометныхъ фонемахъ (118—119).

ЧАСТЬ II. УЧЕНІЕ О СЛОВАХЪ ИЛИ ЭТИМОЛОГІЯ (120—288).

Глава 3-ья. Ученіе о строеніи словъ или морфологія (120—205).

§ 10. *Предварительныя замѣчанія* 120—126:

корни (120—122) и аффиксы (122—123); основы и слова (124); морфемы простыя, составныя и сложныя (124); морфологическая абсорпція (125); языки сомкнутаго и развернутаго строя (126); задача морфологіи (127).

§ 11. *Строеніе корней* 127—130:

типы ц. слав. корней (128); корни первичные и вторичные (128—129); корни двусложные и безсложные (129).

§ 12. *Перегласовка корней* 130—131:

ринезація корня (130); подъемное движеніе корневого гласнаго (130—131).

§ 13. *Строеніе префиксовъ* 131—133:

удвоеніе корня (131); префиксація предложная (132) и нарѣчная (132); композиція именная и глагольная (133).

§ 14. *Строеніе суффиксовъ* 133—140:

суффиксы именные: гласные и согласные (134—135), первичные, вторичные и третичные (135—137); суф. иноязычные (138); звукоизмѣненія въ суффиксахъ (138—139); суффиксы глагольные (139—140).

§ 15. *Строеніе флексій* 140—144:

флексіи изъ гласныхъ и согласныхъ (140), раздѣльныя и сращенныя (141); отношеніе къ иноарійскимъ флексіямъ (142—143).

§ 16. *Строеніе основъ* 144—152:

основы односложныя и многосложныя (144), открытыя и закрытыя (144—145); классификація именныхъ основъ (145—146); основы мѣстоименныя (147—148) и сложныя (148—149); глагольныя основы первыя и вторыя (149); классификація глагольныхъ основъ (150—151); основы частичныя (151—152).

§ 17. *Строеніе словъ* 152—154:

условное значеніе термина „слово“ (152—153); дѣленіе словъ на три группы (153—154).

§ 18. *Система склоненій* 154—173:

классификація склоненій вообще (154), а именныхъ въ частности (155); образцы перваго (155—157), второго (158—159), третьяго (159) и четвертаго (160—161) именныхъ склоненій; отступленія отъ нормъ именныхъ склоненій по причинамъ звуковымъ (162—164) и психическимъ (164—165); классификація склоненій мѣстоименныхъ (165); образцы склоненія мѣстоименій неродовыхъ (166) и родовыхъ (166—167); отступленія отъ нормъ мѣстоименныхъ склоненій по причинамъ звуковымъ (168) и психическимъ (168—169); склоненіе сложное (169—170) и отступленія отъ его нормъ (170—171); измѣненія склоняемыхъ формъ въ новославянскихъ нарѣчіяхъ (171—173).

§ 19. *Система спряженій* 173—199:

классификація спряженій (173—174); образцы спряженія глаголовъ перваго класса, перваго (174—176) и второго (171—181) различій; спряженіе глл. втор. класса (181—182); спряж. глл. третьяго (182—184), четвертаго (184—186), пятаго (186—187) и шестого (187—188) классовъ; отступленія отъ спрягаемыхъ нормъ по причинамъ звуковымъ (189—190) и психическимъ (190—192); разноверстныя наслоенія въ ц. слав. спряженіи (192—194); описательныя формы (194—195); сравненіе славянской системы спряженій съ иноарійскими (195); измѣненія спрягаемыхъ формъ въ новославянскихъ нарѣчіяхъ по причинамъ физическимъ (196) и психическимъ (197—199).

§ 20. *Строеніе частицъ* 199—201:

присутствіе въ частицахъ окаменѣлыхъ флексій (199—200); морфологическая дифференцировка нарѣчій отъ именъ (200); вторичныя флексіи въ частицахъ (200—201).

§ 21. *Строеніе сложныхъ словъ* 201—203:

сложеніе въ видѣ удвоенія (201), предложной префиксаціи (201—202) и знаменательной композиціи (202); звукоизмѣненія въ составѣ сложныхъ словъ (202—203).

§ 22. *Морфологическая роль ударенія и долготы* 203—204.
§ 23. *Морфологическія особенности ц. слав. изводовъ* 204—205.

Глава 4-ая. Ученіе о значеніи словъ или семазіологія (206—288).

§ 24. *О значеніи словъ вообще* 206—212:

семемы (206); пріемы изученія корневыхъ семемъ (207—208); омонимы и синонимы (208); корни нагляднаго и отвлеченнаго значенія (209); корни полные и пустые (209), качественные и указательные (210), прозрачные и затемненные (210); семемы аффиксныя (210—211); семемы составныя и сложныя (211—212); задача семазіологіи.

§ 25. *Значеніе корней* 213—217:

корни полные и пустые въ слав. языкѣ (213); народная этимологизація (214—215); развитіе корневыхъ значеній (215—216); корни заимствованные (216); обнаженные корни-слова (217).

§ 26. *Значеніе перегласовки корней* 217—220:

значеніе ринезаціи (218) и подъема (218—220).

§ 27. *Значеніе префиксовъ* 221—223:

значеніе удвоенія (221), отрицанія (221—222) и предлоговъ при именахъ (222) и глаголахъ (223).

§ 28. *Значеніе суффиксовъ* 223—227:

объемъ суффиксныхъ семемъ (223—224); ихъ содержаніе (224), развитіе (224—225) и отношенія къ частямъ рѣчи (226) и болѣе второстепеннымъ категоріямъ (227).

§ 29. *Значеніе флексій* 228—230:

объемъ и содержаніе флексивныхъ семемъ (228); ихъ измѣненія (229) и отношенія къ группѣ частицъ (230).

§ 30. *Значеніе основъ* 230—252:

категоріи: имени и глагола (231), именеглагола (232), существительныхъ и прилагательныхъ (233), мѣстоименій неродовыхъ и родовыхъ (233—234), числительныхъ неродовыхъ и родовыхъ (234), именъ собственныхъ и нарицательныхъ (235), ощутимыхъ и мыслимыхъ (235—236), собирательныхъ и сплошныхъ (236), одушевленныхъ и неодушевленныхъ (236—237); отношенія: личнаго дѣятеля (237), акта и продукта (237), орудія (237), мѣстонахожденія (237) и времени (237); оттѣнки: увеличительно-уничижительные и уменьшительно-ласкательные (238); категоріи: степеней сравненія (238—239), прилагательныхъ относительныхъ (239) и причастій (239—240); категоріи мѣстоименій: личныхъ (240), притяжательныхъ (240—241), указательныхъ (241), неопредѣленныхъ (241), вопросительныхъ (241 — 242), относительныхъ (242) и опредѣлительныхъ (242); категоріи числительныхъ: количественныхъ, порядко-

выхъ и собирательныхъ (243); категоріи залоговъ: дѣйствительнаго и средняго (243—246), возвратнаго, взаимнаго (246) и страдательнаго (247—248); глаголы переходные и непереходные (248); категоріи видовъ: неопредѣленнаго, усиленнаго, начинательнаго, окончательнаго и мгновеннаго (249—250); второстепенные видовые оттѣнки (250); морфологическій субстратъ видовъ (250—253).

§ 31. *Значеніе словъ* 253—275:

категорія рода естественнаго (253—252) и грамматическаго (255—257); родъ прилагательныхъ (257—259); категорія числа (259—261); категоріи падежей: именительнаго (261—262), звательнаго (262—263) винительнаго (263—264), дательнаго (264), мѣстнаго (264), удалительнаго (265), родительнаго (265—266) и творительнаго (266); вторые падежи (267); падежи независимые и зависимые (267); падежи прилагательныхъ (268); категоріи наклоненій прямыхъ и косвенныхъ (268—269); категоріи глагольныхъ временъ (270—271), чиселъ (271—272) и лицъ (272—273); значеніе частицъ: нарѣчій (273—274), предлоговъ (274—275) и союзовъ (275).

§ 32. *Значеніе сложныхъ основъ и словъ* 275—280:

отношенія: соединительное, опредѣлительное, дополнительное и обстоятельственное (276); значеніе формъ описательнаго спряженія (277—280).

§ 33. *Скрытыя семемы словъ* 280—282:

три группы скрытыхъ семемъ (280—281); ихъ значеніе въ языкѣ (281—282).

§ 34. *Историческое измѣненіе семемъ* 282—286:

измѣненія семемъ корневыхъ (282), префиксныхъ (282—283), суффиксныхъ (283—285) и флексивныхъ (284—285); ослабленіе изобразительности и развитіе логической силы языка (285); граница между словомъ и выраженіемъ (286).

§ 35. *Ретроспективный взглядъ ка славянскую семазіологію* 286—288.

ЧАСТЬ III. УЧЕНІЕ О ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ ИЛИ СИНТАКСИСЪ (289—349).

Глава 5-ая. Строеніе предложеній (289—326).

§ 36. *Строеніе простого предложенія* 289—297:

фразы разныхъ типовъ (289—290); отношеніе предложеній къ сужденіямъ (291); предложенія одночленныя (291—293) и двучленныя (293); главные и распространительные члены простого предложенія (293—294); виды опредѣлительнаго сочетанія (294); составное сказуе-

мое (295) и сост. аппозиція (295); сост. объекты (296); эллипсы простого предложенія (296—297).

§ 37. *Строеніе сложнаго предложенія* 297—299:

члены сложнаго предложенія (297—298); его связки (298) и эллипсы (299).

§ 38. *Формы* *) *согласованія въ простомъ предложеніи* 299—302:

согласованіе эпитета (300), опредѣленія (300), приложенія (300—301) и сказуемаго (301—302); уклоненія отъ нормъ (302).

§ 39. *Формы согласованія въ сложномъ предложеніи* 303—304:

согласованіе предикативное (303), опредѣлительное (303) и связочное (303); случаи коллизіи двухъ центровъ согласованія (303—304).

§ 40. *Переходъ согласованія въ управленіе* 304—305:

творит. предикативный и аппозиціонный (304); родит. пад. при числительныхъ (305).

§ 41. *Формы управленія въ простомъ предложеніи* 305—311:

объекты независимые и зависимые (306—307); дополненія поглагольныя (307—309), поименныя (309—310) и попредложныя (310—311).

§ 42. *Формы управленія въ сложномъ предложеніи* 311—312.

§ 43. *Формы обстоятельственныхъ словъ* 312—313:

происхожденіе обстоятельствъ изъ дополненій (312); основанія разграниченія первыхъ отъ послѣднихъ (313).

§ 44. *Формы зависимаго сказуемаго и второстепенной связки* 314—317:

инфинитивъ, супинъ (314—315) и дѣепричастіе (315—317) въ этой роли.

§ 45. *Формы отрицательныхъ предложеній* 317—318.

§ 46. *Формы вопроса и отвѣта* 318—319.

§ 47. *Формы сочиненія и подчиненія предложеній* 320—321.

§ 48. *Формы словорасположенія* 322—324:

композиція, какъ модель доисторической конструкціи (322); конструкція восходящая и нисходящая (322—323); констр. нормальная и инверсивная (323—324).

§ 49. *Музыкальные оттѣнки въ строеніи предложеній* 324—326:

сила и формы интонаціи (324); хроматическія модуляціи голоса (324—325); растяженіе и сокращеніе звуковъ (325); паузы и ихъ обозначеніе въ интерпункціи (325—326).

---

*) Терминъ „ф о р м ы“ въ синтаксисѣ можно бы замѣнить древнимъ аполлоніевскимъ терминомъ „с х е м ы“, удержавъ первое названіе лишь для формъ этимологическихъ.

Глава 6-ая. Значеніе синтактическихъ формъ (327—349).

§ 50. *Значеніе предложенія вообще* 327.

§ 51. *Значеніе формъ подлежащаго* 328—329.

§ 52. *Значеніе формъ сказуемаго* 329—333:

сказуемое вообще (329—330); сказ. составное (330—331).

§ 53. *Значеніе формъ опредѣленія* 333—335.

§ 54. *Значеніе формъ дополненія* 335—337.

§ 55. *Значеніе формъ обстоятельства* 338—339.

§ 56. *Значеніе формъ зависимаго сказуемаго и второстепенной связки* 339—341.

§ 57. *Значеніе формъ отрицанія* 341—342.

§ 58. *Значеніе формъ вопроса и отвѣта* 342—343.

§ 59. *Значеніе формъ сочиненія и подчиненія предложеній* 343—347:

сочетанія: соединительное (343), раздѣлительное (343—344), противительное (344), причинное (344), сравнительное (345), соотносительное (345), изъяснительное (345), цѣлевое (345), условное (345) и уступительное (345); придаточныя предложенія опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя (345—346); условія превращенія отдѣльныхъ терминовъ простого предложенія въ придаточныя пред. (346—347).

§ 60. *Значеніе формъ словорасположенія* 347—348.

§ 61. *Значеніе музыкальныхъ оттѣнковъ предложенія* 348—349.

ВВЕДЕНІЕ.

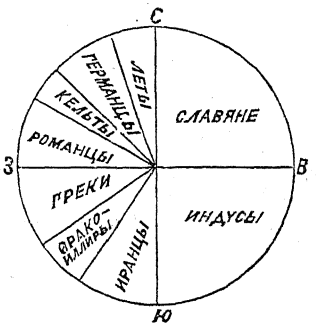
§ 1.

Арійская семья языковъ.

1. Славянскій языкъ принадлежитъ къ арійской (аріо-европейской, индоевропейской) семьѣ языковъ. Первоначальною областью ихъ распространенія была длинная полоса земли отъ Восточной Индіи чрезъ Персію, Арменію, Малую Азію, полуострова Балканскій и Апеннинскій до нынѣшней Франціи, а чрезъ Кавказъ, Донъ, Днѣпръ, Дунай, Двину, Вислу, Одру, Лабу и Рейнъ до Британіи и Скандинавіи. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ арійскихъ языковъ распространились путемъ колонизаціи далеко за предѣлами означенной полосы по сѣвернымъ краямъ Стараго Свѣта (русскій языкъ), а также по всему Новому Свѣту, особенно же въ Америкѣ (англійскій и испанскій языки).

2. Изъ великихъ историческихъ народовъ къ арійской семьѣ принадлежатъ: Индусы и Персы, Греки и Римляне, Германцы и Славяне. Къ Персамъ примыкаютъ по мѣстожительству и языку Афганцы, Курды, Армяне и Осетинцы, составляя вмѣстѣ группу народовъ иранскихъ; съ Греками сосѣдили древніе Ѳракійцы и Иллиры (Албанцы); между Римлянами и Германцами расположены были Кельты (Галлы); рядомъ же со Славянами искони обитаютъ Леты (Литовцы и Латыши).

3. Если представимъ себѣ арійскую область въ видѣ круга, то можемъ такъ изобразить географическое размѣщеніе арійскихъ народовъ:



Географическими сосѣдями Славянъ являются слѣдовательно съ одной стороны летскіе, а съ другой — ирано-индійскіе (арійскіе въ тѣсномъ смыслѣ) языки.

4. По пространству занимаемой земли первое мѣсто между Арійцами принадлежитъ Славянамъ, по численности же населенія — Индусамъ. Самымъ слабымъ изъ арійскихъ народовъ являются Леты; за ними слѣдуютъ вымирающіе остатки могущественныхъ нѣкогда народовъ ѳрако-иллирскаго и кельтскаго корня.

5. Въ каждомъ изъ большихъ арійскихъ языковъ развивались въ теченіе вѣковъ многочисленные нарѣчія и говоры, изъ коихъ одни ограничивались устнымъ употребленіемъ, другіе же возвышались до литературнаго значенія. Такъ на индійской почвѣ, рядомъ съ живыми нарѣчіями: бенгальскимъ, ассамскимъ, непальскимъ, кашмирскимъ, синдскимъ, панджабскимъ, индустанскимъ, гуджаратскимъ, маратскимъ, цыганскимъ и др. развились два большіе литературные языка: санскритъ (съ пракритомъ) въ письменности браманской и пали въ буддистской. Въ семьѣ иранской выдвинулись языки: древнебактрійскій или зендъ въ священныхъ книгахъ, приписываемыхъ Заратустрѣ или Зороастру, и древнеперсидскій въ клинообразныхъ надписяхъ Персеполя. Изъ послѣдняго языка развились среднеперсидскіе (гузварешъ, пехлеви, парси) и новоперсидскій.

Встарь имѣлъ литературное значеніе и армянскій языкъ. Въ Греціи на почвѣ нарѣчій эолическаго, дорическаго, іоническаго и аттическаго развился общегреческій литературный языкъ (ἡ κοινή), который чрезъ Византію унаслѣдованъ Новой Греціей. Въ древней Италіи изъ среды нарѣчій латино-сабинскихъ, умбрскихъ и оскихъ выдвинулся латинскій языкъ, который донынѣ господствуетъ въ богослуженіи многихъ народовъ Запада, окруженный новороманскими литературными языками: италіянскимъ, испанскимъ, португальскимъ, французскимъ и румынскимъ. Въ средѣ германской древнѣйшимъ литературнымъ языкомъ былъ готскій (библія Ульфилы † 388), вымершій впослѣдствіи и смѣненный новымъ поколѣніемъ языковъ, между которыми особенно выдвигаются нѣмецкій, голландскій, англійскій и датскій со шведскимъ.

6. Въ семьѣ славянской изъ среды народныхъ говоровъ ранѣе всѣхъ возвысился до литературнаго употребленія языкъ церковнославянскій (старославянскій), бывшій нѣкогда орудіемъ богослуженія и письменности не только южныхъ и восточныхъ, но и западныхъ Славянъ. Подобно латинскому языку у народовъ романскихъ, церковнославянскій понынѣ употребляется въ богослуженіи у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ. Рядомъ съ этимъ древнимъ общеславянскимъ литературнымъ языкомъ существуютъ у Славянъ многочисленныя живыя нарѣчія, изъ коихъ нѣкоторыя возвысились со временемъ до литературнаго употребленія, а русскій — и до значенія большого мірового языка.

§ 2.

Славянская семья языковъ

1. Славяне съ незапамятныхъ временъ занимаютъ значительную часть восточной Европы. Въ половинѣ IX-го вѣка они раскинуты уже были на пространствѣ отъ Балтійскаго моря на сѣверѣ до Адріатическаго, Эгейскаго и Чернаго морей на югѣ, а отъ Ильменя, Оки и Дона на востокѣ до нижней Лабы, Чешска-

го лѣса и Тирольскихъ Альпъ на западѣ. Впослѣдствіи площадь славянскаго языка значительно расширилась на сѣверовостокѣ, постепенно раздвигаясь до Ледовитаго и Тихаго океановъ; но на западѣ часть старославянскихъ земель была занята потомъ Нѣмцами, Мадьярами, Волохами, Албанцами, Греками и Татарами.

2. Пограничная черта славянской язычной площади на западѣ проходитъ теперь близъ городовъ: Гданска, Бреславля, Либерца (Reichenberg), Домажлицъ (Taus), Пресбурга, Пешта, Марибора (Marburg), Цѣловца (Klagenfurt), Трієста, Бара (Antivari), Охриды, Солуня и Одрина (Адріанополя). Къ западу отъ означенной черты лежитъ небольшой островокъ Лужицкихъ Сербовъ въ Саксоніи и Бранденбургѣ; къ востоку же отъ нея—иноплеменные острова: нѣмецкіе на нижней Вислѣ и по склонамъ Судетовъ, мадьярскій на среднемъ Дунаѣ и румынскій на нижнемъ.

3. Подобно всѣмъ другимъ великимъ и распространеннымъ языкамъ, славянскій языкъ распадается издревле на цѣлый рядъ нарѣчій и говоровъ, между которыми можно отличать три главныя вѣтви: восточную, южную и западную.

Восточную вѣтвь образуютъ многочисленные говоры русскаго языка, изъ среды которыхъ выдѣляются два главные типа: а) говоры великорусскіе съ бѣлорусскими и б) говоры малорусскіе съ червонорусскими.

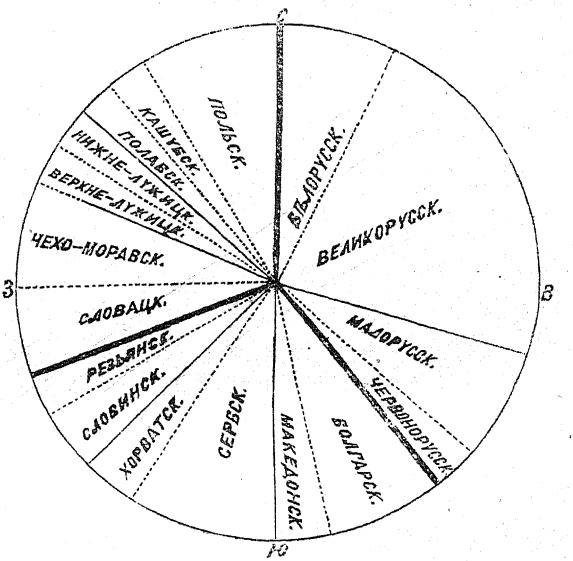
Южная вѣтвь слагается изъ трехъ нарѣчій: а) болгарскаго съ поднарѣчіемъ македонскимъ, б) сербскаго съ поднарѣчіемъ хорватскимъ и в) словинскаго (хорутанскаго) съ поднарѣчіемъ резьянскимъ.

Западную наконецъ вѣтвь составляютъ три нарѣчія: а) чехоморавское съ поднарѣчіемъ словацкимъ, б) серболужицкое, слагающееся изъ поднарѣчій верхнелужицкаго и нижнелужицкаго, и в) польское съ поднарѣчіемъ кашубскимъ. Къ послѣднему (польскому) примыкаетъ и вымершій уже нынѣ говоръ полабскихъ Древанъ.

4. Русскіе говоры многими чертами сближаются съ говорами югославянскими, почему нѣкоторые ученые и соединяютъ

ихъ въ отдѣлъ юговосточныхъ языковъ; но съ другой стороны существуютъ въ восточныхъ говорахъ черты, роднящія ихъ съ западными. Это указываетъ на срединное положеніе и значеніе говоровъ русскихъ въ средѣ всѣхъ остальныхъ славянскихъ.

5. Географическое размѣщеніе главныхъ славянскихъ нарѣчій и поднарѣчій можно представить въ видѣ слѣдующаго круга:



6. Площадь русскихъ говоровъ обнимаетъ большую часть европейской и азіятской Россіи, а за предѣлами ея—восточныя части Галиціи, Буковины и Венгріи. Западная граница русскаго языка опредѣляется приблизительно слѣдующей чертой: рр. Прутъ, Тиса, Слана (Sajó), Попрадъ и линія, которая пересѣкаетъ среднее теченіе рр. Сана, Вепря, Нарева и Нѣмана, направляясь къ зап. Двинѣ.

Болгарское нарѣчіе господствуетъ въ трехъ областяхъ европейской Турціи: а) Болгарскомъ княжествѣ, б) Восточной Румеліи и в) Македоніи съ Албаніей.

Сербохорватское нарѣчіе распространено: а) въ Сербскомъ княжествѣ, б) Черной Горѣ, в) Старой Сербіи, г) Герцеговинѣ

и Босніи, д) Далмаціи съ Кварнерами и юговосточной частью Истріи, е) Хорватіи и Славоніи, съ прилегающими частями бывшей Военной Границы, и ж) въ южныхъ жупаніяхъ Венгріи, особенно въ Барањѣ, Бачкой и Банатѣ.

Нарѣчіе словинское (хорутанское) занимаетъ: а) сѣверозападную часть Истріи, б) Крайну, в) Иллирское Приморье (Litorale), г) Удинскій уѣздъ въ Италіи, д) юговосточныя части Хорутаніи и Штиріи и е) югозападный уголъ Венгріи.

Нарѣчіе словацкое (угрословенское) распространено въ сѣверной Венгріи, между горами Матранскими на югѣ и Татранскими на сѣверѣ, а рр. Дунаемъ на западѣ и Слапой (Sajó) на востокѣ.

Нарѣчіе чехоморавское занимаетъ большую часть Моравіи, Чехіи и югозападный уголъ Шлёнска (Силезіи).

Нарѣчіе серболужицкое уцѣлѣло въ пограничныхъ частяхъ Саксоніи, Бранденбурга и прусскаго Шлёнска.

Нарѣчіе наконецъ польское преобладаетъ въ срединныхъ и западныхъ частяхъ Привислинскаго края, въ западной Галиціи, восточномъ Шлёнскѣ, Познани, восточныхъ и западныхъ Пруссахъ и части Поморья (въ послѣднихъ двухъ областяхъ живутъ Кашубы). Встарь польскіе или ляшскіе говоры простирались далеко на западъ — за Одру и даже за Лабу; теперь они вымерли, не исключая и древанскаго говора, который употреблялся еще въ прошломъ вѣкѣ въ ганноверскомъ Полабьѣ.

7. Общее число Славянъ можно опредѣлить въ 95 мил. Изъ нихъ $^2/_3$ принадлежатъ къ восточной вѣтви, а остальные—къ западной ($^3/_{15}$) и южной ($^2/_{15}$). Изъ отдѣльныхъ нарѣчій самымъ сильнымъ по числу говорящихъ является русское (около 65 мил.); за нимъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: польское (до 10 мил.), сербохорватское (до 6 мил.), чехоморавское (до 5 мил.), болгарское (до 5 мил.), словацкое (до $2^1/_2$ мил.), словинское (до $1^1/_3$ мил.) и наконецъ лужицкое (до 150 т.).

8. Въ государственномъ отношеніи Славяне распредѣлены между слѣдующими семью государствами: Россіей, Австро-Венгріей, Турціей, Пруссіей, Сербіей, Черногоріей и Италіей. По вѣ-

роисповѣданіямъ же они раздѣлены между пятью церквами: православною, уніятскою, римскою, протестантскою и мусульманскою. Первыя два исповѣданія господствуютъ у Славянъ юговосточныхъ; третье и четвертое преобладаютъ у Славянъ западныхъ; въ мусульманство же совратились подъ турецкимъ игомъ нѣкоторыя вѣтви болгарскаго и сербскаго народовъ.

9. Въ славянской письменности, рядомъ съ большими литературными языками церковнославянскимъ и русскимъ, достигли большаго или меньшаго примѣненія еще слѣдующія двѣнадцать нарѣчій и поднарѣчій: 1. малорусское, 2. червонорусское, 3. болгарское, 4. сербское, 5. хорватское, 6. словинское, 7. словацкое, 8. чехоморавское, 9. верхнелужицкое, 10. нижнелужицкое, 11. польское и 12. кашубское. Въ письменности первыхъ четырехъ господствуетъ, какъ въ литературѣ церковнославянской и русской, азбука кирилловская, нѣсколько видоизмѣненная въ гражданской письменности, особенно же въ новосербской; въ письменности же католическихъ Славянъ держится латинская абецеда, съ нѣкоторыми добавочными начертаніями. На югѣ употреблялась встарь еще особая глагольская азбука, уцѣлѣвшая отчасти понынѣ въ богослужебныхъ книгахъ Хорватскаго Приморья и Кварнерскихъ острововъ.

§ 3.

Церковнославянскій языкъ.

1. Церковнославянскій языкъ ведетъ свои преданія отъ славянскихъ первоучителей Кирилла († 869) и Меѳодія († 875). Они положили основаніе славянской письменности переводомъ съ греческаго важнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ для Славянъ сначала южныхъ, потомъ западныхъ, а наконецъ и восточныхъ. Такъ какъ родиной свв. Кирилла и Меѳодія былъ македонскій городъ Солунь и такъ какъ большую часть своей жизни они провели въ византійскихъ областяхъ Македоніи и Ѳракіи, преимущественно населенныхъ уже тогда поселеніями Славянъ болгарской вѣтви, то

естественно предположеніе, что роднымъ языкомъ Славянскихъ первоучителей былъ, наряду съ греческимъ, одинъ изъ южнославянскихъ (точнѣе—болгаромакедонскихъ) говоровъ. Но съ другой стороны извѣстно, что послѣдніе годы своей жизни Солунскіе братья провели на проповѣдничествѣ въ областяхъ Великоморавскаго государства, а именно въ нынѣшней Моравіи и сѣверозападной Венгріи, — въ странѣ, гдѣ соприкасались тогда говоры Славянъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ. Изъ этой страны происходили и тутъ дѣйствовали нѣкоторые изъ ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ свв. Кирилла и Меѳодія. Употребляя въ своихъ переводахъ языкъ болгаромакедонской родины, свв. Солунцы не могли не примѣняться нѣсколько и къ особенностямъ говоровъ великоморавской своей паствы. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ должны были существовать различныя діалектическія наслоенія на первоначальной болгаромакедонской основѣ.

2. Съ теченіемъ времени, когда церковнославянскій языкъ распространился по всѣмъ почти славянскимъ землямъ, онъ долженъ былъ подвергнуться еще болѣе сильному вліянію мѣстныхъ говоровъ. Мало по малу выработались особые изводы (редакціи) ц. слав. рукописей, отличающіеся то грамматическими, то словарными особенностями. Таковы изводы: а) болгарскій, къ которому примыкаетъ и паннонскій (словинскій?), называемые въ совокупности изводомъ юсовомъ, б) сербскій съ хорватскимъ, в) чехословенскій и г) русскій. Каждый изъ этихъ изводовъ видоизмѣнялся съ теченіемъ времени, такъ что можно отличать напр. изводы древнеболгарскій, среднеболгарскій и новоболгарскій,—древнерусскій, среднерусскій и новорусскій и т. п. Въ древнѣйшее время первенствовалъ въ славянской письменности изводъ болгарскій; затѣмъ въ XIII — XIV вв. возвысился изводъ сербскій; съ XV же и XVI в. рѣшительно возобладалъ изводъ русскій. Послѣдній утвердился со временемъ въ церковныхъ книгахъ всѣхъ Славянъ восточной церкви: Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, даже Хорватовъ-глаголитовъ. И Румыны молились встарь по книгамъ отчасти болгарскаго, отчасти

же русскаго извода, но въ новѣйшее время замѣнили ихъ богослужебными книгами на румынскомъ языкѣ.

3. Древнѣйшій отмѣченный годомъ памятникъ ц. слав. языка есть Остромирово евангеліе, переписанное въ Новгородѣ въ 1056 — 57 гг. Второе и третье мѣсто по древности занимаютъ два Сборника Святослава—1073 и 1076 гг. Возможно, что нѣкоторыя изъ неотмѣченныхъ годомъ ц. слав. рукописей, напр. Зографское евангеліе, Савина книга и т. п., писаны и въ первой половинѣ XI в., или даже во второй половинѣ X в.; но трудно доказать это научнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, если не два, то хоть одинъ вѣкъ отдѣляетъ древнѣйшія ц. слав. рукописи отъ времени свв. Кирилла и Меѳодія, почему во многихъ случаяхъ мы не въ состояніи точно возстановить первоначальный ихъ текстъ. Онъ значительно измѣнился въ теченіе одного или двухъ столѣтій то отъ ошибокъ и догадокъ переписчиковъ, то отъ вліянія живыхъ говоровъ, послужившихъ основою для образованія четырехъ вышеназванныхъ изводовъ рукописей. Текстъ рукописей глагольскихъ во многомъ разнится отъ кириллов-скихъ, при чемъ не всегда возможно рѣшить вопросъ о большей древности того или другого чтенія. Совокупность этихъ условій затрудняетъ установленіе первоначальнаго текста ц. слав. рукописей и опредѣленіе древнѣйшаго строя ц. слав. языка. Вотъ почему въ его грамматикѣ донынѣ такъ много спорныхъ вопросовъ, несмотря на замѣчательныя изслѣдованія Добровскаго, Востокова, Копитара, Миклошича, Шафарика, Срезневскаго, Бодянскаго, Григоровича и многихъ младшихъ славистовъ.

4. Задачи грамматики ц. слав. языка не исчерпываются опредѣленіемъ древнѣйшаго его строя: она должна изслѣдовать и дальнѣйшія его видоизмѣненія вплоть до того времени, когда установился (въ XVI—XVII вв.) нынѣшній текстъ ц. слав. печатныхъ книгъ. Текстъ этотъ имѣетъ для насъ особое значеніе, какъ органъ богослуженія всѣхъ православныхъ Славянъ.

5. Вотъ почему въ прилагаемый списокъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія ц. слав. языка внесены, сверхъ древнѣйшихъ пергаменныхъ рукописей, и позднѣйшія бумажныя, до Острож-

ской библіи включительно, съ распредѣленіемъ ихъ по изводамъ, азбукамъ (глагольскія набраны курсивомъ) и вѣкамъ написанія:

А. Памятники болгарскаго (юсового) извода:

XI в. Савина книга; Супрасльская рукопись; *Зографское евангеліе; Ватиканское (Ассеманіево) евангеліе; Хвонское ев.; Клоціева рукопись;*

XII в. Погодинская псалтырь;

XII—XIII в. Болонская псалтырь; Охридскій апостолъ; Слѣпченскій ап.; Бѣлградское ев.;

XIII в. Терновское ев. 1273 г.;

XIV в. Бѣлградскій синаксарь 1330 г.; Болгарскій Сборникъ 1348 г.; Лѣтопись Манассіи.

Къ юсовому изводу примыкаетъ и писанная абецедой рукопись—Фрейзингенскія статьи, относимая къ концу X в.

Б. Памятники сербохорватскаго извода:

XII в. Симеоново ев.; Мирославово ев.;

XIII в. Кормчая сербская 1262 г.; Тріодь сербская; Прологъ сербскій;

XIV в. Шишатовецкій ап. 1324 г.; Минея Оливеровская 1332 г.; Поученія Ефрема Сирина 1337 г.; Псалтырь 1346 г.; Хиландарскій типикъ;

XV в. Никольское ев.

В. Памятники чехословенскаго извода:

XI в. *Пражскіе глаголькіе отрывки;* XII или XIII в.? *Кіевскіе глаголькіе отрывки.*

Г. Памятники русскаго извода:

XI в. Остромирово ев. 1056—57 г.; Сборникъ Святослава 1073 г.; то же 1076 г.; Минеи 1096 и 1097 г.; Тринадцать словъ Григорія Богослова; Евгеніевская псалтырь; Чудовская пс.; Антіоховъ пандектъ; Архангельское ев.; Путятина минея; Постная тріодь; Туровское ев.;

XII в. Мстиславово ев. до 1117 г.; Юрьевское ев. послѣ 1119 г.; Галицкое ев. 1144 г.; Добрилово ев. 1164 г.; Стихирарь 1157 г.; то же до 1163 г.; Служебникъ послѣ 1192 г.; Златоструй;

Сборникъ воскресныхъ поученій изъ Іо. Златоустаго; Кондакари; Минея праздничная; Патерикъ Синайскій;

XIII в. Кондакарь 1207 г.; Милятино ев. 1215 г.; Синодальный апостолъ 1220 г.; Савина тріодь до 1226 г.; Софійскій служебникъ до 1250 г.; Октоихъ до 1250 г.; Тріодь цвѣтная до 1250 г.; Синодальная минея до 1250 г.; Канонникъ до 1250 г.; Ирмолой до 1250 г.; Прологъ до 1250 г.; Трефолой 1260 г.; Паремейникъ 1271 г.; Новгородская кормчая около 1283—84 г.; Рязанская кормчая 1284 г.; Поученія Ефрема Сирина до 1288 г.; Скитскій патерикъ 1296 г.; Псалтырь 1296 г.; Бесѣды Григорія папы;

XIV в. Поликарпово ев. 1307 г.; Апостолъ 1307 г.; то же 1312 г.; Лѣствица Троицкой лавры 1334 г.; Служебникъ до 1342 г.; Новый завѣтъ св. Алексѣя 1355 г.; Палея Невской лавры до 1350 г.; Софійскій прологъ до 1350 г.; Сборникъ Мусина-Пушкина до 1350 г; Сильвестровскій сборникъ до 1350 г.; Юридическій сборникъ Моск. общ. ист. и древ. ок. 1350 г.; Златая цѣпь Сергіевской лавры; Синодальная пчела; Паисіевскій сборникъ ок. 1400 г.;

XV в. Лукино ев. 1409 г.; Хронографъ 1494 г.; Синодальная библія 1499 г.; Толкованіе на пророковъ (со списка 1047 г.); Матица златая;

XVI в. Печатный апостолъ 1564 г.; Острожская библія 1581 г.; Четьи Минеи.

§ 4.

Система церковнославянской грамматики.

1. Грамматикой извѣстнаго языка называется наука о его внѣшнемъ строеніи и внутреннихъ отправленіяхъ. Сообразно съ тѣмъ и ц. слав. грамматика должна представить систему внѣшнихъ формъ и внутреннихъ значеній того языка, на которомъ проповѣдывали и отправляли богослуженіе Славянскіе первоучители, а за ними — ученики какъ ближайшіе, такъ и отдаленные.

2. Такъ какъ ц. слав. языкъ не оставался неизмѣннымъ въ теченіе своей тысячелѣтней уже жизни, а наоборотъ подвергался постояннымъ и значительнымъ измѣненіямъ, то и грамматика этого языка должна представить его не въ первоначальномъ лишь видѣ, но и въ послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ въ разныхъ странахъ Славянскаго міра. Отсюда слѣдуетъ, что ц. слав. грамматика должна имѣть характеръ исторической, а не описательной науки.

3. Выше упомянуто (§ 3, 2), что жизнь ц. слав. языка совершалась въ непрерывномъ взаимодѣйствіи съ живыми говорами Славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ: понятно, что она не можетъ быть изучена и изложена въ совершенной отдѣльности отъ жизни послѣднихъ. Ц. слав. грамматика должна слѣдовательно въ нужныхъ случаяхъ обращаться за разъясненіями къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, а иногда и къ другимъ родственнымъ арійскимъ языкамъ, т. е. пользоваться сравнительнымъ пріемомъ. Итакъ методъ изученія ц. слав. грамматики долженъ быть историко-сравнительнымъ.

4. Развитіе и жизнь языка совершается на трехъ стадіяхъ:

1. образованіе звуковъ,
2. „ словъ и
3. „ предложеній.

Отсюда естественное раздѣленіе грамматики на три отдѣла:

I. ученіе о звукахъ (фонологія),
II. „ „ словахъ (этимологія) и
III. „ „ предложеніяхъ (синтаксисъ).

5. Звуки каждаго литературнаго языка, выражаемые на письмѣ буквами, могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: а) оптической, т. е. по внѣшнему начертанію и б) акустической т. е. по звуковому значенію или выговору. Отсюда вытекаетъ естественное раздѣленіе фонологіи на а) ученіе о буквахъ (графику) и б) ученіе о звукахъ (фонетику).

6. Подобно тому и слово можетъ быть изучаемо съ двухъ сторонъ: а) духовной, т. е. по внѣшнему строенію и б) матеріальной, т. е. по внутреннимъ отправленіямъ, откуда получаются два

отдѣла этимологіи: а) ученіе о строеніи словъ (морфологія) и б) ученіе о значеніяхъ словъ (симазіологія).

7. Наконецъ и предложеніе подлежитъ разсмотрѣнію со стороны какъ внѣшняго строенія, такъ и внутреннихъ отправленій, отчего и синтаксисъ распадается на два отдѣла: а) ученіе о строеніи предложеній и б) ученіе о значеніяхъ предложеній.

8. Такъ получается естественное разчлененіе грамматики на три части въ шести отдѣлахъ:

Часть I. Ученіе о звукахъ (фонологія):
Отдѣлъ 1. ученіе о буквахъ (графика);
„ 2. „ „ звукахъ (фонетика).
Часть II. Ученіе о словахъ (этимологія):
Отдѣлъ 3. ученіе о строеніи словъ (морфологія);
„ 4. „ „ значеніяхъ словъ (симазіологія).
Часть III. Ученіе о предложеніи (синтаксисъ):
Отдѣлъ 5. ученіе о строеніи предложеній и
„ 6. „ „ значеніяхъ предложеній.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЧЕНІЕ О ЗВУКАХЪ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

---

§ 5.

О природѣ звуковъ человѣческаго языка.

1. Всякій звукъ образуется посредствомъ колебаній какого либо тѣла, переходящихъ въ колебанія воздуха и этимъ путемъ достигающихъ человѣческаго слуха. Если колебанія тѣла совершаются съ извѣстной быстротой и періодичностію, напр. по 100, 1000 и т. п. размаховъ въ секунду, то ухо получаетъ впечатлѣніе звона или музыкальнаго тона; въ случаѣ же медленности и неравномѣрности этихъ колебаній мы слышимъ не звонъ, а смутный шумъ или шорохъ. Тонъ лежитъ въ основѣ образованія гласныхъ звуковъ, а шорохъ — согласныхъ.

2. Въ каждомъ тонѣ можно различать три качества: а) силу, б) высоту и в) окраску или тембръ звука. Такъ мы говоримъ о тонѣ: а) громкомъ и тихомъ, б) высокомъ и низкомъ, в) голосовомъ и инструментальномъ, духовомъ и струнномъ и т. п. Сила тона зависитъ отъ ширины размаховъ звучащаго тѣла, а слѣд. и звуковыхъ волнъ; высота тона — отъ быстроты колебаній тѣла (обыкновенно отъ 40 до 4000

разъ въ секунду); окраска же—отъ различной формы этихъ колебаній (дугообразно, угловато, зигзагами и т. п.), а также отъ послѣдовательности преобладающихъ побочныхъ тоновъ, которые, какъ удесятеренное эхо, неотступно сопровождаютъ основной нижній тонъ, въ различномъ отъ него разстояніи, въ отношеніяхъ напр. 1:2:4:6 или 1:3:5:7 и т. п.

3. Усиленіе тѣхъ или другихъ побочныхъ тоновъ зависитъ отъ формы трубъ или полостей, чрезъ которыя проходитъ звукъ, различнымъ образомъ отражаясь отъ стѣнокъ и вызывая въ нихъ эхо (резонансъ), т. е. вторичныя соколебанія для звучащаго тѣла. Резонансъ надставной трубки выдвигаетъ не всѣ побочные тоны, а лишь тѣ, которые соотвѣтствуютъ природѣ резонатора, напр. парные, непарные, высшіе, низшіе и т. п. Достигая человѣческаго уха, основной тонъ и сопровождающіе его побочные приводятъ въ сотрясеніе не всѣ волокна слуховыхъ нервовъ, а лишь тѣ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ тонической высотѣ. Этимъ путемъ опредѣляется для сознанія окраска (тембръ) звука. На ея особенностяхъ основано различіе гласныхъ звуковъ.

4. Когда человѣкъ говоритъ, то онъ играетъ на духовомъ инструментѣ, котораго шейка лежитъ въ гортани, а надставная трубка (резонаторъ) въ полостяхъ глотки, носа и рта. Этотъ голосовой инструментъ имѣетъ то преимущество, что можетъ мгновенно измѣнять не только силу и высоту, но и самую окраску издаваемыхъ звуковъ, т. е. воспроизводить звуки то рога, то гобоя, то флейты и т. п.

5. Основную часть человѣческаго голосового прибора составляютъ двѣ упругія связки, которыя протянуты горизонтально спереди кзаду гортани, приблизительно на высотѣ адамова яблока, и называются голосовыми связками (chordae vocales). Среди нихъ расположена голосовая щель (rima glottidis), суженная въ сторону адамова яблока; она бываетъ то раскрыта, то стѣснена, то совершенно сомкнута, смотря по бо́льшему или меньшему напряженію обхватывающихъ ее связокъ, которыя растягиваются и сокращаются отъ дѣйствія гортанныхъ мышцъ.

6. У выхода изъ гортани въ полость глотки лежитъ надгортанникъ (epiglottis), — подвижной хрящъ, имѣющій своимъ назначеніемъ закрывать дыхательное горло, при глотаніи напр. пищи.

7. Проникнувъ въ глотку, выдыхаемый воздухъ можетъ истечь наружу двумя путями: а) носомъ и б) ртомъ. Выборъ одного изъ этихъ путей опредѣляется расположеніемъ небной занавѣски (velum palati), которая составляетъ мягкій отростокъ твердаго нёба и можетъ двигаться кверху и книзу, описывая дугу отъ корня языка до задней стѣнки глотки. Если небная занавѣска опущена внизъ, упираясь въ корень языка, то она преграждаетъ каналъ ртовый и оставляетъ открытымъ отъ глотки каналъ носовой; когда же занавѣска приподнята къ задней стѣнкѣ глотки, то верхняя ея часть, въ которую выходятъ носовыя скважины (хоаны), закрывается и воздухъ устремляется въ ротъ, огибая полукругомъ языкъ и изливаясь въ губы.

8. Языкъ въ спокойномъ положеніи лежитъ плашмя на нижней челюсти, заполняя большую часть полости рта; но по требованію воли онъ можетъ совершать самыя разнообразныя движенія, видоизмѣняя ими форму рта, а отчасти и глотки. Движеніе впередъ или взадъ корня языка сочетается съ повышеніемъ или пониженіемъ гортани, которая виситъ на подъязычной кости. Съ другой стороны поднятіе кверху задней части языка легко производитъ тѣснину въ заднемъ нёбѣ или даже совершенно преграждаетъ каналъ между полостями глотки и рта. Подобнаго рода суженіе или прегражденіе ртоваго канала можетъ быть произведено и подъемомъ средней части языка къ своду твердаго нёба, а кончика языка (ога linguae) — къ зубнымъ луночкамъ или деснамъ верхнихъ рѣзцовъ, равно какъ и къ зубамъ. Отъ разнаго рода изгибовъ, суженій и расширеній языка ртовый каналъ то принимаетъ видъ жолоба на его хребтѣ, то раздвояется и стекаетъ по обоимъ краямъ языка, при чемъ воздухъ, съ шипѣніемъ или свистомъ отражаясь либо въ нёбо, либо въ зубы, либо въ щеки, достигаетъ наконецъ раствора губного.

9. Верхняя и нижняя губы также принимаютъ дѣятельное участіе въ видоизмѣненіяхъ воздуховода: онѣ то сближаются между собою и съ зубами, то отдаляются, удлиняя или укорачивая тѣмъ переднюю полость рта и давая наружному его раствору форму то кувшина, то щели и т. п.

10. Наиболѣе пассивно участіе носа въ видоизмѣненіяхъ воздушнаго пути. Ноздри расположены промежъ твердыхъ стѣнокъ, которыя неизмѣнно сохраняютъ одно расположеніе, и принимаютъ участіе лишь въ усиленіи резонанса гортаннаго тона или шороха.

11. Когда мы дышимъ, то плывущій изъ легкихъ потокъ воздуха тихо проходитъ широко раскрытую голосовую щель, не встрѣчая сопротивленія со стороны голосовыхъ связокъ. Но если послѣднія натянуты и щель сужена ими въ бо́льшей или меньшей степени, то стремящійся изъ легкихъ токъ легко задѣваетъ струны и приводитъ ихъ въ сотрясеніе, вслѣдствіе котораго тихая дотолѣ воздушная струя превращается въ шумящую или звонкую: дыханіе видоизмѣняется тогда въ шопотный шорохъ или громкій музыкальный тонъ.

12. Сила гортаннаго звука зависитъ отъ ширины размаховъ сотрясаемыхъ воздухомъ струнъ при бо́льшемъ или меньшемъ выдыхательномъ давленіи изъ легкихъ; высота же голоса — отъ числа періодическихъ колебаній тѣхъ струнъ при различномъ ихъ напряженіи. Что касается окраски гортаннаго тона, то она дается видоизмѣненіями надставной трубки, въ которую стремится звуковая волна изъ гортани.

13. Дознано опытомъ, что если пропускать звукъ камертона чрезъ резонаторы различной длины и формы, то онъ видоизмѣняется, приближаясь напримѣръ къ I при короткой и узкой трубѣ,—къ У при длинной и широкой и т. п. Послѣдовательность тоновъ при постепенномъ удлиненіи резонатора получается такая: I, Е, А, О, У. Это и есть пять основныхъ гласныхъ человѣческаго языка.

14. Приставляя ко рту камертонъ различной высоты, можно убѣдиться, что звукъ I встрѣчаетъ наибольшій отзвукъ въ

высокихъ тонахъ, А — въ среднихъ, У — въ низкихъ, почему дисканты предпочитаютъ слоги съ I, басы съ У и т. п. По нисходящей тонической высотѣ своей гласные располагаются такъ: I, Е, А, О, У, т. е. тожественно съ послѣдовательностію тоновъ постепенно удлиняемой надставной трубки. Отсюда видна взаимная связь между длиною резонаторовъ, высотою тоновъ и окраскою гласныхъ звуковъ.

15. Что касается формы резонаторовъ, соотвѣтствующей образованію различныхъ гласныхъ, то она бываетъ очень разнообразна: при А напр. она имѣетъ видъ широкой, но суживаемой исподоволь воронки; при У—видъ двухъ шаровидныхъ полостей, соединенныхъ узкимъ каналомъ; при I резонаторъ уподобляется широкой фляжкѣ съ узкой шейкой и т. п.

16. Удлиненія надставной трубки человѣческаго голоса возможны съ обоихъ концовъ: а) сзади — при пониженіи гортани въ полости дыхательнаго горла и б) спереди — при вытягиваніи губъ и различномъ ихъ закругленіи. Разность между наибольшей и наименьшей длиной этой трубки составляетъ около 5 центиметровъ.

17. Что касается измѣненій формы резонатора нашего голоса, то она опредѣляется преимущественно расположеніемъ рта, такъ какъ полости глотки и особенно носа имѣютъ почти неизмѣнныя очертанія.

18. Измѣненія длины и формы надставной трубки обыкновенно сочетаются между собою, что обусловлено главнѣйше природной связью языка съ гортанью: движенія впередъ перваго обусловливаютъ поднятіе послѣдней, тогда какъ обратныя движенія языка соединены съ пониженіемъ гортани въ полости ея вертикальнаго движенія. Такимъ образомъ наибольшее суженіе рта совпадаетъ съ наибольшимъ укороченіемъ надставной трубки (при I); средній укладъ рта—со средней ея длиною (при А); наибольшее же расширеніе передней полости рта сочетается съ самымъ глубокимъ паденіемъ гортани, т. е. крайнимъ удлиненіемъ резонатора (при У).

19. Усилія воли могутъ однако измѣнить обычныя сочетанія продольныхъ и поперечныхъ движеній органовъ произношенія, а слѣдов. и нормальныя отношенія длины и ширины надставной трубки. Такъ напр. ея укороченіе можетъ совпадать не съ обычнымъ суженіемъ, а наоборотъ — съ расширеніемъ и т. п. При такихъ условіяхъ получаются гласные смѣшаннаго образованія.

20. Особое видоизмѣненіе получаютъ гласные и тогда, когда тѣ или другіе органы по своей косности лѣниво и неотчетливо исполняютъ соотвѣтственныя движенія. Если напр. губы дѣйствуютъ вяло, а гортань слабо подымается и опускается, то длина надставной трубки не достигаетъ должнаго развитія. Съ вялостію движеній губъ и гортани можетъ совпадать и неповоротливость языка: ртовый резонансъ не имѣетъ тогда полной опредѣленности, отчего гласные принимаютъ неясную, глухую окраску. При этомъ и контрасты между отдѣльными глухими гласными не достигаютъ значительныхъ размѣровъ, чѣмъ облегчается возможность взаимныхъ переливовъ и даже сліяніе въ одинъ срединный звукъ, подобный тому ö, который слышенъ при индифферентномъ расположеніи частей рта.

21. Что касается полости носа, то она лишь усиливаетъ резонансъ звука, образованнаго въ гортани и видоизмѣненнаго въ полости рта. Резонансъ этотъ и составляетъ носовой характеръ (риназмъ) нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ. Наплегче соединяется онъ съ такими звуками, при выговорѣ которыхъ ртовый каналъ имѣетъ достаточную ширину (напр. А, Е, О) или совершенно прегражденъ (при М, Н). Въ первомъ случаѣ небная занавѣска не плотно прилегаетъ къ стѣнкѣ глотки; во второмъ же она пріопущена внизъ, вслѣдствіе чего значительная часть воздушнаго тока или и весь онъ устремляется въ ноздри. Когда же во рту образовано болѣе значительное суженіе (при І, У), то воздухъ сгущается за нимъ въ полости глотки и сильно надавливаетъ небную занавѣску кверху, вслѣдствіе чего носовой каналъ совершенно отдѣляется отъ нижняго воздуховода. Вотъ почему носовое изглашеніе І, У встрѣчается рѣже, чѣмъ А, Е, О.

22. Изъ условій гортаннаго образованія объясняется возможность выговаривать гласные и шопотомъ, и громко. Въ первомъ случаѣ голосовыя связки издаютъ лишь шорохъ, во второмъ же — тонъ. Гортанный шорохъ можетъ, подобно тону, получать опредѣленный, хотя и болѣе слабый резонансъ въ надставной трубкѣ различныхъ видоизмѣненій. Вслѣдствіе того мы различаемъ всѣ существенные оттѣнки гласныхъ и при шопотномъ говорѣ, такъ какъ ихъ окраска вообще зависитъ не отъ самаго гортаннаго тона, а отъ вторичныхъ соколебаній (резонанса) въ надставной трубкѣ.

23. Прослѣдимъ теперь условія образованія отдѣльныхъ гласныхъ а) чистаго, б) смѣшаннаго, в) глухого и г) носового характера въ славянскомъ языкѣ.

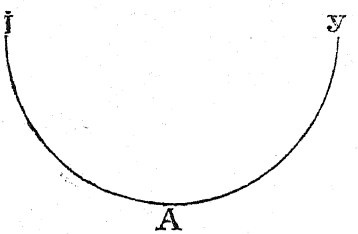
24. Условія образованія звука А состоятъ въ слѣдующемъ: голосовая щель сужена и струны сотрясаются; гортань виситъ на срединѣ полости своего вертикальнаго движенія; губы слегка закругляются; нижняя челюсть пріопущена и языкъ лежитъ на ней плошмя; ртовый каналъ имѣетъ среднюю ширину, воронкообразно суживаясь къ выходу; небная занавѣска приподнята. Звукъ А является самымъ легкимъ и основнымъ въ ряду гласныхъ. Онъ имѣетъ различныя видоизмѣненія, зависящія отъ различной ширины резонатора. Въ образованіи ихъ не лишенъ значенія и растворъ гортани при большемъ или меньшемъ поднятіи надгортанника. Такъ какъ гортанная артикуляція является главнымъ отличіемъ уклада А отъ индифферентнаго расположенія органовъ, то звукъ этотъ можетъ быть названъ гласнымъ гортаннымъ.

25. Образованіе звука І: голосовая щель какъ при А; гортань приподнята; углы рта оттягиваются къ зубамъ, при чемъ между губами образуется длинная щель; языкъ подвинутъ впередъ, приближаясь хребтомъ къ твердому нёбу, а краями примыкая къ верхнимъ кореннымъ зубамъ; ртовый каналъ сильно суженъ во всей передней части; воздухъ плыветъ жолобомъ по хребту языка; небная занавѣска плотно прижата къ задней стѣнкѣ глотки; головныя кости даютъ замѣтный резонансъ. Передняя

часть надставной трубки похожа при этомъ на фляжку съ длинной узкой шейкой (6 центим.). Суженіе въ переднемъ нёбѣ опредѣляетъ небный характеръ гласнаго I и его родство съ мягкими согласными, особенно съ Й.

26. Образованіе звука У: голосовая щель какъ при А; гортань опущена; губы выдвигаются впередъ и стягиваются кувшиномъ, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ; языкъ отодвинутъ назадъ и подымается корнемъ къ небной занавѣскѣ, тогда какъ передняя его часть, удаляясь отъ твердаго нёба, прилегаетъ къ нижней челюсти; суженіе ртоваго канала въ заднемъ нёбѣ меньше, чѣмъ при I — въ переднемъ; небная занавѣска довольно плотно прилегаетъ къ задней стѣнкѣ глотки. Передняя часть резонатора имѣетъ видъ фляжки безъ шейки. Наибольшее суженіе раствора губъ роднитъ У съ губными согласными, особенно съ В.

27. Гласные А, I, У составляютъ основу системы гласныхъ (вокализма) всѣхъ языковъ, при чемъ А является ея средоточіемъ, а I и У — двумя противоположными гранями. Отношеніе это можно изобразить дугой, обращенной рогами кверху, какъ языкъ къ нёбу:



28. Всѣ остальные чистые гласные по условіямъ своего образованія являются переходными отъ А къ I, либо отъ А къ У: представителемъ переходныхъ звуковъ перваго рода служитъ Е, а второго — О.

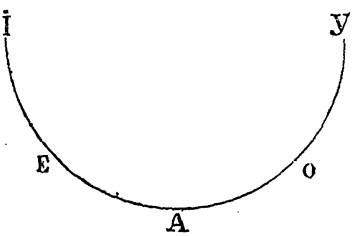
29. Надставная трубка типа Е короче А, но длиннѣе I, потому что поднятіе гортани и оттяжка угловъ рта тутъ не столь

рѣшительны, какъ при I; ширина же ртоваго канала при E нѣсколько значительнѣе, чѣмъ при I, и разница между его бо́льшимъ (заднимъ) и меньшимъ (переднимъ) діаметрами тутъ не столь замѣтна.

30. Что касается звуковъ типа O, то въ образованіи ихъ гортань виситъ ниже A, но выше У, тогда какъ губы выдвигаются и закругляются тутъ меньше У, но больше A. Суженіе ртоваго канала производится при O корнемъ языка, но не столь глубоко и сильно, какъ при У, отчего и тутъ діаметры заднеязычной, среднеязычной и губной частей этого канала менѣе различаются по величинѣ, чѣмъ при У.

31. Въ разныхъ языкахъ звуки типовъ E и O существенно различаются. Нерѣдко одинъ и тотъ же языкъ имѣетъ по нѣскольку развѣтвленій каждаго изъ этихъ звуковъ, для которыхъ придуманы и особыя начертанія. Такъ въ греческомъ для звуковъ типа E были двѣ буквы (ε, η); то же и для типа O (ο, ω). Французское письмо различаетъ три оттѣнка чистаго E: é, è, ê. Различіе всѣхъ подобныхъ оттѣнковъ объясняется бо́льшею или меньшею близостію условій ихъ образованія къ одному изъ трехъ основныхъ столбовъ вокализма. Въ связи съ этимъ какъ длина, такъ и ширина надставной трубки подвергаются значительнымъ колебаніямъ по обѣ стороны срединной оси гласныхъ, опредѣляемой звукомъ A.

32. Вставляя въ дугу основныхъ гласныхъ промежуточныя ихъ формы, мы получимъ слѣдующее изображеніе системы чистыхъ гласныхъ:



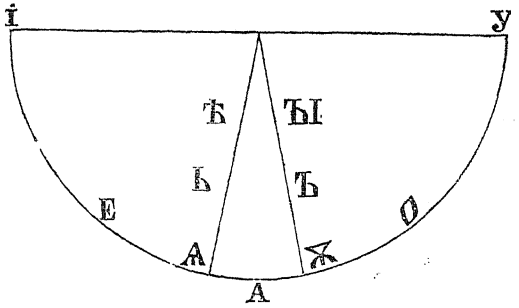
33. Гласные несовершеннаго образованія соотвѣтствуютъ тѣмъ звукамъ, для которыхъ св. Кириллъ придумалъ начертанія Ь и Ъ. Гласные эти представляютъ видоизмѣненія гласныхъ типа Е и О вслѣдствіе лѣниваго участія губъ и вялости вертикальныхъ движеній гортани, при которой неизбѣжно уменьшается и рѣзкость движеній языка къ передненебному или заднепебному суженію. Оттого разстояніе между глухими Ь и Ъ меньше, чѣмъ между чистыми Е и О, какъ это видно изъ легкихъ переходовъ Ь въ Ъ и наоборотъ въ ц. слав. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

34. Къ гласнымъ смѣшаннаго образованія относятся ц. слав. Ѣ и Ы. Первый возникалъ, кажется, тогда, когда языкъ слагался для Е или І, а губы и гортань для А или О; Ы же получается при сочетаніи поперечнаго (язычнаго) уклада для У или О съ продольнымъ (губъ и гортани) для І или Е. Къ этому виду гласныхъ относятся нѣмец. ö, ü, франц. eu, u и т. п. Вліяніе перебоя условій поперечнаго и продольнаго укладовъ отражается на ослабленіи ясности и опредѣленности этихъ звуковъ, что роднитъ ихъ съ гласными глухими и отражается въ кирилловой азбукѣ въ родствѣ начертаній Ь и Ѣ, Ъ и Ы.

35. Что касается носового видоизмѣненія гласныхъ, то оно выражается кирилловскими начертаніями Ѧ и Ѫ, которыя соотвѣтствуютъ приблизительно польскимъ ę, ą и французскимъ in (un), on. Звуки типовъ Е и О произносятся тутъ съ открытіемъ носовыхъ скважинъ, вслѣдствіе неплотной смычки небной занавѣски съ заднею стѣнкою глотки. Воздуховодъ раздвояется между ртовымъ и носовымъ каналами. При этомъ носовой резонансъ имѣетъ бо́льшую силу, чѣмъ ртовый, почему первый легко могъ затемнять характеристическую окраску гласнаго, приближая его къ тому глухому звуку, который мы слышимъ притягивая М или Н. Этимъ объясняется нѣкоторое сродство славянскихъ юсовъ (Ѧ, Ѫ) съ глухими гласными (Ь, Ъ) и трудность точно опредѣлить какъ первоначальный характеръ этихъ звуковъ, такъ и послѣдовательныя ихъ видоизмѣненія.

36. Соединяя гласные чистаго, несовершеннаго, смѣшан-

наго и носового произношенія на площади полукруга, котораго дуга опирается на вокальный рядъ А — І — У, мы получимъ слѣдующее графическое изображеніе системы гласныхъ славянскаго языка:



37. На чертежѣ этомъ полукругъ разсѣченъ двумя радіусами на три сегмента, изъ конхъ лѣвый занятъ гласными высокаго тона, средній — гласными средняго, а правый — низкаго тона. Дѣленіе это соотвѣтствуетъ приблизительно образованію звуковъ въ резонаторѣ: а) укороченномъ и суженномъ, б) средней длины и широкомъ и в) удлиненномъ и полурасширенномъ. Звуки перваго ряда объединяются еще условіями переднепебнаго суженія надставной трубки, а третій рядъ—сочетаніемъ суженій задненебнаго и губного. Что касается срединнаго звука А, то онъ колеблется между двумя сосѣдними рядами, примыкая однако болѣе къ правому, чѣмъ къ лѣвому. Если мы назовемъ гласные лѣваго сегмента узкими или тонкими, а праваго—широкими или дебелыми, то гласные типа А можемъ назвать обоюдными по широтѣ. Особенности эти отражаются на условіяхъ сочетаемости гласныхъ съ согласными.

38. Гласные не отдѣлены отъ согласныхъ непроходимою гранью; наоборотъ между ними проведенъ рядъ соединительныхъ звеньевъ. Такъ напр. гласный І легко переходитъ въ полусогласный Й за извѣстной чертой поднебнаго суженія, если при этомъ и выдыхательное давленіе такъ усиливается, что во рту слышится уже самостоятельный небный шорохъ. При аналогичныхъ

условіяхъ переходитъ гласный У въ полусогласный Ў (В), съ усиленіемъ лишь суженія не небнаго, а губного. Пока резонансъ гортаннаго тона имѣетъ перевѣсъ надъ мѣстнымъ шорохомъ—звуки имѣютъ характеръ гласныхъ; въ противномъ случаѣ они переходятъ въ разрядъ согласныхъ.

39. Не очень далеко разстояніе и между гласными А, Ѫ съ одной стороны, а согласными М, Н — съ другой. Вся разница заключается въ закрытіи при послѣднихъ ртоваго канала, который остается открытымъ при первыхъ. Токъ воздуха не раздѣляется поэтому при М, Н между верхнимъ и нижнимъ каналами, какъ это бываетъ при А, Ѫ, а весь устремляется въ носъ, при чемъ и окраска тона не получаетъ должной опредѣленности, свойственной настоящимъ гласнымъ. Несмотря на то звуки М, Н имѣютъ столько вокальной силы, что могутъ въ нѣкоторыхъ языкахъ становиться средоточіемъ слоговъ. Такъ въ моравскомъ слова: sedm (седмь), kńže (кънаже), chasńk (хасникъ) считаются двусложными, при чемъ N является слогообразователемъ и имѣетъ даже долготу въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ.

40. То же относится къ звукамъ Р и Л. Сущность ихъ составляетъ гортанный тонъ, видоизмѣняемый резонансомъ воздуховода и достигающій иногда такой силы, что самостоятельный шорохъ въ полости рта отступаетъ на задній планъ. Замѣчено, что и гортань нѣсколько приподымается при Р, Л, какъ это бываетъ при гласныхъ типа Е, І: это объясняется силой гортаннаго (гласнаго) элемента этихъ звуковъ. Во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (напр. сербскомъ, чехословенскомъ) Р и Л являются даже носителями слоговъ, что было свойственно и санскриту.

Звуки М, Н, Р, Л въ роли слогообразователей принято называть сонантами и отличать начертаніями: $\underset{\circ}{\text{М}}$, $\underset{\circ}{\text{Н}}$, $\underset{\circ}{\text{Р}}$, $\underset{\circ}{\text{Л}}$.

41. Хотя между гласными и согласными есть точки соприкосновенія и возможность взаимныхъ обмѣновъ, тѣмъ не менѣе между ними существуютъ и важныя отличія. Главное заключается въ томъ, что гласные образованы резонансомъ гортанныхъ тоновъ или шороховъ въ надставной трубкѣ, согласные же—

самостоятельными шорохами въ различныхъ мѣстахъ этой трубки. Сотрясеніе голосовыхъ связокъ участвуетъ въ образованіи и нѣкоторыхъ согласныхъ, но оно имѣетъ тогда второстепенное значеніе въ сравненіи съ мѣстными шорохами, тогда какъ въ гласныхъ отношеніе обѣихъ стихій обратное. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что тоны являются преобладающей струей гласныхъ, а шорохи — согласныхъ. И эти гласные тоны разливаются по всѣмъ изгибамъ пассивной надставной трубки, тогда какъ шорохи локализованы въ опредѣленныхъ активныхъ ея частяхъ.

42. Согласные шорохи образуются въ тѣснинахъ, которыя встрѣчаетъ потокъ воздуха въ частяхъ, гдѣ каналъ прегражденъ выступами съ противоположныхъ его сторонъ. Для этого прегражденія необходимо соучастіе пары органовъ: активнаго и пассивнаго, т. е. молота и наковальни. Такими парами служатъ: а) губа нижняя съ верхнею или съ верхними рѣзцами; б) передній кончикъ языка съ зубами и деснами; в) средняя часть языка съ нёбомъ; г) задняя часть языка съ нёбомъ; д) двѣ гортанныя струны. Въ образованіи тѣснинъ типовъ а), б), в) и г) нижніе члены каждой пары принимаютъ болѣе дѣятельное участіе, такъ какъ они лежатъ на подвижной нижней челюсти, тогда какъ верхніе члены утверждены на неподвижной верхней. Поэтому и соотвѣтственныя тѣснины справедливѣе называть по активнымъ нижнимъ органамъ: а) губная, б) переднеязычная, в) среднеязычная и г) заднеязычная. Для пятой тѣснины примемъ названіе гортанной.

43. Въ губной тѣснинѣ возникаютъ шорохи, обозначаемые буквами В и Ф. Характеръ этихъ шороховъ видоизмѣняется смотря по тому, образована ли тѣснина при слабомъ или энергическомъ сближеніи органовъ. Въ первомъ случаѣ оба звука звучатъ близко къ гласному У и могутъ быть объединены въ начертаніи Ў, т. е. полусогласнаго В (по аналогіи полусогласнаго. Й) Такое Ў мы слышимъ въ малорус. буу, ходиу, воук вм. былъ, ходилъ, волкъ и т. п. Съ другой стороны первая тѣснина можетъ быть образована либо однѣми губами, либо съ участіемъ верхнихъ рѣзцовъ: этимъ объясняется замѣченная древними раз-

ница φ греческаго (чисто губного) и f латинскаго (губно-зубного), напр. въ συμφέρω и confero.

44. Въ тѣснинѣ переднеязычной образованы шорохи З и С. Они видоизмѣняются смотря по мѣсту стѣсненія органовъ. Верхнимъ центромъ ихъ движенія при образованіи шороховъ типа З и С служатъ десны верхнихъ рѣзцовъ и прилегающія къ нимъ сзади зубныя луночки (alveolae); но нерѣдко поясъ второй тѣснины захватываетъ и зубную щель, сближаясь тутъ съ поясомъ губной артикуляціи (напр. при греч. ϑ, англ. th), либо распространяется на твердое нёбо, т. е. поясъ образованія шороховъ среднеязычныхъ.

45. Къ шорохамъ среднеязычнымъ принадлежатъ звуки типа Ж и Ш. Ихъ особенность заключается въ томъ, что ртовый каналъ идетъ тутъ жолобомъ язычнаго хребта, при чемъ воздушный токъ упирается въ рѣзкій уголъ передняго неба. Съ шипомъ отражаясь отъ послѣдняго, воздухъ вновь устремляется впередъ по главной оси канала, а въ нѣкоторыхъ говорахъ разливается по обоимъ краямъ языка, вытекая щелью между его низомъ и нижними рѣзцами. Зубы также принимаютъ довольно дѣятельное участіе при образованіи Ж и Ш, кувшиномъ оттопыриваясь впередъ, чего не замѣтно при З и С.

46. Заднеязычная тѣснина служитъ поясомъ образованія звуковъ типа Й и Х. Поясъ этихъ звуковъ не ограничивается небной занавѣской, но распространяется и на прилегающую часть твердаго нёба, сближаясь тамъ съ поясомъ шороховъ среднеязычныхъ. Тѣснина заднеязычная не сосѣдитъ съ рѣзкимъ выступомъ, вслѣдствіе чего токъ легко, безъ шипа и свиста скользитъ по нёбу, разливаясь и по краямъ языка: этимъ объясняется мягкость шороховъ Й и Х въ сравненіи съ Ж и Ш, равно какъ и легкая испаряемость первыхъ.

Если тѣснина заднеязычная не достигаетъ должнаго суженія, то шорохъ значительно слабѣетъ и мы слышимъ тутъ звукъ, который можно назвать полусогласнымъ Й, въ отличіе отъ J и Х согласныхъ.

При еще большей вялости органовъ заднеязычнаго суженія мы легко переходимъ отъ звуковъ типа Й и Х въ поясъ собственно гортанныхъ шороховъ.

47. Къ послѣднимъ принадлежатъ разнообразные шорохи, изъ которыхъ въ арійскихъ языкахъ имѣетъ значеніе звуковой категоріи лишь гортанный ʻГ, обозначаемый въ греч. алфавитѣ густымъ придыханіемъ (spiritus asper), а въ латинскомъ,—буквою Н. Шорохъ этотъ образуется въ тѣснинѣ между двумя голосовыми связками. Греки обозначали еще болѣе слабое видоизмѣненіе гортаннаго шороха въ своемъ тонкомъ придыханіи (spiritus lenis): оно произносилось, кажется, при болѣе широкой, но постепенно суживаемой гортанной тѣснинѣ, неизбѣжно появляясь передъ тѣми гласными, начало образованія которыхъ совпадаетъ съ открытой голосовой щелью (греческія начальныя гласныя). Въ обоихъ видоизмѣненіяхъ гортаннаго шороха имѣетъ значеніе и его отраженіе въ стѣнкахъ глотки, которая служитъ связью между заднеязычнымъ и гортаннымъ поясами звукообразованія.

48. Всѣ разсмотрѣнные согласные шорохи однородны (омогенны) между собою въ томъ отношеніи, что образуются въ протекаемыхъ воздухомъ тѣснинахъ; ихъ можно сравнить съ шумомъ воды, стѣсненной въ рѣчныхъ порогахъ. Но возможенъ и другой пріемъ образованія согласныхъ шороховъ, — на подобіе напр. взрыва газовъ, спертыхъ въ тѣсномъ вмѣстилищѣ. Пріемъ этотъ легко развивается изъ перваго: тѣснины, все болѣе суживаясь, могутъ дойти наконецъ до плотной смычки (occlusio) противоположныхъ выступовъ. При этомъ токъ воздуха совершенно пресѣкается на все то время, пока сомкнутые органы не разомкнутся. Назовемъ этотъ перерывъ павзой. Когда за ней послѣдуетъ размычка, то слышенъ взрывъ (explosio) сжатаго передъ тѣмъ воздуха, словно выстрѣлъ изъ надставной трубки голоса. Всѣ три момента этого способа звукообразованія, т. е. смычка, павза и взрывъ, имѣютъ для нашего сознанія значеніе одного общаго пріема, въ которомъ одна или и двѣ изъ составныхъ частей легко могутъ отсутствовать. Такъ напр. въ словѣ оттуда первое Т имѣетъ лишь смычку, второе же—взрывъ, тогда какъ

павза лежитъ между ними. Вотъ почему звуки эти, состоящіе обыкновенно то изъ однѣхъ смычекъ, то изъ однихъ взрывовъ, производятъ впечатлѣніе мгновенныхъ шороховъ, въ противоположность шорохамъ перваго рода (тѣсниннымъ), которые имѣютъ характеръ длительности. Если первые сравнимъ съ точкой, то вторые будутъ подобны линіи.

49. Смычка губного пояса образуетъ взрывные шорохи Б и П. Они могутъ видоизмѣняться подобно одномѣстнымъ съ ними тѣсниннымъ шорохамъ В и Ф. Въ славянскомъ языкѣ господствуетъ чисто губная артикуляція первыхъ при полузубной—вторыхъ.

50. Смычка переднеязычнаго пояса служитъ мѣстомъ образованія смычныхъ шороховъ Д и Т. Поясъ артикуляціи распространяется тутъ такъже далеко, какъ для тѣсниныхъ З и С.

51. Въ поясѣ наконецъ заднеязычномъ образуются смычные Г и К, оморганные съ тѣсниными Й и Х.

52. Что касается поясовъ среднеязычнаго и чисто гортаннаго, то смычка затруднена здѣсь разными условіями, почему въ славянскомъ языкѣ нѣтъ ни одного смычнаго этого уклада.

53. Сопоставляя согласные шорохи тѣсниные со смычными, мы получимъ слѣдующія оморганныя ихъ пары, расположенныя въ послѣдовательности поясовъ образованія каждой:

1. шорохи губные а) тѣсниные В и Ф, б) смычные Б и П;
2. „ переднеязычные „ З и С „ Д и Т;
3. „ среднеязычные „ Ж и Ш „ нѣтъ;
4. „ заднеязычные „ Й и Х „ Г и К;
5. „ гортанные „ ʻГ и sp. lenis „ нѣтъ.

54. Согласные тѣсниные соотвѣтствуютъ тому, что древніе называли spirantes, т. е. дыхательные; смычные же равняются лат. mutae, т. е. нѣмымъ. Въ новѣйшее время первымъ присвоено названіе звуковъ длительныхъ или проточныхъ (continuae, fricativae), а вторымъ—мгновенныхъ или взрывныхъ (momentaneae, explosivae). Ни въ одномъ изъ этихъ названій не исчерпываются существенные признаки двухъ рядовъ омогенныхъ звуковъ и ни одно изъ нихъ не свободно отъ несообразностей.

Дыханіе участвуетъ въ образованіи всѣхъ звуковъ, почему названіе „дыхательный“ (spirans) не характеристично; сочетаніе представленій „нѣмой звукъ“ (littera muta) не лишено внутренняго противорѣчія; „длительность“ можетъ быть свойственна и звукамъ смычнымъ, когда между смычкой и размычкой органовъ проходитъ болѣе значительная навза, что бываетъ при удвоеніи смычныхъ; „протоки“ существуютъ и при образованіи гласныхъ, а „взрывъ“ не всегда соединяется со смычкой органовъ. Указанные недостатки не мѣшаютъ однако употребленію терминовъ: а) дыхательный и нѣмой, б) длительный и мгновенный, в) проточный и взрывной, г) тѣснинный и смычный, лишь бы мы знали, что съ ними соединяется извѣстный условный смыслъ.

55. Разсматривая согласные, образуемые въ тѣснинахъ либо въ смычкахъ отдѣльныхъ поясовъ, мы замѣчаемъ между ними пары звуковъ, очень близкихъ по мѣстнымъ шорохамъ:

В — Ф;
Б — П;
З — С;
Д — Т;
Ж — Ш;
Й — Х;
Г — К;
Sp. asp.—sp. lenis.

Чѣмъ же отличаются по образованію согласные каждой такой пары? Различіе обусловлено, кажется, растворомъ голосовой щели, которая при звучкахъ первой колонны бываетъ сужена, при второй же—широко раскрыта. Выдыхаемый изъ легкихъ воздухъ проходитъ въ первомъ случаѣ щель тонкой струей, а во второмъ—сильнымъ потокомъ, для образованія котораго выдыхательное давленіе должно быть гораздо значительнѣе, чѣмъ при узкой щели. Отъ бо́льшей ширины и силы воздушнаго тока при согласныхъ второй колонны возрастаетъ и шорохъ въ тѣснинахъ и смычкахъ соотвѣтственныхъ поясовъ. Такимъ образомъ согласные перваго ряда могутъ быть названы звуками слабаго выдыханія (lenes), въ противоположность звукамъ сильнаго выдыханія (fortes) во второмъ ряду.

56. Слабость выдыханія не отражается однако очень замѣтно на раздѣльности и ясности звуковъ перваго ряда, такъ какъ ихъ мѣстный шорохъ соединяется обыкновенно съ болѣе

или менѣе сильнымъ резонансомъ отъ гортаннаго тона или шороха. Послѣдній возникаетъ оттого, что протекающая суженной щелью струя воздуха легко задѣваетъ голосовыя связки и окрашивается въ гортанный тонъ либо шорохъ, который можетъ быть слышенъ и во время павзы между смычкой и размычкой органовъ. Вотъ почему согласные перваго ряда соединяютъ въ себѣ существенныя условія и гласнаго, и согласнаго образованія, составляя какъ бы мостъ отъ однихъ къ другимъ.

57. Различіе согласныхъ а) имѣющихъ гортанную окраску и б) лишенныхъ ея нѣсколько аналогично различію звуковъ а) громкаго и б) шопотнаго разговора, почему звукамъ перваго ряда присваивается названіе громкихъ (звонкихъ, звучныхъ), а второго—шопотныхъ (глухихъ, тихихъ, беззвучныхъ). Но при этомъ слѣдуетъ помнить, что и при шопотномъ разговорѣ мы можемъ отличать до нѣкоторой степени согласные перваго и второго ряда, видоизмѣняя напр. силу выдыхательнаго давленія. Резонансы шороховъ замѣняютъ при этомъ резонансы тоновъ. Съ другой стороны при извѣстныхъ условіяхъ можно и въ громкомъ разговорѣ дать согласнымъ звонкимъ окраску шопотныхъ, какъ это бываетъ напр. въ южногерманскихъ нарѣчіяхъ. Вообще различіе между наибольшимъ и наименьшимъ поперечниками голосовой щели при выговорѣ согласныхъ звонкихъ и глухихъ видоизмѣняется въ разныхъ языкахъ, отчего напр. въ славянскомъ разница этихъ паръ звуковъ чувствуется гораздо лучше, чѣмъ въ нѣмецкомъ, гдѣ Б и П, Д и Т и т. п, нерѣдко смѣшиваются въ одномъ среднемъ выговорѣ.

Древніе грамматисты присваивали согласнымъ звонкимъ (слабымъ) названіе mediae, а глухимъ (сильнымъ) — tenues, т. е. средніе и тонкіе. Терминъ „средніе“ будетъ понятенъ, если вспомнить, что парные ряды замыкались съ другой стороны звуками придыхательными (aspiratae), напр. въ латинскомъ имѣли такой видъ:

tenues	mediae	aspiratae
P	B	PH
T	D	TH
K	G	CH

Въ греческомъ этимъ рядамъ соотвѣтствовали:

φιλά	μέσα	δασέα
π	β	φ
τ	δ	ϑ
κ	γ	χ

На звуки тѣсненные это дѣленіе не распространялось, такъ какъ ихъ пары въ древнихъ языкахъ были очень неполны.

58. Разсмотрѣвъ согласные дыхательные и нѣмые, переходимъ къ группѣ плавныхъ, обнимающей звуки М и Н, Р и Л. Выше указано, что нѣкоторыми своими сторонами звуки эти соприкасаются съ гласными и даже являются иногда слогообразователями (сонантами); гораздо чаще однако произносятся они при условіяхъ согласной артикуляціи, т. е. съ преобладаніемъ мѣстныхъ шороховъ надъ гортанными тонами и ихъ резонансами.

59. Всего слабѣе эти мѣстные шорохи при М и Н. Они образуются при смычкахъ органовъ въ поясахъ: а) губномъ (М), б) переднеязычномъ (Н) и в) заднеязычномъ (ŋ). Смычка эта сама по себѣ ничѣмъ не отличается отъ производимой при а) губныхъ Б и П, б) переднеязычныхъ Д и Т и в) заднеязычныхъ Г и К; но она соединяется съ болѣе или менѣе значительнымъ опущеніемъ небной занавѣски, вслѣдствіе чего прегражденный во ртовомъ каналѣ воздухъ устремляется въ носъ, гдѣ производитъ сильный резонансъ, свойственный и носовымъ гласнымъ А и Ѫ. Этотъ резонансъ заполняетъ навзу между смычкой и размычкой соотвѣтственныхъ органовъ. Такимъ образомъ М и Н могутъ быть названы и длительными, и мгновенными, смотря по тому, отдаемъ ли мы предпочтеніе условіямъ носовой или ртовой артикуляціи. Чувство языка склоняется очевидно ко второму, такъ какъ въ противномъ случаѣ М и Н чаще являлись бы въ роли гласныхъ и легче вступали бы въ соединенія съ другими согласными. Не исключена наконецъ возможность и чисто смычнаго образованія звуковъ М и Н: они слышны напр. и при зажатіи выходного канала носа. Все это заставляетъ причислить М и Н къ согласнымъ мгновеннымъ, а не длительнымъ.

60. Что касается отношенія звуковъ М и Н къ рядамъ согласныхъ звонкихъ и глухихъ, то мы явственно и безъ значительнаго видоизмѣненія различаемъ ихъ какъ при громкомъ, такъ и при шопотномъ произношеніи. Вотъ почему ни одна азбука не различаетъ въ написаніи М и Н звонкихъ и глухихъ. Контрасты суженія и расширенія голосовой щели, очевидно, менѣе значительны при М и Н, чѣмъ при согласныхъ дыхательныхъ или нѣмыхъ. Мы можемъ поэтому называть ихъ обоюдными по звону.

61. Еще своеобразнѣе условія образованія второй пары плавныхъ: Р и Л. Оба произносятся при дѣятельномъ участи резонансовъ гортаннаго тона или шороха, при чемъ гортань сама слегка подымается и опускается, а губной уголъ оттягивается какъ при гласномъ І. Спеціальную затѣмъ особенность артикуляціи Р составляетъ болѣе или менѣе замѣтное дрожаніе какого либо активнаго органа, напр. губы, кончика языка, язычка и т. п. Въ славянскомъ языкѣ лишь второй пріемъ, т. е. дрожаніе кончика языка, имѣетъ значеніе звуковой категоріи. При этомъ дрожательныя движенія языка совершаются на деснахъ или зубныхъ луночкахъ, т. е. въ обычныхъ мѣстахъ переднеязычной артикуляціи, лишь изрѣдка распространяясь на сосѣднюю часть небнаго пояса.

62. Въ звукахъ типа Р соединяются условія образованія согласныхъ смычныхъ и тѣсниныхъ: въ мѣстѣ артикуляціи происходитъ бѣглый рядъ смычекъ, но онѣ длятся одно мгновеніе и быстро смѣняются такимъ же рядомъ тѣснинъ. Въ общемъ характерѣ звука Р вліяніе тѣснинъ выражается сильнѣе, чѣмъ смычекъ, почему этотъ согласный и долженъ быть относимъ къ звукамъ тѣснинымъ (длительнымъ), а не смычнымъ (мгновеннымъ).

63. Что касается отношеній звука Р къ согласнымъ звонкимъ и глухимъ, то онъ можетъ быть названъ обоюднымъ, такъ какъ не мѣняетъ особенно своего характера при сочетаніи съ гортаннымъ тономъ въ громкомъ говорѣ, а съ гортаннымъ шорохомъ—въ шопотномъ.

64. Когда дрожательныя движенія языка повторяются со значительной быстротой и правильной періодичностью, то производятъ акустическое впечатлѣніе не шороха, а тона, подобно сопровождающимъ Р дрожаніямъ голосовыхъ связокъ. Этимъ обусловленоупотребленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ сонанта $\underset{\circ}{\text{Р}}$ въроли гласнаго. Но гораздо обычнѣе и распространеннѣе такое дрожаніе языка, которое не достигаетъ быстроты и правильности колебаній тонообразовательныхъ, почему Р и является обыкновенно звукомъ согласнымъ.

65. Къ Р примыкаетъ отчасти по условіямъ своего образованія четвертый плавый — Л, хотя между ними много и существенныхъ различій. Мѣсто артикуляціи звуковъ типа Л ограничено переднеязычнымъ поясомъ. Она имѣетъ характеръ смычки, какъ при Д и Т; но вслѣдствіе перегиба краевъ языка воздушный каналъ, оставляя хребетъ языка и срединную ось рта, двумя корытами направляется внизъ у коренныхъ зубовъ и по нижней челюсти достигаетъ губного раствора. Такимъ образомъ и здѣсь скрещиваются условія смычнаго и тѣснинаго уклада, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ послѣдняго. По совокупности условій своего образованія Л можетъ быть названъ двухпроточнымъ звукомъ переднеязычнаго пояса. И при нѣкоторыхъ другихъ звукахъ (Й, Ж, Ш) встрѣчается раздвоеніе тока по краямъ языка, но оно имѣетъ тамъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ шорохами въ поднебной тѣснинѣ, тогда какъ при Л преобладаютъ именно шорохи въ боковыхъ протокахъ. Иногда эти шорохи пересиливаются резонансомъ гортаннаго тона, вслѣдствіе чего Л принимаетъ окраску гласнаго звука ($\underset{\circ}{\text{Л}}$); обычнѣе однако перевѣсъ мѣстныхъ шороховъ, т. е. согласная его артикуляція. Звукъ Л не мѣняется существенно и при шопотномъ говорѣ, т. е. принадлежитъ, наряду съ М, Н и Р, къ звукамъ обоюднымъ по звону.

66. Звуки плавнаго ряда (fluidae, ὑγρά) объединяются слѣдовательно тремя главнѣйше условіями: а) значительнымъ участіемъ въ ихъ образованіи общихъ отраженій (резонансовъ) гортаннаго тона или шороха въ полостяхъ надставной трубки;

б) малой разностью между наибольшимъ и наименьшимъ поперечниками гортанной щели, и в) сочетаніемъ условій артикуляціи смычной и тѣсниной, съ преобладаніемъ первой при М и Н, а второй при Р и Л. Первое изъ этихъ трехъ условій роднитъ плавные съ гласными и объясняетъ ихъ переходъ въ сонанты; второе уменьшаетъ контрасты звонкаго и глухого произношенія плавныхъ; третье же опредѣляетъ ихъ отношеніе къ рядамъ дыхательныхъ и нѣмыхъ согласныхъ.

Плавные М, Н, Р отличаются еще отъ другихъ согласныхъ широтою пояса ихъ возможной артикуляціи, чего нельзя сказать о двухпроточномъ Л.

Если мы сравнимъ дыхательные звуки съ тѣлами газообразными, а нѣмые съ твердыми, то плавные будутъ соотвѣтствовать капельножидкимъ.

67. Нѣсколько примыкаютъ къ плавнымъ по своей природѣ и дыхательные полусогласные ў и Й. Они тоже лежатъ на границѣ гласныхъ съ согласными, сопровождаются сильнымъ резонансомъ гортаннаго тона или шороха, могутъ имѣть и звонкое и глухое изглашеніе безъ замѣтнаго измѣненія характера звука, слѣдовательно являются до извѣстной степени обоюдными по звону, чего нельзя уже сказать о В и Ф, J и Х согласныхъ.

68. Если сгруппируемъ разсмотрѣнные согласные по сходнымъ условіямъ артикуляціи въ отношеніяхъ качественномъ (оморганные звуки) и количественномъ (омогенные звуки), то получимъ слѣдующую таблицу:

Ряды согласныхъ омогенныхъ.

Дѣленіе согласныхъ по строю:

тѣснины	смычки	смѣшеніе тѣсниныъ и смычекъ, съ преобладаніемъ:	
		смычекъ	тѣсниныъ
перевѣсъ мѣстныхъ шороховъ		перевѣсъ резонанса	
		въ носу	во рту

растворъ голосовой щели:

нейтральный	узкій	широкій	узкій	широкій	нейтральный		

Ряды согласныхъ оморганныхъ. Поясы образованія:

1. губной	Ў	В	Ф	Б	П	М	,,	,,	1	типа У, Ѫ	Соотвѣтствіе съ гласными:
2. передне-язычный	,,	З	С	Д	Т	Н	Р	Л	2	типа І, А	
3. средне-язычный	,,	Ж	Ш	,,	,,	,,	,,	,,	3		
4. задне-язычный	Й	J	Х	Г	К	ѵѵ	,,	,,	4		
5. гортанный	,,	ҁГ.	Spir. lenis	,,	,,	,,	,,	,,	5	типа А	

обоюдные	звонкіе	глухіе	звонкіе	глухіе	обоюдные		
полусогласные	согласные полные				полусогласные		

тѣснинные или длительные			смычные или мгновенные		тѣснинные или длительные		
дыхательные			нѣмые		плавные		
					носов.	дрожательн.	двухпрот.
1	2	3	4	5	6	7	8

Соотвѣтствіе съ гласными:

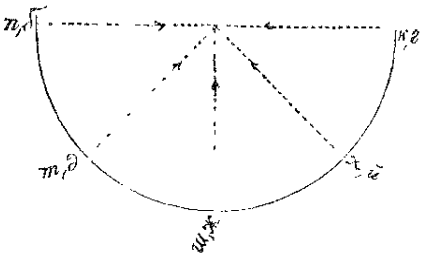
типа несовершеннаго образованія	типа чистаго образованія	типа смѣшаннаго образованія

Вертикальные ряды этой таблицы заключаютъ согласные, родственные по строю (омогенные), горизонтальные же—по поясамъ образованія (оморганные). Три главныхъ типа согласныхъ омогенныхъ можно сравнить съ гласными аналогичнаго образованія, а именно: а) согласные дыхательные—съ гласными несовершеннаго образованія, б) согласные нѣмые—съ гласными чистаго образованія и в) согласные плавные—съ гласными смѣшаннаго образованія. Точно такъ и три главныхъ типа согласныхъ оморганныхъ можно уподобить: а) согласные губные—гласнымъ губнымъ, б) согласные язычные—гласнымъ небнымъ и в) согласные гортанные—гласнымъ гортаннымъ.

69. Если бы мѣста и пріемы образованія тѣснинъ и смычекъ въ каждомъ изъ пяти поясовъ были неизмѣнно тожественны, то согласные опредѣленныхъ типовъ не могли бы развѣтвляться на оттѣнки. На дѣлѣ видимъ противное: согласные каждаго пояса и типа способны къ видоизмѣненіямъ не менѣе разнообразнымъ, какъ и гласные. Такъ напр. сопоставляя выговоръ русскихъ слоговъ: ва—вя, ба—бя, зы—зи, ды—ди, хэ—хе, гэ—ге и т. п. мы чувствуемъ въ каждой парѣ слоговъ существенное различіе согласныхъ: на первомъ мѣстѣ стоятъ согласные твердые или дебелые, на второмъ же—мягкіе или тонкіе.

70. Наблюдая за укладомъ органовъ въ образованіи твердаго и мягкаго видоизмѣненій каждаго согласнаго, мы замѣтимъ, что мѣста тѣснинъ и смычекъ при этомъ нѣсколько различны, а именно при мягкихъ приближаются къ срединѣ ртоваго канала, т. е. совершаютъ движеніе отъ оконечностей надставной трубки (губъ и гортани) къ ея срединѣ (среднему нёбу). Это передвиженіе особенно замѣтно при звукахъ переднеязычныхъ и заднеязычныхъ. Мягкости Д' и Т', З' и С' выговариваются не на деснахъ или зубныхъ луночкахъ (какъ твердые Д и Т, З и С), а забѣгаютъ въ переднюю часть твердаго нёба, тогда какъ мягкости Й' и Х', Г' и К' артикулируются въ задней части того же твердаго нёба. Въ обоихъ случаяхъ мѣста стѣсненій и смычекъ передвинулись, но въ противоположныхъ направленіяхъ, а именно внутрь рта въ первомъ случаѣ и наружу — во второмъ.

Очевидно, что ось этого движенія совпадаетъ съ главной осью надставной трубки, а его направленіе—со среднеязычнымъ и среднепебнымъ центромъ послѣдней. То же можно замѣтить при сравненіи выговора твердыхъ и мягкихъ губного пояса: послѣдніе образуются нѣсколько глубже первыхъ. Даже Л твердый отличается отъ мягкаго передвиженіемъ гортани внизъ, т. е. далѣе отъ средины неба. Графически передвиженіе мѣстъ артикуляціи при мягкихъ можно изобразить такъ:



Центръ этого полукруга, къ которому сбѣгаются радіусы, соотвѣтствуетъ неподвижной срединѣ неба, а периферія—активнымъ органамъ согласной артикуляціи.

71. Одновременно съ передвиженіемъ мѣстъ артикуляціи, въ смыслѣ сокращенія надставной трубки при мягкихъ и ея удлиненіи при твердыхъ согласныхъ, происходитъ при этомъ еще измѣненіе ея ширины. При согласныхъ мягкихъ она замѣтно у́же, вслѣдствіе сближенія хребта языка съ небомъ. Даже діаметръ боковыхъ протоковъ при Л твердомъ больше, чѣмъ при Л мягкомъ. Вотъ почему согласные мягкіе могутъ быть названы суженными, а твердые—широкими.

72. Ска́ла мягкихъ согласныхъ не имѣетъ такой полноты, какъ ска́ла твердыхъ. Даже въ русскомъ языкѣ, занимающемъ одно изъ первыхъ мѣстъ между арійскими по развитію смягчаемости согласныхъ, не любимы мягкіе Ж и Ш, тогда какъ въ ц. слав. наоборотъ не было твердаго ихъ видоизмѣненія. Заднеязычный же Й (J) во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ обнаруживаетъ большее или меньшее нерасположеніе къ твердому выговору, постепенно увлекая въ этомъ за собою и оморганные звуки

Х, Г, К, которые въ ц. слав. выговаривались твердо, тогда какъ въ русскомъ, польскомъ и др. новославянскихъ нарѣчіяхъ они болѣе склонны къ мягкому выговору.

73. Согласные мягкаго и твердаго выговора аналогичны гласнымъ высокаго и низкаго тона, которые также отличаются длиной и шириной надставной трубки. Когда тѣснина или смычка мягкаго согласнаго передвигается отъ оконечностей надставной трубки къ ея центру, то это соотвѣтствуетъ подъему гортани или оттяжкѣ губъ въ гласныхъ высокаго тона; когда же поперечный діаметръ ртоваго канала увеличивается или уменьшается при согласныхъ твердыхъ либо мягкихъ, то здѣсь можно видѣть пріемъ, аналогичный суженію резонатора при высокихъ, а расширенію при низкихъ гласныхъ. Вотъ почему согласные мягкіе сочетаются предпочтительно съ гласными узкими (высокими), а согласные твердые—съ широкими (низкими). Одинъ А легко соединяется и съ тѣми, и съ другими, обнаруживая однако бо́льшую наклонность къ твердымъ согласнымъ.

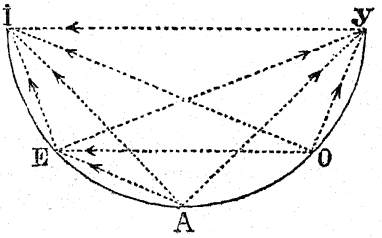
74. Разсмотрѣвъ простые (элементарные) гласные и согласные, перейдемъ къ тѣмъ усложненіямъ, которымъ они подвергаются отъ усиленія и протяженія голоса, а равно при сочетаніяхъ нѣсколькихъ простыхъ звуковъ. Сюда относится образованіе: А. гласныхъ: а) ударенныхъ, б) протяженныхъ и в) дифтонговъ; и Б. согласныхъ: а) протяженныхъ, б) дифтонговъ и в) полудифтонговъ.

75. Гласные ударенные отличаются отъ неударенныхъ бо́льшей силой выдыхательнаго давленія изъ легкихъ и происходящимъ отсюда бо́льшимъ напряженіемъ голосовыхъ связокъ. Вслѣдствіе увеличенія размаховъ послѣднихъ получается болѣе громкій голосъ, а обыкновенно и нѣкоторое возвышеніе звука въ тоническомъ отношеніи. При бо́льшей энергіи образованія ударенные гласные отличаются бо́льшей опредѣленностію и устойчивостію звука въ сравненіи съ неударенными. Это особенно замѣтно въ русскомъ языкѣ, гдѣ во многихъ говорахъ неударенные гласные приближаются къ звукамъ несовершеннаго образованія (ц. слав. Ъ и Ь). Если ударенный слогъ окруженъ мно-

гими неударенными, то послѣдніе располагаются вокругъ перваго, какъ уступы горъ вокругъ своихъ вершинъ, являясь слогами высокаго, средняго и низкаго ударенія, для которыхъ въ санскритскомъ письмѣ имѣлись особые знаки.

76. Гласные протяженные (долгіе) представляютъ соединеніе двухъ и болѣе звуковъ одной и той же окраски. Обыкновенно гласный долгій относится къ краткому, какъ 5:3; но возможны и другія отношенія, напр. 6:3 или даже 9:3 и т. п. Сила голоса можетъ быть распредѣлена между частями долгаго слога либо равномѣрно, либо неравномѣрно, видоизмѣняясь то въ восходящемъ, то въ нисходящемъ движеніи: первое свойственно напр. долготамъ чешскимъ (stráže какъ straaže), второе же—долготамъ сербохорватскимъ, между которыми различаются восходящія (врáбац какъ враáбац) и нисходящія (стрáжа какъ стрáажа).

77. Если соединяются въ одно цѣлое не тожественные, а различные гласные, то получаются не долготы, а гласные дифтонги. Каждый изъ входящихъ въ послѣдніе звуковъ теряетъ часть своей самостоятельности и опредѣленности, примыкая къ другому и приноровляясь къ нему, такъ что отъ сочетанія двухъ звуковъ получается впечатлѣніе однороднаго и простого тона, составляющаго одинъ слогъ. Голосъ совершаетъ при этомъ быстрый переходъ отъ одного вида артикуляціи къ другому, при чемъ обозначаемыя на письмѣ начальная и конечная точки этого движенія стушовываются, выдвигается же впередъ самый этотъ переходъ органовъ отъ одного расположенія къ другому. Въ началѣ дифтонга стоитъ обыкновенно гласный широкій, а въ концѣ узкій, такъ что дифтонгація совершается въ направленіи отъ средины къ краямъ по дугѣ гласныхъ, напр. въ греч. αι, ει, οι, αυ, ευ, ου, лат. ae, oe и т. п. Графически это можно изобразить такъ:



Такое направленіе дифтонгаціи объясняется тѣмъ, что въ покойномъ положеніи языкъ располагается ближе къ І, Е, У, чѣмъ къ А или О.

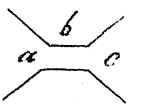
78. Дифтонги даютъ обыкновенно перевѣсъ то первому, то второму гласному укладу, т. е. имѣютъ либо хореическій, либо ямбическій характеръ; отъ этого зависитъ переходъ дифтонговъ въ чистые гласные то перваго, то второго типа.

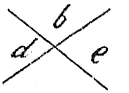
79. При рѣшительномъ преобладаніи одного изъ двухъ гласныхъ, дифтонгъ принимаетъ характеръ полудифтонга: таковы напр. франц. oi (уа′), червонорус. уи′, уэ′ и т. п. Голосъ скользитъ тутъ по первому гласному укладу, съ полной силой останавливаясь на второмъ.

80. Отъ дифтонговъ слѣдуетъ отличать: а) гласные смѣшаннаго образованія, какъ ц. слав. Ѣ и Ы, которые представляютъ одинъ опредѣленный, хотя сложный укладъ резонатора, а не переходъ отъ одного уклада къ другому, и б) обычныя въ русскомъ языкѣ сочетанія гласныхъ съ полусогласными Й и ў (В), напр. АЙ, ЕЙ, ОЙ, Аў, Еў, Оў (АВ, ЕВ, ОВ) и т. п. Эти послѣднія начертанія далеко не тожественны съ древнегреческими: αι, ει, οι, αυ, ευ, ου, такъ какъ въ тѣхъ мы видимъ соединеніе полнаго гласнаго съ согласнымъ, хотя и не полнымъ, половиннымъ, въ этихъ же—лишь обозначеніе перехода отъ одного гласнаго уклада къ другому. Въ противномъ случаѣ непонятны были бы звукосочетанія ІЙ и Уў, гдѣ изображался бы приблизительно переходъ отъ І къ І и отъ У къ У, т. е. между укладами тожественными, чего никогда не бываетъ въ настоящихъ дифтонгахъ, такъ какъ сочетаніе І + І даетъ ī, а сочетаніе У+У =ȳ, а не слоги ІЙ, Уў. Очевидно, что послѣдніе образуютъ

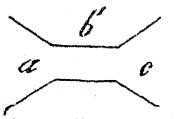
сочетанія гласныхъ съ согласными (хотя бы и половинными), а не съ гласными же. То же должно сказать о гласныхъ преіотованныхъ: Ꙗ, Ѥ, Ю, Ѩ, Ѧ и т. п. Въ началѣ словъ и слоговъ они совершенно аналогичны слогамъ: ВА, ВЕ, ВУ, ВѨ, ВѦ и т. п.

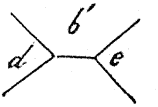
81. Подобно гласнымъ и согласные способны къ протяженію и притомъ—не одни тѣснинные, но и смычные согласные. Если мы сравнимъ напр. русскія слова: а) веду—введу, судъ—ссудъ, женка—жженка; б) пира—Пирра, алая—аллахъ, Донъ—бездонный, страна—страна, Кама—гамма; в) и ты—итти, опека—Мекка и т. п., то замѣтимъ, что и дыхательные, и плавные, и даже нѣмые согласные способны къ протяженію. Оно обозначается на письмѣ удвоеніемъ звука, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что заключается не въ сооруженіи двухъ тѣснинъ или смычекъ, а въ удлиненіи павзы между началомъ и концомъ одной и той же артикуляціи, съ чѣмъ соединяется обыкновенно и усиленіе взрыва при размычкѣ органовъ. Графически мы можемъ такъ изобразить это различіе согласныхъ простыхъ отъ протяженныхъ:

а) согласный простой I. тѣснинный: I. 

II. 

„ „ II. смычный:

б) согласный протяженный I. тѣснинный: I. 

„ „ II. смычный: II. 

На этихъ чертежахъ a и c, изображающіе сближеніе и удаленіе органовъ, а равно d и e, обозначающіе ихъ смычку или размычку, ни мало не разнятся въ согласныхъ простыхъ и протяженныхъ; разнится лишь b и b', т. е. павза между началомъ и концомъ артикуляціи, и разнится не качественно, а количественно, т. е. совершенно аналогично отличію гласныхъ долгихъ отъ короткихъ. Что касается качества самой павзы, то она бываетъ совершенно нѣмою (беззвучною) при удвоеніи лишь трехъ согласныхъ: П, Т, К; при всѣхъ же остальныхъ она заполняется то мѣстными шорохами (дыхательные и плавные), то общими

отраженіями (резонансомъ) гортанныхъ тоновъ (плавные и звонкіе дыхательные, отчасти же и звонкіе нѣмые).

82. Въ параллель съ гласными дифтонгами слѣдуетъ поставить и согласные дифтонги, т. е. сочетанія согласныхъ хотя не тожественныхъ, но все таки тѣсно сомкнутыхъ и близкихъ по природѣ. Первымъ изъ элементовъ согласнаго дифтонга бываетъ обыкновенно одинъ изъ нѣмыхъ согласныхъ, а вторымъ—одинъ изъ дыхательныхъ, всего чаще оморганный съ первымъ. Такъ напр. придыхательные согласные (aspiratae) арійскихъ языковъ были, кажется, первоначально сочетаніями нѣмыхъ (Б, Д, Г, а потомъ П, Т, К) съ гортаннымъ дыхательнымъ °Г: ph, th, ch; послѣдній замѣненъ впослѣдствіи дыхательнымъ оморганнымъ, откуда вышли звукосочетанія (affricatae): pf, ts, kh, изъ конхъ развились наконецъ простые дыхательные новогреческаго языка: φ, ϑ, χ.

83. Нѣсколько аналогичны этимъ звукосочетаніямъ славянскіе язычные дифтонги: S и Ц, ц и Ч. Они также составлены изъ соединенія нѣмыхъ съ оморганными дыхательными: S = д + з; Ц = т + с; ц = д + ж; Ч = т + ш. Первоначально составные члены этихъ дифтонговъ имѣли значительную самостоятельность и полноту звука; но впослѣдствіи они сблизились тѣснѣе, при чемъ нѣмые утратили рѣзкость своей смычки и передвинулись къ поясу образованія среднеязычныхъ, что сопровождалось общимъ суженіемъ надставной трубки, почему въ ц. слав. всѣ эти дифтонги чувствовались мягкими. Еще болѣе мягкій характеръ приняли они впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ новославянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ серб. ђ и ћ, а въ польскомъ dź и ć. Вслѣдствіе ослабленія рѣзкости нѣмыхъ Д и Т въ этихъ соединеніяхъ, они стали чувствоваться проточными, а не нѣмыми шорохами, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ дыхательнаго элемента. Графически эти новыя отношенія можно изобразить приблизительно такъ: $S = \frac{д}{2} + з$; $Ц = \frac{т}{2} + с$; $ц = \frac{д}{2} + ж$; $Ч = \frac{т}{2} + ш$, или S = д + ззз...; Ц = т + ссс...; ц = д + жжж...; Ч = т + ншш... Преобладаніе въ этихъ дифтонгахъ второго элемента выразилось въ томъ, что а) онъ ассимилировалъ себѣ предшествующій нѣ-

мой, который въ S и Ц имѣетъ переднеязычный, а въ ц и Ч— среднеязычный характеръ, и что б) во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ нѣмой тутъ совершенно исчезъ, что видно при сравненіи напр. ц. слав. **межда** и серб. **међа** съ рус. межа, или ц. слав. **чьто** съ серб. што.

По нахожденію на второмъ мѣстѣ разсмотрѣнныхъ дифтонговъ дыхательнаго звука переднеязычнаго (з, с) или среднеязычнаго (ж, ш) пояса, имъ присвоено названіе ассибилированныхъ.

84. Къ числу этихъ дифтонговъ относится и чешскій ř, образованный изъ соединенія неполнаго Р ($\frac{р}{2}$) среднеязычной артикуляціи съ оморганными дыхательными Ж и Ш, смотря по звонкой или глухой обстановкѣ этого дифтонга, напр. чеш. bř̆eh=б$\frac{р}{2}$жегъ; př̆ed=п$\frac{р}{2}$шедъ.

85. Подобно постіотованнымъ гласнымъ (АЙ, ОЙ, УЙ и т. п.), распространены въ славянскомъ языкѣ и постіотованные согласные. Такъ рус. допускаетъ соединеніе съ J согласныхъ: В, Ф, Б, М, З, С, Д, Т, Н, Р, Л, Ж, Ш, напр. въ словахъ: вью, сафьянъ, бью, скамья, князья, съѣмъ, дьякъ, Татьяна, пѣнье, перье, улья, мужья, шью. Оба элемента соединенія здѣсь явственно выдѣляются, съ незначительнымъ лишь видоизмѣненіемъ перваго изъ нихъ отъ приближенія къ среднеязычному укладу.

86. Къ этимъ группамъ не особенно тѣсныхъ звукосочетаній относятся и славянскія согласныя группы: ВЛ, БЛ, ПЛ, МЛ, гдѣ Л развился, какъ увидимъ, изъ J, подобно дыхательнымъ членамъ (Ш, Ж) дифтонговъ Ч или ц. Эта близость роли дыхательныхъ J, Ж, Ш и плавнаго Л въ составѣ указанныхъ согласныхъ фонемъ (тѣсныхъ звукосочетаній, имѣющихъ характеръ фонетическихъ единицъ), объясняется, повидимому, принадлежностію ихъ всѣхъ къ тому же (язычному) поясу звукообразованія, а также общимъ въ нихъ дорсальнымъ характеромъ ртоваго канала и его развѣтвленіемъ на два корыта по краямъ языка.

87. Что касается другихъ сочетаній согласныхъ, не имѣ-

ющихъ такой сплоченности, какъ дифтонги или фонемы, то они всего разнообразнѣе въ срединѣ словъ, гдѣ есть возможность нѣкоторымъ звукамъ прислониться то къ предшествующему, то къ послѣдующему гласному. Ограниченнѣе число допускаемыхъ языкомъ типовъ согласныхъ группъ въ началѣ словъ и еще ограниченнѣе—въ ихъ концѣ.

88. Мало исключеній допускаетъ законъ, по которому совершенно не возможны сочетанія согласныхъ, различныхъ по звону. Голосовая щель должна быть либо расширена, либо сужена въ теченіе выговора всей группы. Если случится въ словѣ группа различныхъ по гортанному раствору согласныхъ, то звукъ предшествующій обыкновенно обхватывается при этомъ условіями образованія звука послѣдующаго, т. е. уподобляется ему по звону. Потому то ц. слав. **кѣдѣ, сьдѣ** соотвѣтствуютъ рус. гдѣ, здѣсь и т. п. Лишь плавные да дыхательные В (ў) и Й могутъ стоять рядомъ и съ глухими, и со звонкими, напр. три драхмы; **блжд-въпль; вонзнь-пѣснь;** дмущая—тьма тьмущая; два—квасъ; пойти—пойду и т. п. Нельзя сказать, чтобы звуки: Р, Л, М, Н, В (ў), Й были безусловно тожественны при сочетаніи и со звонкими, и съ глухими согласными; но ихъ различіе при этомъ такъ незначительно, что обходится безъ буквеннаго обозначенія.

89. Трудно сочетаются между собою согласные нѣмые, такъ какъ переходъ органовъ отъ одной смычки къ другой создаетъ зіяніе, которое легко заполняется гласнымъ, хотя бы очень глухимъ и краткимъ. Подобное зіяніе чувствуется еще въ начальныхъ группахъ русскихъ словъ: бдѣніе, птица, гдѣ, кто и т. п.; но оно не столь уже сильно, какъ въ ц. слав.: **бъдѣниѥ, пътица, къдѥ, къто,** гдѣ зіяніе заполнено слоговымъ гласнымъ.

90. Легче соединяются въ группы нѣмые съ дыхательными, особенно съ переднеязычнымъ С: отсюда греческія буквы Ξ, Ψ и лат. X. Сочетанія эти не достигаютъ однако плотности родственныхъ имъ дифтонговъ S, Ц, ц, Ч.

91. Плавные по условіямъ своей сочетаемости съ согласными дѣлятся на два класса: а) носовые М, Н и б) дрожатель-

ный Р съ двухпроточнымъ Л. Первые слѣдуютъ группѣ нѣмыхъ, а послѣдніе—дыхательныхъ, съ которыми ихъ объединяетъ преобладаніе тамъ смычекъ, а здѣсь тѣсниннъ. Изъ неудобства сочетанія смычныхъ М, Н съ послѣдующими согласными объясняется возникновеніе въ ц. срав. риназма, т. е. исчезновеніе въ носовыхъ смычки и сліяніе носового резонанса съ предыдущими гласными: **пьнѫ: пати, дъмѫ: дѫти.**

Что касается звуковъ Р и Л, то по условіямъ ихъ сочетаемости съ сосѣдними согласными славянскія нарѣчія замѣтно отличаются отъ другихъ арійскихъ языковъ, а отчасти и одно отъ другого. Такъ вм. иноарійскихъ группъ: Р (Л) + согл. мы встрѣчаемъ обыкновенно въ нарѣчіяхъ южнославянскихъ и западнославянскихъ обратную группу: согл. + Р (Л), напр. Karl-**краль**, Helm-**шлѣмъ**, ἕλκω-**влѣкѫ** и т. п. Въ рус. языкѣ въ аналогичныхъ случаяхъ встрѣчаемъ по обѣ стороны согласнаго по гласному звуку, которые какъ бы заполняютъ зіяніе между нимъ и сосѣдними согласными: король, шеломъ, волоку. Въ другихъ случаяхъ подобное же зіяніе заполняется согласнымъ переднеязычнаго пояса: ндравъ (и норовъ), страмъ (соромъ), чеш. straka (рус. сорока) и т. п.

92. Болѣе сложныя группы согласныхъ (напр. трехчленныя, четырехчленныя и т. д.) возможны лишь на почвѣ согласныхъ тѣснинныхъ, съ участіемъ не болѣе одного смычнаго, напр. въ ц. слав. **скрьпа, страхъ**, рус. встрѣча, вскрыть, чувствъ и т. п. Очень рѣдко встрѣчаются и въ группахъ позвучныхъ два нѣмые: рус. Славяносербскъ, пол. podskarbstw и т. п.

93. Въ исходѣ словъ ц. слав. языкъ не любилъ согласныхъ; онъ предпочиталъ позвучья резонансныя, съ открытіемъ надставной трубки. Впослѣдствіи распространилось обратное стремленіе сокращать слова съ концовъ, т. е. отсѣкать позвучные гласные, при чемъ ослабленіе резонансовъ выразилось и въ повсемѣстномъ почти превращеніи позвучныхъ звонкихъ въ глухіе, напр. рун вм. рубль, кроф вм. кровь, дрост вм. дроздъ и т. п.

94. Слоги отличаются отъ другихъ звукосочетаній тѣмъ, что имѣютъ въ своемъ средоточіи звукъ, возвышающійся надъ

остальными, какъ вершина горы надъ ея скатами. Такимъ звукомъ бываетъ обыкновенно гласный либо согласный сильнаго резонанса (сонантъ), напр. плавный, хотя не безусловно исключена возможность слогообразующей роли и дыхательныхъ согласныхъ, напр. въ междометныхъ крикахъ: тшш! пст!

95. Господствующій звукъ слога является носителемъ слогового ударенія, которое служитъ внѣшнимъ символомъ индивидуализаціи слоговыхъ звукосочетаній. Слогъ бываетъ обыкновенно окруженъ павзами. Нерѣдко онѣ лежатъ и въ срединѣ тѣснаго или смычнаго звука, который тогда протягиваясь двоится между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами, напр. разсорить, данный, итти.

96. Подобно отдѣльному слогу, и слово отличено съ внѣшней стороны удареніемъ, которое возвышаетъ одинъ слогъ надъ остальными и такимъ образомъ создаетъ для нихъ звуковой центъ притяженія. И побочные слоги могутъ имѣть на себѣ удареніе, но уступающее главному въ силѣ выдыхательнаго давленія, акустической силѣ и тонической высотѣ звука. Еще выше стоитъ удареніе фразы, которое въ свою очередь подчинено главному ударенію предложенія.

97. Другой внѣшней гранью словъ служатъ окружающія ихъ павзы; но болѣе замѣтныя изъ нихъ лежатъ по краямъ цѣлыхъ фразъ, а не отдѣльныхъ словъ. Оттого то пріемы уподобленія и расподобленія звуковъ захватываютъ цѣлыя группы словъ, объединенныя непрерывностію выдыхательнаго тока и господствомъ одного высшаго акцента.

98. Языку свойственно затѣмъ стремленіе сглаживать шероховатости въ звуковомъ построеніи слоговъ и словъ, придавая ихъ движенію видъ волнообразный вм. колѣнчатаго. Стремленіе это коренится не на акустическихъ началахъ благозвучія, которое важнѣе для слушающаго, чѣмъ для говорящаго, а на условіяхъ облегченія выговора, сбереженія мускульной силы. Переходя отъ одного звука къ другому, языкъ безсознательно сокращаетъ разстояніе между ними, сближая для этого мѣста ихъ образованія и ослабляя природные контрасты многихъ звуковъ.

На этомъ основаны явленія уподобленія сосѣднихъ звуковъ въ слогахъ, словахъ и даже предложеніяхъ. Всего чаще уподобленіе имѣетъ обратный (регрессивный) ходъ, т. е. совершается при активной роли второго звука, а пассивной—перваго, напр. къде-гдѣ. Звукъ предыдущій окрашивается уже заранѣе въ цвѣта послѣдующаго: такъ и въ языкѣ будущее бросаетъ свою тѣнь на настоящее! Бываетъ впрочемъ, хотя гораздо рѣже, и поступательное (прогрессивное) уподобленіе звука послѣдующаго предыдущему, напр. въ рус. глубже вм. глубше.

99. Противоположное уподоблению звуковъ явленіе есть ихъ расподобленіе (диссимиляція) въ отношеніи то качественномъ, то количественномъ. Чаще всего оно выражается въ превращеніи одного изъ нѣмыхъ въ оморганный дыхательный, напр. чьсти вм. чьтти. Этимъ путемъ также приспособляются звуки и устраняются группы, трудныя для выговора.

100. Стремленіе къ облегченію выговора, къ сбереженію мускульной силы говорящаго выражается, сверхъ пріемовъ уподобленія и расподобленія звуковъ, еще въ ощущеніи какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ. Наболѣе подвержены такому вывѣтриванію звуки и группы окраинныя въ словѣ, т. е. начальныя и конечныя; но нерѣдко имъ обхватываются и средозвучья. Для быстроты рѣчи, соотвѣтствующей потребностямъ развивающейся мысли, долгота гласныхъ слабѣетъ и исчезаетъ; гласные краткіе глохнутъ и превращаются наконецъ либо въ едва замѣтныя зіянія, либо въ звуковые нули. Такъ цѣлые слоги и ряды слоговъ слабѣютъ и исчезаютъ, особенно если на нихъ не падаетъ сила ударенія.

101. Гораздо слабѣе дѣйствуютъ пріемы возстановленія звуковъ, подновленія гласныхъ и вставки согласныхъ. Усиленіе гласнаго всего чаще является слѣдствіемъ слогового сокращенія, напр. въ рус сонь, день (односложны) при ц. слав. **сънъ, дьнь** (двусложны), въ малорус. кôнь—коня, пол. bóg—boga и т. п. То же встрѣчается при ощущеніи согласнаго, напр. въ ц. слав. аор. **нѣсъ** при **нссж**. Въ другихъ случаяхъ гласный вставляется для заполненія зіянія между согласными, напр. рус. огонь, восемь при ц.

слав **огнь, осмь.** Сюда относится и одинъ (вѣроятно второй) изъ гласныхъ въ рус. полногласныхъ формахъ:

ворона	при ц. слав.	**врана**,	пол.	wrona;
голова	„	„	**глава**	„	głowa;
череда	„	„	**чрѣда**	„	trzoda;
полова	„	„	**плѣва**	„	plewa.

Вставочными для заполненія зіянія между согласными или гласными представляются и переднеязычные въ рус. страмъ, здравъ, а также Й и Н въ рус. ядро и нѣдро, ядъ и снѣдь, и В въ привыкать, вотчимъ, восемь и т. п. Подобные вставочные гласные и согласные, не имѣющіе этимологическаго оправданія, а вызванные чисто звуковыми условіями, принято называть звуками паразитными, по аналогіи чужеядныхъ животныхъ и растеній.

102. Сверхъ фонетическихъ измѣненій, обусловленныхъ общею природою звуковъ, ихъ расположеніемъ въ словѣ, вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ и т. п. есть еще звукоизмѣненія, происходящія отъ особенностей діалектическаго вырожденія. Звуки и звукосочетанія, легкіе для выговора въ одномъ языкѣ или говорѣ, даже въ одномъ періодѣ жизни того же языка, могутъ представляться трудными, даже невозможными для другого языка или періода. Такъ напр. славянскій языкъ искони не терпѣлъ гласныхъ дифтонговъ, столь богато развитыхъ въ греческомъ, и совершенно не зналъ согласныхъ придыхательныхъ, свойственныхъ санскриту и древнегреческому. За то славянскій языкъ широко развилъ сѣть гласныхъ несовершеннаго и смѣшаннаго образованія, а также согласныхъ среднеязычнаго пояса, почти совершенно не знакомыхъ языкамъ классическимъ.

Столь же существенныя звуковыя отличія замѣтимъ при сравненіи разныхъ періодовъ жизни арійскихъ языковъ. Всѣ они напр. дали первоначально широкое развитіе звуку А; вослѣдствіи его область значительно была сужена распространеніемъ роли звуковъ І и У, О и Е, а также гласныхъ глухихъ, носовыхъ и т. п. Согласные нѣмые всюду подверглись со временемъ превращенію въ дыхательные, которые значительно рас-

ширили свою первоначальную область, представляя какъ бы новыя нептуническія наслоенія на пластахъ языка. Такъ въ греч. нѣмая бэта превратилась въ дыхательную виту, а aspiratae φ, ϑ, χ—въ оморганные дыхательные; въ славянскомъ Г и К перешли то въ Ж и Ч, то въ З и Ц и т. п.

Метрическія отношенія гласныхъ повсемѣстно ослабѣли со временемъ; долгота совершенно даже исчезла въ новогреческомъ, новороманскихъ и большей части новославянскихъ языковъ и нарѣчій. Удареніе потеряло свою древнюю гибкость и подвижность и утвердилось то на начальномъ слогѣ (какъ въ чешскомъ), то на предконечномъ (въ польскомъ), то на конечномъ (во французскомъ) и т. п.

Съ общимъ паденіемъ вокализма, особенно въ незащищенныхъ удареніемъ позвучьяхъ словъ, увеличилось число согласныхъ группъ и ослабѣло чувство несочетаемости многихъ разнородныхъ звуковъ, а вмѣстѣ и отчетливость ихъ выговора.

Совокупность этихъ и многихъ другихъ измѣненій объясняетъ глубокое различіе между древними и новыми формаціями языковъ одной семьи, а даже—говоровъ одного языка.

103. Точкою отправленія при діалектическомъ вырожденіи какъ звуковъ, такъ и другихъ сторонъ языка, служатъ различныя индивидуальныя особенности и стремленія, такъ какъ новообразованія появляются первоначально у немногихъ и лишь постепенно распространяются по подражанію на всѣхъ членовъ племени. Общія привычки противодѣйствуютъ этимъ разъединяющимъ личнымъ стремленіемъ. Элементъ личный является слѣдов. дифференцирующимъ (центробѣжнымъ) моментомъ въ образованіи діалектовъ, а элементъ общественный—интегрирующимъ (центростремительнымъ). Изъ соединеннаго дѣйствія этихъ двухъ потоковъ и слагается діалектическое развитіе языка какъ въ звуковомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ.

104. Не всѣ впрочемъ звуковыя измѣненія объясняются естественными (физическими) условіями ихъ образованія. Звуки являются въ языкѣ не самоцѣльно, а какъ орудіе выраженія душевныхъ движеній—чувствъ, желаній, особенно же представленій.

По требованію человѣческой мысли чередованія звуковъ могутъ отступать отъ нормъ, обусловленныхъ ихъ собственною природою, подчиняясь условіямъ сочетанія представленій (ассоціаціи идей). Такимъ образомъ изъ греч. παράδεισος образовалось ц. слав. **пародa**, а изъ лат. oblata—ц. слав. **оплатъкъ** по условіямъ. сродства не звуковъ, а представленій, т. е. по причинамъ не физическимъ, а психическимъ. Такъ же объясняются многія особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, особенно языковъ новѣйшаго образованія. Формы болѣе частыя увлекаютъ за собою рѣдкія, интегрируя постепенно явленія языка. Но нерѣдко центромъ притяженія при такой интеграціи бываютъ и формы рѣдкіе; такъ напр. въ серб. всѣ почти глаголы съ окончаніемъ У (вм. Ж) въ 1 л. ед. ч. наст. вр. приняли въ историческую пору (съ XV до XVII в.) окончаніе М (играм, молим, чујем, знам, знадем, велим), увлеченные примѣромъ четырехъ только праславянскихъ формъ: **ѣмь, вѣмь, дамь, имь.**

Всѣ подобныя звукоизмѣненія, объясняемыя условіями взаимнаго психическаго притяженія смежныхъ по значенію корней, основъ и словъ, объединяются въ названіи грамматической аналогіи, подъ которую подходятъ явленія и народнаго словопроизводства (аналогія корней), и морфологической ассимиляціи (аналогія аффиксовъ), и синтаксической аттракціи (аналогія въ строѣ предложеній).

Существенное различіе между чередованіями звуковъ по причинамъ физическимъ и психическимъ заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ они дѣйствуютъ съ необходимостью природнаго явленія, а во второмъ запечатлѣны уже нѣкоторымъ выборомъ, соображеніями, зачатками свободы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

УЧЕНІЕ О БУКВАХЪ ИЛИ ГРАФИКА.

---

§ 6.

1. Отдѣльныя буквы могутъ имѣть троякое значеніе: а) обозначать слова; б) обозначать слоги; в) обозначать звуки. Письмо перваго рода называется идеографіей, второго рода—силлабографіей, третьяго же—фонографіей. На обозначеніи буквами словъ, т. е. цѣлыхъ представленій, основана письменность китайская и древнеегипетская; на силлабографіи построена письменность японская, тогда какъ письмо симитское стоитъ уже на переходѣ къ фонографіи, которая характеризуетъ письмо греколатинское и развившіяся изъ него графическія системы народовъ новоевропейскихъ.

2. Древнѣйшее свидѣтельство о происхожденіи и составѣ ц. слав. азбуки заключается въ сочиненіи „О писменехъ“ болгарскаго черноризца (монаха) Храбра, писанномъ въ началѣ X в. По списку 1348 г. начало этого сочиненія гласитъ:

Прежде оубѡ Словѣне не имѣхѫ книгъ, нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, погани сѫще. Кръстивше же сѧ Римсками и Грѣчьскыми писмены нѫждаахѫсѧ, словенскы рѣчь безъ оустроѥниа..... И тако бѣшѫ многа лѣта. Потом же чл҃колюбецъ бъ҃, строжи всѣ и не ѡставлѣѫ чл҃ча рода безъ разоума..... посла имь стго... Кирила, мѫжа праведна и истинна, и сътвори имъ .л҃. писмена и осмь, ѡка оубѡ по чиноу грѣчьскыхъ писменъ, ѡка же по словѣнстѣи рѣчи.

3. Итакъ Храбръ свидѣтельствуетъ, что у Славянъ еще до свв. Кирилла и Меѳодія были зачатки письменности, при чемъ онъ отличаетъ два періода этой докирилловской письменности: а) языческій, когда употреблялись „черты и рѣзы“ (можетъ быть—руны?), и б) христіанскій, когда стали писать латинскими и греческими буквами. Къ сожалѣнію ни отъ перваго, ни отъ второго періода не сохранилось ни одного подлиннаго памятника. Даже отъ IX и X в. не уцѣлѣлъ ни одинъ отмѣченный годомъ и несомнѣнный памятникъ ц. слав. письменности; но объ этомъ времени мы можемъ уже составить довольно точное понятіе по многочисленнымъ рукописнымъ остаткамъ XI и XII вѣковъ. Первое мѣсто между ними по хронологической и географической опредѣленности занимаетъ Остромирово евангеліе, писанное въ Новгородѣ въ 1056 и 57 гг. дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира. Хотя рукопись эта составлена лѣтъ черезъ 200 послѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ, однако мы можемъ приблизительно судить по ея почерку о начертаніяхъ кирилловскихъ буквъ и въ X, даже въ IX в.

4. Сравнивая азбуку Остромирова евангелія съ греческими прописными буквами IX в., мы находимъ несомнѣнное сходство въ 24 начертаніяхъ, соотвѣтствующихъ буквамъ греческаго алфавита: А, В, Г, Д, Є, Ζ, И, Ѳ, І, К, Л, М, Н, Ѯ, О, П, Р, С, Т, Ѵ, Ф, Х, Ѱ, Ѡ.

Что касается четырнадцати остальныхъ кирилловскихъ начертаній, упоминаемыхъ въ сочиненіи Храбра (Б, Ж, Ѕ, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ѣ, Ю, Ѫ, Ѧ), и восьми буквъ, дополняющихъ азбуку Остромирова ев. (Ѩ, Ѥ, Ѫ, Ѩ, Ѡ, ОѴ, Ꙋ, 4 или ҫ), то буквы эти придуманы, безъ сомнѣнія, самимъ Кирилломъ Философомъ или его ближайшими учениками „по словѣнстѣи рѣчи“ (Храбръ), по образцу буквъ латинскаго, еврейскаго и другихъ восточныхъ алфавитовъ. Это значительное пополненіе греческаго алфавита въ славянской азбукѣ показываетъ, что Кирилл Философъ не раболѣпствовалъ предъ первымъ при составленіи второй, а наоборотъ видоизмѣнилъ и расширилъ его, сообразно съ духомъ и потребностями славянскаго языка.

5. Что греческій алфавитъ легъ въ основу славянской азбуки, это явствуетъ не только изъ свидѣтельства Храбра и изъ сходнаго начертанія соотвѣтствующихъ буквъ, но и изъ древняго ихъ распорядка, составленнаго по греческому, съ размѣщеніемъ новопридуманныхъ письменъ въ промежуткахъ при сродныхъ по звуку греческихъ буквахъ, либо съ отнесеніемъ ихъ къ концу азбуки. Такъ Б поставлено рядомъ съ К; Ж и S —рядомъ съ Ꙁ; оригинальныя же буквы: Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ѣ, Ю, Ꙗ, Ꙗ, Ѫ, Ѭ, Ѧ, Ѩ, размѣщены подъ конецъ славянской азбуки.

Изъ уваженія къ преданіямъ греческой письменности Кириллъ Философъ удержалъ и излишнія въ славянскомъ письмѣ начертанія: Ѯ, Ѱ, Ѳ, Ѵ; но за то онъ помѣстилъ ихъ въ самомъ концѣ азбуки. Сверхъ того Ѡ поставлено рядомъ съ равносильнымъ ему О, а на мѣсто греческаго Υ—двухбуквенное начертаніе ОУ или Ꙋ.

Глубокая древность уцѣлѣвшаго понынѣ распредѣленія буквъ славянской азбуки видна изъ свидѣтельства Храбра, а также изъ дошедшаго въ спискахъ XII и XIII в. древнеболгарскаго акростиха, котораго строки нанизаны своими началами на нить славянской азбуки въ такомъ порядкѣ: А, Б, В, Г, Д, Є, Ж, S, Ꙁ, И, І, (Л), К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, Ꙋ, Ф, Х, О, Ѡ, (П), Ц, Ч, Ш и т. д. Конечныя строки этого акростиха уже перепутаны.

6. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ свидѣтельства Храбра о греческомъ происхожденіи кирилловской азбуки служитъ числительное значеніе ея буквъ, слѣдующее алфавиту греческому: α—1; β—2; γ—3; δ—4 и т. д., со вставкою лишь въ трехъ мѣстахъ начертаній чисто славянскихъ: S для 6, Ч для 90 и Ѧ или Ц для 900.

7. Изъ того же вѣроятно источника вышла и другая ц. слав. азбука, извѣстная подъ названіемъ глаголицы или глаголической. Многія изъ ея начертаній представляютъ легкое и какъ будто намѣренное видоизмѣненіе или усложненіе кирилловскихъ буквъ, напр.

кирил. Б, Д, Є, Ж, Л, М, Р, Ф, Ѳ, Ѡ, Ц, Ч, Ш;
глагол. Ⰱ, Ⰳ, Ⰴ, Ⰶ, Ⰻ, Ⰾ, Ⱀ, Ⱄ, Ⱅ, Ⱏ, Ⱗ, Ⱙ, Ⱘ.

Въ другихъ глаголическихъ буквахъ можно замѣтить сходство съ греческими курсивными буквами X в.

Есть однако въ глаголицѣ и такія начертанія, которыя не похожи ни на соотвѣтствующія кирилловскія, ни на греческія, напр.

кирил. І, И, Й, О, С, Х, Ц, Ъ, Ь, Ю, Я, Ѫ, Ѩ, Ѭ, Ѵ;
глагол. ⰒⰢ, Ⰵ, ⰈⰢ, ⰒⰢ, ⰄⰢ, ⰘⰢ, ⰝⰢ, ⰞⰢ, ⰠⰢ, ⰤⰢ, ⰥⰢ, ⰦⰢ, ⰪⰢ, ⰫⰢ, ⰬⰢ, ⰭⰢ.

Происхожденіе этихъ начертаній не достаточно еще разъяснено.

8. Распорядокъ буквъ глаголическихъ совершенно сходенъ съ кириллицей, какъ это видно изъ числительнаго значенія глаголическихъ буквъ:
1 ⰀⰢ (а); 2 Ⰱ (б); 3 ⰂⰢ (в); 4 Ⰳ (г); 5 ⰄⰢ (д); 6 Ⰴⰹ (є); 7 ⰆⰢ (ж); 8 ⰅⰢ (ѕ); 9 ⰆⰅ (з); 10 ⰈⰢ (і); 20 ⰉⰢ (и); 30 ⰊⰢ (ѣ); 40 ⰋⰢ (к); 50 ⰌⰢ (л); 60 ⰍⰢ (м); 70 ⰎⰢ (н); 80 Ⰿⰹ (о); 90 ⰐⰢ (п); 100 Ⱁ (р); 200 ⰒⰢ (с); 300 ⰓⰢ (т); 400 ⰣⰢ (оу); 500 ⰖⰢ (ф); 600 ⰗⰢ (х); 700 ⰜⰢ (ѡ); 800 ⰢⰢ (ц); 900 ⰥⰢ (ч); 1000 ⰦⰢ (ш).

9. Сходны и древнія названія буквъ обѣихъ азбукъ, какъ видно изъ славянолатинскихъ и славяногреческихъ букварей XII—XIII в., гдѣ мы находимъ уцѣлѣвшія понынѣ наименованія буквъ: азъ, букы, вѣди, глаголь, добро, есть, живѣте, зѣло, земля, иже, и, како, люди, мыслѣте, нашъ, онъ, покой, рцы, слово, твердо, икъ, оникъ, фертъ, хѣръ, ци, червь, ша, ща, еръ, еры, ерь, ять, ю, юсъ, я, кси, пси, ѳита, ижица.

10. Вообще система графики глаголической ничѣмъ не отличается отъ кирилловской, кромѣ: а) отсутствія въ первой начертаній, соотвѣтствующихъ кирилловскимъ и, є; б) смѣшенія въ глаголицѣ звуковъ ѣ и и въ одномъ начертаніи Ⰴ и в) употребленія въ ней особой буквы ⰊⰢ для обозначенія звука, соотвѣтствующаго сербскому ћ или ћ.

11. Все это указываетъ на происхожденіе кириллицы и глаголицы изъ одного источника; а такъ какъ источникомъ этимъ могъ быть лишь алфавитъ греческій, то вѣроятна бо́льшая древность той изъ двухъ азбукъ, которая ближе къ греческой,

т. е. кириллицы. Глаголица представляется ея видоизмѣненіемъ или даже умышленнымъ искаженіемъ, произведеннымъ въ очень древнее время (не позже X в.), по неизвѣстнымъ еще побужденіямъ, всего скорѣе—сектаторскаго рода.

12. Долгое время кириллица и глаголица употреблялись совмѣстно въ письменности Славянъ, особенно на югѣ, при чемъ первая сосредоточивалась главнѣйше въ восточныхъ, а вторая въ западныхъ областяхъ Балканскаго полуострова. Впослѣдствіи кириллица совершенно вытѣснила глаголицу у Славянъ восточной церкви; но у католическихъ Хорватовъ глаголица уцѣлѣла понынѣ, благодаря особенно тому предпочтенію предъ кириллицей, какое всегда оказывали ей римскіе папы. Дѣланы были попытки утвердить глаголицу и у Чеховъ; но она встрѣтила тамъ могущественную соперницу въ абецедѣ латинской, которая постепенно утвердилась у всѣхъ католическихъ Славянъ.

13. Древнѣйшій почеркъ кирилловскихъ рукописей, сходный съ греческими начальными буквами (унціалами) VIII и IX в., называется уставнымъ. Онъ господствовалъ въ пергаментныхъ рукописяхъ XI, XII, XIII и первой половины XIV в., когда прямолинейная форма буквъ стала измѣняться въ закругленную или полууставную. Полуставъ преобладалъ въ XV и XVI вв.; съ половины послѣдняго входитъ въ употребленіе округлая скоропись, которая въ XVII в. становится господствующимъ почеркомъ.

Со введеніемъ въ XV—XVI вв. книгопечатанія ц. слав. шрифтамъ усвоенъ былъ типъ полууставного почерка. Петръ Вел. видоизмѣнилъ его въ гражданской печати, сблизивъ со скорописью и съ типомъ латинскихъ шрифтовъ.

14. Въ письменности же глаголической слѣдуетъ отличать два главныхъ почерка: а) закругленный или болгарскій, похожій на среднегреческій курсивъ и уцѣлѣвшій въ древнѣйшихъ глаголическихъ кодексахъ (XI—XII вв.), и б) угловатый или хорватскій, смахивающій на средневѣковую латинскую фрактуру и употреблявшійся въ рукописяхъ болѣе поздняго времени (съ XIII в.).

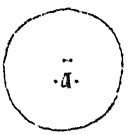
15. Одновременно съ общимъ характеромъ письма мѣнялась и форма отдѣльныхъ буквъ, такъ что по виду послѣднихъ можно судить съ приблизительной точностію о времени возникновенія отдѣльныхъ рукописей. Особенно характерны въ этомъ отношеніи буквы: Ѫ, Ꙁ, Ꙋ, Ѫ и Ѧ, на которыя и слѣдуетъ обращать особенное вниманіе при палеографическомъ обозрѣніи рукописей. Затѣмъ начертаніе Ъı мѣняется въ XIV—XV вв. въ Ы, которое встрѣчается изрѣдка и въ памятникахъ XI в. Оу чередуется съ сокращеннымъ начертаніемъ ꙋ, которое перепадаетъ и въ XI в., но утверждается лишь съ XIV в., особенно въ срединѣ и концѣ словъ. Рядомъ съ О простымъ появляется О очное (Ѳ), крестовидное и двойное, похоже на Ѿ. Послѣднее начертаніе очень рѣдко встрѣчается въ рукописяхъ XI в., но позже оно распространяется, особенно въ изводахъ среднеболгарскихъ, и принимаетъ впослѣдствіи совершенно условную роль отличителя созвучныхъ формъ, напр. **его** вин. п. и **егѡ** род. п.; **пророка** им. ед. и **пророка** им. дв.; **львокъ** им. ед. и **львовъ** род. мн.; **многа** им. ед. и **многа** им. мн.; **человѣкомъ** тв. ед. и **человѣкомъ** дат. мн.; **колико** мѣстоим. и **колико** нарѣчіе и т. п. Подобное же условное значеніе придано въ позднѣйшихъ памятникахъ ц. слав. письменности начертанію Є (есть съ удлиненнымъ язычкомъ), которое было сначала графическимъ сокращеніемъ для Іє, а потомъ стало примѣтою формъ дв. и мн. чиселъ, напр. **телецъ** им. ед. и **телецъ** род. мн.; **о҃цемъ** тв. ед. и **о҃цемъ** дат. мн.; **ꙁера** род. ед. и **ꙁера** им. дв. Къ позднѣйшему же времени относится распространеніе начертанія Ѿ, которое встарину употреблялось лишь изрѣдка въ предлогѣ Ѿ и числительномъ ·Ѿ· (800). Столь же рѣдко появляется въ древнихъ рукописяхъ І десятеричное, напр. въ Остр. ев. въ словахъ: **і҃исъ**, **і҃ѡ**, **і҃ꙁиде**, а также въ числительномъ ·І· (10). Не ранѣе XV в. вырабатывается и утверждается впослѣдствіи въ печатныхъ книгахъ привычка употреблять І предъ другою гласною.

16. Въ примѣненіи кирилловскихъ буквъ къ счисленію также замѣтны по вѣкамъ нѣкоторыя различія. Такъ для 6

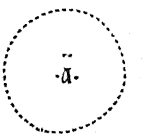
употреблялось первоначально начертаніе ·Ƨ·; съ XV—XVI в. оно замѣняется извороченнымъ въ другую сторону ·Ƨ·, которое встрѣчается впрочемъ изрѣдка и въ Остром. ев. Для цифръ 11, 12 и т. д. рядомъ съ обычными: .ĀI., .B̄I. и т. д. употреблялись иногда и болѣе сходныя съ греческими написанія: .ĀA., .B̄B. (ια′, ιβ′). Кой гдѣ и вмѣсто .K̄A., .K̄B. встрѣчаемъ .ĀK., .B̄K. и т. п. Для числа 90 въ Остром. ев. и другихъ древнихъ рукописяхъ употреблялся знакъ, соотвѣтствующій греч. κόππα; съ XIV же вѣка появляется вмѣсто него ·Ϙ·, которое и утверждается впослѣдствіи. Для 900 употреблялась первоначально буква ·Ѧ·, соотвѣтствующая греч. σαμπί; съ XV—XVI вв. распространилось употребленіе въ этомъ значеніи буквы ·Ѱ·, быть можетъ для параллели ·Ϙ· (90).

Тысячи обозначались въ ц. слав. присоединеніемъ слѣва знака перечеркнутой черты: ≠ а·, ≠ в· и т. п.

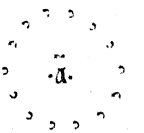
Тьма (10,000) выражалась съ XII в. кругомъ:



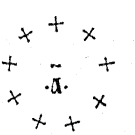
Легіонъ или несвѣдь (100,000) обозначалась кружкомъ изъ точекъ: . . . . . .



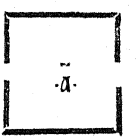
Впослѣдствіи придуманы знаки и для милліоннаго счисленія, а именно: для леодра (1.000.000) кружекъ изъ запятыхъ . . . . . .



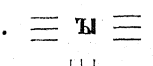
для врана (10.000.000) кружекъ изъ крестиковъ:



для колоды (100.000.000) двойныя скобки: . .



для тьмы же темъ (милліардъ) принято такое обозначеніе . . . . . ×



17. Въ заглавіяхъ статей древнеславянскихъ рукописей нерѣдко находимъ заставки, т. е. узоры, составленные изъ рисунковъ геометрическаго, ботаническаго, зоологическаго и т. п. характера. Узоры эти, наряду съ разукрашенными киноварью заглавными строками и начальными буквами, представляютъ древнѣйшіе образцы славянской живописи.

18. Примѣняя буквы то кирилловской, то глаголической азбуки къ написанію славянскихъ текстовъ, наши предки старались возможно точнѣе воспроизводить на письмѣ звуки своего языка, т. е. придерживались правописанія звукового (фонетическаго), не обращая вниманія на производство словъ. Они писали напр. **искони** и **издревле, нжнего, посъла** и **пошьли, безкожьнъ** и **бесплодьнъ, бешѹдъ**, даже **бездразоума, издржкы** и т. п. Лишь впослѣдствіи, когда образовалось уже литературное преданіе, нѣкоторыя буквы оторвались отъ соотвѣтственныхъ звуковъ и получили условное значеніе. Это относится преимущественно къ гласнымъ: **Ѫ** и **А**, **Ы** и **Ѣ**, **Ъ** и **Ь**. Такъ постепенно написаніе разошлось съ выговоромъ и фонетическая система смѣнилась историческою, традиціонною; а такъ какъ древній выговоръ ближе къ этимологическимъ началамъ словъ, то система историческая можетъ быть названа и словопроизводственною (этимологическою). Послѣдняя донынѣ господствуетъ въ письменности русской и болгарской. Лишь новосербская письменность оставила историческое правописаніе, изгнала старославянскія буквы: **Ѣ, Ы, Ъ, Ь**, ввела среднелатинскую **J** и совершенно пренебрегла словопроизводственнымъ началомъ, пиша напр. српски при Срб, витешки при витез и т. п.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

УЧЕНІЕ О ЗВУКАХЪ ИЛИ ФОНЕТИКА.

---

§ 7.

Система гласныхъ.

1. Кирилловская азбука представляетъ 11 буквъ для выраженія простыхъ гласныхъ ц. слав. языка: **А**, **І**, **ОУ**; **Є**, **О**; **Ь**, **Ъ**; **Ѣ**, **Ы**; **Ѧ**, **Ѫ**. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще 6 сложныхъ начертаній для гласныхъ іотованныхъ: **Ꙗ**, **Ю**, **Ѥ**, **Ꙗ́**, **Ѩ**, **Ѭ**. Славянскія буквы: **А**, **І**, **ОУ**, **Є** и **О** вполнѣ соотвѣтствуютъ среднегреческимъ: α, ι, ου, ε, ο; всѣ же остальныя придуманы вновь для выраженія особенныхъ звуковъ и фонемъ славянскаго языка, а именно: **Ь** и **Ъ** для обозначенія гласныхъ несовершеннаго образованія типовъ **Є** и **О**; **Ѣ** и **Ы** для гласныхъ смѣшаннаго образованія типовъ e͡o (ъ͡ъ) и o͡e (ъ͡ь); **Ѧ** и **Ѫ** для гласныхъ съ носовымъ резонансомъ, и наконецъ рядъ іотованныхъ гласныхъ для обозначенія то ихъ сочетанія съ полусогласнымъ **Й**, то мягкости предыдущихъ согласныхъ.

2. Для звука І въ кирилловской азбукѣ мы находимъ три, а въ глаголической четыре начертанія, а именно:

кирил. **Н**, **І**, **Ѵ**;

глагол. **Ⱎ**, **Ⱁ**, **Ⱑ**, **Ⱔ**.

Три кирилловскія буквы соотвѣтствуютъ среднегреческимъ η, ι, υ, которыя имѣли въ IX в. почти тожественное значеніе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда υ было частію дифтонга и

звучало близко къ ў (В). То же должно сказать и о трехъ первыхъ глагольскихъ буквахъ; но четвертая Ⱁ возникла самостоятельно и потому должна была имѣть какое то особое звуковое значеніе, всего вѣроятнѣе равносильное полусогласному **Й**, хотя это значеніе и не проведено послѣдовательно въ памятникахъ, употребляющихъ это четвертое I (напр. Зограф. ев.). Можно догадываться, что и кирилловское начертаніе **И** (или **І**) выговаривалось иногда полусогласно, напр. въ позвукахъ словъ: мои, твои, покои, краи въ им. ед., тогда какъ въ им. мн. тѣ же слова имѣли позвучный гласный I. Что касается глагольской буквы Ⱈ, то она выговаривалась либо какъ согласный J, либо какъ сербскіе Ћ или ћ. Такой согласный J нужно предполагать въ тѣхъ древнеславянскихъ фонемахъ ДJ, ТJ, изъ которыхъ развились ц. слав. **жд** и **шт**, серб. ћ и Ћ, рус. ж и ч, и т. д., а равно въ фонемахъ типа БJ, МJ, превратившихся въ **БЛ, МЛ**. Словомъ, **Й** имѣлъ характеръ полусогласнаго при сочетаніи съ предшествующею или послѣдующею гласною, а характеръ согласнаго (J)—послѣ другого согласнаго.

3. Начертаніе **ОУ** составлено по образцу среднегреческаго ου, которое было равносильно латинскому U; оно не имѣло уже въ выговорѣ характера дифтонга ни въ среднегреческомъ, ни въ ц. слав. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ буквою **ОУ** скрывается полусогласный ў, какъ это видно изъ ея смѣшенія съ В, напр. **оугодьникъ и вѣгодьникъ, оузиратї и вѣзиратї, оуселѣнїа и вѣселѣнїа**; ср. древнерус. завтра, вгорскій король, Усеволодъ, узможно.

4. Выговоръ буквы **О** имѣлъ, кажется, нѣкоторые оттѣнки: онъ наклонялся то а) къ А, то б) къ У, то в) къ Е, напр.

а) **рабъ и робъ, радиши и родиши** curam habes; **памать и помьнїж**; ср. рус. аканье;

б) **дрогъ и дроугъ, отъпости и отъпоусти, авгоста и авгоуста**; ср. старорус. докуль, Микула, Херовимъ;

в) **топлъ и тѣплъ, стонати и стѣнати, попелъ и пепелъ**; ср. древнерус. Волосъ и Велесъ.

5. Гласныя **Ь** и **Ъ** имѣли, вслѣдствіе несовершенной арти-

куляціи, выговоръ глухой и неопредѣленный, при чемъ первая приближалась къ звукамъ типа Е, а вторая—типа О. Глухой и неопредѣленный выговоръ этихъ гласныхъ виденъ изъ того, что какъ Кириллъ Философъ, такъ и составитель глаголической азбуки не нашли возможнымъ обозначать ихъ какою либо чистою гласною, а должны были придумать особыя буквы „но словѣньстѣи рѣчи“. Этимъ же объясняется возможность разнообразныхъ замѣнъ для каждаго изъ еровъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. гласными О, У, А, Е для Ъ-ра и гл. Е, И, А для Ь-ря. Что касается предположенной выше близости звука Ь къ гласнымъ типа Е, а звука Ъ къ О, то она доказывается, во-первыхъ, частымъ чередованіемъ въ ц. слав. всѣхъ изводовъ буквъ: Ь и Є, Ъ и О, напр. въ формахъ: **пѫтьмь** и **пѫтемь**, **дѫбъмь** и **дѫбомь**, **тъгда** и **тогда**, **родъ сь** и **родо-сь**, **дьнь сь** и **денє-сь**; во-вторыхъ, изъ частаго смѣшенія буквъ Ь и Ъ, напр. **кърати** и **кьрати**, **вѣдова** и **вьдова**, **мѣзда** и **мьзда**, **пѣтица** и **пьтица** и т. п. Это было бы невозможно при принадлежности перваго къ звукамъ типа І, а второго къ У, между которыми разстояніе гораздо значительнѣе, чѣмъ между Е и О.

6. Въ нѣкоторыхъ звукосочетаніяхъ смѣшеніе глухихъ Ь и Ъ столь обычно, что привело къ предположенію о полномъ ихъ безразличіи, напр. въ группахъ съ плавными: **влъкъ** и **влькъ**, **врѣхъ** и **врьхъ**, **срѣдьце** и **срьдьце**, **плъть** и **пльть** и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ для опредѣленія характера глухого слѣдуетъ обращать вниманіе на твердость или мягкость предшествующаго плавному согласнаго, т. е. предполагать Ъ послѣ Г, К, Х, а Ь послѣ Ж, У, Ш, напр. **грѣло**, **скрѣбь**, **хрѣсъ**, **хрѣтъ**, но: **жрьло**, **урьвь**, **шрьсть** и т. п. Другимъ руководителемъ можетъ служить при этомъ перегласовка глухихъ въ русскомъ: при замѣнѣ глухого гласнымъ Е слѣдуетъ предполагать въ ц. слав. Ь, при замѣнѣ же О—Ъ, напр. **тръгъ**, **млъва**, **плъть**, но: **прьсть**, **мрьтвъ**, **срьдьце**.

7. Для характеристики выговора ц. слав. Ь и Ъ слѣдуетъ еще прибавить, что они были обыкновенно гласными краткими, особенно въ концѣ слоговъ и словъ. Очень рано они потеряли

прежній слогообразующій характеръ и превратились въ звуковые нули, при чемъ нѣсколько усилился предшествующій слогъ. Такое нулевое значеніе имѣли напр. глухіе въ концѣ словъ: **вѣрєнъ, день, лекъ, весь,** при параллельныхъ написаніяхъ: **вѣрна, дни, ква, вси.** Опущеніе глухихъ видимъ и въ предлогахъ въ сочетаніи съ именами, напр. **бєздрaзоума, издржкы, ижнего.**

8. Буква **Ѣ** выражала гласный смѣшаннаго образованія, именно сочетаніе язычнаго (поперечнаго) уклада для Ь (Е, І), а губно—гортаннаго (продольнаго) для Ъ (О, А), т. е. звукъ, близкій къ нѣмец. ä или ö. Присутствіе въ **Ѣ** язычнаго уклада Ь, т. е. узкаго гласнаго, видно: а) изъ самаго начертанія **Ѣ**, гдѣ въ основѣ лежитъ сочетаніе начертаній **Ь** и **Ъ**; б) изъ мягкаго выговора предшествующихъ **Ѣ** согласныхъ, напр. **рѣка, лѣто,** почти какъ въ **морє, полє**; в) изъ чередованій **Ѣ** съ Е, І въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между прочимъ въ сѣверовосточныхъ и югозападныхъ говорахъ русскаго языка. Что касается продольнаго уклада органовъ по типу Ъ, то онъ явствуетъ: а) изъ обозначенія въ глаголическихъ памятникахъ **Ѣ** тѣмъ же начертаніемъ, которое употребляется для **Ѧ**, а именно **Ѧ**; б) изъ частыхъ замѣнъ и въ кирилловскихъ памятникахъ буквъ **Ѣ** и **Ѧ**, напр. **исти** и **съмѣдь, мазуати, дрьжати** при **мазуиши, дрьжиши**; в) изъ чередованій **Ѣ** съ А, О, въ подъемномъ движеніи гласныхъ ряда І, напр. **пѣти, пожь**; **лити, лѣжь, лои**; **лѣзти, лазити**; **сѣсти, садъ**; **рѣзати, разъ**, а также изъ чередованій Ѣ и А въ высшихъ степеняхъ ряда А, напр. **лѣгати, полагати**; **тѣкати, истаѵати**; и г) изъ замѣны **Ѣ** въ новославянскихъ нарѣчіяхъ въ А, Я, а кой гдѣ и въ О: ц. слав. **бѣлъ**, болгар. бялъ, пол. biały; ц. слав. **мѣхъ**, рус. мошна; ц. слав. **сѣдло, гнѣздо**, рус. сѣдла, гнѣзда (собственно сёдла, гнёзда); ц. слав. **врѣдъ**, пол. wrzód.

9. Какъ бы впрочемъ ни выговаривалось въ ц. слав. **Ѣ**, несомнѣнно, что оно не заключало въ себѣ согласнаго J, который нерѣдко скрывался въ начертаніи **Ѧ**. Въ противномъ случаѣ этотъ J послѣ Д, Т превращался бы въ **Ж**, Ш, а послѣ Б, П, В, М въ Л, какъ это нерѣдко бываетъ предъ j+а, т. е. вм.

медѣ было бы **междѣ**, вм. **ꙁимѣ—ꙁимлѣ**, вм. **бѣдѣ—блѣждѣ** и т. п., чего въ дѣйствительности никогда не встрѣчаемъ.

10. Буквою **Ы** выражается звукъ, уцѣлѣвшій донынѣ въ русскомъ и польскомъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, т. е. сочетаніе язычнаго (поперечнаго) уклада Ъ (У, О) и губно-гортаннаго (продольнаго) Ь (І, Є), слѣд. сочетаніе условій артикуляціи Ъ+Ь. Разница между **Ѣ** и **Ы** заключалась главнѣйше въ томъ, что отношеніе продольнаго и поперечнаго моментовъ въ нихъ было обратное, а именно: въ **Ѣ** сочетался поперечный укладъ типа **ь** съ продольнымъ типа **Ъ**, тогда какъ въ **Ы** наоборотъ—поперечный укладъ типа **Ъ** и продольный типа **ь**. Оттого то и въ начертаніи **Ѣ** въ основу положенъ **ь**, а въ **Ы**—наоборотъ **Ъ**. Присутствіе въ **Ы** язычнаго уклада Ъ (О, У) видно изъ его сочетаемости съ твердыми согласными и частыхъ чередованій съ У, О, напр. ц. слав. **стꙑдъ** и **стоудъ**; **сꙑнъ** и **соунъ** turris; ц. слав. **нꙑнѣ**, рус. нонѣ; ц. слав. **ꙁълꙑи**, рус. злой; ц. слав. **вꙑкъ**, рус. вою; ц. слав. **плама**, рус. полымя вм. поломя; рус. полынья вм. полонья и т. п. Присутствіе же губно-гортаннаго уклада Ь (І, Е) явствуетъ изъ чередованій **Ы** съ І, Е, напр. ц. слав. **добрꙑими кони** при **добрꙑими ꙁаконъ**; ц. слав. **монастꙑрь**, греч. μοναστήριον; **псалтꙑрь**, ψαλτήριον; рус. Давыдъ и Давидъ; ц. слав. **женꙑ**, серб. жене.

11. Буквы **Ѧ** и **Ѫ** выговаривались какъ звуки типовъ Е и О (или Ь и Ъ), сопровождаемые носовымъ резонансомъ, подобно пол. ę, ą, или франц. in, on. Такой выговоръ ц. слав. **Ѧ** и **Ѫ** явствуетъ:

а) изъ древняго ихъ названія въ греческо-славянскихъ букваряхъ ιε и ιο, при чемъ носовой назвукъ этихъ гласныхъ не обочначался Греками, вѣроятно, по его слабости и странности для греческаго слуха;

б) изъ способа передачи греческихъ словъ: πεντηκοστή, Λογγῖνος славянскими: **патикости**, **лжгинъ**, и наоборотъ славянскихъ: **Сватоплъкъ**, **Сватославъ** греч. Σφεντόπλγκτος, Σφεντίσθλαβος;

в) изъ латин. транскрипціи ц. славянскихъ словъ во Фрей-

зингенскихъ статьяхъ (X в.): sunt (**сѫть**), poronso (**поржѫ**), uensih (**ваштьшихъ**);

г) изъ способа передачи въ языкахъ румынскомъ, мадьярскомъ и новогреческомъ заимствованныхъ изъ древнеслав. языка словъ, напр. ц. слав. **огладати, тѫпъ**, румын. оглиндъ speculum, тъмн; ц. слав. **мата, патъкъ, блѫдъ, мѫка, сѫсѣдъ**, мадьяр. ménta, péntek, bolond, munka, szomszéd; ц. слав. **лѫка, ладина**, новогреч. λογκᾶ, λιαντίνα;

д) изъ способа передачи славянскими буквами заимствованныхъ изъ нѣмец. словъ: др. вер. нѣм. kuning, phenning, ц. слав. **кънязъ, пѣнязъ**; лат. handuga, ulbandu, plinsjan, ц. слав. **хѫдогъ, вельбѫдъ, плясати**;

е) изъ чередованія въ ц. слав. гласныхъ **А** и **Ѫ** со слогами: **ЬN, ЬМ** и **ЪN, ЪМ** или **ЄN, ЄМ** и **ОN, ОМ**: **наѫьнѫ—наѫати; жѫмѫ—жати; дѫмѫ—дѫти; врѣмене—врѣма; вонѩ—жѫти**;

ж) изъ существованія и понынѣ ринезма въ соотвѣтственныхъ словахъ въ пол., а отчасти и въ македонскихъ говорахъ, напр. ц. слав. **ꙗзыкъ, града, мѫдро, ꙁѫбы**, пол. język, grzęda, mądro, zęby, македон. (костурск.) йензик, гренда, мъндро, зъмби;

з) изъ происхожденія **А** и **Ѫ** изъ em, en, om, on, am, an, предъ другими согласными (за изъятіемъ Л и J) и въ позвукахъ, напр. греч. πέντε, ц. слав. **пать**; лат. calendae, mens, tremere, emere, ц. слав. **колада, памать, трясти, ѩти**; нѣм. Kind, ц. слав. **ѫдо**; греч. ζόμβρος, ц. слав. **ꙁѫбрь**; греч. ἔγχελυς, лат. anguilla, ц. слав. **жгорь**; греч. χήν, лат. anser, нѣм. Gans, ц. слав. **гѫсь**; лат. nomen, viduam, ц. слав. **има, вьдовѫ**.

12. Когда слоги ЕМ, ЕН (ЬМ, ЬН) или ОМ, ОН (ЪМ, ЪН) превращаются въ **А** и **Ѫ**, то при этомъ гласные остаются; отъ согласныхъ же М, Н сохраняется лишь носовой резонансъ, тогда какъ ихъ губная или язычная смычка исчезаетъ. Вслѣдствіе того получаются гласные съ двумя каналами—носовымъ и ртовымъ, при чемъ самая опредѣленность ртоваго резонанса нѣсколько затемняется болѣе сильнымъ—носовымъ.

13. При слогѣ ІМ, ІН юсъ не получался, такъ какъ при

укладѣ типа I носовой каналъ плотно закрывается сзади отъ глотки небной занавѣской, вслѣдствіе чего носовой назвукъ исчезалъ, если гласный I не перешелъ въ какой либо другой, напр. въ Е. Такъ изъ греч. πλίνθος получается слово плита; изъ ἐρέβινθος—ц. слав. ревитъ; изъ лат. mensa—слав. миса; вмѣсто же Corinthus, indictio встрѣчаемъ Коринтъ, индикти.

14. Когда носовой назвукъ при Ѧ, Ѫ ослабѣетъ до нуля, то юсы опять обращаются въ гласные чистые и притомъ очень разнообразные, вслѣдствіе неопредѣленнаго, неяснаго характера ртоваго резонанса. Всего чаще Ѧ превращается въ А (Я) и Е, а Ѫ въ У и О; но нерѣдко они чередуются въ самомъ ц. слав. и съ гласными смѣшаннаго или глухого образованія, напр. **мати** и **мѣкъкъ**, **памать** и **помѣнѫти**, **сѫшти** и **съ**, **камене** и **камы**; ср. рус. прыткій отъ **прѧдати**, дрыхнуть отъ **дрѧхлъ**, выхухоль отъ **жѧти**, прыгать отъ **прѧгати**, **прѫгъ**. Что касается замѣны юсовъ глухими, то это характеристика среднеболгарскаго извода ц. слав. книгъ.

Превращаясь во всѣ почти чистые гласные, юсы никогда не перегласовываются въ I, по той же конечно причинѣ, по которой они и не возникаютъ изъ слоговъ IМ, IН. Если же иногда въ чешскомъ мы встрѣчаемъ I вм. древняго юса (напр. více вм. **каште**), то это уже I вторичное или третичное, развившееся изъ Е или другого гласнаго.

15. Начертанія іотованныя: Ꙗ, Ѥ, Ю, І҆Ѣ, І҆Ѧ, І҆Ѫ, имѣли въ ц. слав. языкѣ двоякое значеніе: а) сочетаніе полусогласнаго Й съ гласными А, Е, У, Ѣ, Ѧ и Ѫ, напр. **ꙗко**, **ѥдинъ**, **юнъ**, **ѣсти**, **ѩзыкъ**, **рꙑбѫ**; и б) мягкій выговоръ предыдущаго согласнаго, напр. **стꙑдѩше**, **растѩше**, **кѩше** и т. п. Если бы въ послѣднихъ формахъ іотація обозначала J, то онъ вступилъ бы въ тѣснѣйшее сочетаніе съ предшествующимъ согласнымъ, превратясь при этомъ въ Ж, Ш, Л, чего не видимъ на самомъ дѣлѣ. Оттого то іотація въ аналогичныхъ случаяхъ нерѣдко замѣняется надстрочной каморой, напр. **древлѥ**, **морѥ**, **понеже** и т. п.

Значеніе перваго рода (а) имѣютъ іотованные гласные въ

началѣ слоговъ и словъ, послѣ гласныхъ; второе же (б) свойственно было имъ послѣ согласныхъ.

16. Сравнивая славянскіе гласные съ другими арійскими мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ гласныхъ слились звуки различныхъ первоначально вокальныхъ типовъ, напр. въ Ь—А и І, въ Ъ—А и У: а) ц. слав. **срьдьце**, греч. καρδία, cor-dis- ц. слав. **лъгъкъ**, греч. ἐλαχύς; ц. слав. **мьнии**, лат. minor; ц. слав. **вьсь**, лат. vicus, греч. οἶκος; ц. слав. **огнь**, лат. ignis; ц. слав. **ѥсмь**, греч. εἰμί; б) ц. слав. **бъръ**, лат. far; ц. слав. **пътица**, **коуро пътина**, лат. patere, patina; ц. слав. **мъногъ**, нѣм. mancher; ц. слав. **вѣтъхъ**, лат. vetus; ц. слав. **сънъ**, греч. ὕπνος; ц. слав. **бръвь**, греч. ὀφρύς.

Въ этомъ совпаденіи звуковъ основныхъ А, І, У въ переходныхъ Ь и Ъ повторился тотъ же процессъ, по которому изъ дифтонговъ А+І образовалось Е, а изъ А+У—О, такъ какъ ц. слав. Ь и Ъ были собственно видоизмѣненіемъ звуковъ типовъ Е и О.

17. То же почти должно сказать и о ц. слав. **Ѣ**, **Ы**, изъ конхъ въ первомъ сбѣгаются побѣги отъ А, І, а во второмъ— отъ А, У, напр. а) ц. слав. **сѣти**, лат. satum; ц. слав. **вѣдѣ**, греч. οἶδα, лат. vidi; б) ц. слав. **камы**, сан. açman; ц. слав. **бъıти**, греч φύω, лат. fui.

18. Не смотря на эту двойственность происхожденія ц. слав. **ь** и **ъ**, **ѣ** и **ы**, все таки можно утверждать, что первый и третій развились главнѣйше изъ І, а второй и четвертый—изъ У.

19. Если мы возьмемъ извѣстный ц. слав. текстъ правильнаго (въ Востоковскомъ смыслѣ) письма и разсмотримъ процентное отношеніе между отдѣльными гласными, то найдемъ приблизительно слѣдующее: 20,4% гласныхъ типа **І**, 13,9%— типа **Ъ**; 13,4%—типа **Є**; 13,4% —типа **О**; 12,7%—типа **А** 6,1%—типа **Ѣ**; 6%—типа **Ь**; 4,3%—типа **Ѧ**; 4,3%—типа **Ѫ**; 3%—типа **Ы**; 2,5%—типа **ОУ**.

Итакъ пять чистыхъ гласныхъ (**А**, **І**, **У**; **Є**, **О**) составляютъ въ совокупности 62,4%; два глухіе (**Ь**, **Ъ**)—19,9%; два смѣшанные (**Ѣ**, **Ы**)—9,1%; два носовые (**Ѧ**, **Ѫ**)—8,6%. Распре-

дѣляя же ихъ на группы по узости и ширинѣ канала найдемъ: 50,2% гласныхъ узкихъ, а 49,8% широкихъ; если же исключимъ изъ послѣднихъ обоюдное А, то получимъ 35,4% широкихъ. Изъ этого видно, что узкій укладъ ртоваго канала преобладаетъ въ ц. слав. языкѣ, чѣмъ объясняется и развитіе въ немъ мягкаго выговора согласныхъ, а равно обиліе звуковъ среднеязычнаго пояса.

20. Одиннадцать гласныхъ ц. слав. языка подвержены различнымъ чередованіямъ, которые обусловлены слѣдующими шестью причинами: а) физіологическимъ сродствомъ звуковъ; б) направленіемъ діалектическаго развитія; в) расположеніемъ въ составѣ слова; г) вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ; д) замѣнительнымъ усиленіемъ; е) характеромъ грамматическихъ формъ; и ж) мотивами психическими. Всѣ эти виды чередованій можно объединить въ названіи звуковыхъ приспособленій къ измѣняющейся средѣ то физической, то психической.

21. Къ первому виду чередованій относятся тѣ, въ которыхъ выражаются колебанія взаимно близкихъ и родственныхъ между собою звуковъ въ написаніи извѣстнаго слова въ опредѣленномъ изводѣ ц. слав. рукописей. Такъ въ изводѣ древнеболгарскомъ мы встрѣчаемъ слѣдующія чередованія звуковъ:

А и О: **рабъ и робъ, радити и родити** curam habere, **паздерь и поздерь**;

О и Є: **стонати и стенати, топлъ и теплъ, попелъ и пепелъ**;

Ъı и ОУ: **стъдъ и стоудъ, сънъ и соунъ** turris;

Є и Ь: **пѫтемь и пѫтьмь**;

О и Ъ: **джбомь и джбъмь**;

Ъ и Ь: **сръдьце и срьдьце.**

Возможно впрочемъ предполагать, что въ этихъ двойныхъ написаніяхъ тѣхъ же словъ мы имѣемъ передъ собою два послѣдовательныхъ слоя болѣе древняго и болѣе новаго образованія, находящагося въ связи съ процессами діалектическаго перерожденія звуковъ.

22. Такъ какъ ц. слав. языкъ употреблялся издревле у Славянъ и болгарскихъ, и сербохорватскихъ, и русскихъ, то на

вокализмѣ ц. слав. памятниковъ отразилось вліяніе соотвѣтственныхъ нарѣчій. Такъ изводъ древнеболгарскій характеризуется правильнымъ употребленіемъ гласныхъ носовыхъ, которые въ изводѣ среднеболгарскомъ смѣшиваются и между собою (**А** съ **Ѫ**), и съ глухими, а въ изводахъ сербохорватскомъ и русскомъ—съ гласными чистыми (въ рус. **Ѫ**=У; **А**=А, Я; въ серб. **Ѫ**=У; **А**=Е). Вторую особенность извода болгарскаго, общую съ сербскимъ, составляетъ частое смѣшеніе гласныхъ широкихъ съ узкими (напр. **Ъ** съ **Ь**, съ преобладаніемъ перваго въ болгарскомъ и второго въ сербскимъ изводѣ; затѣмъ смѣшеніе **Ы** съ **И**, а въ среднеболгарскомъ **Ѫ** съ **А**), а простыхъ съ іотованными (А съ **Ꙗ**, Е съ **Ѥ**, У съ **Ю**), которые довольно строго отличаются въ русскомъ изводѣ. Третій признакъ болгарскаго извода—смѣшеніе **Ѣ** съ **Ꙗ**, а иногда съ **А**, тогда какъ въ сербскомъ и русскомъ гораздо обычнѣе замѣна **Ѣ** въ Е или И (послѣднее въ говорахъ хорватскихъ и новгородскихъ). Слѣды говоровъ словинскихъ слѣдуетъ видѣть въ случаяхъ замѣны **Ѫ** въ О, чуждыхъ фонетикѣ всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Для извода сербскаго всего характернѣе употребленіе **Ь** вм. **Ъ** и **Ѥ** вм. **А**. Изводъ же русскій отличается отъ всѣхъ остальныхъ особенностями своей вокализаціи согласныхъ группъ съ плавными, т. е. расположеніемъ гласныхъ впереди этихъ группъ, а иногда и по обѣ стороны плавнаго, по типу търт, търът, напр.

ц. слав. **тръгъ, влъкъ, срьдьце,**
рус. търгъ, вълкъ, сьрдьце;

или даже:

ц. слав. **стлъпъ, врьхъ, жрьло,**
рус. стълъпъ, вьрьхъ, жьрьло,

что соотвѣтствуетъ по виду параллелямъ:

ц. слав. **прасꙗ, нравъ, плѣнъ,**
рус. порося, норовъ, полонъ,

встрѣчающимся уже въ XI в. въ рукописяхъ русскаго извода. Другую его особенность составляетъ употребленіе О вм. югославянскаго Е въ началѣ нѣкоторыхъ словъ (одинъ, озеро, олень, осень, осина, ожь, ожина, омела, ольха, осетръ, одва, олѣи и

н. др.), а также въ извѣстныхъ случаяхъ вм. А (оже, Олена, розбой, полата), вм. Ъ (сомиримося предо богоме, вм. **съмиримъ-ся пр҃дъ бгомь**), а впослѣдствіи вм. **Ы** (вою, мóю, злой, нонѣ) и коренного Е (шёлъ, жёнъ, вечёръ). Третій признанъ русской редакціи—довольно строгое различеніе гласныхъ широкихъ и простыхъ отъ узкихъ и іотованныхъ—обусловленъ строемъ русскаго консонатизма, очень чуткаго къ смягчаемости согласныхъ.

23. Третій видъ чередованія гласныхъ зависитъ отъ ихъ расположенія въ началѣ, срединѣ или концѣ слоговъ и словъ, т. е. въ предзвучьяхъ, позвучьяхъ и средозвучьяхъ, гдѣ они прикрыты съ обѣихъ сторонъ согласными. Въ позвучьяхъ словъ вслѣдствіе ослабленія голоса гласные легко слабѣютъ и вывѣтриваются. Эта судьба раньше всего постигла позвучные Ь, Ъ, которыхъ краткость и неопредѣленность содѣйствовала превращенію въ звуковые нули. Позвучные юсы также ослабѣли кой гдѣ до **Ы** и Ъ, напр. **камы**, род. **камене**, при **има**, **имене**; **сы**, род. **сѫшта**; **нъ** при **нѫ**, **съ** при **сѫ** и т. п.

Что касается предзвучнаго расположенія, то его допускали лишь широкіе гласные чистаго и носового выговора, напр. **ѧзъ**, **ѩбиѥ**, **оухо**, **оутро**, **огнь**, **онъ**, **ѫзы**. Но и они нерѣдко прикрывались спереди дыхательнымъ или носовымъ призвукомъ, особенно Й, В, Н, напр. **иѧзъ**, **идро**, **идъ**, **вонм**, **вѫсъ**, **вѫгринъ**, **въноуштити**, **оноуштa**. Неизбѣжно появленіе такого призвука предъ начальнымъ **Ы** и гласными узкими, напр. **въидра**, **привꙑкати**; **иже** (йиже), **іего**, **до него**, **въ ньже**; **ѣсти**, **сънѣдь**; **нѣдро**; **имѫ** (йимѫ), **ѥмлѫ**, **вꙑньми**, **сънати**; **вепрь**, арег; **ѧзꙑкъ**; **рѫкоѩть**, **рѫковать**.

24. Появленіе въ началѣ слоговъ и словъ призвука объясняется стремленіемъ языка заполнить зіяніе между позвучнымъ гласнымъ предыдущаго слога или слова и предзвучнымъ послѣдующаго. Наибольшее примѣненіе къ этому звуковъ Й и В объясняется близостью мѣстъ образованія перваго съ небными, а второго съ губными гласными. Точкою отправленія должны были служить при этомъ слоги ЙИ и ВУ, гдѣ разстояніе между гласными узинами и согласными тѣснинами наименьшее;

оттуда могъ совершиться переходъ къ слогамъ ЙѢ и ВЪІ, ЙЕ и ВО, ЙѦ и ВѪ, а наконецъ къ ЙА и ВА, гдѣ элементы сочетанія уже довольно разнородны.

25. Что касается призвучнаго Н, то онъ могъ развиться позже и притомъ двумя путями: либо изъ Й, какъ въ **нѣдро** при **идро**, **сънѣдь** при **идъ**; либо по аналогіи того Н, которымъ замыкались нѣкогда предлоги съ, въ, къ, при чемъ ихъ позвучный Н приросъ къ предзвучьямъ послѣдующихъ словъ и сталъ чувствоваться ихъ составнымъ элементомъ, такъ что морфемы: *сън—имь, *кън—ѥмоу, *вън—ѥмь измѣнились въ формы: **съ нимь**, **отъ него**, **при немь** и т. п. Для перваго предположенія могутъ быть поддержкою случаи, гдѣ Й переходитъ въ другой плавный — Л, напр. ц. слав. **акъı**, **ікъı** и **лѣкъı**; ц. слав. **ꙑзъıкъ** и рус. областное лязыкъ; чеш. jen и словац. len (**ѥдино**). Въ чеш. není вм. **нѣсть** изъ neji Н несомнѣнно развилось изъ Й. Что же касается второго объясненія, то оно очень удачно объясняетъ Н въ формахъ: **съ нимь**, **въ немь**, **къ немоу**, но труднѣе прилагается къ формамъ: **за нимь**, **до него**, **отъ него**, гдѣ предлогъ никогда не имѣлъ позвучнаго носового. Не понятно также при этомъ предположеніи, почему исчезъ Н въ формахъ: **съ отьцьмь**, **съ аньгелъмь**, а равно, почему въ роли призвука является лишь Н, а не М, который мы встрѣчаемъ въ соотвѣтственныхъ словахъ нѣкоторыхъ арійскихъ языковъ.

26. Что ц. слав. языкъ не безусловно избѣгалъ зіянія, это доказываютъ какъ обычныя формы: **добраго**, **доброуоумоу**, **учитаахъ**, такъ и появленіе въ предзвучьяхъ паразитныхъ гласныхъ, напр. **Аморея** вм. Μωραία, **Исполинъ** gens Spalorum и т. п.

27. Четвертый видъ перегласовокъ объясняется вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ гласные основные либо уподобляются средѣ, либо выдѣляются изъ нея, при активной роли звука послѣдующаго на предыдущій, а иногда и наоборотъ. Оттого слѣдуетъ отличать уподобленіе (ассимиляцію) и расподобленіе (диссимиляцію) гласныхъ вспятное или регрессивное и поступательное или прогрессивное.

28. Поступательное уподобленіе между двумя сосѣдними

гласными мы встрѣчаемъ въ формахъ: **добраго** вм. **добраѥго**, **доброуоумоу** вм. **доброуѥмоу**, **копимь** вм. **копиѥмь**. Два ассимилированные гласные легко сливаются въ одинъ, первоначально долгій, напр. **хвалиши** изъ *хвалиіши вм. *хвалиѥши; **имаши** изъ **имаіаши** вм. *имаѥши и т. п.

29. Тотъ же поступательный ходъ имѣетъ уподобленіе, обусловленное мягкостію предыдущаго согласнаго. Этимъ путемъ образовались:

Е изъ О въ словахъ: **морѥ**, **полѥ**, **лицѥ**; **соуѥта** при **чистота**; **горесть** при **радость**; **горекати** при **радовати**; **сего** при **того**; даже **иѥвъ** (Ἰώβ), **иѥрданъ** (ἰορδάνης);

Е изъ А: **ѥноуарь** (ἰανουάριος); **лебедь** при пол. łabędź, др. вер. нѣм. albiz;

І изъ А: **рабъıни**, **маънии**, **сѫшти** (ὀδσα); ср. **иже**, **на ньже**;

І изъ Ѣ: **на поли**, **въ мори**, **о доуши**;

І изъ Ы: **добрѣими кони**; **кърьнѣими стражи**;

І изъ У: **шити** suo; **слина** и **слюна**; **лико** и **люко**; **иго** jugum; **цитъ** scutum; **жидъ** ἰουδαίος; **крижь** crux; **ильмъ** ulmus; **Римъ** и **роумьскъи**;

Ь изъ Ъ: **добръ конь**, **добрѣмь коньмь** и т. п.

А изъ **Ѫ**: **кıа** род. **кıѧшта**.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ надставная трубка гласнаго суживается, приспособляясь къ узконебному укладу предшествующаго согласнаго.

30. Видимымъ отступленіемъ отъ условій этого уподобленія представляется употребленіе мягкихъ согласныхъ предъ гласными А, У, **Ѫ**, напр. **ножа**, **ножоу**; **покоя**, **покою**; **кождь**, **кождю**; **доуша**, **доушѫ**; тогда какъ съ О, Ъ, Ы подобные согласные никогда не сочетаются. Это объясняется, вѣроятно, возможностію соединить выговоръ А, У, **Ѫ** со значительнымъ суженіемъ надставной трубки соотвѣтственныхъ типовъ, что предполагается въ приведенныхъ примѣрахъ; тогда какъ задненебные О, Ъ и **Ъı** при подобномъ суженіи совершенно измѣняютъ свою природу и перекочевываютъ въ область передненебныхъ Е, Ь, И, **А**, что случается изрѣдка, какъ мы видѣли, и съ А, У, **Ѫ**.

Графическимъ отраженіемъ суженнаго уклада для А, У, Ѫ послѣ мягкихъ согласныхъ служитъ ихъ іотація, которая нерѣдко встрѣчается въ древнихъ памятникахъ не только русскаго, но и болгарско-паннонскаго извода, напр. **жѧ҃ла, ѹ҃сѣ, жюпєлѣ, ѹюѫ, шюмъ, слѣньцю, сѣньмиштю** и т. п.

31. Примѣромъ вспятнаго (регрессивнаго) уподобленія могутъ служить замѣны Ъ въ Ь предъ узкими слогами, напр. **дькѣ** при **дъва, ꙁьлѣ** и **ꙁъло, мьрѣти** и **мъры, бьдѣти** и **бъдръ**; то же въ ц. слав. **себѣ** при **собою, осока**, и въ рус. ученіе при учёный, шествіе при ушёлъ и т. п. Въ этомъ взаимодѣйствіи сосѣднихъ слоговъ можно видѣть аналогію съ гармоніей гласныхъ въ языкахъ приставочныхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ послѣднихъ активную роль играютъ гласные предшествующіе, а въ славянскомъ послѣдующіе, другими словами, что уподобленіе дѣйствуетъ тамъ въ поступательномъ, а здѣсь (въ слав.) во вспятномъ направленіи.

32. Гораздо рѣже приспособленіе гласныхъ къ средѣ выражается въ ихъ расподобленіи (диссимиляціи). Этимъ пріемомъ объясняются напр. чередованія ц. слав. **ЪІЙ, ІЙ** съ рус. ОЙ, ЕЙ:

ц. слав. **мъіѫ, мъіи, ꙁълъіи, вьсѣкъіи, ѹіи, ꙁміи.**
рус. мою, мой, злой, всякой, чей, змѣй.

Между звуками Ы и Й, а тѣмъ болѣе И и Й разстояніе меньше, чѣмъ между О и Й, Е и Й, слѣд. въ этомъ измѣненіи слѣдуетъ видѣть расподобленіе звуковъ.

Есть впрочемъ возможность и другимъ путемъ объяснить этотъ переходъ, а именно выводя рус. ОЙ, ЕЙ изъ ЪЙ, ЬЙ, которые дѣйствительно встрѣчаются въ написаніи словъ: **мъіѫ, ꙁълъіи, ѹьи, ꙁміи** и т. п. Но послѣднему объясненію противорѣчитъ то наблюденіе, что формы ОЙ, ЕЙ распространились въ русскомъ сравнительно поздно, въ XIII—XIV и слѣд. вв., когда отъ древнихъ формъ ЪЙ, ЬЙ сохранялись скудные остатки, а господствовали **ЪІЙ, ІЙ**, изъ которыхъ и должны были слѣд. развиться ОЙ, ЕЙ, главнѣйше въ сѣверовосточныхъ говорахъ русскаго языка, тогда какъ въ югозападныхъ и понынѣ говорятъ: мыю, мый, злый, чий и т. п.

33. Чередованія пятаго вида, объясняемыя замѣнительнымъ усиленіемъ гласныхъ, могутъ быть подраздѣлены на три разновидности:

а) усиленіе при опущеніи гласнаго;

б) „ „ „ согласнаго;

в) „ „ перестановкѣ гласнаго.

Усиленіе это выражается въ измѣненіи то количества (а), то качества (б, в) звука.

34. Замѣнительное усиленіе при опущеніи гласнаго соотвѣтствуетъ стяженію (контракціи) двухъ сосѣднихъ слоговъ въ одинъ, обыкновенно долгій, если языкъ не потерялъ категоріи долгихъ гласныхъ. Такъ въ ц. слав. **добраго** вм. **добраѥго, добралго**; **доброумоу** вм. **доброуѥмоу, доброуоумоу**; **ближьнимь** вм. **ближьниимь, хвалиши** вм. *хвалиѥши,*хвалииши, **имаши** вм. *имаѥши, **имааши**; **сжди** вм. **сждиим**; **рыбж** вм. *рыбжж, **рыбож** и т. п. мы видимъ стяженіе двухъ сосѣднихъ тожественныхъ или уподобленныхъ гласныхъ. Изъ аналогичныхъ формъ сербскихъ: жȳтôга, жȳтôму, жȳтијем; врȳ̑ѣ̑га, врȳ̑ѣ̑м; вȁдȉш, нȍсȉш, чȳвȁш; женôм, мнôм и т. п. и чешскихъ: silného, silnému, silným; činíš, volaš, ženou, mnou и т. п., мы видимъ, что гласный, возникшій изъ стяженія, былъ первоначально долгимъ.

35. Рѣже встрѣчаемъ при стяженіи гласныхъ измѣненіе самаго качества звука, напр. въ ц. слав. **нѣсть** изъ **не—ѥсть**; **вынж** изъ **въ-инж**; **кыи** изъ **къ-и**; **крѣплии** изъ **крѣпль-и, божии** изъ **божь-и**. Въ послѣднихъ примѣрахъ превращеніе Ъ въ Ы, о Ь въ И совпало, вѣроятно, съ превращеніемъ позвучнаго И изъ гласнаго въ полусогласный (Й).

36. Другую разновидность замѣнительнаго усиленія представляетъ измѣненіе Е въ Ѣ, О въ А, Ь въ И и Ѣ, при опущеніи послѣдующаго согласнаго, напр.

а) **рѣхъ** вм. *рекхъ; **вѣсъ** вм. *ведсъ; **погрѣсъ** вм. *погребсъ; **нѣхъ** вм. *несхъ; **мѣсаць** вм. *менсаць (mensis);

б) **пробаса** вм. *прободса;

в) **процвисъ** вм. *процвьтсъ; **уисъ** вм. *уьтсъ;

г) **урѣти** вм. *чрьпти, чрьпсти.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ гласный былъ встарь долгимъ по положенію, такъ какъ предшествовалъ двумъ согласнымъ; эта долгота измѣнила самый тембръ звука и оставила свой слѣдъ на немъ даже по отпаденіи одного изъ двухъ согласныхъ.

37. Третій видъ замѣнительнаго усиленія представляетъ измѣненіе Е въ Ѣ, а О въ А, при измѣненіи ихъ расположенія въ согласныхъ группахъ съ плавными. Такъ греч. ἕλκω соотвѣтствуетъ въ ц. слав. не ***велкѫ**, а **влѣкѫ**; нѣм. Milch не ***мелко**, а **млѣко**; нѣм. Helm не ***шелмъ**, а **шлѣмъ**; греч. κεράσια не ***чершьни**, а **чрѣшьни**; лат. corbis не ***корбии**, а **крабии**; лат. porcus не ***порсъ**, а **прасъ**; нѣм. Gewalt не **волсть**, а **власть**.

38. Есть впрочемъ возможность и другимъ способомъ объяснить измѣненіе гласнаго въ указанныхъ формахъ, именно предположеніемъ, что и въ югославянскихъ нарѣчіяхъ существовалъ нѣкогда уцѣлѣвшій въ русскомъ полногласный выговоръ группъ съ плавными и что отъ стяженія двухъ Е получилось въ ц. слав. Ѣ, а отъ стяженія двухъ О—А, т. е. что **предъ** развилось изъ **передъ**, **среда** изъ **середа**, **крава** изъ **корова**, **власъ** изъ **волосъ**, **слама** изъ **солома** и т. п. Аналогію этому стяженію двухъ сосѣднихъ слоговъ, раздѣленныхъ плавнымъ Р или Л, въ одинъ долгій представляютъ ц. слав. формы: **четврѣдьневьнъ** изъ **четверодьневьнъ**, **пладьне** изъ **полоудьне**, **трѣмъ** изъ τέρμνος, **чрѣшьни** изъ κεράσια, **Срацинъ** изъ Σαρακήνος и т. п. Подкрѣпленіемъ для второго объясненія можетъ служить и то, что мы встрѣчаемъ въ ц. слав. цѣлый рядъ перестановокъ гласнаго въ группахъ съ плавными безъ усиленія его, напр. **длъгъ** при др. рус. дьлгъ и греч. δολιχός; **съмрьть** при др. рус. съмьрть, лат. mors, нѣм. Mord; **вьртѣти** при др. рус. вьртѣти, лат. vertere. Если бы законъ усиленія вокализма при метатезисѣ гласныхъ дѣйствовалъ въ языкѣ, то изъ дьлгъ должно бы произойти ***длоугъ** или ***длыгъ**, но не **длъгъ**; изъ чьрта—*чрѣта, а не **чрьта** и т. п. Итакъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о большей исконности формъ полныхъ или стяженныхъ необходимы дальнѣйшія изслѣдованія.

39. Къ чередованіямъ гласныхъ звуковъ, обусловленнымъ характеромъ грамматическихъ формъ, относятся явленія подъе-

ма или возвышеній и пониженій корневого гласнаго. Чередованія эти совершаются по степенямъ, опредѣляемымъ первоначальнымъ характеромъ арійскаго корня. Преобладающей его стихіей и характеристикой могъ быть одинъ изъ слѣдующихъ звуковъ: 1. А; 2. І; 3. У; 4. Р (Л); 5. М (Н). Сообразно съ этимъ и славянскія чередованія корневыхъ гласныхъ по степенямъ ихъ подъемнаго движенія вращаются въ пяти рядахъ, которые мы будемъ называть: рядомъ А, рядомъ І, рядомъ У, рядомъ Р и рядомъ М.

Характеръ степенной фонемы подверженъ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, смотря по тому, имѣетъ ли она расположеніе закрытое (на согласный) или открытое (на гласный). При этомъ происходятъ разныя перегласовки и перестановки во всѣхъ рядахъ, кромѣ А. Слѣдуетъ наконецъ помнить, что въ ц. слав. языкѣ лишь немногія слова способны были по своей гибкости къ движенію по всѣмъ четыремъ степенямъ градаціи гласныхъ; большая же часть словъ ограничена движеніемъ въ трехъ, двухъ, или даже окаменѣла въ одной степени на этой лѣстницѣ звуковъ.

40. Разсмотримъ теперь чередованія гласныхъ по степенямъ каждаго изъ пяти рядовъ:

I. Чередованія гласныхъ въ ряду А.

Степени:	1.	2.	3.	4.	
Фонемы:	Ь	Є	О	А или	Ѣ (И)
Примѣры:	тьци	тєкж	потокъ	истаѵати	тѣкати, истицати
	рьци	рєкж	пророкъ		нарѣѵиє, прѣрѣкати, прѣрицати
	шьдъ	шествиє	ходъ	исхаждати	
		лежж	ложе	полагати	лѣгати
		ведж	воєвода	проваждати	невѣста?
		гребж	гробъ		погрѣбати, погрибати.

II. Чередованія въ ряду I.

Степени:	1.	2.	3.		4.	
Располож.			закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.
Фонемы:	Ь	И	Ѣ	ОИ	А	АИ
Примѣры:	мьгнж	мигъ	помѣжж			
	бльштж	блистати	блѣскъ			
	свьнж	свитати	свѣтъ			
	прильнж	прилипати	лѣпъ			
	цвьтж	процвитати	цвѣтъ			
	въньзити	пронизати	вънѣсти			
		пити		водопои		напасти
		поуити		покои		оупокасти
		гнити		гнои		загнасти
		сидѣти	сѣсти		садити	
					насаждати	
			лѣзж		лазити	
			рѣжж		разити,	
					поражати.	

III. Чередованія въ ряду У.

Степени:	1.		2.	3.		4.	
Расположен.	закрыт.	открыт.		закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.
Фонемы:	ъ (ь)	ъв (ьв)	ы (и)	оу (ю)	ов	ва	ав
Примѣры:		ꙁабъвение	бъıти	боуи?			ꙁабава
	къꙁнь		къи?	коуꙁнь	ковъ		
			покъıвати?				
	ръвж		ръıло	роуно?	ровъ		
	бъдръ		въꙁбъıнжти	боудити			
	ръдѣти		ръıдати	роуда			
	тъкнжти		тъıкати	истоуканъ?			
	гънжти		гъıбѣль	гоубити			
	сълати		посъıлати	посоулъ?			
		шьвьць	шити				
		кльвати	кълык?	клювъ			
			слъıти	слоухъ	слово		слава
			плъıти	плоути	пловьць		плавати
			тъıти	тоукъ			отава?
			тръıꙁна?	троути	отровъ		отрава
			къıснж			квасъ	
			хъıтръ			хватъ	
			Стръи?	строуи	островъ.		

IV. Чередованія въ ряду Р (Л).

Степени:	1.		2.		3.		4.		
Расположеніе:	закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.	закрыт.	открыт.			
Фонемы:	р}ь л}ъ	ь}р ъ}л	рѣ	ер	ра	ор	ар	или	ир (ѣр)
Примѣры:		бърати	брѣмя	берж		съборъ			събирати
		дърати		держ	драка	раздоръ			раздирати
									дира, дѣра
		вьржж	врѣмя?			изворъ	карити?		изкирати
		стьржж	стрѣти		страна	просторъ			простирати
		мьржж	мрѣти			моръ	мара, оумарѧти		оумирати
		зьржж	зрѣти		зракъ	възоръ	зарѧ		възирати
		вьржж	врѣти		врата?				
	плъсти		плѣжж		плазъ				
	длъбж		серб. длијето		длат				
	влъга				влага				
	урьта				кратъ.				

Вліяніе расположенія на чередованіе фонемъ: **РѢ** и **ЄР**, **РА** и **ОР**, видно въ словахъ: **плѣпелица**, **мраморъ**, (изъ μάρμαρος), **клаколъ**, **глаголъ**, **прапоръ**, гдѣ повторяемые слоги видоизмѣняются, смотря по закрытому или открытому ихъ расположенію.

V. Чередованія въ ряду М.

Степени:	1.	2.		3.		4.
Располож.		закр.	откр.	закр.	откр.	
Фонема:	ь|м ъ|н	а	ѣм	ѫ	ом	ам или им
Примѣры:	пьнѫ	пати		пѫто	опона	распинати
	начьнѫ	начало			искони	начинати
	възьмѫ	възати	възѣмлѣ			възимати
	гънати		женѫ		гонѫ	изгнанати
			стенѫ		стонъ	станати
		татина	тенето		затонъ?	
				жѫти, вонѫ		
		штаждѫ		скѫдъ		
		трасѫ		тржсъ.		

Встрѣчаются чередованія фонемъ этого ряда и въ составѣ одного слова, напр. бѫбьнъ, тѫтьнъ и т. п.

41. Въ нѣкоторыхъ словахъ мы замѣчаемъ смѣшеніе звуковъ различныхъ рядовъ. Такъ напр. въ словѣ **нора** при **нърѣти, нърити, изноурити**, мы видимъ смѣшеніе ряда Р съ У; въ **лагѫ** при **лежѫ, ложе**—смѣшеніе рядовъ А и М; то же въ **стѫпати** при **стопа, степень**; въ **садѫ** при **сидѣти, сѣсти, садити** смѣшеніе рядовъ И и М и т. п.

42. Сводя вмѣстѣ всѣ пять рядовъ чередованій по четыремъ степенямъ въ каждомъ, въ зависимости отъ расположенія открытаго или закрытаго, мы получимъ слѣдующую таблицу градаціи корневыхъ гласныхъ ц. слав. языка:

Степени:	1.		2.		3.		4.	
Расположеніе:	закрыт.	открыт.	закр.	откр.	закр.	откр.	закр.	откр.
Рядъ А.	Ь		Є		О		А, Ѣ	
Рядъ І.	Ь		И		Ѣ	ОИ	А	АИ
Рядъ У.	Ъ (Ь)	ЪК (ьв)	Ы (и)		ОУ (ю)	ОК (єв)	КА	АК
Рядъ Р.	Р Ь / Л Ъ	Ь Р / Ъ Л	РѢ	ЄР	РА	ОР	АР,	ИР
Рядъ М.	Ь М / Ъ N		Ѧ	ЄМ (єн)	Ж	ОМ (он)	АМ (ан) ИМ (ин)	

43. Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что въ первой степени всѣхъ пяти рядовъ господствуютъ гласные глухіе, во второй—гласные узкіе и Ы, въ третьей—гласные широкіе и Ѣ, въ четвертой же —А, а отчасти Ѣ и И. Изъ этого можно заключить, что движеніе гласнаго по степенямъ состоитъ главнѣйше въ постепенномъ расширеніи надставной трубки голоса, съ чѣмъ связано усиленіе выдыхательнаго давленія, а потому бо́льшая полнота и сила звука либо въ тоническомъ, либо въ метрическомъ отношеніи.

44. Связь подъема съ удареніемъ лучше всего видна изъ аналогій русскаго языка. Въ немъ бо́льшая часть гласныхъ первой степени исчезла, что могло произойти лишь отъ слабости голоса при отсутствіи на глухихъ гласныхъ ударенія:

ц. слав. жьгѫ, мьрѫ, осъпа, къчєла,
рус. жгу, мру, оспа, пчела.

Если же изрѣдка въ русскомъ уцѣлѣлъ корневой гласный первой степени, то обыкновенно мы находимъ на немъ удареніе, напр.

ц. слав. дьнь, жрьдь, сънъ, ѕамъкъ,
рус. день, жердь, сонъ, замо́къ.

Связь ударенія съ высшими степенями выражается и въ

переходѣ акцентованнаго Е (2-й степени) въ О (3-ей степени), по крайней мѣрѣ предъ твердыми согласными или въ позвукахъ:

ц. слав. **несъ, велъ, текъ, лице, яице,**
рус. нёсъ, вёлъ, тёкъ, лицо, яйцо.

Это случается даже съ кореннымъ Ѣ, конечно вслѣдствіе смѣшенія его съ Е: звѣзды, гнѣзда, цвѣлъ, пріобрѣлъ. Послѣднее нѣсколько аналогично чередованію Ѣ и А въ ц. слав. формахъ: **лажж, садъ, разъ** при **лѣзти, сѣсти, рѣзати.**

45. При такомъ вліяніи ударенія на окраску гласнаго понятно, что присоединеніе къ корню окончанія ударенаго ослабляло корневой гласный, слѣд. переводило его ступенью или двумя ниже, тогда какъ окончаніе неударенное наоборотъ способствовало сосредоточенію голоса на корнѣ, слѣд. усиленію корневого гласнаго. Этимъ, вѣроятно, объясняется наблюденіе, что при окончаніяхъ напр. въ род. ед. **И, ТИ** мы встрѣчаемъ обыкновенно въ корнѣ гласный 1-й степени, при окончаніяхъ **ЄСЄ, ЄNЄ, ΔΤЄ**—гласный 2-й степени, при окончаніяхъ же **МΔ, NΔ, СΔ** (ХА), **ТΔ**—гласный 3-ей степени, напр.

а) **жрьди, крѣви; ѹьсти, грѣсти, длѣбсти;**

б) **небесе, дивесе, дрѣвесе, тлажесе; пѣсмене, имене, крѣмене, ѣмѹьмене; телѧте, жрѣбѧте;**

в) **храма, прама, глоума; сѣна, влакна; смѣха, слоуха, власа; моста, лѣта, врата, блата, пѫта.**

Но соотвѣтствія эти не выдержаны языкомъ, такъ какъ кромѣ ударенія и характера окончанія на корневые гласные дѣйствуютъ многія другія условія, видоизмѣняющія или парализующія силу первыхъ. Такъ первоначальный суффиксъ А (О) соединяется съ корневымъ гласнымъ разныхъ степеней, напр.

въ ряду А: 1. **тьма**; 2. **погребъ**; 3. **гробъ, возъ**;
„ „ I: 1. **стьзя**; 2. **лиса**; 3. **бѣсъ, бон**;
„ „ У: 1. **шьвъ, ѕъвъ**; 3. **оброусъ, окова**; 4. **власъ, отава**;
„ „ Р: 1. **гръдъ**; 2. **брѣгъ**; 3. **боръ, моръ, брада**;
„ „ М: 2. **града**; 3. **ѕвонъ, ѕвѣкъ, блѧдъ.**

46. Связью подъема съ окончаніями объясняется и соотношеніе его съ частями рѣчи. Такъ напр. гласные 1-й и 2-й

степени наиболѣе свойственны формамъ настоящаго времени первичныхъ глаголовъ, напр.

а) **тьци, ѹьтѫ, рѣвѫ, стьрѫ, клѣнѫ;**

б) **рекѫ, виждѫ, гѹбнѫ, берѫ, ѥмлѫ.**

Между тѣмъ гласные 3-ей степени чаще встрѣчаются въ производныхъ именахъ и глаголахъ:

а) **вождь, ꙁѣвъ, слоѹхъ, моръ, ꙁвонъ;**

б) **водити, ꙁѣвати, слоѹшати, морити, ꙁвонити.**

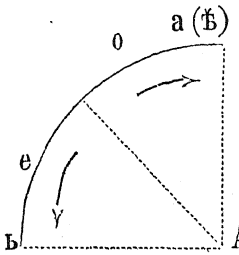
Что касается 4-й степени, то она составляетъ преимущественную принадлежность производныхъ глаголовъ на **ати, ити**: ц. слав. **полагати, напаѧти, плавати, оумирати, изгнаѧти**; рус. стира́лъ, дира́лъ, пина́лъ, мина́лъ и т. п. Въ рус. яз. гласные высшихъ степеней мы встрѣчаемъ нерѣдко и въ производныхъ глаголахъ на ывать, ивать, при чемъ удареніе неизмѣнно падаетъ на корневой слогъ: поха́живалъ, на́шивалъ, са́живалъ, ка́лывалъ, присва́ивалъ и т. п.

Всѣ подобные глаголы выражаютъ усиленную длительность дѣйствія, которая какъ бы символизуется общимъ усиленіемъ вокализма и въ корнѣ, и въ суффиксѣ.

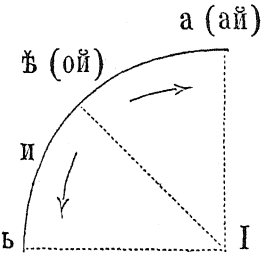
47. Не легко опредѣлить исходную точку и срединную ось въ подъемномъ движеніи гласныхъ. Начальная точка этого движенія могла лежать и на вершинѣ, и въ подножіи степенныхъ развѣтвленій отдѣльныхъ рядовъ. Можно напр. думать, что **рекѫ** развилось подъемомъ изъ **рьци**, а **пророкъ** изъ **рекѫ**, или наоборотъ, что **рекѫ** есть ослабленіе изъ **рокъ**. Вѣроятнѣе однако послѣднее, такъ какъ ослабленіе вокализма характеризуетъ позднѣйшія, а его сила—древнѣйшія эпохи жизни языковъ. Тѣмъ не менѣе для народнаго чувства не всѣ степенныя чередованія гласныхъ имѣютъ значеніе движенія исходящаго, а наоборотъ раздваиваются въ этомъ отношеніи, при чемъ гласныя 1-й и 2-й степени лежатъ ниже, а гласные 3-ей и 4-ей степени выше воображаемаго нормальнаго горизонта или срединной оси каждаго изъ пяти рядовъ.

Графически это отношеніе гласныхъ можно изобразить такъ:

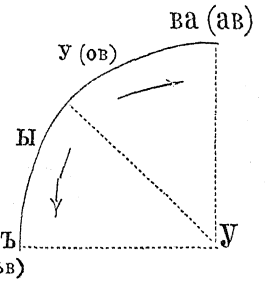
I. Рядъ *А*.



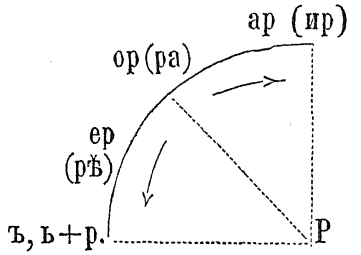
II. Рядъ *І*.



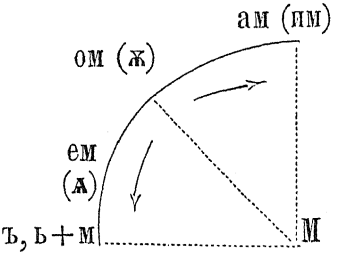
III. Рядъ *У*.



IV. Рядъ *Р*.



V. Рядъ *М*.



48. Разсматривая совокупность явленій, сопровождающихъ движеніе гласныхъ по степенямъ каждаго ряда, а именно: постепенное расширеніе надставной трубки, метрическое удлиненіе и тоническое возвышеніе звука, мы можемъ объединить всѣ эти явленія терминомъ усиленія или ослабленія выдыхательнаго давленія. Хотя первоначально это чисто физическое дѣйствіе обусловлено было причинами механическими, главнѣйше качествомъ грамматическаго окончанія, однако въ дальнѣйшемъ развитіи градація гласныхъ стала символическимъ выраженіемъ измѣненій интензивности или экстензивности въ обнаруженіяхъ признака, заключеннаго въ именной или глагольной формѣ, слѣд. явленіемъ духовнымъ, связаннымъ съ движеніями сознанія и даже обусловленнымъ ими.

49. Очень важно было бы для славянской фонетики имѣть точное понятіе о метрическихъ видоизмѣненіяхъ гласныхъ; но ц. слав. письменность, подобно латинской, не отличала особыми начертаніями долготъ отъ краткостей, вслѣдствіе чего мы мо-

жемъ судить о нихъ лишь теоретически и гадательно по аналогіямъ тѣхъ новославянскихъ нарѣчій, которыя сохранили эту категорію звуковъ, а именно: сербохорватскаго, словинскаго и чехословенскаго, отчасти же польскаго и малорусскаго, гдѣ долгіе гласные исчезли, но оставили по себѣ своеобразныя замѣны.

50. Наибольшей краткостью въ ряду ц. слав. гласныхъ отличались глухіе Ь и Ъ, которыхъ природа въ значительной степени обусловлена была слабостію и неполнотою какъ качественной, такъ и количественной стороны ихъ артикуляціи. При измѣненіи послѣдней неизбѣжно должна была видоизмѣняться и первая, при чемъ Ь переходилъ уже въ Є, И, Ѣ, а Ъ въ О, Ы, ѸУ, какъ мы видѣли это въ подъемномъ движеніи гласныхъ.

51. Второе мѣсто по метрической слабости занимали, кажется, Є, О и А. Это явствуетъ изъ того, что при замѣнительномъ усиленіи первые два переходятъ въ Ѣ и А, напр. рѣкж—рѣхъ, бодж—пробася, Berg—брѣгъ, porcus—праса и т. п. Что касается А, то его метрическая слабость въ сравненіи съ Ѫ видна изъ чешскаго, въ которомъ польскому ę обыкновенно соотвѣтствуютъ гласные краткіе, а польскому ą—наоборотъ долгіе: пол. ryḃę, ryḃą, чеш. ryḃu, ryḃou; пол. niosę, niosą, чеш. nesu, nesou; пол. sąd, чеш. soud; пол. gęsty, mięso, чеш. ḣusty, maso.

52. Третью группу гласныхъ по метрической силѣ составляютъ И, Ы, Ѫ, которые стоятъ въ этомъ отношеніи выше двухъ предшествующихъ группъ, но ниже четвертой, обнимающей гласные Ѣ и ѸУ. Это видно какъ изъ происхожденія, такъ и изъ подъемныхъ соотношеній этихъ звуковъ. Сравнивая эти гласные съ греческими, мы можемъ составить слѣдующую пропорцію: И: Ѣ=ι: οι; Ы: ѸУ=υ: ου. Аналогія между Ѣ и οι, ѸУ и ου подтверждается и параллелями Ѣ—ОИ, ѸУ—ОВ въ 3-ей степени рядовъ I и У, при корняхъ то закрытыхъ, то открытыхъ.

53. Что касается наконецъ гласнаго А, то онъ стоитъ на вершинѣ подъемнаго движенія гласныхъ, и потому слѣдуетъ предполагать, что всего чаще онъ былъ долгимъ. То же доказы-

ваетъ появленіе А въ случаяхъ замѣнительнаго усиленія гласнаго О, въ формахъ напр. **пробася** вм. *прокадся, **власъ** вм. волосъ (*колсъ?) и т. п.

54. Переходя затѣмъ къ вопросу о происхожденіи долгихъ гласныхъ въ ц. слав., мы можемъ утверждать, что въ немъ, какъ и въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, были долготы двоякаго рода: а) древнѣйшаго образованія или первичныя, и б) позднѣйшаго или вторичныя. Условія возникновенія первыхъ покрыты глубокимъ мракомъ; появленіе же вторыхъ обусловлено главнѣйше процессами замѣнительнаго усиленія гласныхъ. Такъ въ формахъ: **добра̂го, доброу̯̂моу̯, има̂мь, има̂хъ, сжда̂, нѣ̂сть** мы можемъ предполагать долготу, возникшую изъ стяженія двухъ слоговъ въ одинъ, подобно тому, какъ напр. въ серб. â развилось изъ аа, аѥ, оа, оѫ (чу̑ва̂х изъ чуваахъ, чува̂ш изъ чуваѥши, а̂мо изъ овамо, на̂с изъ нашсъ), о̂ изъ оо, оѥ (гро̂х изъ грохотъ, мо̂га изъ моѥго), у̑ изъ ую (ку̑ изъ кѫѭ), ӣ изъ ои, иѥ (кӣ изъ кои, трӣ изъ триѥ) и т. п. То же подтверждаютъ и чешскія формы: láti изъ лѧти, áno изъ а оно, má изъ моѭ и т. п. Метрическое усиленіе при опущеніи согласнаго видно изъ сербскихъ формъ: нијех, ријех вм. ц. слав. **нѣхъ, рѣхъ** (изъ *несхъ, *рекхъ), гдѣ долгому Ѣ соотвѣтствуетъ двусложная фонема ије. Довольно вѣроятна наконецъ долгота ц. слав. Ѣ и А въ вокализаціи группъ съ плавными, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскомъ мы находимъ полногласіе, такъ какъ соотвѣтствующія формы сербскія и чешскія имѣютъ если не всегда, то въ большей части случаевъ гласный долгій, напр.

I.
ц. слав.	**чрѣда,**	**млѣко,**	**трѣбити,**	**жлѣза;**
серб.	чре́да,	мле́ко,	тре́бити,	жле́зда;
чеш.	tří́da,	mléko,	tří́biti,	žláza;
рус.	череда,	молоко,	теребить,	железа;

II.
ц. слав.	**брана,**	**бразда,**	**краль,**	**младъ;**
серб.	бра́на,	бра́зда,	кра́љ,	мла́д;
чеш.	brána,	brázda,	král,	mlád;
рус.	борона,	борозда,	король,	молодъ.

55. Къ числу долготъ вторичныхъ принадлежатъ и тѣ, ко-

торыя мы встрѣчаемъ въ высшихъ степеняхъ подъемнаго движенія. Ихъ метрическая сила видна какъ изъ параллелей Ѣ—ОИ, У—ОВ и господства въ четвертой степени гласнаго А, такъ и изъ аналогіи живыхъ славянскихъ нарѣчій. Въ нихъ долгота корневого гласнаго является правиломъ въ глаголахъ усиленной длительности не только при гласныхъ А, Ѣ, И, соотвѣтствующихъ фонемамъ 4-ой степени въ ц. слав., но даже при гласныхъ замѣнахъ ц. слав **Ѣ**, **ОУ**, **Ѫ** (3-ей степени) и ц. слав. **И, Ы** (2-й степени), напр.

а) ц. слав. **лѣтати**, серб. ле́тати, чеш. lítati; ц. слав. **ламати**, серб. ла́мати, чеш. lámati; ц. слав. **напамати**, серб. напа́јати, чеш. napájeti; ц слав. **оумирати**, чеш. umírati; ц. слав. **възимати**, серб. узи́мати, чеш. najímati;

б) ц. слав. **гнѣвати**, чеш. hnívati; ц. слав. **поускати**, серб. пу́штати; ц. слав. **поржѵати**, чеш. poroučeti;

в) ц слав. **писати, лизати**, серб. пи́сати, ли́зати; ц. слав. **бывати, дыхати**, серб. би́вати, ди́хати, чеш. by'vati, dy'chati; ц. слав. **присагати**, чеш. přisáhati.

Изрѣдка даже замѣны ц. слав. глухихъ имѣютъ въ серб. и чеш. долготу въ аналогичныхъ глагольныхъ формахъ, напр. ц. слав. **доплъняти**, *закрьштати, серб. допу́њати закр'шћати; ц. слав. **съдрьжати**, ***клъзати**, чеш. zdr'žeti, kl'zati и т. п. На сонанты Р̥, Л̥ долгота могла пасть либо вслѣдствіе замѣнительнаго ихъ усиленія по отпаденіи глухихъ Ъ—Ь, либо по аналогіи тѣхъ глаголовъ, которые при окончаніи **ати** имѣютъ въ корнѣ гласный одной изъ высшихъ степеней.

56. Наряду съ подъемнымъ и долготнымъ усиленіемъ гласныхъ имѣетъ важное значеніе въ фонетикѣ и этимологіи и тоническое ихъ возвышеніе или удареніе. Оно сосредоточиваетъ силу выдыхательнаго давленія на однихъ слогахъ, отвлекая его отъ другихъ, и тѣмъ содѣйствуетъ сохраненію первыхъ и постепенной отшлифовкѣ послѣднихъ. Да и самый тембръ звука видоизмѣняется удареніемъ, чѣмъ объясняются колебанія и замѣны многихъ гласныхъ въ слогахъ неударенныхъ. Наконецъ въ функціональномъ отношеніи удареніе имѣетъ важное значе-

ніе, дифференцируя нерѣдко формы, совпавшія въ остальныхъ звуковыхъ отношеніяхъ. Тѣмъ прискорбнѣе для изслѣдователя пренебреженіе къ удареніямъ основателей ц. слав. письменности. Къ счастію есть возможность хоть приблизительно заключать о характерѣ и расположеніи ц. слав. удареній по аналогіямъ нѣкоторыхъ живыхъ нарѣчій, особенно же русскаго и сербохорватскаго, которыя болѣе или менѣе сохранили первоначальную систему славянскаго слогоуда́ренія.

57. Древность русскаго удареніи всего лучше доказывается его сходствомъ съ хорватскимъ, а отчасти и съ сербскимъ. Сходство это доходитъ чуть не до тожества, если мы примемъ во вниманіе постепенно развившуюся наклонность Сербовъ оттягивать ударе́ніе въ извѣстныхъ случаяхъ на одинъ слогъ къ началу, напр. произноситъ вм. вода́—вѐда, вм. рука́—рӯка, вм. желе́зо—жѐлезо и т. п., вслѣдствіе чего въ сербскомъ исчезли слова съ ударенными позвуками. За исключеніемъ этой сербской оттяжки сходство удареніи русскаго и сербохорватскаго столь значительно и глубоко, что не можетъ считаться случайнымъ и не могло выработаться въ короткое время, а наоборотъ должно восходить ко временамъ продолжительнаго сожительства или даже племенного единства Славянъ русскихъ съ сербохорватскими въ доисторическія времена. При такой древности русскаго удареніи и его сходствѣ съ акцентуаціей югославянскихъ нарѣчій необходимо допускать, что оно свойственно было въ основныхъ чертахъ и ц. слав. древнѣйшаго періода.

58. Если это предположеніе вѣрно, то слѣдуетъ думать, что акцентовка ц. слав. была вольно-разномѣстная, допускавшая удареніи на слогахъ начальныхъ, срединныхъ и конечныхъ, и не связанная въ этомъ ни метрическими условіями, какъ латинская и греческая, ни грамматическими, какъ нѣмецкая (накоренная и отчасти напрефиксная). Всякій гласный могъ имѣть на себѣ ударе́ніе; но всего чаще оно падало на гласные широкаго раствора, въ высшихъ степеняхъ подъемнаго движенія. Позвучные Ъ—Ь, а равно позвучное И въ фонемахъ ОИ, АИ, не имѣли на себѣ удареніи, почему скоро потеряли свойственную имъ пер-

воначально слоговую силу. Но Ъ—Ь средозвучные могли стоять подъ удареніемъ, въ словахъ напр. **стлъкъ, скрькь, слъньць, сътъ, сънъ, дьнь**, гдѣ всѣ слоги построены на глухихъ.

59. Гибкость отдѣльныхъ словъ, т. е. способность къ перемѣщенію ударенія, была въ ц. слав., по всей вѣроятности, очень значительна, особенно въ словахъ муж. рода, причемъ подвижное удареніе всего чаще падало на послѣдній или предпослѣдній слоги, какъ въ рус. пѣту́хъ, пѣтуха́. Слова простыя превосходили по гибкости сложныя, а эти—предложныя, какъ въ рус. возъ, воза́, но: водово́зъ, водово́за, повѣсть, по́вѣсти и т. п. Слова несамостоятельныя, напр. предлоги, прислонялись къ своимъ знаменательнымъ центрамъ, сливаясь съ ними въ опредѣленныхъ случаяхъ въ одно акцентное цѣлое, какъ въ русскихъ словахъ: за́—море, на́—руку, ср. вы́хлопоталъ, ро́зговѣнье и т. п.

60. Качество ударяемаго слога не было, кажется, въ ц. слав. такимъ однороднымъ, какъ въ русскомъ, но видоизмѣнялось по направленію и силѣ тоническаго повышенія, подобно ударенію сербскому, имѣющему четыре вида, изъ коихъ два падаютъ на гласные долгіе, а два—на краткіе, а именно:

1) удареніе нисходящее: мѐсо, какъ ме́есо;
2) удареніе восходящее: гла́ва, какъ глаа́ва;
3) удареніе рѣзкое и очень краткое: бра̀т;
4) удареніе слабое, но не столь быстрое: жѐна.

Слѣдъ существованія подобной разнородности въ древнерусскомъ, а слѣд. и древнеславянскомъ уцѣлѣлъ въ нашей акцентовкѣ словъ съ полногласными фонемами. Удареніе падаетъ въ нихъ то на первый, то на второй слогъ фонемы, то на окончаніе слова: въ первомъ случаѣ мы находимъ обыкновенно въ сербскомъ накоренное нисходящее, во второмъ—рѣзкое, въ третьемъ же—восходящее удареніе, напр.

А. { рус. бе́регъ, че́репъ, те́ремъ, жолобъ,
{ серб. брѐг, црѐп, трѐм, ждлѐб;

{ рус. бо́ровъ, до́рогъ, го́лодъ, го́лосъ,
{ серб. бра̑в, дра̑г, гла̑д, гла̑с;

Б. рус. берéмя, берéза, полóва, полóть,
серб. брѐме, брѐза, плѐва, плѐти;
рус. здорóвъ, дорóга, колóда, солóма,
серб. здрàв, дрàга, клàда, слàма;

В. рус. чередá, теребúть, железá, долотó,
серб. чрéда, трéбити, жлéзда, длéто;
рус. бородá, воробéй, головá, молотúть,
серб. брáда, врáбац, глáва, млáтити.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ словахъ типа Б. чешскій представляетъ большею частью вмѣсто краткаго долгій гласный, напр. břímě, bříza, pléva, plíti, zdrávy, dráha, kláda, sláma. Изъ этого можно заключать, что и въ сербскомъ долгота свойственна была гласнымъ въ словахъ не только типовъ А. и В., но и въ Б., гдѣ она исчезла впослѣдствіи.

Изъ русской акцентуаціи фонемъ съ плавными видно, что два полногласные слога разсматриваются въ нашемъ языкѣ за одинъ долгій, раздѣленный различнымъ образомъ, а именно: по длинѣ 3 : 1 въ словахъ типа А., по длинѣ 1 : 3 въ В. и по длинѣ 2 : 2 въ В. Изъ сербскаго же слѣдуетъ, что въ первомъ случаѣ на коренномъ гласномъ было удареніе нисходящее, во второмъ —восходящее, а въ третьемъ оно падало на окончаніе. Если это вѣрно, то разнородность ударенія слѣдуетъ признать для древнѣйшаго періода свойствомъ общеславянскимъ.

61. Разсматривая чередованія звуковъ въ историческомъ движеніи славянскаго языка, мы нерѣдко наталкиваемся на такія явленія, которыя не могутъ быть объяснены ни колебаніями родственныхъ по образованію или акустическому дѣйствію звуковъ, ни діалектическими стремленіями, ни приноровленіемъ къ измѣнчивой средѣ въ составѣ слоговъ и словъ, ни условіями замѣнительнаго усиленія, ни другими механическими причинами. Въ такихъ случаяхъ, при отсутствіи физическихъ факторовъ звукоизмѣненія, слѣдуетъ искать факторовъ психическихъ, дѣйствія напр. грамматической аналогіи или наоборотъ—намѣренной дифференцировки формъ совпавшихъ или тожественныхъ искони.

62. Если мы встрѣчаемъ напр. въ позднѣйшемъ ц. слав. въ род. жен. р. рядомъ съ формами: **жены**, **вдовы**, **рабы** формы: **доуши**, **доли**, **воли** и т. п., гдѣ **И** соотвѣтствуетъ древнѣйшему **А**, то мы должны объяснять это чередованіе не звуковыми условіями, а притягательнымъ дѣйствіемъ смежныхъ грамматическихъ формъ, напр. **роуки**, **ноги** и т. п. Подобнымъ образомъ объясняется появленіе А вм. О въ рус. формахъ: богамъ, рабамъ, а также АМИ вм. Ы въ формахъ: богами, рабами: тутъ дѣйствовала на муж. родъ аналогія формъ жен. р. женамъ, женами и т. п. При измѣненіи формы **словѣньскъıи** на славянскій дѣйствовала аналогія словъ: слава, славынъ и т. п.

63. Вліяніе смежныхъ формъ отражается не только на окраскѣ, но и на метрическихъ и тоническихъ отношеніяхъ гласныхъ. Такъ если мы сравнимъ серб. дȗб, дȗба и чеш. dub, dubu съ пол. dąb, dębu, то должны предположить для праславянскаго періода дȗбъ, дȗба, при чемъ въ сербскомъ произошло уподобленіе косвенныхъ падежей прямому, а въ чешскомъ наоборотъ—прямого косвеннымъ. То же окажется при сравненіи чеш. kůň, koně съ пол. koń, konia и серб. кȏњ, кȏња: въ польскомъ и сербскомъ падежъ прямой увлеченъ въ метрическомъ отношеніи формою косвенныхъ.

64. Еще рѣзче нивеллирующее вліяніе аналогіи смежныхъ формъ на удареніе. Если мы встрѣчаемъ напр. рядомъ съ формою ну′жда форму нужда́, то этотъ переходъ ударенія объясняется вліяніемъ обычной акцентовки словъ на да: бѣда́, орда́, вражда́, борода́ и т. п. Точно такъ и гу′ба переходитъ въ губа́ по аналогіи: борьба́, судьба́, гурьба́; франц. pasquille звучитъ па́сквиль по аналогіи формъ: па́сѣка, па́тока, па́дчерица, па́поротникъ и т. п. Въ акцентовкѣ 1 л. глаголовъ: а́лчу, зи′жду, стра́жду, коле́блю вм. алчу′, зижду′ и т. п. (какъ скачу′ свищу′, дремлю′) также слѣдуетъ видѣть ассимиляцію смежнымъ формамъ: а́лчешь, алчетъ и т. п. Но лучшимъ доказательствомъ нивеллирующей силы аналогіи въ области ударенiй служитъ теперешняя акцентуація польская и чешская, изъ коихъ первая всегда ставитъ удареніе на предпослѣднемъ, а вторая на первомъ слогѣ

слова; одинъ изъ видовъ акцентуаціи восторжествовалъ тутъ надъ всѣми остальными и вытѣснилъ ихъ изъ употребленія. Слова негибкія увлекли своею массою гибкія и довели до полной неподвижности ударенія.

65. Но рядомъ съ звуковымъ приравненіемъ смежныхъ грамматическихъ формъ дѣйствуютъ процессы звуковой дифференцировки формъ совпавшихъ. Такъ въ формахъ вин. муж. р. на А вм. Ъ (бога вм. богъ, раба вм. рабъ) слѣдуетъ видѣть не звуковой переходъ Ъ въ А, а звуковую дифференцировку совпавшихъ падежей вин. и имен., противоположныхъ до извѣстной степени, какъ формы объекта и субъекта. Точно такъ въ двойственной акцентовкѣ разнозначащихъ, но однозвучныхъ формъ: во́лна и волна́, му́ка и мука́, за́мокъ и замо́къ, ве́дро и ведро́, ду́хи и духи́, ро́ды и роды́, о́кна и окна́ и т. п. выражается стремленіе къ акцентуаціонной дифференцировкѣ словъ, пріемъ, играющій столь важную этимологическую роль въ языкѣ китайскомъ.

66. Къ числу общихъ стремленій славянскаго языка, сильно выраженныхъ и въ ц. слав. памятникахъ, принадлежитъ постепенное ослабленіе вокализма. Оно отражается и на качественной, и на количественной сторонѣ гласныхъ. Если мы сравнимъ процентное отношеніе звуковъ типа А въ ц. слав. съ другими древними языками арійской семьи, то замѣтимъ сильную убыль: въ готскомъ напр. А составляло 35% гласныхъ, а въ ц. слав. едва 12,7%. Эта убыль объясняется многочисленными переходами А въ О, Е, Ѫ, Ѧ, Ъ, Ь и др. гласные, съ чѣмъ неизбѣжно связано было суженіе воздуховода, а вмѣстѣ и уменьшеніе массы выдыхаемаго при разговорѣ воздуха. Этимъ же объясняется распространеніе звука І, характеризующаго языкъ новогреческій, а въ средѣ славянской—нарѣчія чешское и малорусское. Крайнимъ предѣломъ въ качественномъ измѣненіи гласнаго является превращеніе его въ согласный, напр. І въ Й, J, а У въ ў и В: идѫ—найду, бию—бью, ѕлоутра—завтра и т. п. Подобные примѣры встрѣчаемъ уже въ рукописяхъ XI в., напр. оуью, бьıхъ сѧ, гдѣ Ь стоитъ, кажется, вм. J.

67. Параллельно съ суженіемъ воздуховода шло метрическое сокращеніе гласныхъ долгихъ, которые совершенно наконецъ исчезли въ говорахъ русскихъ, болгарскихъ, лужицкихъ и польскихъ. Постепенно сокращаясь и переходя изъ гласныхъ единицъ въ половины, трети, четверти и т. д. обычной слоговой длины, многіе гласные совершенно исчезли, особенно позвучные Ъ—Ь, которые во всѣхъ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ превратились въ звуковые нули; въ срединѣ же словъ въ слогахъ закрытыхъ они нерѣдко спаслись подъ охраной ударенія: ц. слав. **сънъ, дьнь**, рус. сонъ, день, но: сна, дня. Этимъ путемъ число слоговъ въ словахъ новославянскихъ значительно уменьшилось противъ древняго. Такъ напр. въ ц. слав. Молитвѣ Господней по древнему чтенію было 123 слога, по новому же 97; слѣдовательно 22% слоговъ испарились въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ исторической жизни ц. слав. языка. Если же принять во вниманіе, что въ древнемъ текстѣ значительное число слоговъ имѣло долготу, т. е. двойное или хоть полуторное протяженіе, то придется предположить, что произношеніе Молитвы Господней по первоначальному тексту занимало въ полтора раза болѣе времени, чѣмъ по новому.

68. Музыкальность языка, выражаемая силою и разнообразіемъ ударенія, также ослабѣла во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, за исключеніемъ сербохорватскаго и словинскаго, гдѣ разнообразіе удареній до извѣстной степени сохраняется. Съ ослабленіемъ ударенія связано и окоченѣніе словъ въ акцентуаціонномъ отношеніи, замѣчаемое во всѣхъ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, а отчасти проникающее и въ юговосточныя въ видѣ постепенной оттяжки ударенія къ началу словъ въ сербскомъ и къ концу въ русскомъ.

§ 8.

Система согласныхъ.

1. Въ кирилловской азбукѣ мы находимъ 24 буквы для выраженія согласныхъ звуковъ. Онѣ расположены въ слѣдующихъ рядахъ: **б, в, г, д; ж, ѕ, з; к, л, м, н; п, р, с, т; ф, х; ц, ч, ш, щ; ъ, ѣ.**

Въ глаголицѣ не было начертаній, соотвѣтствующихъ греч. ξ, ψ; но зато существовала особая буква для согласнаго іота Ⰾ.

2. Тѣ кирилловскія буквы, которыя заимствованы изъ греческой азбуки, должны были соотвѣтствовать до извѣстной степени выговору греческихъ буквъ IX в. Слѣдовательно кирилловскія буквы: **в, г, д, з, ѳ, к, л, м, н, ъ, п, р, с, т, ф, х, ѣ** выговаривались приблизительно какъ среднегреческія: β, γ, δ, ζ, ϑ, κ, λ, μ, ν, ξ, π, ρ, σ, τ, φ, χ, ϕ. Что касается семи остальныхъ кирилловскихъ буквъ: **б, ж, ѕ, ц, ч, ш, щ**, то хотя онѣ не имѣютъ для себя соотвѣтственныхъ въ греческомъ, однако ихъ выговоръ можетъ быть приблизительно опредѣленъ безъ особенныхъ затрудненій. **Б** выговаривалась какъ лат. B, которая легла въ основу кирилловскаго начертанія; **Ж** и **Ш** звучали какъ франц. j и ch въ словахъ je, chien; **Ѕ** и **Ц** соотвѣтствовали польскимъ dz, c или dź, ć; **Ч** едва ли отличалось замѣтно отъ русскаго Ч, а **Щ** отъ новоболгарскаго и сербскаго ШТ, что видно изъ самаго ц. слав. начертанія **Ⱎ**.

3. Дзякающій выговоръ ц. слав. **Ѕ** слѣдуетъ допустить для древнѣйшаго періода по многимъ соображеніямъ. Прежде всего самое существованіе буквы **Ѕ** рядомъ съ **З** показываетъ, что онѣ произносились различно, такъ какъ иначе нельзя объяснить внесенія въ ц. слав. азбуку двухъ равнозначащихъ на-

чертаній. Затѣмъ дзяканье S доказывается этимологическими соотношеніями этого звука къ группѣ заднеязычныхъ, при чемъ S : Г=Ц : К, напр. нозѣ: нога=ржцѣ: ржка. То же подтверждается случаями смѣшенія ц и S въ написаніи, напр. въ среднеболгарскомъ **цицдалъ** вм. **sиздалъ**. Нѣкоторые живые болгаро-македонскіе говоры донынѣ сохранили это древнее дзяканье, въ словахъ напр. дзвѣзда, бладзѣ, дзвоно, нодзѣ, ондзи и т. п. Очень вѣроятно, что подобныя фонемы свойственны были въ древнее время и другимъ югославянскимъ говорамъ, между прочимъ тому, который былъ роднымъ языкомъ основателей славянской письменности.

4. Что касается глагольской буквы Ⰿ, то она была, по всей вѣроятности, звучнымъ коррелативомъ для глухого Ꙋ, т. е. звучала подобно сербской џ, а быть можетъ и нѣсколько мягче, въ родѣ серб. ђ.

5. Мягкость согласныхъ обозначалась въ ц. слав. двумя способами: а) іотаціей послѣдующей гласной буквы и б) надстрочной каморой надъ мягкимъ слогомъ, напр. а) **боуꙗ, коли, огнꙗ, глаголѣ, конѣмь, оучителю**; б) **мо͡ри, ко͡ли, тоу͡не, ло͡тость, глаго͡лѣ**. Первый пріемъ господствуетъ въ ц. слав. рукописяхъ русскаго, а второй—югославянскаго извода. Нерѣдко впрочемъ оба пріема соединялись или оба опускались, напр. **поле͡ѥ, лю͡тъ; морѥ, кънига, посълеть** и т. п. Всего раньше опущеніе іотаціи и каморы при мягкихъ согласныхъ утвердилось въ слогахъ съ шипящими и ц. Въ самыхъ древнихъ ц. слав. рукописяхъ формы: **оуꙗдо, шоумъ, жоуⷦ, хоштѫ, стьꙁа** являются господствующими въ сравненіи съ болѣе древними формами: **оюдо, ѹшсъ, стьꙁꙑ** и т. п. По аналогіи слоговъ: **жа, ча, ша** и т. п. стали писаться и слоги: **ха, на, ра** вм **ѭа, ѭа, ꙗ** или **ха͡, на͡, ра͡**, тѣмъ болѣе, что строгое отличеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ со временемъ ослабѣваетъ не только въ изводахъ югославянскихъ, но и въ русскомъ, гдѣ оно держалось дольше.

6. Кромѣ исчисленныхъ согласныхъ былъ въ ц. слав. еще одинъ если не чисто и согласный, то полусогласный звукъ, для

котораго ни кириллица, ни глаголица не представляютъ самостоятельнаго начертанія: это заднеязычный дыхательный Й. Св. Кириллъ обозначалъ его обыкновенно знакомъ Ⱶ, но лишь въ соединеніи іота съ послѣдующими гласными А, Е, Ѫ, У, напр. Ꙗ, Ѥ, Ѩ, Ю. Предъ І іотъ не обозначался, если не считать его знакомъ первую палочку Ⱞ осмеричнаго, разлагая его на Ⱶ+І. Выше упомянуто впрочемъ, что знакъ іотаціи имѣлъ предъ гласными и другое назначеніе—показывать мягкость предыдущаго согласнаго. Первое значеніе имѣетъ іотація въ началѣ словъ и слоговъ послѣ зіянія, второе же—въ средозвучномъ и позвучномъ расположеніи іотованныхъ буквъ.

Въ позднѣйшее время іотъ обозначался еще глухими (рус. объемъ, бьемъ, пьемъ), а также начертаніями И, Й, напр. мои=мой, покои=покой. Возможно, что и въ XI в. позвучное И выговаривались въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ іотъ, напр. въ лоуꙋии, болии, рядомъ съ которыми мы встрѣчаемъ укороченныя написанія: лоуꙋи, боли. То же можно предполагать и въ другихъ формахъ на ии вм. ьи, а ъи вм. ъи, напр. доблии, ꙁълъи, вм. добльи, ꙁълъи.

7. Разсматривая ц. слав. согласные со стороны ихъ различенія на твердые и мягкіе, мы находимъ, что всѣ губные и переднеязычные могли звучать то твердо, то мягко, напр. бъıти, вити; бъıхъ, бихъ; пъıтати, питати; мъıло, мило; въꙁъıскати, въꙁимати; сънъ, синь; дъıшати, диꙋати; тъı, ти; нъıти, нити; ръıкати, ринѫти; лъıсъ, лисъ. Что же касается среднеязычныхъ и заднеязычныхъ, то въ средѣ первыхъ господствовалъ выговоръ мягкій, а въ средѣ вторыхъ—твердый: а) жити, шити; б) хътръ, гъıбѣль, къи. Полусогласный Й слѣдовалъ въ отношеніи къ мягкости аналогіи среднеязычнаго, а не заднеязычнаго пояса, т. е. звучалъ мягко: ихъ (jich), иго (jigo), ѥго, ꙁа-н-ь (за-й-ъ), ѩмати (вм. въ-й-имати), ѥдро (вм. й-едро или ядро) и т. п. Когда же слогъ отвердѣвалъ, то и Й испарялся: въꙁъıскати (вм. възъ-й-искати), объıскъ (вм. объ-й-искъ) и т. п.

8. Что касается J согласнаго, то сомнительно его существованіе въ ц. слав., такъ какъ слоги: вја, бја, пја, мја звучали

обыкновенно въ ц. слав. вл҃, бл҃, пл҃, мл҃; слоги зја, сја звучали жл, шл; слоги дја, тја—ждл, штл; слоги нја, рја, лја—нл, рл, лл; слоги жја, шја—жл, шл; слоги же хја, гја, кја—сл, sл, цл или шл, жл, ѵл, какъ будетъ показано ниже.

Если же мы встрѣчаемъ изрѣдка въ ц. слав. кодексахъ, напр. въ Супрасл. рук., формы съ слогами типовъ: вьл, бьл, пьл, мьл (ꙁемьл, ловьѭ, приемьѭ, славьѭ и т. п.), то въ нихъ можемъ видѣть присутствіе слогообразующаго глухого, а не согласнаго J, по аналогіи позднѣйшаго русскаго произношенія такихъ слоговъ.

9. Столь же сомнительно еще существованіе въ ц. слав. сонантовъ Р̥ и Л̥. Въ словахъ типа трът- мы всегда находимъ при плавномъ глухой, который въ средневѣковой латинской транскрипціи передается гласнымъ чистымъ, напр. Trudopulc вм. Тврѣдоплъкъ, Tridoslau вм. Тврьдославъ, Tripimir вм. Трьпимиръ, Drisimer вм. Дрьжимѣръ и т. п. Если же глухой при плавномъ опускался, то послѣдній примыкалъ къ сосѣднему слогу, напр. мьрж: оум(ь)ре; тьрж: оут(ь)ре и т. п.

10. По относительной силѣ въ употребленіи согласные ц. слав. языка располагаются (по Шлейхеру) такъ:

Т	10,7%	Ш	5,1%
В	9,1%	Г	4,3%
N	8,7%	К	3,9%
С	8,7%	Ж	3,9%
Й	6,9%	Б	3,5%
Р	6,8%	П	3,2%
Д	6,4%	Ц	2,2%
М	6,3%	Ꙁ	1,8
Л	6,2%	Х	1,5%
		У	0,8%.

Въ первой колоннѣ (болѣе 6% общаго числа согласныхъ) помѣщаются всѣ плавные (N, Р, М, Л), по одному дыхательному губного (В), переднеязычнаго (С) и заднеязычнаго (Й) пояса и переднеязычные нѣмые (Т, Д); во второй же колоннѣ—всѣ среднеязычные (Ш, Ж, У) и всѣ заднеязычные (Г, К, Х), кромѣ

Й, затѣмъ нѣмые губного пояса (**Б**, **П**) и звуки **Ц**, **Ꙁ**. Изъ этого видно, что переднертовая (губная и переднеязычная) артикуляція имѣетъ въ ц. слав. рѣшительный перевѣсъ надъ заднертовою (средне- и заднеязычная); ихъ взаимное отношеніе опредѣляется пропорціей: 73,6 : 26,4. Особенно часты въ ц. слав. звуки переднеязычные (51,5%); за ними слѣдуютъ губные (22,1%), заднеязычные (16,6%), а наконецъ среднеязычные (9,8%). Изъ омогенныхъ звуковъ всего сильнѣе въ ц. слав. дыхательные (40%); менѣе употребительны въ немъ нѣмые (32%), а послѣднее мѣсто занимаютъ плавные (28%). По звону же согласные распредѣлены въ ц. слав. довольно равномѣрно на три группы: звонкихъ 35,9%, глухихъ 36,1%, обоюдныхъ же 28%.

11. Разсматривая ц. слав. согласные съ точки зрѣнія ихъ относительнаго возраста, мы найдемъ, что одни изъ нихъ восходятъ къ періоду дославянскому, характеризуя соотвѣтственные корни и формы и другихъ арійскихъ языковъ; другіе возникли уже нѣсколько позже, хотя существовали еще въ праславянское время; третьи наконецъ образовались на почвѣ діалектическаго развитія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Эти три различные по возрасту слоя согласныхъ могутъ быть разграничены терминами: звуки первичные, вторичные и третичные.

12. Къ первичнымъ согласнымъ принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ: а) всѣ плавные (**М**, **Н**, **Р**, **Л**), б) всѣ менѣе (**Б**, **П**, **Д**, **Т**, **Г**, **К**) и в) три дыхательные (**К**, **С**, **Й**). Это видно при сравненіи напр. слѣдующихъ славянскихъ словъ съ однокоренными греческими, латинскими и нѣмецкими:

М: **мати**, μήτηρ, mater, Mutter; **мышь**, μῦς, mus, Maus; **моуха**, μυῖα, musca, Mücke; **мѣсѧць**, μήν, mensis, Mond, Monat;

Н: **небо**, νέφος, nebula, Nebel; **нынѣ**, νῦν, nuper, Nun; **мьнѣти**, μένος, mens, meinen; **снѣгъ**, νίφω, ningo, Schnee;

Р: **ръждь**, ἐρυθρός, rutilus, roth; **орати**, ἀρόω, arare;

Л: **блѣѭ**, βληχή, balare, blöken; **пълнъ**, πλέος, plenus, voll; **плыти**, πλέω, pluo, Fluth;

Б: **брьзъ**, βραχύς, brevis; **брада**, barba, Bart;

П: **перо**, πτερόν, penna, Feder; **пити**, πίνω, poto;

Д: **дъва**, δύο, duo, Zwei; **домъ**, δόμος, domus; **въдра**, ὕδρα, Otter;

Т: **три**, τρεῖς, tres, drei; **ты**, tu, σύ(τύ), Du; **тънъкъ**, ταναός, tenuis;

Г: **гребѫ**, γράφω, graben; **иго**, ζυγόν, jugum, Joch; **гласъ**, γῆρυς, garrulus;

К: **къто**, qui, quotus, πόσος (κόσος); **ключь**, κλείς, clavis; **кръвь**, κρέας, cruor;

В: **вьдова**, vidua, Wittwe; **воля**, βουλή, voluntas, Wille; **новъ**, νέϜος, novus, neu;

С: **стати**, ἵστημι, stare, stehen; **седмь**, septem, ἑπτά, sieben; **сѣдѣти**, sedeo, ἕζομαι, sitzen; **сѣмя**, semen, Samen;

Й: **юнъ**, juvenis, jung; **юха**, jus, Jauche; **иго**, jugum, Joch.

13. Къ согласнымъ вторичнымъ принадлежатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: **Л**, **М**, **Б**, **Д**, **Г**, **П**, **С**, а также въ составѣ корней и общеславянскіе согласные: **Ꙁ** (S), **Ж**, **Х**, **Ш**, **Ч**, **Ц**. На ихъ мѣстахъ въ другихъ арійскихъ языкахъ мы находимъ другіе звуки, напр. вм. **Л**—**Р**; вм. **М**—bh, b; вм. **Б**—bh, φ; вм. **Д**—dh, ϑ; вм. **Г**—gh, χ; вм. **П** и **С**—k; вм. **Ꙁ** и **Ж**—g, gh, χ; вм. **Х** и **Ш**—s; вм. **Ч** и **Ц**—k и т. п. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Л: **орало**, ἄροτρον, aratrum; **датель**, δητήρ, dator;

М: **намъ**, **вамъ** nobis, vobis;

Б: **берѫ**, φέρω, fero; **быти**, φύω, fui; **бѣгѫ**, φεύγω, fugio; **баснь**, φάσις, fama;

Д: **дымъ**, ϑυμός, fimus; **медъ**, μέϑυ, Meth; **дѣти**, τίϑημι, thun;

Г: **гѫсь**, χήν, anser, Gans; **горѣти**, ϑερμός, ferveo, warm; **мьгла**, ὀμίχλη, mingo;

П: **пекѫ**, coquo, kochen, πέσσω;

С: **сръдьце** καρδία, cor, Herz; **осмь**, ὀκτώ, octo, acht; **десать**, δέκα, decem, zehn; **сто**, ἑκατόν, centum, Hundert; **вьсь**, οἶκος, vicus; **слоути**, κλύω, clueo, Chlodwig;

Ꙁ: а) **ꙁнати**, γιγνώσκω, (g)nosco, kennen; **азъ**, ἐγώ, ego, ich; **ꙁрьно**, granum, Kern; **мльжѫ**, ἀμέλγω, mulgere;

б) **ꙁимати**, χαίνω, hiare, gähnen; **ꙁемля**, χαμαί, humi; **ꙁима**, χειμών, hiems; **вежѫ**, ἔχω, veho;

Ж: а) **жена**, γυνή; **жити**, (γ)βίος, (g)vivo, Queck-silber;

б) **жлѣвь**, χέλυς; **ежь**, ἐχῖνος, Igel; **жлъчь**, χολή, fel, Galle;

Х: **моухà**, musca, μυῖα, Mücke; **мъхъ**, muscus, Moos; **пьхнѫти**, pinsere; **ходъ**, ὁδός; **оухо**, οὖς, auris, Ohr;

Ш: **шити**, suo; **мышь**, μῦς, mus, Maus;

Ч: **чьто**, quid, τί, (h)was; **четырие**, quatuor, τέσσαρες, vier; **часъ**, καιρός; **чадо**, Kind;

Ц: **црькы**, κυριακόν, Kirche?

14. Согласные третичнаго образованія разнообразятся по отдѣльнымъ нарѣчіямъ, а нерѣдко и по мѣстнымъ говорамъ. Сюда принадлежатъ: а) разнообразные замѣнители первоначальнаго J, напр. **Л** въ **ѕемлꙗ**, **люблѭ**; **S** въ **польѕа**, **стьѕа**; **Ж** въ **межда**, **виждь**; **Ш** въ **свѣшта**, **хоштѫ**; б) призвучные дыхательные **В**, **Й**, **Г** и плавный **N**, напр. **вонꙗ**, **вѫзъ**, **съѭзъ**, **ꙗзъ**, **ѥсмь**, **ꙗдро** и **нѣдро**, **ѥмоу** и **къ немоу**, **вѣноушити**, рус. гусеница; в) сонанты Р̥ (Л̥) и М̥ (Н̥) въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, особенно сербохорватскомъ и чехославенскомъ; г) согласный **Ф**, чуждый первоначально славянскому языку и проникшій въ него лишь впослѣдствіи, отчасти вмѣстѣ съ заимствованными словами (**Философъ**, **просфора**, **фроугъ**), отчасти отъ измѣненія природы звука В, бывшаго нѣкогда обоюднымъ по звону, но потомъ закрѣпленнаго за звонкой лишь разновидностію этого звука (изъ Тверь образовалось этимъ путемъ Тферь, изъ **покровъ**— покрофъ и т. п.); и д) согласный J, который также чуждъ былъ, кажется, ц. слав. языку, но играетъ важную роль въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, особенно въ русскомъ, гдѣ J развился изъ I послѣ согласныхъ.

15. Чередованія согласныхъ въ механизмѣ ц. слав. языка обусловлены главнѣйше слѣдующими шестью причинами: а) родствомъ звуковъ то въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи; б) діалектическимъ перерожденіемъ звуковъ; в) расположеніемъ въ началѣ, срединѣ или концѣ слоговъ и словъ; г) вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ и согласныхъ; д) народнымъ словопроизводствомъ и другими видами психическаго воздѣйствія.

16. Родствомъ звуковъ объясняются тѣ чередованія въ рядахъ то оморганныхъ, то омогенныхъ согласныхъ, при которыхъ не замѣтно дѣйствія никакихъ другихъ ни физическихъ, ни психическихъ мотивовъ, напр. при спорадическомъ чередованіи звуковъ:

а) **В** и **Ф**: **просфора** и **просвора**; **власвимиа**;

П и **Ф**: **клипа**, **Пилатъ**; **Филипъ**; рус. Осипъ;

Ф и **ХВ**: **влъфы**; рус. Хведоръ; серб. фала, фатити;

Б и **М**: рус. бусурманъ, musulmanus;

В и **М**: рус мнукъ;

П и **М**: рус. мтица, мчела;

Б и **В**: рус. жбанъ и чванъ;

Д и **Т**: **гадати** и **гатати**; **тржд**ъ и **тржт**ъ; рус. эдакой;

Г и **К**: **глистирь** κλυστήριον; **иеретикъ** и **иеретигъ**;

К и **Х**: **крьстиане** и **христиане**; рус. Корсунь и Херсонъ, балхонъ, стаханъ;

б) **Р** и **Л**: **крикнжти** и **кликнжти**;

N и **М**: рус. Миколай, Микифоръ, подыни, на-зень;

N и **Л**: **мнѣщж** и **млѣщж**; рус. маненько, млилось, присталь;

В и **Л**: **свобода**, рус. слобода́;

Л и **Й**: рус. конопей, лязыкъ;

Р и **Ш**: **чара**, **чаша**? **коуры**, рус. бушевать?

Р и **Ж**: **кора**, рус. кожа? **можеши**, серб. мореш; пол. nieborak; серб. jер, тер;

Р и **Ζ**: **кара**, **казнь**?

Р и **В**: рус. скрозь, сквозь;

Ф и **Х**: рус. футоръ, фомякъ, куфарка;

Хв и **Х**: рус. охвота;

Х и **С**: **прахъ** и **прьсть**; **прижхъ** и **прижсъ**; рус. хмура и пасмурный;

Г и **Д**: рус. гля;

Т и **К**: рус. кіятръ, кѣсто.

Возможно, что нѣкоторыя изъ отнесенныхъ сюда явленій славянской фонетики найдутъ впослѣдствіи болѣе удовлетвори-

тельное разъясненіе изъ взаимодѣйствія физическихъ и психическихъ факторовъ языка; но не подлежитъ сомнѣнію, что и близость мѣстъ или условій артикуляціи отдѣльныхъ звуковъ легко можетъ повести къ ихъ спорадическому обмѣну и такимъ образомъ къ параллельному существованію двойныхъ и болѣе формъ, которыя могутъ со временемъ дифференцироваться и по значенію (напр. свобода и слобода́).

17. Діалектическое перерожденіе отражается какъ на вокализмѣ, такъ и на консонантизмѣ языка въ самыхъ древнихъ памятникахъ ц. слав. письменности.

18. Такъ изводъ болгарскопаннонскій характеризуется:

а) смѣшеніемъ согласныхъ твердыхъ съ мягкими, какъ это видно изъ параллельныхъ формъ: **коупл и коупл, трава и трѣва (трпва?), стьsа и стьsи, пишта и пишти, бьрати и бѣрати, урьнъ и урѣнъ, даѥть и даѥтъ, домъмь и домѣмъ** и т. п.;

б) господствомъ фонемъ **жд** и **шт** вмѣсто группъ дj, тj, а иногда и здj, згj, стj, скj, напр. **виждж, хоштж, ѕвиждж, рождиѥ, поштж, иштж** и т. п.;

в) параллельнымъ употребленіемъ фонемъ типовъ **бь** и **бл** вм. коренной группы бj, напр. **ѕемьи** и **ѕемли, ловьж** и **ловлж**;

г) дзякающимъ выговоромъ дифтонга **S** въ извѣстныхъ корняхъ и формахъ, гдѣ другіе изводы употребляетъ монофтонгъ **З**, напр. **sѣло, sвѣѕда, nosѣ** и т п.

19. Изводъ чехославенскій характеризуется главнѣйше употребленіемъ фонемъ переднеязычныхъ (**S, Ц**) вмѣсто среднеязычныхъ (**жд, шт**), напр. **тако ѕе, тоуѕимъ, оутврьѕениѥ, розъство; хвалѧцимъ, пица, насыщени.**

20. Изводъ сербохорватскій также смѣшиваетъ согласные твердые съ мягкими въ одномъ среднемъ звукѣ, за исключеніемъ лишь плавныхъ **Л** и **N**, для которыхъ установилось впослѣдствіи двоякое написаніе: **л, н** и **љ, њ**. Гораздо характернѣе однако для этого извода фонемы **ђ** и **ћ**, соотвѣтствующія болгарскопаннонскимъ **жд** и **шт**. Дифтонги эти долгое время скрывались подъ начертаніями **Г** и **К**, а изрѣдка подъ безразличнымъ для обоихъ написаніемъ **Ћ**, пока наконецъ не вы-

работалось въ сербской письменности употребленіе двухъ рѣзко разграниченныхъ по звуковому значенію буквъ: ѣ и ѣ. Другую особенность сербскаго извода составляетъ разнообразіе перезвуксвъ для слоговъ ръ, лъ въ срѣдѣ согласныхъ группъ: **тарнова, тарстенић**; **берда, велканъ**; **диржиславъ**; **столпъ, волкъ**; **хоулмъ, хлоумъ**. Можно предполагать, что уже въ древнесербскомъ слогообразующая сила въ подобныхъ слогахъ все болѣе и болѣе сосредоточивалась на Р, Л, которые приняли наконецъ въ этомъ нарѣчіи значеніе и роль сонантовъ (Р̥, Л̥). Впрочемъ сонантъ Л̥ перешелъ впослѣдствіи въ гласный У: **хлъмъ**, хлм, хум; **слъньце**, слнце, сунце.

21. Что касается затѣмъ русскаго извода, то въ немъ различіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ вообще удержалось, хотя и подверглось нѣкоторымъ колебаніямъ, особенно въ южнорусскихъ говорахъ. Въ нихъ распространились впослѣдствіи и средніе по твердости согласные, особенно Р и Л. Зародыши такихъ звуковъ можно предполагать уже въ древнерусскомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ въ XII в. написанія: **цр҃ж, мороу, волнии, славлахоу, доволъно**. Если принять далѣе во вниманіе, что согласные заднеязычные въ русскомъ языкѣ приняли характеръ звуковъ по преимуществу мягкихъ (**хитръ, паки, дъскѣ** уже въ XI в.), а среднеязычные наоборотъ замѣтно отвердѣли (шёлъ, жёнъ, прочёлъ), то слѣдуетъ предположить, что въ русскомъ языкѣ поясъ артикуляціи язычныхъ звуковъ вообще передвинулся нѣсколько впередъ, въ направленіи къ губному устью ртоваго канала.

Вмѣсто ц. слав. дифтонговъ **жд** и **шт**, мы встрѣчаемъ въ русскомъ фонемы **Ж** и **У**: **прихожж, тюжемоу** (уже въ XI в.). Не видно слѣдовъ существованія въ древнерусскомъ и дифтонга **S**, развившагося уже впослѣдствіи въ бѣлорусскомъ и нѣкоторыхъ другихъ дзякающихъ говорахъ.

Въ говорѣ же новгородскомъ и примыкающихъ къ нему сѣверноруссскихъ издавна существуетъ замѣчательная тупость слуха къ различенію переднеязычнаго и среднеязычнаго дифтонговъ

Ц и Ч, отчасти же и родственныхъ имъ звуковъ Ꙁ—Ж, С—Ш: **цинъ, непороцьноу** (XIв.), **цто, цловѣкъ, въ рѣчѣ** (XII в.), **рчи, цюдный, множи вражи, чюєси, желаєси** (XIV в.). Это могло произойти лишь отъ измѣненія основныхъ мѣстъ уклада передне- и среднеязычнаго въ направленіи встрѣчномъ, при чемъ разница между звуками этихъ сосѣднихъ и сближенныхъ поясовъ могла сдѣлаться равною нулю. Наконецъ во многихъ русскихъ говорахъ заднеязычный нѣмой Г превратился со временемъ въ гортанный дыхательный ʿГ, подобно чешскому и верхнелужицкому парѣчіямъ. Это произношеніе при чтеніи ц. слав. книгъ перенесено было южноруссами и въ тѣ области русской земли, гдѣ въ живомъ говорѣ сохранился Г нѣмой. Впрочемъ, эта особенность русскаго консонантизма отражается лишь въ способѣ чтенія, а не въ написаніи соотвѣтственныхъ ц. слав. словъ.

22. Третій видъ чередованія согласныхъ обусловленъ ихъ расположеніемъ въ слогахъ и словахъ. Подобно гласнымъ и согласные гораздо тверже держатся въ предзвучьяхъ и средозвучьяхъ, чѣмъ въ позвучьяхъ.

23. Въ предзвучьяхъ словъ ц. слав. языкъ допускалъ не только двучленныя, но и трехчленныя, а изрѣдка и четырехчленныя согласныя группы, напр. **сквръна**; **скрѣбь, страна, стлѣкъ, ждрѣбя, хврастъ, тврьдъ**; **крлн, клада, квасъ, градъ, гладъ, хранити, хватъ, слава, гнѣвъ, снѣгъ, смѣхъ, снѣхъ** и т. п. Наблюдалось лишь то условіе, чтобы въ сложной предзвучной группѣ не было болѣе одного нѣмого звука, окруженнаго дыхательными или плавными, такъ какъ встрѣча двухъ нѣмыхъ неизбѣжно производила павзу, которая легко заполнялась гласнымъ.

24. Нѣсколько разнообразнѣе и сложнѣе можетъ быть составъ средозвучныхъ согласныхъ группъ, гдѣ мы встрѣчаемъ изрѣдка и сочетаніе двухъ нѣмыхъ, напр. **седмь, тогда, пондрѣти, тепсти.** Но вообще и тутъ преобладаютъ въ сложныхъ группахъ звуки нѣмые и дыхательные, напр. **оумрьштвлнти, исплънь, возгрм, пасха** и т. п.

25. Что касается позвучнаго расположенія, то ц. слав. не допускалъ первоначально въ немъ не только сложныхъ группъ,

но и простыхъ согласныхъ звуковъ, такъ что всѣ слова и слоги имѣли однообразный открытый строй. Позвучные согласные при этомъ либо совершенно отметались (**новъ** при νέος, novus; **домъ** при δόμος, domus; **мати** при μήτηρ, mater), либо сливались съ предшествующимъ гласнымъ, превращая его въ носовой (**има**, nomen; **тєла, тєлатє**; **бимь, бимштa**), а при дальнѣйшихъ перегласовкахъ въ **Ы, Ъ, Ь** (**камы, камєнє**; **съ, сжштa**; **съ, сж**; **влъкъ,** λυκῶν).

Аналогичныя явленія произошли съ позвучными согласными и въ концѣ слоговъ въ составѣ слова: они исчезли либо безслѣдно, либо съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ предшествующаго гласнаго, напр. **оусъ(п)нжти, гъ(б)нжти, жи(в)типлє(т)лъ**; **дъмж—джти, имж—ыти, пынж—пати**; **погрѣсъ** изъ ***погребсъ, вѣсъ** изъ ***ведсъ** и т. п.

Измѣненіе вокализаціи корня произошло и тогда, если въ немъ встрѣтилась группа изъ **Р** (**Л**)+согласный, напр. *борда, борода, **брада**; *серда, середа, **срѣда**; *болто, болото, **блато**; *мелко, молоко, **млѣко**; вълкъ, **влъкъ**; търгъ, **тръгъ**. При этомъ измѣненіи закрытый характеръ корневого слога мѣнялся въ открытый, что можно изобразить графически такъ: вмѣсто: $><$, т. е. *борда, получается: $<<<$, т. е. борода, или $<<$, т. е. **брада**.

26. Открытымъ характеромъ позвучій ц. слав. языка объясняется появленіе призвучныхъ согласныхъ въ вокальныхъ предзвучьяхъ слоговъ и словъ, для заполненія зіянія между двумя сосѣдними гласными, напр. **изъ** и **азъ**; **дати** и **давати**; **вонa** и **жѧти**; **вдро** и **нѣдро**; **въноушити** и **оухо**; **гжсеница** и **жсъ**.

27. Впослѣдствіи стремленіе къ открытому изглашенію слоговъ и словъ въ ц. слав. ослабѣло. По мѣрѣ утраты звука глухихъ появлялось въ языкѣ все болѣе словъ съ позвучными согласными. Уже въ XI в. мы должны ихъ предполагать въ формахъ напр. **вѣренъ, ѹстенъ** при **вѣрьна, ѹстьна**, такъ какъ иначе трудно объяснить переходъ въ нихъ **Ь** въ **Є**. Еще очевиднѣе закрытый характеръ словъ: **ѕвѣстъ** при **ѕвѣѕда, вижѹ** при **виждж** и т. п. Превращеніе согласныхъ звонкихъ **въ** глу-

хіе произошло здѣсь не отъ чего другого, какъ отъ утраты слогообразующей силы позвучныхъ еровъ. Въ позднѣйшемъ ц. слав. образовалось этимъ путемъ много позвучныхъ согласныхъ группъ не только двучленнаго, но и болѣе сложнаго состава, напр. **кѣтръ**, **перстъ**, **кѣздѣ**, **царствъ**, **воинствъ** и т. п. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются какъ въ предзвучномъ, такъ и въ позвучномъ расположеніи даже пятичленныя согласныя группы, напр. рус. къ встрѣчѣ, къ вскрытію; пол. podskarbstw. Группы эти тѣмъ замѣчательнѣе, что въ составѣ ихъ находимъ по два нѣмыхъ звука, хотя и раздѣленныхъ дыхательными и плавными.

28. Четвертый видъ чередованій согласныхъ обусловленъ взаимодѣйствіемъ сосѣднихъ звуковъ въ составѣ слога или слова. Славянскому языку, какъ и всѣмъ другимъ, свойственно стремленіе вводить въ непосредственныя сочетанія лишь звуки болѣе или менѣе однородные, или по крайней мѣрѣ такіе, пріемы образованія которыхъ легко могутъ быть согласованы. Если входящія въ сочетаніе по этимологическимъ требованіямъ стихіи не удовлетворяютъ означенному условію, то языкъ видоизмѣняетъ звуки или группы, для взаимнаго ихъ приспособленія. Это достигается въ однихъ случаяхъ уподобленіемъ сосѣднихъ элементовъ, въ другихъ—ихъ расподобленіемъ, въ третьихъ—поглощеніемъ одного изъ звуковъ другими, въ четвертыхъ наконецъ—вставкой новаго, паразитнаго звука.

29. Уподобленіе согласныхъ сосѣднимъ гласнымъ выражается главнѣйше въ томъ, что съ гласными широкими сочетаются согласные твердые, а съ узкими—мягкіе. Этимъ достигается согласованіе формъ надставной трубки съ пріемами образованія тѣснинъ и смычекъ: при бо́льшемъ діаметрѣ первой и послѣднія имѣютъ бо́льшую ширину, и наоборотъ, при суженіи ртоваго канала сближаются стѣнки тѣснинъ и смычекъ, отодвигаясь при этомъ къ поясу среднеязычнаго уклада. Такъ получаются параллельныя пары слоговъ твердыхъ и мягкихъ или широкихъ и узкихъ, по качеству обоихъ членовъ сочетанія: **мо**ꙗ, **мѣ**ꙗ; **нова**, **невѣста**; **ровъ**, **ревж**; **доити**, **дѣти**; **дъна**, **дьни**; **къ**-

ти, бити и т. п. Лишь гласные А, ОУ и Ѫ допускаютъ сочетаніе и съ твердыми, и съ мягкими согласными, безъ замѣтнаго измѣненія своего собственнаго тембра, напр. она, коня; рода, вожда; лоуъ, лютъ; пѣнѫ, пѣнѭ и т. п. Но въ подобныхъ слогахъ гласные: А—Ꙗ, ОУ—Ю, Ѫ—Ѭ хотя и близки, но все таки не тожественны, такъ какъ при артикуляціи А, ОУ, Ѫ надставная трубка все время имѣетъ одинаковую ширину, тогда какъ при Ꙗ, Ю, Ѭ діаметръ трубки измѣняется, именно постепенно увеличивается, по мѣрѣ удаленія гласнаго звука отъ предшествующей ему согласной тѣснины или смычки.

30. Когда въ сочетаніе съ узкими гласными входятъ согласные заднеязычные, то послѣдніе совершенно измѣняютъ свою природу, переходя въ среднеязычный или даже переднеязычный поясъ звукообразованія, а именно: К въ Ү или Ц; Г въ Ж или S (Ʒ); Х въ Ш или С, т. е. происходитъ рѣшительное передвиженіе согласнаго уклада въ область передняго рта, какъ мѣсто образованія узкихъ гласныхъ. Такъ мы встрѣчаемъ рядомъ формы:

1) ржка, ржука, ржцѣ; къи, уьи, ции; коньць, наукнѫ; кадити, уадъ?

2) нога, ножька, носѣ; могѫ, можеши, мози; гонѭ, женѫ; гонити, жити;

3) доухъ, доушьнъ, доуси; соухъ, соушь, соуси; ветъхъ, ветъшь и т. п.

31. Вліяніе узкихъ гласныхъ на заднеязычные согласные не задерживается даже промежуточной средой звука плавнаго или дыхательнаго В, напр. жрьло при грьло; звѣзда, пол. gwiazda; цвѣтъ, пол. kwiat; цвилити, чеш. kviliti; влъсви при влъхвъ.

32. Сравнивая разнообразные перезвуки заднеязычныхъ К, Г предъ узкими гласными, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: а) фонемы составныя или дифтонги: Ц, Ү, S, и б) фонемы простыя или монофтонги: Ж, Ʒ. Можно предполагать, что въ этой двойственности фонемъ, замѣнившихъ заднеязычные въ ихъ переходномъ смягченіи, мы имѣемъ передъ собой два различныхъ хронологически слоя, изъ коихъ первый предшествовалъ

второму. Это особенно замѣтно при сравненіи фонемъ S и Ʒ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ основаніи обоихъ лежитъ Г, напр. **кънаsь** и **кънаʒь** при **кънагъıни**; **коsѣ, коsи** и **коʒѣ, коʒи** при **богъ**; **sвѣʒда** и **ʒвѣʒда** при пол. gwiazda; **польsа** и **польʒа** при **льгъкъ** и т. п. Тутъ S является переходной ступенью отъ Г къ Ʒ. По аналогіи можно предполагать, что и Ж въ перезвукахъ для Г развился изъ дифтонга дж или ц, т. е. что **жрьло** звучало нѣкогда *джрьло, соотвѣтствующее червонорусскому джерело. Возстановивъ эту предполагаемую древнѣйшую форму перезвуковъ Г въ среднеязычномъ и переднеязычномъ поясахъ, мы получимъ рядъ: Г : ц : S, изъ котораго развился новѣйшій рядъ: Г : Ж : Ʒ. Первый изъ двухъ рядовъ имѣетъ, конечно, лишь гадательную достовѣрность; но она сильно поддерживается аналогіей уцѣлѣвшаго въ памятникахъ ряда: К : Ү : Ц, гдѣ простому К соотвѣтствуютъ глухіе дифтонги Ү и Ц, совершенно равносильные предполагаемымъ звонкимъ дифтонгамъ ц и S.

Если мы сравнимъ теперь формы: **ки : уи : ци** и **ги : ци : sи**, то увидимъ, что процессъ переходнаго смягченія заднеязычныхъ состоялъ въ ихъ дифтонгаціи, путемъ вставки дыхательныхъ Ш, С и Ж, Ʒ, причемъ и самъ заднеязычный перетягивался этими паразитами въ соотвѣтствующій имъ поясъ.

При полномъ параллелизмѣ явленій, связанныхъ съ появленіемъ четырехъ означенныхъ паразитныхъ звуковъ, слѣдуетъ думать, что они имѣютъ общаго праотца, а такимъ могъ быть всего скорѣе дыхательный заднеязычнаго пояса, т. е. J послѣ Г и Х послѣ К. Изъ оморганныхъ сочетаній (affricatae): гj, кх, легко могли развиться оморганные же дифтонги: ц, Ү и S, Ц, при общемъ передвиженіи язычнаго уклада къ переднему нёбу, какъ мѣсту образованія узкихъ гласныхъ.

33. Что касается третьяго заднеязычнаго—Х, то его переходъ въ родственные дыхательные Ш и С могъ совершиться и безъ паразитныхъ вставокъ, которыхъ слѣда мы дѣйствительно не находимъ ни въ памятникахъ письменности, ни въ живыхъ говорахъ.

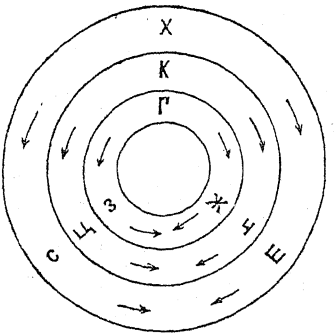
34. Что касается относительнаго возраста разсматривае-

мыхъ замѣнъ для **К, Г, Х** предъ узкими гласными, то замѣна въ среднеязычные (шипящіе) представляются древнѣе перехода въ переднеязычные (свистящіе), такъ какъ послѣдніе и физіологически отстоятъ далѣе отъ заднеязычныхъ, чѣмъ среднеязычные. Къ тому же мы встрѣчаемъ обыкновенно свистящіе предъ флексіями, а шипящіе въ составѣ корней или предъ суффиксами, т. е. въ болѣе древнихъ и первобытныхъ стихіяхъ слова.

35. Есть впрочемъ въ ц. слав. языкѣ рядъ и такихъ формъ, гдѣ шипящіе образовались изъ свистящихъ, напр. **кънажити** изъ **къназь**; **лажѫ** изъ **лазити**; **коньчити** изъ **коньць**; **ноша** изъ **несѫ**; **пишѫ** изъ **пьсати** и т. п. Превращеніе это совершилось другимъ путемъ, а именно вліяніемъ на переднеязычные заднеязычнаго J, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

36. Есть наконецъ въ ц. слав. языкѣ слой переднеязычныхъ очень древняго образованія, для которыхъ въ славянскомъ языкѣ нѣтъ заднеязычныхъ коррелятивовъ, но имѣются таковые въ другихъ родственныхъ языкахъ, напр. **знати** γιγνώσκω, **азъ** ἐγώ, **осмь** ὀκτώ, **вьсь** οἶκος, vicus и т. п. (см. § 8, 13). Причины и пути выражающейся въ этихъ соотвѣтствіяхъ поляризаціи язычныхъ согласныхъ не вполнѣ еще выяснены. Не исключена возможность и непосредственнаго рефлекса заднеязычныхъ въ поясѣ переднеязычномъ, особенно въ древнѣйшія эпохи арійскихъ языковъ. Но аналогія этихъ явленій, какъ и указанныхъ въ § 8, 35, не можетъ служить основаніемъ для утвержденія, что свистящіе рефлексы заднеязычныхъ вообще древнѣе шипящихъ. Для новаго слоя этихъ рефлексовъ гораздо вѣроятнѣе обратное предположеніе.

37. Соединяя все сказанное о переходномъ смягченіи гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе на площади круга, мы получимъ слѣдующее графическое изображеніе направленія этихъ измѣненій:



38. Не менѣе разнообразны и обширны измѣненія, произведенныя въ системѣ ц. слав. согласныхъ ихъ встрѣчей съ другими согласными. Особенно важны и характерны измѣненія, произведенныя заднеязычнымъ дыхательнымъ. Вступая въ сочетаніе съ предшествующими согласными, J то теряется въ нихъ, оставивъ свой слѣдъ на ихъ непереходномъ или переходномъ смягченіи, то сохраняется, хотя и въ извѣстныхъ метаморфозахъ. Такъ напр. въ словахъ: **морѣ**, **полѣ**, **коня**, **коня**, J исчезъ, мупллировавъ предшествовавшіе плавные. Въ формахъ: **плауѫ**, **лъжѫ**, **пашѫ**, **отьчь**, **кънажь**, **пастоушь**; **доуша**, **ноша**, **паша** и т. п. J также улетучился, оставивъ слѣдъ на переходномъ смягченіи то заднеязычныхъ, то переднеязычныхъ звуковъ. Но если J стоялъ послѣ нѣмыхъ губного или переднеязычнаго поясовъ, то онъ уцѣлѣлъ, хотя и въ преобразованномъ видѣ, а именно, въ видѣ **Л** послѣ губныхъ и въ видѣ **Ж** или **Ш** послѣ переднеязычныхъ:

а) **ꙁемлꙗ**, **капля**, **корабль**, **ловля**, **плюѫ** ср. spuo, **блюдо** ср. гот. biuds, вм. земја, капја и т. п.;

б) **межда**, **свѣшта**, **виждѫ**, **хоштѫ**, вм. медја, свѣтја и т. п.

Это превращеніе J въ **Ж**, **Ш** при нѣмыхъ **Д**, **Т** происходитъ и тогда, когда ихъ раздѣляли первоначально звуки **Р**, **Л**, **В**, напр. **бъждрь**, **прѣмѫждрити**, **съмоштрѫ**, **оухъштрити**; **оумрьштвлѥнъ**.

39. Трудно объяснить причины, по которымъ J испарялся послѣ плавныхъ, заднеязычныхъ и свистящихъ, но сохранялся въ томъ или другомъ видѣ послѣ нѣмыхъ губного и переднеязычнаго поясовъ. Несомнѣнно лишь то, что измѣненія въ этихъ

группахъ представляютъ одинъ изъ видовъ приспособленія сочетаемыхъ звуковъ, въ смыслѣ то уподобленія, то расподобленія элементовъ сочетанія. Такъ напр. сравнивая группы: мj, бj, пj, вj, дj, тj, и: мл, бл, пл, вл, дж, тш, мы замѣчаемъ въ этихъ группахъ нѣкоторое передвиженіе заднеязычнаго къ поясу то губной, то переднеязычной артикуляціи, такъ какъ Л ближе къ губнымъ, а Ж, Ш къ Д, Т, чѣмъ Ј. Заключительной формой такого уподобленія сочетаемыхъ звуковъ могло быть полное ихъ сліяніе въ одинъ звукъ, напр. нj, рj, лj въ н̂, р̂, л̂, а зj, сj, въ ж̂, ш̂, собственно ж, ш. Лишь фонемы, соотвѣтствующія первоначальнымъ группамъ: кj, гj, хj, а именно: ч, ж, ш, представляютъ другой ходъ развитія, такъ какъ элементы сочетанія к+j, превращаясь въ ч (т+ш), переходятъ оба въ совершенно другой, хотя и сосѣдній поясъ звукообразованія. Въ этомъ передвиженіи пары звуковъ заднеязычныхъ въ среднеязычный поясъ слѣдуетъ видѣть процессъ, аналогичный разсмотрѣнному выше, гдѣ шла рѣчь о переходномъ смягченіи звуковъ К, Г, Х передъ узкими гласными. Сходство этихъ двухъ процессовъ объясняется природной близостію мѣстъ и условій артикуляціи узкихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ, особенно же звуковъ І и Ј.

40. Для подтвержденія возможности перехода Ј въ Л можно сослаться на областные рус. лязыкъ вм. языкъ, лезеро вм. озеро, ꙗзеро; пол. ledwa при рус. едва; словац. len при чеш. jen, jenom, ц. слав. ꙗдиножⷣ. Переходъ же Ј въ Ж, Ш очень обыченъ въ языкахъ романскихъ.

41. Ц. слав. фонемы жд, шт образовались впрочемъ не прямо изъ дj, тj, такъ какъ иначе мы находили бы вм. *медја, *свѣтја формы: *меджа, *свѣтша, аналогичныя сербскимъ: међа, свијећа, а не дѣйствительныя формы: межда, свѣшта. Дифтонги жд, шт могли развиться изъ предполагаемыхъ обратныхъ дифтонговъ дж, тш либо метатезисомъ, либо вставкою передъ группою дж, тш новаго паразитнаго дыхательнаго Ж, Ш, причемъ получались группы ждж, штш, изъ которыхъ могли уже образо-

ваться группы жд, шт при опущеніи второго дыхательнаго. Послѣднее предположеніе правдоподобнѣе перваго, такъ какъ при группахъ дж, тш не представляется достаточнаго повода для перестановки элементовъ; а между тѣмъ опущеніе второго дыхательнаго въ группѣ типа ждж довольно обычно въ ц. слав. языкѣ и даже можетъ быть названо правиломъ. Если мы сравнимъ напр. формы:

дъсцѣ и дъстѣ, роⷘsѣ и роⷘдѣ, рождиѥ;
рус. пищаль и ц. слав. пишталь;
рус. ищу и ц. слав. иштѫ;
рус. щадить и ц. слав. штѧдити;
рус. безчисленъ и ц. слав. бештисльнъ;
рус. изжену и ц. слав. ижденѫ;
рус. возжелать и ц. слав. въжделѣти;
рус. области. ѣзджу и ц. слав. ѫждѫ и т. п.

то замѣтимъ, что въ ц. слав. группы: ⷘд, жд, ст, шт обычно соотвѣтствуютъ группамъ: ⷘдⷘ, стс, ждж, штш. Очень вѣроятно, что этимъ путемъ изъ группъ dj, tj, чрезъ формы: дж, тш, ждж, штш, образовались обычныя ц. слав. фонемы жд, шт. Возможность появленія въ мягкихъ слогахъ паразитнаго Ж или Ш удостовѣряется аналогіей чеш. формъ: řeka, před, břeh (гдѣ ř= рж, рш), которымъ соотвѣтствуютъ усѣченныя пол. rzeka, przed, brzeg (гдѣ rz=ж, ш).

42. Относительный возрастъ разсмотрѣнныхъ явленій славянскаго іотацизма не восходитъ, кажется, къ такой древности, какъ превращенія согласныхъ передъ узкими гласными. Это видно какъ изъ колебанія нѣкоторыхъ видовъ іотацизма въ памятникахъ ц. слав. письменности, такъ и изъ ихъ разнообразія въ отдѣльныхъ говорахъ славянскаго языка. Такъ параллельно съ формами: славлѫ, ⷘемлѫ, оставлѥнъ, прѣломль, мы встрѣчаемъ, особенно въ югославянскихъ кодексахъ, формы: славьⷦ, ⷘемьⷦ, оставьѥнъ, прѣломь и т. п. Можно думать, что мы имѣемъ тутъ передъ собою два различныхъ слоя—древнѣйшій (безъ Л) и новѣйшій. Это подтверждается и тѣмъ, что въ фонемахъ типа МЛ носовой согласной не улетучивается въ ринезмъ пред-

шествующаго согласнаго: формы напр. **ѥмлѭ**, **ломлѭ** не превращаются въ **ѥлѭ*, **лжлѭ*, какъ бы можно ожидать по аналогіи формъ: **възлѣ**, **джлѣ** и т. п. Очень вѣроятно, что **л** явился въ подобныхъ формахъ уже въ то время, когда законъ несочетаемости носовыхъ съ послѣдующими согласными ослабѣлъ, почему **м** и могъ уцѣлѣть въ такомъ расположеніи. Вторымъ доказательствомъ относительной новости превращенія группъ типа **бл** въ **бл** служитъ славянская діалектологія, которая свидѣтельствуетъ, что фонема **бл** утвердилась лишь въ юговосточныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но чужда сѣверозападнымъ.

43. Еще явственнѣе позднiй возрастъ фонемъ **жд**, **шт** вм. дj, тj. Въ этомъ отношеніи ц. слав. языкъ находитъ себѣ соотвѣтствіе между живыми говорами лишь въ болгарскихъ. Такъ вм. ц. слав. **межда**, **свѣшта** мы находимъ: въ болгар. межда, свѣшта; въ серб. међа, свијећа; въ хорут. meja, sveča; въ чеш. meze, svice; въ пол. miedza, świeca, и въ рус. межа, свѣча. Это различіе новославянскихъ рефлексовъ для группъ дj, тj не возникло въ новѣйшее время. Оно существовало и при началѣ славянской письменности, въ которой мы встрѣчаемъ, рядомъ съ фонемами **жд**, **шт**, и рус. фонемы **ж**, **ч** и даже чехословенскія **ʒ**, **ц**, напр. **хвалѧцимъ**, **насыщени**, **оутвръʒение**, **тоуʒимъ**. Одна изъ формъ такого типа пріобрѣла впослѣдствіи право гражданства и въ русскихъ изводахъ, именно: **тезъ**, **тезьникъ**, **тезоименитъ** ἐπώνυμος, рядомъ съ болѣе правильными формами: **тождие** ταυτότης, **тождьство** и т. п.

44. При встрѣчѣ согласныхъ съ плавными ц. слав., какъ и остальныя нарѣчія славянскаго юга, требовалъ помѣщенія плавныхъ на второмъ, а не первомъ мѣстѣ группы, вслѣдствіе чего форма **търт**, мѣнялась въ **трът**, напр. **мраморъ** вм. marmor, **прьсида** Persis, **прькарь** februarius, **млъхъ** μοχλός. Выше указано, что при аналогичныхъ условіяхъ группы **терт**, **торт** измѣнялись въ ц. слав. въ **трѣт**, **трат**, напр. ἕλκω **влѣкѫ**, porcus **прасѧ**. Русскій языкъ не раздѣлялъ этого нерасположенія ц. слав. къ группамъ: плавн.+согл., почему форма **търт** въ немъ сохранилась, напр. **кълкъ**, **пьрвъ** и т. п. Изъ формъ же: **терт**, **торт**

развились формы: терет, торот, о чемъ была уже рѣчь выше (§ 7, 37 сл.).

45. Оригинальны явленія, происходящія при встрѣчѣ дыхательны Ꙁ, Ж, С съ плавными Р, Л: они раздѣляются между собою вставкой не гласнаго (какъ въ терт, терет), а согласнаго и притомъ нѣмого, оморганнаго съ дыхательнымъ, напр. ноздри, мꙁдра, издрлнлм, издрєчє, издрадьно; ждрѣбл, ждрѣло; Страцининъ Σαράκηνος, стрѣдл, строүѭ, островъ; ср рус. встрѣча, стремъ; пол. zdrada, чеш. stříbro и т. п. Сюда примыкаетъ и рус. здравъ, соотвѣтствующее греч. ἀνδρός, гдѣ нѣмой вставляется не при свистящемъ, а при носовомъ, но того же переднеязычнаго пояса. Причины такого стѣсненія З, Ж и С передъ Р до артикуляціи смычныхъ Д, Т, а также утраты въ Н носового резонанса, при чемъ получился Д, не достаточно ясны.

46. При встрѣчѣ согласныхъ носовыхъ съ чистыми ц. слав. языкъ приспособлялъ группу тѣмъ, что звуки М, Н теряли свою ртовую артикуляцію, а носовой резонансъ соединялся съ предшествующимъ гласнымъ, который вслѣдствіе того превращался въ юсъ, напр. дѣмѫ, дѫти; пѣнѫ, пѧти, вм. *дѣмти, *пѣнти. Лишь предъ Л и, кажется, предъ Ј носовые сохранялись, напр. въ ломлѭ, ємлѭ, ꙁємьи (ꙁємјѭ?) и т. п.

47. Сосѣдство двухъ смычныхъ согласныхъ было устраняемо въ ц. слав. двумя способами:

1) превращеніемъ одного изъ нихъ, обыкновенно перваго, въ дыхательный того же или сосѣдняго пояса, напр. а) плєсти вм. *плєтти, грѣсть вм. *грѣтть, врьста вм. *врьтта, влѣсть вм. *влѣдть; б) сѣшти вм. *сѣкти, *мошти вм. *могти, пєшть вм. *пєкть, вєшть вм. *вєтть и т. п.

2) опущеніемъ одного изъ смычныхъ, обыкновенно перваго, напр. грє(б)ти, дла(б)то, гъ(б)нѫти, оүсъ(п)нѫти, нє(п)тии; освь(т)нѫти, въспрл(д)нѫти, и(д)мь, вѣ(д)мь, кльс(к)нѫти, пис(к)нѫти и т. п.

48. Аналогичнымъ измѣненіямъ подвергаются впрочемъ согласные и при сочетаніяхъ нѣмыхъ съ дыхательными или даже дыхательныхъ между собою, напр.

а) врѣшти вм. *врѣхти, какъ сѣшти;

б) с(п)лєзена, пл(д)лъ, ра(д)ло, да(д)кѣ, и(д)вѣ, погрѣ(б)съ, проба(д)ся, и(д)си, съблю(д)хъ, рѣ(к)хъ, о(т)шьдъ, рѣ(к)ша, бо(д)зи;

в) об(в)етъшати, об(в)итати, об(в)ѣтъ; брат(р)ъ; ист(с)ѣли, блист(с)ати, бѣсовьст(с)ѣ, дразд(з)ѣ;

г) жи(в)ти, плѣ(в)ти;

д) и(з)цѣли, бе(з)закониѥ, бе(з)страха, ра(з)сѣчєнъ, нѣ(с)съ.

Опредѣлить путь всѣхъ этихъ звукоизмѣненій при взаимодѣйствіи смежныхъ звуковъ не легко. Въ большей части случаевъ можно предполагать процессъ то вспятнаго, то поступательнаго ихъ уподобленія, при чемъ смежные звуки могли доходить до полнаго тожества и теряться одинъ въ другомъ, благодаря между прочимъ и нерасположенію ц. слав. языка къ согласнымъ протяженнымъ. Изъ бєзъ страха образовалась форма бес страха, далѣе бестрaха (С долгій), а наконецъ бе страха (С простой). Возрастъ этихъ измѣненій также не одинъ и тотъ же. Это видно изъ діалектическихъ различій въ строеніи разсмотрѣнныхъ группъ. Такъ напр. въ формахъ: вѣ(з)мь, вѣ(д)си Д опускается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ формахъ: мы(д)ло, са(д)ло, ра(д)ло сходство ограничивается югозападными славянскими нарѣчіями и не распространяется на сѣверозападныя, гдѣ мы и теперь находимъ слова: мыдло, садло, радло. То же можно сказать о словѣ братръ, въ которомъ Р подверглось элизіи уже на глазахъ исторіи и то не во всѣхъ говорахъ, ибо въ чеш. и теперь мы находимъ форму bratr.

49. Къ общимъ стремленіямъ славянскаго языка принадлежитъ уподобленіе смежныхъ согласныхъ по звону. Формы: бєзъконєчьнъ, изъходъ, възътокъ, сздравъ и т. п. могли существовать лишь дотолѣ, пока сохранялась звуковая сила префикснаго Ъ—ра; когда же послѣдній превратился въ нуль, раздѣленные прежде согласные сблизились и уподобились по звону, вслѣдствіе чего получились формы: бесконєчьнъ, исходъ, къстокъ, здравъ и т. п.

50. Что касается гортанной окраски согласныхъ группъ

съ плавными, то она бывала различна, напр. **смѣхъ, змии; снѣгъ, знои; срѣда, зрѣти, дрaхлъ; слово, злакъ.** Можно однако замѣтить, что носовые **М, N** охотнѣе сочетались со звонкими, а **Л, Р** съ тихими, напр. **змиряна** Σμύρνα, **измарагдъ** σμάραγδος, **хризъма** χρίσμα, **Козьма** Κόσμας; **масло, весло, гжсли, нсли** и т. п.

Звукъ **В** также сочетался въ ц. слав. и со звонкими, и съ глухими согласными, напр. **квасъ, гвоздь; свистъ, звѣзда.** Это можно объяснить полусогласнымъ выговоромъ такого **В** (ў). Когда же звукъ этотъ сжался до чистаго согласнаго **В**, то немедленно обнаружились затрудненія при его сочетаніи съ глухими согласными. Оттого то вм. Тверь мы читаемъ уже въ старорус. памятникахъ то Тферь, то Тхверь и т. п.

51. Пятый видъ чередованій согласныхъ обусловленъ побужденіями психическими, напр. притягательнымъ дѣйствіемъ смежныхъ по звукамъ или значенію корней, основъ, словъ, оборотовъ и т. п. Такъ напр. ц. слав. **девать** образовалось изъ ***невать** (novem, ἐννέα, neun) по вліянію смежнаго названія **десать**. Точно такъ въ народныхъ говорахъ мы встрѣчаемъ то можу вм. могу, то могимъ вм. можемъ, по аналогіи смежныхъ личныхъ формъ, тамъ—можешь, можетъ, а здѣсь—могу, могутъ и т. п.

52. Взаимное соотношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ ц. слав. языкѣ опредѣляется (по Шлейхеру) отношеніемъ: $49^1/_2 : 50^1/_2$. Это показываетъ богатое развитіе вокализма въ ц. слав. въ сравненіи напр. съ греческимъ или латинскимъ, гдѣ мы находимъ отношеніе: 46 : 54 (для греч.) и 44 : 56 (для лат.). Распредѣленіе гласныхъ и согласныхъ также благопріятнѣе въ ц. слав., чѣмъ въ языкахъ классическихъ. Въ гречес. языкѣ монотонность вокализма опредѣлялась господствомъ звуковъ типа Е (ε, η), составлявшихъ не менѣе 32% общаго числа гласныхъ; въ латинскомъ языкѣ достигъ неумѣреннаго распространенія гласный I (27%); между тѣмъ въ ц. слав. ни одинъ гласный не достигалъ даже 21% общаго числа. Согласные также равномѣрнѣе распредѣлены были въ ц. слав., чѣмъ въ греч. или лат. Такъ въ греч. согласные: ν, τ, ς одни составляли уже 54% (18%+

15%+21%) общаго числа согласныхъ, а въ лат. тѣ же три согласные составляли 45% (14%+16%+15%); тогда какъ въ ц. слав. ни одинъ согласный не достигалъ и 11% общаго числа. Количество оттѣнковъ въ области какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ также значительнѣе въ ц. слав., чѣмъ въ языкахъ классическихъ: послѣднимъ чужды были напр. гласные: Ъ, Ь, Ѣ, Ы, Ѫ, Ѧ и согласные: Ж, Ш, съ производными отъ нихъ среднеязычными дифтонгами. Затѣмъ ц. слав. имѣлъ очень выгодное отношеніе согласныхъ звонкихъ къ глухимъ (не считая обоюдныхъ), именно: 35,9 : 36, вмѣсто греческаго отношенія: 13 : 52 и латинскаго: 15 : 45. Далѣе ц. слав. широко развилъ систему согласныхъ дыхательныхъ, особенно язычныхъ поясовъ, въ ущербъ развитію нѣмыхъ, которые рѣшительно преобладали въ языкахъ классическихъ. Въ ц. слав. нѣмые относятся къ дыхательнымъ, какъ 32 : 40; въ греч. же какъ 42 : 23, а въ лат. какъ 38 : 22. Въ отношеніи качественномъ скáла согласныхъ была очень развита въ ц. слав., вслѣдствіе способности видоизмѣнять по твердости и мягкости всѣ почти согласные, за исключеніемъ лишь задне- и среднеязычнаго поясовъ звукообразованія. Составъ согласныхъ группъ отличался замѣчательной простотой, благодаря обилію гласныхъ, на которыхъ ложилась тяжесть обыкновенно одного, рѣже двухъ, трехъ и въ исключительныхъ лишь случаяхъ четырехъ согласныхъ. Итакъ ц. слав. языкъ соединялъ въ своемъ вокализмѣ и консонантизмѣ всѣ существенныя условія высокаго музыкальнаго развитія, не уступая въ томъ ни одному другому коренному арійскому языку.

§ 9.

О значеніи звуковъ.

1. Разсмотрѣвъ внѣшнюю сторону звуковъ, обращаемся къ ихъ внутреннимъ свойствамъ или значеніямъ, выражаемымъ то звуками, то звукосочетаніями.

2. Какъ бы ни былъ рѣшенъ спорный еще вопросъ о пер-

воначальномъ символическомъ значеніи различныхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, нельзя отрицать, что звуки человѣческаго голоса имѣютъ нѣкоторое самостоятельное значеніе, независимо отъ ихъ роли въ образованіи словъ. Это особенно замѣтно въ междометіяхъ, которыя представляютъ слой языка, предшествующій образованію словъ, какъ бы остатки звѣринаго языка людей.

3. Въ роли междометій являются въ славянскомъ языкѣ то отдѣльные звуки, то ихъ сочетанія, съ характеромъ слоговыхъ и даже многосложныхъ фонемъ, напр.

а) а! о! у! е! и!

б) тс! брр!

в) ахъ! охъ! ого! увы! ура!

Подобные звуки и звукосочетанія не составляютъ еще словъ ни въ этимологическомъ, ни въ синтаксическомъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе они не лишены значенія въ организмѣ языка, служа внѣшнимъ выраженіемъ для опредѣленныхъ движеній сознанія, напр. радости: хаха! ура! страданія: ой! охъ! увы! отвращенія: брр! пфуй! запрещенія: тс! остановки: ирру! зова: цицуцицу! отгона: кышъ! поощренія: ну! голя! сомнѣнія: хм! удивленія: ахъ! ба!

4. Тѣсная связь междометныхъ фонемъ съ невольными движеніями человѣческихъ нервовъ и мускуловъ видна изъ сходства этихъ фонемъ въ языкахъ совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ. Междометія напр. смѣха: хаха! страданія: ой! отвращенія: брру! и т. п. служатъ довольно вѣрнымъ звуковымъ отраженіемъ тѣхъ формъ то прерывистаго, то усиленнаго, то судорожнаго выдыханія воздуха, которыя сопровождаютъ радостныя движенія смѣющагося, стонъ страдающаго, невольное сотрясеніе губъ пораженнаго и т. п. Подобные рефлексивные отголоски внутреннихъ движеній можно сравнить со звономъ металловъ, по которому мы можемъ судить не только о сотрясеніи упругихъ частицъ серебра, мѣди и т. п., но и о качествѣ самаго состава звучащихъ тѣлъ. Другую аналогію междометнымъ фонемамъ представляютъ звуки птичьяго и звѣринаго языка, кото-

рые также служатъ внѣшнимъ отголоскомъ смутныхъ чувствъ, неясныхъ желаній и туманныхъ представленій того или другого вида животныхъ.

5. Что междуметныя фонемы не принадлежатъ къ отдѣлу организованныхъ словъ, видно изъ исконной неподвижности ихъ формы во всѣхъ языкахъ, а также изъ неспособности разлагаться на обычные элементы слова, напр. корни, суффиксы, флексіи и т. п. И синтактическая роль междометій въ составѣ рѣчи не представляетъ аналогій ни съ именами, ни съ глаголами, ни даже съ частицами, такъ какъ въ междометіи слиты всѣ члены предложенія, не дифференцированнаго еще на составныя части. Оттого то разсмотрѣніе коренныхъ междометій со стороны внѣшней и внутренней принадлежитъ скорѣе къ фонологіи, чѣмъ къ этимологіи или синтаксису.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УЧЕНІЕ О СЛОВАХЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О строеніи словъ.

---

§ 10.

Предварительныя замѣчанія.

1. Разсматривая ткань любого языка, мы замѣчаемъ, что рѣчь течетъ не отдѣльными звуками или фонемами, а въ видѣ ряда слоговъ. Число слоговыхъ типовъ, входящихъ въ образованіе рѣчи, ни въ одномъ языкѣ не достигаетъ того предѣла, который обусловленъ числомъ его гласныхъ и согласныхъ и возможными ихъ сочетаніями со слоговымъ характеромъ. Не всѣ слѣдовательно возможные въ извѣстномъ языкѣ слоги входятъ въ его организмъ, а лишь нѣкоторые, сравнительно очень немногіе. Такъ напр. въ арійскихъ языкахъ число слоговъ, на которые можетъ быть разложена рѣчь при этимологическомъ анализѣ, не превышаетъ одной тысячи, тогда какъ изъ звукового матеріала этихъ языковъ можно бы образовать много милліоновъ, даже милліардовъ слоговъ.

2. Слоги или вообще значимыя звукосочетанія, на которыя разлагается рѣчь при доведенномъ до конца этимологическомъ анализѣ, называются корнями языка. Они составляютъ простѣйшіе и первоначальные, не разложимые далѣе элементы рѣчи.

3. Корневые слоги состоятъ обыкновенно изъ гласнаго моноѳтонга или дифтонга, прикрытаго съ одной или обѣихъ сторонъ однимъ или нѣсколькими согласными. Лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ этимологическое сѣченіе слова останавливается на звукосочетаніяхъ многосложныхъ или, наоборотъ, доводитъ до группъ безгласныхъ, неслоговыхъ. Въ первомъ случаѣ можно предполагать, что мы имѣемъ передъ собой продуктъ позднѣйшаго развитія корневого вокализма или сращеніе нѣсколькихъ первичныхъ корней; во второмъ же можно видѣть искаженіе корневого созвучія въ его основной, вокальной части.

4. Наилучше сохранили свой первоначальный односложный характеръ корни китайскаго языка, который и называется потому монасиллабическимъ. Въ арійскихъ языкахъ въ концѣ этимологическаго сѣченія словъ также получаются обыкновенно звукосочетанія односложныя и гораздо рѣже—двусложныя. Но въ языкахъ симитскихъ, по отсѣченіи всѣхъ формативныхъ экспонентовъ слова, получается группа трехсогласная, слѣдовательно неслоговая. Очень вѣроятно, что и симитскіе корни имѣли нѣкогда въ своемъ средоточіи гласные или другіе сонанты, такъ какъ безъ нихъ слоги непроизносимы, а слѣдовательно и рѣчь невозможна; но эти гласные приняли со временемъ особыя, отличныя отъ корня функціи, вслѣдствіе чего и перешли въ разрядъ аффиксовъ.

5. Въ позднѣйшіе періоды жизни языка корни имѣютъ лишь отвлеченное существованіе, будучи результатомъ грамматическаго обобщенія при анализѣ родственныхъ по происхожденію словъ; но первоначально они были, кажется, живыми членами рѣчи, составными частями предложенія, короче—играли роль словъ. Китайскій языкъ донынѣ сохранилъ эту жизненность корней-словъ, вводя ихъ въ рѣчь въ роли то подлежащаго, то сказуемаго, то дополненія и т. д. Но въ большей части языковъ корни входятъ въ предложеніе не въ обнаженномъ видѣ, а въ различнаго рода соединеніяхъ, называемыхъ то основами, то словами. Наибольшей плотности достигаютъ такія соединенія въ языкахъ симитскихъ и арійскихъ, гдѣ границы между созву-

чіями срединными (корневыми) и побочными (аффиксными) совершенно стираются, теряясь въ единствѣ слова. Связующимъ звеномъ и переходной формой отъ языковъ перваго типа (китайскаго) ко второму (симитскому и арійскому) служатъ языки финскіе, татарскіе, африканскіе, австралійскіе и др. Въ этихъ языкахъ корни, хотя и обставлены то спереди, то сзади побочными созвучіями, но явственно выдѣляются отъ послѣднихъ, господствуя надъ ними не только въ логическомъ, но и въ звуковомъ отношеніи. На этомъ различіи роли корней въ составѣ рѣчи основывается раздѣленіе языковъ на три морфологическихъ класса: 1) языки корневые или моносиллабическіе; 2) языки приставочные или склеечные (аглутинирующіе), и 3) языки сгибочные или флексивные. Къ послѣднему типу языкостроенія принадлежатъ языки симитскіе и арійскіе.

6. Одно изъ существенныхъ отличій языковъ арійскихъ отъ симитскихъ заключается въ томъ, что въ системѣ развитія корней наращеніями (аффиксами) въ первыхъ господствуетъ типъ суффиксовъ, во вторыхъ же типъ инфиксовъ. Измѣненіе вокализаціи корней не чуждо, правда, и арійскимъ языкамъ; но оно совершается тутъ въ узкихъ рамкахъ, обусловленныхъ отчасти основнымъ корневымъ гласнымъ, отчасти же характеромъ окончаній, тогда какъ въ симитскихъ языкахъ инфиксація зависитъ единственно отъ грамматической функціи слова. Дѣйствительнымъ или воображаемымъ средоточіемъ формъ, образованныхъ перегласовкою (т. е. измѣненіемъ вокализаціи), въ арійскихъ языкахъ служитъ созвучіе слоговое, тогда какъ въ языкахъ симитскихъ имъ является непроизносимая трехсогласная группа. Такъ въ ц. слав. формы: **несѫ, ношѫ, нѣсъ, нашикати** развились изъ односложнаго корня нес или *нак; въ еврейскомъ же формы: qâtal онъ убилъ, qutila онъ былъ убитъ, qotel убивающій, qetel убійство и т. п., произведены отъ воображаемой безгласной группы *qtl.

7. Префиксація выражается обыкновенно въ предложномъ наращеніи срединнаго корня однимъ или нѣсколькими побочными, напр. **бъıти, ꙁабъıти**, позабыть. Но нерѣдко въ роли префикса

мы встрѣчаемъ и глагольно-именный корень, который при этомъ теряетъ часть своей самостоятельности и становится родомъ нараще-нія для корня срединнаго. Это бываетъ: а) при удвоеніи того же корня, напр. tintinnabulum, spopondi, δέδορκα, γέγραφα, **пра-поръ**, **БЖБЫНЪ** и т. п., и б) при сложеніи двухъ различныхъ кор-ней, напр. φιλοσοφία, **любомждріе**.

8. Точно такъ и суффиксы представляютъ обыкновенно наросты, происходящіе изъ корней давно уже утратившихъ са-мостоятельное значеніе, а быть можетъ и никогда его не имѣв-шихъ, напр. О въ μεγαλοψυχία **великодоушіе**, φιλοξενία **странно-любіе**, ὀρθόδοξος **православьнъ** и т. п. Изрѣдка мы встрѣчаемъ однако и въ суффиксахъ наросты, сохраняющіе хотя и ослабле-нную уже связь съ корнями самостоятельными, напр. лат. opifex, aurifex, лат. Gesellschaft, Gesandschaft и т. п.

Такимъ образомъ сочетаніе корня срединнаго съ побочными можетъ быть признано господствующимъ принципомъ словообра-зованія въ языкахъ арійскихъ.

9. Число нарощеній при одномъ срединномъ корнѣ можетъ быть очень велико. Такъ въ ц. слав. **прѣизбытъчьствовати** мы находимъ при корнѣ **бы** не менѣе 7 побочныхъ слоговъ, изъ ко-ихъ два занимаютъ префиксное, а пять суффиксное располо-женіе.

10. Разсматривая суффиксы со стороны ихъ расположенія и морфологической роли, мы замѣчаемъ, что въ средѣ ихъ всегда есть одинъ такой, присоединеніе котораго дѣлаетъ форму гото-вымъ словомъ, опредѣляя и его синтаксическую роль въ предло-женіи. Такъ напр. при сравненіи формъ: **прѣизбытъчьствовати** и **прѣизбытъчьствовать** мы видимъ, что, при полномъ почти то-жествѣ состава этихъ двухъ словъ, ихъ грамматическая катего-рія различна, а именно, тамъ инфинитивъ, а здѣсь супинъ. Это различіе произведено присоединеніемъ послѣдняго суффикса (**И**, **Ъ**) каждаго слова. Такой суффиксъ, выражающій послѣдній моментъ въ образованіи слова, какъ бы послѣдній взмахъ слово-образующаго рѣзца, называютъ грамматическимъ окончаніемъ или флексіей въ тѣсномъ смыслѣ слова.

11. Всѣ промежуточныя формы между корнемъ и словомъ называются основами или темами. Такъ въ словѣ **къꙁносити** при корнѣ **нес** мы можемъ отличить основы: 1) **нос**, 2) **къꙁнос**, 3) **къꙁноси**, 4) **къꙁносит**. Первая изъ этихъ основъ образована перегласовкой корневого гласнаго, вторая—присоединеніемъ префикса, а третья и четвертая—добавленіемъ еще особыхъ суффиксовъ. Итакъ основы образуются изъ корней путемъ ихъ наращенія префиксами и суффиксами, съ чѣмъ можетъ быть связано и измѣненіе вокализаціи корня. Присоединяя же къ корню или къ основѣ окончаніе или флексію, мы получаемъ готовое слово.

12. Движеніе корня чрезъ основы въ слово обозначаетъ его морфологическій оборотъ. Отдѣльные суставы въ разчлененіи слова со стороны формальной могутъ быть названы морфемами или морфологическими единицами. Слово напр. **съмирьньѣи** разлагается на 6 морфемъ: 1) **съ**, 2) **мир**, 3) **ьн**, 4) **ьн**, 5) **ъ**, 6) **и**; первая можетъ быть частнѣе названа морфемою префиксною, вторая—корневою, третья и четвертая—суффиксными, а пятая и шестая—флексивными. Если будемъ разсматривать и сочетаніе нѣсколькихъ простыхъ морфемъ въ единство основы или слова какъ высшую морфологическую единицу, то можемъ назвать такое сочетаніе морфемой составной или сложной, смотря по тому, входитъ ли въ образованіе такой высшей морфемы лишь одинъ или нѣсколько самостоятельныхъ корней. Такимъ образомъ мы присвоимъ формамъ: **любꙑ**, **прѣлюбꙑ** названіе морфемъ составныхъ; а формамъ: **прѣлюбодѣѩниѥ**, **ꙗстолюбиѥ** и т. п. названіе морфемъ сложныхъ (composita).

13. Разсмотрѣніе строенія морфемъ простыхъ, т. е. корней, префиксовъ, суффиксовъ, флексій, составляетъ задачу аналитической морфологіи; изученіе же строенія морфемъ составныхъ и сложныхъ, т. е. основъ и словъ различныхъ типовъ, составляетъ предметъ морфологіи синтетической. Въ послѣднюю входитъ и изложеніе движенія морфемъ высшаго порядка, т. е. системы склоненій и спряженій даннаго языка.

14. Если мы будемъ придерживаться довольно вѣроятной гипотезы о происхожденіи аффиксовъ изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, то должны думать, что и въ языкахъ флексивныхъ каждая морфема имѣла первоначально слоговой характеръ. Но съ теченіемъ времени такой характеръ морфемъ подвергся сильнымъ колебаніямъ, вслѣдствіе то звуковыхъ, то психическихъ процессовъ. А потому напрасно стали бы мы доискиваться слогового созвучія для каждой морфемы въ языкахъ историческаго времени, особенно въ языкахъ арійскихъ, которые характеризуются именно плотнымъ срощеніемъ отдѣльныхъ суставовъ слова. При этомъ грани между ними до такой степени сглаживаются, что трудно бываетъ опредѣлить принадлежность извѣстнаго звука къ той или другой морфемѣ. Память о первоначальномъ отношеніи элементовъ извѣстнаго слова можетъ совершенно стереться въ сознаніи и даже замѣниться новымъ на это взглядомъ, нерѣдко идущимъ въ разрѣзъ съ научными данными. Такъ напр. изъ рус. слова заподáзривать видно, что для чувства языка корневымъ созвучіемъ служитъ тутъ слогъ дазр, который этимологически разлагается на префиксъ до и корень ẓьр. Точно такъ въ словахъ: **богъ**, **рабъ**, **медъ** и т. п. конечный глухой чувствуется уже флексивнымъ элементомъ, именно знакомъ им. п. ед. ч. муж. р., тогда какъ первоначально это былъ суффиксный О и У, сохранившійся въ сложныхъ словахъ: **богослокъ**, **рабовладѣка**, **медвѣдь** и т. п. Въ первомъ случаѣ корень поглотилъ въ себя морфему префиксную; во второмъ же элементъ суффиксный всосанъ флексіею. Всѣ подобныя перемѣщенія морфологическихъ узловъ слова объединяются въ названіи абсорпціи или взаимнаго поглощенія смежныхъ морфемъ. Абсорпція происходитъ обычно при активномъ дѣйствіи морфемы послѣдующей на предшествующую, т. е. аналогично вспятной ассимиляціи звуковыхъ элементовъ слова и, быть можетъ, въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Но изрѣдка абсорпція дѣйствуетъ и въ поступательномъ направленіи, когда напр. въ словахъ: **мжка** при **мати**, **тоукъ** при **тыти**, **лагж** вм. *легнж, **садж** вм. *сѣднж и т. п. звуки суффиксные поприрастали къ корнямъ и поглощены ими для чувства языка.

15. Не во всѣхъ арійскихъ языкахъ процессъ сращенія смежныхъ морфемъ и поглощенія однѣхъ другими совершался съ равной силой и быстротой и довелъ до тѣхъ же результатовъ. Если мы сравнимъ напр. съ этой стороны языки нѣмецкій и англійскій, или славянскій и французскій, то увидимъ значительное различіе между ними въ этомъ отношеніи. Въ языкахъ нѣмецкомъ и славянскомъ разчлененіе слова на морфемы корневую и флексивную еще довольно хорошо чувствуется, тогда какъ въ языкахъ англійскомъ и французскомъ флексіи большею частію поглощены корнями или основами, вслѣдствіе чего морфологическая гибкость словъ въ нихъ очень ослабѣла. Если мы сопоставимъ напр. флексивныя видоизмѣненія славянскаго слова **домъ, дома, домоу** и т. п. и франц. la maison, de la maison, à la maison, то замѣтимъ эту разницу въ степени гибкости словъ славянскихъ съ одной стороны, а французскихъ съ другой. На этомъ основывается различеніе языковъ сомкнутаго строя (синтетическихъ) съ одной строны, а развернутаго (аналитическихъ) съ другой. Къ первымъ принадлежатъ всѣ арійскіе языки древняго періода, а изъ современныхъ—литовскій, славянскій и нѣмецкій; ко вторымъ же относятся всѣ почти новѣйшіе отрасли арійскаго корня, а въ томъ числѣ языки новороманскіе и англійскій. Послѣдній едва ли не дальше всѣхъ ушелъ въ процессѣ сращенія морфемъ слова, при чемъ онъ незамѣтно приблизился къ тому моносиллабизму, который характеризуетъ языкъ китайскій.

16. Хотя неподвижность словъ въ отношеніи флексивномъ составляетъ характеристику языковъ развернутаго строя, тѣмъ не менѣе и въ языкахъ сомкнутыхъ существуетъ извѣстное и все возрастающее количество словъ, окоченѣвшихъ въ одной флексивной формѣ. На этомъ основано выдѣленіе частицъ или неизмѣняемыхъ частей рѣчи. Въ ихъ средѣ не мало такихъ словъ, которыя совсѣмъ не разлагаются на отдѣльныя морфемы, словно корни-слова языка китайскаго. Таковы напр. союзы: и, а, же, иж, предлоги: въ, къ, съ, за, до, нарѣчія: не, да, и т. п.

17. Что касается числа морфемъ низшаго и высшаго порядка, то оно въ различныхъ языкахъ очень различно.

Такъ въ китайскомъ число простыхъ морфемъ не превышаетъ 500 созвучій, которыя дифференцируются далѣе по значенію не путемъ сращенія съ другими въ основы или слова, а лишь видоизмѣненіемъ интонаціи или синтаксической конструкціи. Въ языкахъ арійскихъ число корневыхъ морфемъ также едва ли превышало 500—600; но впослѣдствіи оно значительно возросло отъ превращенія многихъ составныхъ или даже сложныхъ морфемъ въ простыя, чрезъ поглощеніе корнями аффиксовъ и образованіе новаго слоя корней вторичныхъ и третичныхъ. Что касается затѣмъ морфемъ высшаго порядка, то число ихъ достигаетъ въ арійскихъ языкахъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ, какъ это видно изъ счета словъ въ словаряхъ, а ихъ возможныхъ изгибовъ въ грамматикахъ. Если разложить эти милліоны составныхъ и сложныхъ морфемъ на ихъ простые элементы, то оказывается, что они ограничиваются тѣми же пятью—шестью сотнями простыхъ морфемъ, которыя мы называемъ корнями.

18. Задача аналитической и синтетической морфологіи заключается не въ томъ, чтобы разсмотрѣть элементы каждаго слова въ языкѣ и способъ ихъ сочетанія, а лишь въ томъ, чтобы установить научные методы для этимологическаго сѣченія словъ, разсмотрѣть типы построенія морфемъ низшаго и высшаго порядка и опредѣлить тѣ физическіе и психическіе факторы, которыми обусловленъ морфологическій оборотъ словъ въ историческомъ развитіи и діалектическихъ развѣтвленіяхъ даннаго языка.

§ 11.

Строеніе корней.

1. Слоговой характеръ арійскихъ корней хорошо сохранился въ ц. слав. языкѣ начальнаго періода, почему всѣ его корни были односложны, за исключеніемъ словъ иностранныхъ, которыя могли имѣть въ своемъ составѣ и нѣсколько слоговъ. Чи-

сло же согласныхъ въ составѣ корня колебалось между 0 и 5; они могли располагаться по обѣ стороны гласнаго, образуя морфемы то открытыя, то закрытыя.

2. Такъ получается 6 типовъ ц. слав. корней, изъ коихъ 3 и 4-й имѣютъ по три, а 2 и 5-й по два различія, а именно:

I. корни безъ согласнаго: **а, и, и—ти, оу—ко, ок—оу—ти, он—оу—шта;**

II. корни съ однимъ согласнымъ, при расположеніи:

а) открытомъ: **да—ти, пи—ти, мы—ти, къ—то, ы—то;**

б) закрытомъ: **аз—ъ, ин—ъ, ов—ъ, на—оук—а, к—он—и;**

III. корни съ двумя согласными, при расположеніи:

а) открытомъ: **ста—ти, трои—ти, кры—ти;**

б) закрытомъ однимъ или двумя согласными:

α) **гад—ъ, док—а, коуд—ити, път—ица;**

β) **оутр—о, оуст—а, аги—ьць, жз—ъкъ;**

IV. корни съ тремя согласными, при расположеніи:

а) открытомъ: **стра—на, стрѣ—ха, стры—ти;**

б) закрытомъ однимъ или двумя согласными:

α) **влад—ѣти, прос—ити;**

β) **дъшт—и, ржк—а, тжг—а;**

V. корни съ четырьмя согласными, при расположеніи закрытомъ однимъ или двумя звуками:

α) **страд—ати, стлъп—ъ, смрьд—ѣти;**

β) **прьст—ъ, звѣзд—а, гнѣзд—о;**

VI. корни съ пятью согласными, при расположеніи закрытомъ однимъ или двумя звуками:

α) **скврьн—а;**

β) **хвраст—ъ, стран—ати.**

3. Корни перваго типа не безусловно лишены согласнаго, но онъ очень слабъ и соотвѣтствуетъ греч. тонкому дыханію, которое въ ц. слав. въ извѣстныхъ случаяхъ сгущается въ полусогласный или согласный, напр. **азъ, ити** (jiti), **навыкъ, коня, оноушта, нѣдро** и т. п.

4. Корни съ нѣсколькими согласными, особенно съ 4—5, могутъ быть названы вторичными, такъ какъ одинъ или нѣ-

сколько согласныхъ въ этихъ корняхъ развились позже изъ паразитныхъ призвуковъ или путемъ абсорпціи корнемъ смежныхъ аффиксныхъ элементовъ. Подобное расширеніе корней первоначальныхъ мы замѣтимъ при сравненіи напр. словъ: **коня и благожданиє**, рус. нюхать; **идж и ихати**; **парити** и рус. порхать; **гнѣздо** и лат. nidus, нѣм. Nest; **капля** и чеш. kvapka, пол. kropla и т. п. Подобные то паразитные, то аффиксные наросты на коренномъ созвучіи, измѣняющіе матеріальное значеніе послѣдняго, называются корнеопредѣлителями.

5. Встрѣчаются въ ц. слав. и двусложныя, неразложимыя далѣе для народнаго чутья, слѣдовательно корневыя созвучія, напр. **клєвретъ**, **поганъ**, **полата**, **колѣбати** и т. п. Если сравнимъ однако три первыхъ слова съ лат. collibertus, paganus, palatium, а послѣднее съ рус. ковылять, закоулокъ, кайма, кувыркаться и т. п., то замѣтимъ, что неразложимыя на первый взглядъ корневыя созвучія подъ дѣйствіемъ болѣе сильныхъ этимологическихъ реактивовъ оказываются составленными изъ нѣсколькихъ односложныхъ морфемъ.

6. При дальнѣйшемъ развитіи ц. слав. языка моносиллабизмъ корней все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, такъ что въ текстахъ позднѣйшихъ мы очень часто встрѣчаемъ корни безсложные, напр. **ѹснѹхъ и спахъ**, **коꙁвахъ**, **придохъ**, **ѹмрѹ** и т. п. Переворотъ этотъ произведенъ конечно звуковыми превращеніями, именно вывѣтриваніемъ корневыхъ гласныхъ; но самое это вывѣтриваніе служитъ признакомъ постепенной потери въ языкѣ и чутья моносиллабизма корней, которое слѣдуетъ еще предполагать для начальнаго періода ц. слав. письменности. Въ рус. языкѣ издавна утвердился въ сотнѣ словъ диссилабизмъ корней, напр. корова, волосъ, череда, пелена и т. п. Но мы выше видѣли, что русскій языкъ разсматривалъ эти двусложныя созвучья за равносильныя съ односложными въ акцентуаціонномъ отношеніи, почему они и не нарушали общаго моносиллабическаго типа древнерусскихъ корней. Къ тому же полногласныя формы не проникли въ ц. слав. памятники даже позднѣйшаго періо-

да, а наоборотъ, всегда чувствовались специфическою примѣтою языка русскаго.

7. Число корневыхъ созвучій ц. слав. языка восходитъ, по исчисленію J. Добровскаго, до 1605; но если выдѣлить изъ этого числа основы, принятыя Добровскимъ за корни, то послѣднихъ окажется чуть ли не на половину меньше.

§ 12.

Перегласовка корней.

1. Внутреннія измѣненія ц. слав. корня, соотвѣтствующія инфиксаціи языковъ симитскихъ, ограничиваются двумя пріемами: а) ринезаціей гласнаго и б) степеннымъ его движеніемъ. Оба эти пріема составляютъ два вида одного и того же процесса, который мы можемъ назвать перегласовкой корня или измѣненіемъ корневой вокализаціи.

2. Ринезація корня составляетъ очень рѣдкій въ ц. слав. языкѣ пріемъ развитія глагольныхъ основъ. Она встрѣчается собственно въ четырехъ лишь формахъ: **сѣсти—сядж, лешти—лягж, обрѣсти—обрящж и бѣти—бѫдж.** Послѣднее слово нѣсколько отступаетъ впрочемъ отъ трехъ первыхъ по образованію, такъ какъ согласный д не принадлежалъ въ немъ къ корню и лишь впослѣдствіи приросъ къ нему, подобно формамъ: **идж, ѣдж.** Очень возможно, что ринезующій корень носовой звукъ (М—Н) проникъ въ него изъ суффикса путемъ перестановки, т. е. что **садж** образовалось изъ ***сѣднж, лагж** изъ ***легнж, обрящж** изъ ***обрѣтнж**, какъ лат. jungo изъ *jugno, соотвѣтствующаго греч. ζεύγνυμι.

3. Гораздо важнѣе второй способъ перегласовки корня, состоящій въ степенномъ его движеніи по той лѣстницѣ гласныхъ звуковъ, которая опредѣлена уже выше въ фонологіи (§ 7, 42). Онъ играетъ первостепенную роль при образованіи изъ корней именныхъ основъ, напр. **бредж—бродъ, липнж—лѣпъ, сѣдѣти—садъ, рѣзати—разъ, троути—отрава, слоути—слово—слава, бьра-**

ти — брак**ъ**, тагнѫти — тѫг**а**. Но и при развитіи собственно глагольныхъ основъ градація гласныхъ имѣетъ широкое приложеніе, напр. несѫ, ношѫ, донашѫ; лешт**ѫ**, лѣтѫ; благословлѫ, прославлѭ; клнѫ, ꙁаклинаѭ; дьрѫ, ра**ꙁ**дираѭ.

4. Въ позднѣйшемъ ц. слав., сложившемся подъ сильнымъ вліяніемъ рус. языка, ринезація потеряла значеніе морфологическаго пріема въ развитіи глагольныхъ основъ, такъ какъ и самый ринезмъ исчезъ въ этомъ языкѣ. Въ вышеуказанныхъ четырехъ формахъ мы встрѣчаемъ вм. Ѧ и Ѫ ихъ обычныя въ русскомъ языкѣ замѣны Я и У: сяду, лягу, обрящу, буду.

5. Что касается второго способа перегласовки корней, то онъ и въ позднѣйшемъ ц. слав. удержалъ свое первоначальное значеніе, хотя взаимныя отношенія степенныхъ гласныхъ нѣсколько перепутались, вслѣдствіе напр. утраты глухихъ, ринезма, смѣшенія Ѣ съ Е или И и т. п.

§ 13.

Строеніе префиксовъ.

1. Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ префиксаціи является удвоеніе корня при развитіи изъ него то именныхъ, то мѣстоименныхъ, то глагольныхъ основъ. Въ слав. языкѣ пріемъ этотъ прилагается очень рѣдко и далеко не имѣетъ такого значенія, какъ въ греч. или даже въ латинскомъ. Сюда относятся напр. основы именъ: кѫкьнъ, глаголъ, клаколъ, прапоръ, пепелъ, плѣпелица, рус. хохотъ, кукушка, папоротникъ. Въ словахъ; прапрадѣдъ, праправнукъ удвояется не корневая, а префиксная морфема. Образцомъ удвоенія въ мѣстоименныхъ основахъ могли бы служить рус. формы: тотъ, сесь, если бы въ нихъ взаимное отношеніе удвоенныхъ морфемъ не было установлено по другому типу, именно въ видѣ суффиксаціи, а не префиксаціи одного изъ удвоенныхъ корней другимъ. Что касается наконецъ образованія удвоеніемъ глагольныхъ, именно временныхъ формъ, то этотъ пріемъ совершенно чуждъ славянскому языку.

2. Гораздо распространеннѣе въ ц. слав. языкѣ префиксація предложная. Первоначально предлоги не имѣли при именахъ или глаголахъ значенія префиксовъ, такъ какъ они были самостоятельными словами, хотя бы и окаменѣлыми уже въ видѣ нарѣчій или вообще частицъ. Да и въ историческую пору жизни слав. языка бо́льшая часть предложныхъ префиксовъ чувствуется еще отдѣльными словами, именно предлогами, напр. **въздаша ѕълаа въѕ благаа, вънидѣ въ домъ, сънидѣ съ горы** и т. п. Но есть и такіе префиксы, которые отдѣльно не появляются въ составѣ предложенія, напр. **прѣ, раѕъ, вы** въ словахъ: **прѣхождѫ, растоуити,** выходъ. Во всякомъ случаѣ, предлоги въ префиксномъ расположеніи такъ прирастаютъ къ корнямъ, что составляютъ довольно плотныя по формѣ и значенію основы. Это выражается и въ обычномъ опущеніи префиснаго позвука, особенно въ предлогахъ двусложныхъ, напр. **исходъ** вм. ***изъходъ, вѣстокъ** вм. ***въѕтокъ, бештадъ** вм. **беѕъѵадъ, въжделѣти** вм. ***въѕъжелѣти.** Силою морфологическаго срощенія такихъ префиксовъ съ корнями объясняется и стяженіе ихъ смежныхъ согласныхъ, въ словахъ напр. **ицѣли** вм. **исцѣли,** ***изъцѣли;** **ишьдъ** вм. **исшьдъ,** ***изъшьдъ** и т. п.

3. Почти все сказанное о префиксахъ предложныхъ относится и къ префиксамъ нарѣчнымъ. Отрицательная напр. частица **оу(ж)** плотно приросла къ корню въ словахъ: **жродъ** (ср. юродивъ), **оубогъ, оувѣѵьнъ,** и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и частица **не** срослась въ корнемъ, напр. въ ц. слав. **нѣсть,** рус. нѣкогда, нѣгдѣ и т. п. Да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ частица **не** чувствуется и пишется еще въ отдѣльности отъ глагольной основы, она все таки сливается съ нею по значенію, какъ это видно изъ измѣненія управленія такихъ глаголовъ, напр. **люблѫ истиѫ,** но: **не люблѫ лъжи.**

4. Какъ предложные, такъ и нарѣчные префиксы могутъ вступать во взаимныя соединенія, образуя тогда префиксы сложные, напр. **прѣвъсходити, недовѣріе.**

5. Сила сцѣпленія префиксовъ съ корнями, все болѣе и болѣе возрастая, можетъ довести наконецъ до полнаго сліянія

первыхъ съ послѣдними. Это произошло напр. въ рус. запода́зривать, гдѣ префиксъ до совершенно слился съ корнемъ ꙁьр, процессомъ морфологической абсорпціи.

6. Нѣкоторую аналогію съ префиксаціею корней представляетъ и ихъ соединеніе съ другими именными и глагольными основами или даже готовыми флексивными формами, напр. **блъгодѣть, коуропѣты, Каштеславъ; Бѣлъградъ, братоуѫдъ, Владимиръ, дъванадесате, дъвадесате** и т. п. При подобныхъ сочетаніяхъ простыхъ морфемъ въ сложныя не достигается уже такой плотности и тѣсноты соединенія, какъ въ морфемахъ, префиксованныхъ частицами. Тѣмъ не менѣе отдѣльные элементы сочетанія являются и тутъ соподчиненными между собою какъ въ морфологическомъ, такъ и симазіологическомъ отношеніи, что выражается и въ господствѣ ударенія одной основы надъ удареніемъ другой. Оттого то одинъ, обыкновенно первый членъ композиціи постепенно ослабѣваетъ въ звуковомъ отношеніи и окаменѣваетъ въ неподвижной формѣ, подобно префиксамъ частичнымъ, напр. въ рус. оди(нъ)надцать,—ти,—тью; двадцать,—ти,—тью; Бѣлградъ,—да,—домъ и т. п.

§ 14.

Строеніе суффиксовъ.

1. Какъ ни обширна была въ ц. слав. языкѣ роль префиксовъ и того вида инфиксаціи, который выражается въ измѣненной вокализаціи корней, однако господствующимъ пріемомъ образованія основъ была въ немъ суффиксація корней. Мало можно указать въ ц. слав. языкѣ словъ, которыя не имѣли бы позади корня нароста то тематическаго, то флексивнаго. Таковы напр. формы аориста 2 и 3 лл. ед. ч.: **бы, мы, пи** отъ: **быти, мыти, пити**. Но даже и эти одиночныя формы принимаютъ обыкновенно вторичное окончаніе **сть** или **тъ**: **бысть, мытъ, питъ**, какъ будто для удовлетворенія чувства необходимости флексивныхъ наростовъ въ каждомъ вполнѣ организованномъ словѣ.

2. Слоговой характеръ суффиксовъ, предполагаемый въ праарійскомъ языкѣ, едва ли сохранился до того времени, когда произошло постепенное выдѣленіе славянской семьи языковъ. Во всякомъ случаѣ, въ ц. слав. языкѣ даже древнѣйшаго періода силлабизмъ тематическихъ наростовъ является въ полнѣйшихъ развалинахъ. На почвѣ сравнительной грамматики арійскихъ языковъ мы можемъ еще говорить о вокальныхъ суффиксахъ: А, У, І въ словахъ: **жена**, **медъ**, **зкѣрь** и т. п.; но въ грамматикѣ спеціально славянской позвучные гласные такихъ словъ должны быть отнесены къ наростамъ флексивнымъ, а не тематическимъ, такъ какъ они исчезаютъ въ изгибахъ многихъ падежей, напр. **жены**, **женѣ**, **женъ** и т. п. То же слѣдуетъ сказать о формахъ, образованныхъ первоначальными суффиксами: **ма**, **на**, **ла**, **ра**, **та**, **да**, **ка**, **га**, **ха**, **са** и т. п. При разложеніи словъ съ этими суффиксами, они естественно разсѣкаются по-поламъ, напр. **кос-м-а**, **соук-н-о**, **жз-л-ъ**, **да-р-ъ**, **па-т-а**, **уа-д-о**, **зна-к-ъ**, **слоу-г-а**, **стрѣ-х-а**, плак-с-а и т. п. При этомъ позвучные гласные являются уже въ составѣ флексіи; тематическими же наростами служатъ одни согласные: **м**, **н**, **л**, **р**, **т**, **д**, **к**, **у**, **х**, **с** и др. То же найдемъ при первоначальныхъ суффиксахъ: **ми**, **ни**, **ли**, **ри**, **ти**, **ди** и т. п. И они распадаются на двѣ части—тематическую и флексивную, въ словахъ напр. **сед-м-ь**, **да-н-ь**, **гжс-л-ь**, **nozд-р-ь**, **съмрь-т-ь**, **па-д-ь** и т. п.

3. Лучше сохранился слоговой характеръ тѣхъ суффиксовъ, которые искони имѣли согласный позвукъ. Онъ уцѣлѣлъ и въ ц. слав., прикрывъ собою въ большей части падежныхъ формъ и суффиксный гласный, который вслѣдствіе того не поглощенъ флексіею. Оттого то мы находимъ слоговой характеръ въ ц. слав. суффиксахъ: **ес**, **мен**, **ент**, **ер**, **ъв** напр. **нек-ес-е**, **имен-е**, **тел-ат-е**, **мат-ер-е**, **люб-ъв-е**.

4. Хотя такимъ образомъ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ случаяхъ тема склоняемыхъ словъ въ ц. слав. оканчивается на согласный звукъ (**ког-ъ**, **весн-а**, **матер-е**), однако результаты сложенія этой темы съ падежными окончаніями получаются различные. Это происходитъ отъ того, что нормы сла-

вянскаго склоненія выработались и установились еще въ то время, когда суффиксный характеръ позвучныхъ гласныхъ: А, У, І, съ ихъ видоизмѣненіями въ О, Е и т. п. хорошо чувствовался. Поэтому при систематикѣ ц. слав. склоненія необходимо обращать вниманіе и на первоначальный видъ склоняемой темы, который легко опредѣлить по формамъ род. п. ед. ч. Если этотъ падежъ имѣетъ окончаніе **А**, **ꙗ**, то первоначальная основа была на А, **ꙗ** или ихъ видоизмѣненія въ славянскомъ—О и Е; при окончаніи **Ы**, **Ѧ** основа оканчивалась нѣкогда на А, **ꙗ**; при окончаніи **ОУ**—на У; при окончаніи **И**—на И; наконецъ при окончаніи **Є** праоснова имѣла согласный позвукъ, напр.

рабъ	род.	**раба,**	основа:	раба	или	рабо;
конь	„	**конꙗ**	„	конја	„	коне;
жена	„	**жены**	„	жена;		
волꙗ	„	**волѧ**	„	волја;		
сынъ	„	**сыноу**	„	сыну;		
тѣнь	„	**тѣни**	„	тѣни;		
мати	„	**матере**	„	матер.		

5. Единственнымъ живымъ остаткомъ гласныхъ суффиксовъ служитъ тематическій наростъ на первомъ членѣ именной композиціи, въ формахъ напр. **благоуьстиѥ, ꙁвѣреловьство, полоуношьнъ, патидесатьница**. Впрочемъ суффиксъ О (Е) постепенно вытѣснилъ въ композиціи остальные, утвердившись и на мѣстѣ первоначальныхъ У, І, а также и согласныхъ суффиксовъ, напр. **сынопоучитаниѥ, пладьне** (изъ ***полодьне** вм. **полоудьне**), **уьстолюбиѥ, матередѣвьство, уоудотворениѥ** и т. п.

6. Изъ первичныхъ суффиксовъ развились вторичные и третичные, путемъ сочетанія нѣсколькихъ элементовъ. Такъ изъ соединенія древнихъ вокальныхъ суффиксовъ, въ ихъ разнообразныхъ звуковыхъ развѣтвленіяхъ, съ отдѣльными согласными звуками того или другого пояса получается цѣлый рядъ односложныхъ суффиксовъ, напр.

а) ав, ов, ив: **лжкавъ, ржкавъ, джбрава**; **джбовъ, соуровъ, таковъ**; **мъсливъ, кладиво, кропива**;

б) ай, оуй, ий: растегай, поцѣлоуи, чешоуи; мравии, съдравиє, сѫдиа;

в) ом, им, ьм: лакомъ, несомъ; любимъ, родимый; письмо, вѣдьма;

г) ан, ун, ын, ин, ѣн, ьн, ен: блинъ, истоуканъ? полина, гръстань; пероунъ? опекоунъ; пелынъ, богыни, гръдыни; воинъ, пѫтина, истина; дрѣвѣнъ, льнѣнъ, колѣно; овьнъ, сѫжьнь, достоинъ, платьно, таина; зеленъ, врѣтено, иесень? слѣзена;

д) ал, ол, ул, ыл, ил, ѣл, ял, ьл, ел: зрьцало, сокаль; соколъ? мозоль? тополь? кошоула, зозуля; могыла, мотыль; кадило, свѣтило; гыбѣль, пишталь, печаль; орьлъ, кашьль; плѣвелъ, веселъ, бъчела, жоужель;

е) ар, ор, ур, ыр, ер: комаръ? кошара? пекарь; топоръ? тъхорь; котоурь? Мазуръ? мѣхырь, пустырь, сѣкыра; вечеръ, иезеро, пештера;

ж) ат, от, ыт, ит, ът, ьт, ет: богатъ, лопата; длъгота, копоть; копыто, ракита; срьдитъ, ланита; ръпътъ, лакъть, ногъть; шьпътъ, трепетъ, тенето;

з) ад, ьд: громада? площадь, челядь? правьда, кривьда;

и) ак, як, ѣк, ик, ък, ьк, ок, ук, юк, ык: юнакъ, сконкъ, писака; калѣка, уловѣкъ? жжикъ, ближика; пѣсъкъ, дрьзъкъ, тъучка; съвѣдокъ, высокъ, лалока; клобоукъ? гадюка; ѣзыкъ, владыка;

і) аг, уг, юг, ыг, иг, ег, ѣг, ог: кръчагъ? лежага; жемчоугъ? бѣлуга; сасыгъ? котыга? иригъ? верига? кънига? ковьчегъ? бѣлѣгъ? острогъ, Сварогъ?

к) ах, ех, их, ох, ух, юх: сиромахъ, рубаха; лемехъ, машеха; женихъ, гречиха; тьроха, продоха; пазоуха? горюха;

л) ьц, иц, ац: пѣвьць, срьдьце, овьца; пътица, дѣвица, троица; мѣсаць? зайць?

м) ас: класъ? клѣбаса? бѣласый;

н) ач, оч: тъкачь, ковачь; ласкочь, врькочь?

о) еж: матежь, грабежь, платежь;

п) еш, ош: лемешь; кокошь;

р) ьб, об: гждьба, сѫдьба; зълоба, жтроба и т. п.

Во всѣхъ подобныхъ суффиксахъ составные элементы, несмотря на ихъ разнородность, срослись до такой степени, что являются морфологическимъ цѣлымъ.

7. Въ сочетаніе съ тематическими гласными могутъ входить и цѣлыя группы согласныхъ, при чемъ получаются болѣе сложные суффиксы, напр. мен: **пламене, врѣмене, камене**; **ад: скарадъ? говадо?** ат, жт: **дитате, жрѣбате, могжть, тысжшта, словжшта**; нъв: **остегнъве, жрьнъвъ**; тер, тор: **матере, дъштере, кетеръ, которъ, въторъ**; тыр: **пастырь? пластырь?** богатырь? тел: **датель, пѣтелъ**; тух: **пастоухъ, пѣтухъ**; тун: **пѣстоунъ**; ишт: **пътишть, дѣтишть, кыриште, огниште, капиште**; итв, ѣтв: **молитва, творитво, желѣтва, сѣитва.** Въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласная группа развивается въ суффиксѣ вставкой паразитнаго согласнаго, обыкновенно З или С, напр. азн: **божзнь, приязнь**; изн: **главизна, оукоризна, тризна?** езг, юзг: дребезги, мелюзга; ост, ист, аст, **кость, радость, користь, рѣчистъ, плѣшастъ**; ьск: **дѣтьскъ, мжжьскъ, воиско**; ьств: **рождьство, тръжьство, оубиистко.**

Впрочемъ паразитный призвукъ такъ тѣсно соединился съ составомъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ суффиксовъ, что чувствуется уже органическою ихъ принадлежностію, подобно паразитному З, С въ морфемахъ: **пѣсня, каснл, коузна, жизнь, къзнь** и т. п.

8. Послѣдній разрядъ суффиксовъ составляютъ двусложныя и тресложныя морфемы, возникшія изъ соединенія нѣсколькихъ слоговыхъ суффиксовъ. Таковы напр. суффиксы: альн: **съпальня, наковальня**; альц: **страдальць**; алишт, илишт: **игралиште, сѫдилиште**; аник, еник, ьник: **рожаникъ**, земляника, **оученикъ, пѫтьникъ**; аньц, иньц: **рожаньць, мизиньць**; авиц, овиц: **трасавица, ногавица**; иньск: **звѣриньскъ**; ьниц: **грѣшьница**; льник, ильник: **наѫльникъ**, будильникъ; ьчик: мальчикъ; овьник: громовникъ; овьск: **жидовьскъ**; атай: **съгладатаи, ходатаи**; ател, ѣтел, ител: **казатель, приятель, радѣтель, съвѣдѣтель, гонитель**; ьстви: **цьсарьствие, дѣиствие**; ѣиш: **добрѣиша, зълѣиша**; ятьб, итьб: **сѣитьба, женитьба** и т. п.

На этой почвѣ сложенія простыхъ суффиксовъ возникаютъ новые и въ настоящее время, чѣмъ и объясняется бо́льшее обиліе сложныхъ суффиксовъ въ современномъ русскомъ, чѣмъ въ ц. слав. языкѣ.

9. Рѣже проникаютъ въ языкъ суффиксы иноязычные. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ такого заимствованія служитъ ц. слав. суффиксъ **ꙗꙁ** или **ꙗг**, который мы встрѣчаемъ въ дюжинѣ словъ, преимущественно русскославянскаго употребленія. Таковы: **кънꙗꙁь и кънагъıни, витꙗꙁь, пѣнꙗꙁь, склꙗꙁь или стьлꙗꙁь, оусєрꙗꙁь, клꙗдꙗꙁь.** Слова эти, по всей вѣроятности, заимствованы изъ языковъ германскаго корня, гдѣ мы встрѣчаемъ равнозначащія формы: др. в. нѣм. chuning, Witing, pheuning, scilinc, гот. auhsariggs, kaldiggs. Такого же, вѣроятно, происхожденія и рус. варягъ (др. н. нѣм. vaering), корлягъ (др. в. нѣм. karling), колбягъ, ятвягъ (ядзвингъ); пол. mosiądz (ср. в. нѣм. messinc), rzeciądz, Grudziądź (Graudenz), Elbiąg (Elbing) и н. др. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ мы встрѣчаемъ уже цѣлый рядъ заимствованныхъ суффиксовъ, напр.. изм, ист, иров въ рус. словахъ: славизмъ, славистъ, манкировать; циј въ серб. механцija, чорбацija и т. п.

10. Что касается звуковыхъ измѣненій, которымъ подвергаются суффиксы въ ходѣ историческаго развитія и діалектическаго развѣтвленія славянскихъ нарѣчій, то они отражаютъ общія звуковыя стремленія и послѣдовательныя метаморфозы этихъ нарѣчій, уже разсмотрѣнныя выше въ фонологическомъ отдѣлѣ курса. Такъ напр. гласный **ѧ** и его развѣтвленія во многихъ суффиксахъ перешли въ глухіе или носовые гласные, которые затѣмъ въ различныхъ нарѣчіяхъ то исчезли безслѣдно, то перегласовались въ гласные чистые соотвѣтствующихъ или сродныхъ типовъ. То же приблизительно произошло и съ гласными **ѫ, ı** въ мѣстахъ, не защищенныхъ удареніемъ или условіями образованія согласныхъ группъ.

11. Но всего оригинальнѣе и разнообразнѣе преобразованія, произведенныя отчасти въ корняхъ, отчасти же въ самыхъ суффиксахъ заднеязычнымъ дыхательнымъ J. Онъ уцѣлѣлъ

лишь послѣ гласныхъ, преобразившись однако и тутъ въ полусогласный Й, напр. **ѯлодѣи, иѥ, стаи**. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ либо исчезъ, либо претворился въ одинъ изъ тѣснинныхъ звуковъ: Л, Ш, Ж, которые затѣмъ соединились съ предшествующими согласными въ болѣе или менѣе тѣсныя сочетанія или дифтонги. Такъ напр. J исчезъ въ словахъ: **вепрь, хмѣль, мор͡ѥ, гор͡ѥ, ѯарꙗ, вонꙗ; стражь, ложе, пѣшь, доуша, сѣуа, стьѯа, польѯа**. Уцѣлѣлъ же J въ формахъ: **добль, древль, каплꙗ, ѯемлꙗ; ръиждь, плашть, плѣште, стоуждꙋ, поприште, дѣтишть** и т. п. Въ фонологіи показано, что звуковые рефлексы этихъ дифтонговъ въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сильно разнятся между собою, сообразно фонетическимъ условіямъ каждаго нарѣчія.

12. То же должно сказать и о славянскихъ замѣнителяхъ общеарійскаго суффикса дл-о или тр-о: въ ц. слав. онъ звучитъ **л-о**, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ юговосточнаго отдѣла, тогда какъ въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ ему соотвѣтствуетъ суфф. дл-о, напр. **мꙑло**—mydło, **сало**—sadło и т. п. Причина различія заключается въ различномъ отношеніи двухъ отдѣловъ нарѣчій къ согласной группѣ дл. По той же, вѣроятно, причинѣ уцѣлѣла группа **тр** въ чеш. bratr, тогда какъ въ рус. и остальныхъ новославянскихъ нарѣчіяхъ она преобразилась въ т: **братъ**. То же можно предполагать о **дждъ** вм. *дждръ при **дждрава, ѯждъ** вм. *ѯждръ при рус. зубрить и т. п.

13. Остается еще сказать нѣсколько словъ о суффиксахъ глагольныхъ основъ. Число ихъ далеко не достигаетъ такой высоты, какъ въ суффиксахъ именныхъ основъ; оно ограничивается какой нибудь дюжиной элементовъ, вступающихъ въ различныя сочетанія между собою и съ наростами флексивными. Господствующимъ элементомъ въ глагольныхъ суффиксахъ являются гласные, напр. **А, И, Ѣ**: **ѵитати, ходити, имѣти**. Изъ согласныхъ же мы встрѣчаемъ тутъ лишь немногіе звуки, обыкновенно: **Н, В, J, Т**, въ формахъ напр. **плюнжти, ликовати, коѥвати, хождж** вм. *ходјж, **даждь** вм. *дадјь, **нести, нестъ**. Вообще должно замѣтить, что славянскій глаголъ мало развитъ въ области

основъ; все богатство его выражается въ обиліи флексій, которыя перетянули въ свою область не мало и тематическихъ первоначально наростовъ, напр. Х (С) въ аоростѣ: **бꙑхъ, вѣ(д)съ**; Є въ настоящемъ: **несеши, ходи(є)ши** и т. п. Даже суффиксъ инфинитива и супина Т замѣтно всосанъ флексивнымъ наростомъ; онъ принялъ на себя и функціи послѣдняго тамъ, гдѣ позвучные И, Ъ исчезли, напр. въ рус. быть, взять и т. п.

§ 15.

Строеніе флексій.

1. Разсматривая звуковое построеніе ц. слав. флексій, мы видимъ, что первоначальный слоговой ихъ характеръ сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ области суффиксовъ, такъ что лишь изрѣдка флексивный наростъ испарился до звукового нуля. Послѣднее мы находимъ въ приведенныхъ уже выше аористныхъ формахъ: **бꙑ, ли, пи, да, вꙗ** и т. п. Обыкновенно же въ составѣ флексіи мы встрѣчаемъ гласный то глухой, то чистый, рѣже сочетаніе гласнаго съ согласнымъ или со второй слоговой фонемой. Такъ въ области флексій именныхъ чисто вокальный характеръ имѣютъ слѣдующія: Ъ, Ь въ словахъ: **богъ, домъ, дьнь, лѣнь, датъ, вꙗзатъ**; А, ІА: **бога, дьня, жена, дѣва, мѫжа, окна, моря**; О: **око, небо, жено**; Є: **морѥ, полѥ, боже**; И: **тѣни, бози, бꙑти, дати**; ОУ: **богоу, доухоу**; Ѣ: **рабѣ, женѣ, дѣвѣ рѫцѣ**; Ꙑ: **женꙑ, тꙑкꙑ, дѫбꙑ**; Ѧ, ІѦ: **доушꙗ, коня**; Ѫ, ІѪ: **женѫ, рꙑбоѫ**. Смѣшанный же и болѣе сложный по звуковому составу характеръ представляютъ флексіи съ участіемъ согласныхъ: М: **богъмь, бог-омъ, бог-ѣма**; **жен-амъ, жен-ама, жен-ами**; **т-омоу, т-ѣмь, т-ѣмъ, т-ѣми**; Х: **бозѣхъ, жен-ахъ, т-ѣхъ, с-ихъ**; С: **н-асъ, в-асъ**; Г: **т-ого, с-его, вьс-его** и т. п. Еще сложнѣе строеніе вторичныхъ ц. слав. флексій: **аго, оуоумоу** и т. п. въ склоненіи членныхъ прилагательныхъ и причастій: **добр-аго, добр-оуоумоу, сѫпашт-аго, сѫпашт-оуоумоу**, изъ **добр-а-ѥго, добр-оу-ѥмоу** и т. п.

2. Гораздо значительнѣе число и разнообразнѣе составъ глагольныхъ флексій, къ коимъ относятся наросты, имѣющіе соотношеніе къ категоріямъ: наклоненій, временъ, чиселъ и лицъ. Иногда и онѣ срощены въ одномъ гласномъ, напр. **И** въ: **нес-и, вез-и**; **Є**: **нес-є, вез-є**; **Ж**: **бер-ж, нес-ж**. Но гораздо чаще такой составъ глагольныхъ флексій, при которомъ она слагается изъ одного или нѣсколькихъ гласныхъ въ соединеніи съ однимъ или нѣсколькими согласными, обыкновенно: М, С, Х, Ш, Т, напр. **нес-мь, вѣ-мь, и-си, да-си, вѣ-съ, нѣ-съ; рѣ-хъ, бых**ъ; **нес-еши, вез-еши, нес-еть, вез-еть, ид-охъ, рек-охъ**; **с-жть, да-дать**; **ид-охомъ, нес-охомъ**; **ид-осте, нес-осте**; **ид-ѣшете, нес-ѣшете**.

3. Флексіи болѣе сложнаго состава можно разчленять на нѣсколько составныхъ частей, напр. знаки рода, числа, падежа въ имени, а знаки наклоненія, времени, числа и лица въ глаголѣ. Это обстоятельство не мѣшаетъ намъ однако признавать сочетаніе разнородныхъ по происхожденію, но срощенныхъ морфологически элементовъ за одну флексивную морфему, такъ какъ въ языкѣ давно уже произошла полная интеграція составныхъ элементовъ именной и глагольной флексіи въ отношеніяхъ какъ звуковомъ, такъ и логическомъ. Флексія напр. **Ъ** въ словѣ **рабъ** служитъ знакомъ и муж. рода, и един. числа, и именит. пад.; флексія же **И** въ **ходи** выражаетъ категоріи и повелит. наклоненія, и наст. времени, и ед. числа, и 2 или 3 лица. Очевидно, что для чувства языка всѣ эти категоріи именъ или глаголовъ могутъ быть выражаемы однимъ суффиксомъ, имѣющимъ по своему расположенію и роли чисто флексивный характеръ. То же доказывается различеніемъ въ арійскихъ языкахъ личныхъ формъ во временахъ главныхъ съ одной стороны, а временахъ историческихъ—съ другой. Категоріи времени и лица, очевидно, тѣсно сближены языкомъ, если въ личныхъ окончаніяхъ отражается различіе временныхъ отношеній глагольной основы. Категорія наклоненій также переплетается многими нитями съ категоріею временъ главныхъ и историческихъ, а слѣд. и съ характеромъ личныхъ флексій, что особенно замѣтно въ языкѣ

греческомъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы считаемъ знаки наклоненій и временъ принадлежащими и въ слав. языкѣ къ флексивнымъ, а не къ тематическимъ наростамъ, какими они могли быть первоначально. Въ этомъ перемѣщеніи модальныхъ и временныхъ знаковъ отъ основъ къ флексіямъ слѣдуетъ видѣть одно изъ частныхъ проявленій абсорпціи предшествующихъ морфемъ послѣдующими, неизбѣжно соединенной съ перемѣщеніемъ морфологическихъ узловъ слова.

4. Сравнивая славянскія флексіи съ флексіями другихъ арійскихъ языковъ, напр. греч. и лат., мы найдемъ между ними несомнѣнное сходство. Такъ напр. флексія им. ед. **Ъ, А, О** соотвѣтствуетъ греч. ος, α(η), ον и лат. us, a, um, напр. **влъкъ, новъ, домъ** λύκος, νέος, δόμος, lupus, novus, domus; **вьдова, нова** χώρα, νέα, vidua, nova; **слоуто, ново, сѣто** κλυτόν, νέον, ἑκατόν, inclutum, novum, centum. То же замѣтимъ при сравненіи флексій многихъ другихъ падежей, напр. зват. ед. **влъче, кости** ἵππε, πόλι, eque, ovi; вин. ед. **влъкъ, вьдовѫ, пѫть** λύκον, χώραν, φύσιν, lupum, viduam, ovem; мѣстн. ед. **влъцѣ, женѣ** οἴκοι, χαμαί, humi, Romae; мѣстн. мн. **влъцѣхъ, женахъ** λύκοις, χώραις, θύρασι; твор. ед. **влъкъмь** Ἰλιόφιν, βίηφι и т. п. Еще явственнѣе сходство флексій при склоненіи напр. ц. слав. **има** и лат. nomen:

има, имене... имена, именъ, именемъ
nomen, nominis... nomina, nominum, nominibus и т. п.

Въ склоненіи мѣстоименій также видно первоначальное сходство флексій, хотя и затемненное ихъ разнообразными соединеніями со звуками тематическими, напр.

азъ, мене, мьнѣ, мѧ,... мы, насъ, намъ
ἐγώ, ἐμοῦ, μοί, μέ,... ἡμεῖς, ἡμῶν, ἡμῖν
ego, mei, mihi, me,... nos, nostri, nobis и т. п.

или:

тъ(то), того,... ти, ты, тѣхъ
ὅς(τό), τοῖο,... τοί, τούς, τῶν
iste , istius,... isti, istos, istorum и т. д.

5. Если мы перейдемъ затѣмъ отъ флексій именныхъ къ глагольнымъ, то и тамъ найдемъ несомнѣнную общность основъ-

ныхъ элементовъ. Такъ напр. очевидно сходство личныхъ флексій въ спряженіи глагола **ѥсмь**:

ѥсмь,	**ѥси,**	**ѥсть,**	**ѥсмъ,**	**ѥсте,**	**сѫть**
εἰμί,	εἶ,	ἐστί,	ἐσμέν,	ἐστέ,	εἰσί
sum	es	est	sumus	estis	sunt.

То же увидимъ въ спряженіи гл. **вєзѫ**:

вєзѫ,	**вєзєши,**	**вєзєть,**	**вєзємъ,**	**вєзєте,**	**вєзѫть**
ἔχω,	ἔχεις,	ἔχει,	ἔχομεν,	ἔχετε,	ἔχουσι
veho,	vehis,	vehit,	vehimus,	vehitis,	vehunt.

Въ спряженіи аористной основы слав. и греч. мы также замѣтимъ неоспоримое сходство, напр.

нєсъ,	**нєсе,**	**нєсе...,**	**нєсєта,**	**нєсєте,**	**нєсомъ,**	**нєсєте,**	**нєсѫ**
εἶπον,	εἶπες,	εἶπε...,	εἴπετον,	εἰπέτην,	εἴπομεν,	εἴπετε,	εἶπον.

6. Такимъ образомъ ц. слав. флексія находится въ несомнѣнномъ сродствѣ съ греч., лат. и всѣми другими арійскими. Но это сродство не доходитъ до тожества, а наоборотъ, ограничивается лишь общими основаніями, въ дальнѣйшемъ развитіи которыхъ славянскій языкъ, какъ и всякій иной арійскій, дѣйствовалъ согласно своимъ звуковымъ стремленіямъ и зарождающимся потребностямъ то сліянія формъ раздѣльныхъ, то вторичной дифференцировки формъ тожественныхъ или совпавшихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнительный анализъ арійской флексіи можетъ опредѣлить причины и пути ея измѣненій въ отдѣльныхъ языкахъ; но въ большей части случаевъ приходится довольствоваться голымъ фактомъ первоначальнаго сродства отдѣльныхъ флексій, если мы не желаемъ пускаться въ область гаданій очень сомнительной достовѣрности. Въ различныя эпохи жизни языковъ дѣйствуютъ различныя звуковыя стремленія, нерѣдко очень отличныя отъ наблюдаемыхъ въ ближайшее къ намъ время. То же слѣдуетъ сказать и о дѣйствіи на флексіи грамматической аналогіи. По мѣрѣ измѣненія наличнаго состава и относительной силы формъ, центры притяженія или отталкиванія при ихъ интеграціи или дифференцировкѣ неизбѣжно перемѣщаются изъ одного психическаго круга въ другой, вслѣдствіе чего соотношеніе активныхъ и пассивныхъ факторовъ мор-

фологической ассимиляціи настоящаго и прошедшаго времени никакъ не можетъ считаться тожественнымъ, даже сходнымъ. А такъ какъ мы можемъ судить о дѣйствіи физическихъ и психическихъ силъ на формы языка въ досторическое время лишь по аналогіямъ наблюдаемаго въ ближайшее къ намъ историческое время, то сужденіе это можетъ быть вѣрно лишь въ общихъ чертахъ, но никакъ не въ подробностяхъ.

§ 16.

Строеніе основъ.

1. Если основа составлена изъ одного корневого созвучія, либо если первоначальный ея суффиксъ поглощенъ флексіею, то получается тема односложная, напр. а) да-мь, и-мь, вѣ-мь, ѥс-мь; б) да-хъ, бы-хъ, нес-охъ; бог-ъ, жен-а, ѯвѣр-ь. Но гораздо обычнѣе такой типъ основы, въ которомъ при корнѣ есть одинъ или нѣсколько аффиксовъ. Этитъ путемъ объемъ основы расширяется до весьма значительнаго нерѣдко числа слоговъ, напр. въ словѣ **прѣиѯбытъѣствовати.**

2. Какъ односложныя, такъ и многосложныя основы могутъ быть либо открыты, либо закрыты, смотря по гласному или согласному характеру ихъ позвука, напр. а) да-хъ, дѣла-хъ, ликова-хъ; б) вед-охъ, нѣ(с)-сь, прока(д)-са; бог-ъ, ѯамък-ъ, матєр-є, телат-є. Средину между тѣми и другими составляютъ основы, исходящія на плавные: Р, Л, М, Н и полусогласные: У, Й, напр. мьр-ж, мрѣ-ти, стьр-ж, стрѣ-ти; кол-ѣж, кла-ти; мел-ѣж, млѣти; пьн-ж, распа-ти; жьм-ж, жа-ти; плов-ж, плоу-ти; пой-ж, пѣти; дай-ж, да-ти, ср. бои, гноі. Въ каждой изъ этихъ парныхъ формъ первая примыкаетъ къ типу закрытыхъ, а вторая къ типу открытыхъ основъ, въ зависимости отъ звукового построенія окончаній. Это колебаніе объясняется, конечно, физіологическою природою плавныхъ и полусогласныхъ, по которой они занимаютъ средину между гласными и согласными звуками.

3. Между закрытыми именными основами особенно важны тѣ, которыя искони имѣютъ такое строеніе. Сюда относятся основы, образованныя суффиксами: **ъв, ер, мен, ат, ес**, напр. въ словахъ: **любъв-є, матер-є, ѕнамен-є, дитат-є, небес-є**. Эти издревле закрытыя (согласныя) основы явственно выдѣляются въ склоненіи отъ всѣхъ остальныхъ, развившихся изъ морфемъ первоначально открытыхъ, напр. **раб-ъ, дом-ъ, ѕвѣр-ь**.

4. Несмотря на поглощеніе первоначальныхъ гласныхъ суффиксовъ флексіями, мы должны однако и въ славянскомъ языкѣ отличать основы, образованныя нѣкогда гласнымъ А или У, отъ основъ съ $\bar{А}$ (а долгимъ) или съ I, такъ какъ этимъ обусловлено различіе падежныхъ окончаній, т. е. система славянскаго склоненія. Присоединеніе извѣстнаго флексивнаго элемента къ основамъ на А или У давало иной результатъ, чѣмъ присоединеніе его къ основамъ на $\bar{А}$ или на I. По этимъ соображеніямъ мы будемъ раздѣлять именныя основы на четыре класса:

1) основы, имѣвшія нѣкогда суффиксъ А или У;
2) „ „ „ „ $\bar{А}$;
3) „ „ „ „ I;
4) „ „ издревле „ согласный.

А такъ какъ первоначальный арійскій суффиксъ А еще раньше абсорпціи его флексіею перешелъ въ славянскомъ языкѣ въ О (что видно и въ композиціи: **богословиє, винодѣлиє**), то мы можемъ, для болѣе рѣзкаго разграниченія основъ перваго и второго классовъ, называть первыя основами О или У, вторыя же—основами А. Для третьяго и четвертаго классовъ удержимъ названія основъ I и основъ согласныхъ.

5. Не лишено значенія при систематикѣ славянскихъ склоненій и то обстоятельство, звучитъ ли позвучный согласный основы твердо или мягко, другими слогами, имѣлъ ли первоначальный вокальный суффиксъ передъ собою согласный іотъ или не имѣлъ его, т. е. звучалъ ли онъ въ первомъ классѣ: а или ја, а во второмъ: ā или јā. Рефлексомъ первоначальныхъ основъ: а, ја, ā, јā въ славянскомъ будутъ основы: **о, є,**

а, и, напр. рыбо-лѣпьство, коне-уловѣкъ, рыбо-ловьство (вм. *рыба-ловьство), ѕемлѥ-дѣлиѥ (вм. *ѕемлидѣлиѥ).

6. Для полноты классификаціи именныхъ основъ слѣдуетъ еще помнить, что категорія рода производитъ нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ флексій. Такъ напр. основы О, Е муж. и сред. р., основы І муж. и жен. р., а равно и нѣкоторыя согласныя основы муж., жен. и сред. родовъ, хотя и не различаются морфологически, но все таки выдѣляются въ особыя подгруппы, вслѣдствіе разнообразнаго скрещенія и перебоя въ такихъ формахъ условій психической смежности по строенію и по значенію. Если принять во вниманіе все изложенное, то схема славянскихъ именныхъ основъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		Основы:	р о д а:				
			муж.	сред.	жен.		
Классы.	I	О (Е, У)	о	о	—	1	Подклассы.
			е	е	—	2	
			у	—	—	3	
	II	А (Ꙗ)	а	—	а	4	
			и	—	и	5	
	III	І	і	—	і	6	
	IV	Согласныя:	—	—	ъв	7	
			—	—	ер	8	
			мен	мен	—	9	
			—	ат	—	10	
			—	ес	—	11	

7. Вторую группу основъ представляютъ мѣстоименныя. Несмотря на ихъ малочисленность, мѣстоименныя основы довольно рѣзко раздѣляются на два класса: 1) основы мѣстоименій неродовыхъ: азъ, ты, са; 2) основы всѣхъ остальныхъ мѣстоименій. Первыя характеризуются глубокими измѣненіями при движеніи по падежамъ и числамъ и безучастіемъ къ категоріи рода; послѣднія же—способностію сочетаться съ флексіями всѣхъ трехъ родовъ.

8. Если мы приложимъ къ мѣстоименіямъ 1 и 2 л. тотъ же пріемъ сѣченія на основы и окончанія, который примѣненъ выше къ опредѣленію основъ именныхъ, то получимъ для мѣстоименія 1 л. не менѣе 7, а для второго 4 различныхъ основъ, каковы основы: 1) аз-ъ; 2) м-а, м-и, м-ы; 3) мен-е; 4) мьн-ѣ; 5) мън-ож; 6) в-ѣ; 7) н-а, н-ою, н-ама, н-ы, н-ась, н-амъ, н-ами—для перваго лица и основы: 1) т-ы, т-а, т-и; 2) тєб-є, тєб-ѣ; 3) тоб-ож; 4) в-а, в-ою, в-ама, в-ы, в-ась, в-амъ, в-ами—для второго лица. Что касается возвратнаго мѣстоименія ся, то оно имѣетъ лишь 3 основы (1. с-а, с-и; 2. сєб-є, сєб-ѣ; 3. соб-ож), но за то лишено формъ дв. и мн. чиселъ. Очень возможно, что нѣкоторые звуки разсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ принадлежали нѣкогда къ флексіямъ; но въ историческую эпоху славянскаго языка они такъ приросли къ основамъ, что для чувства языка существуютъ уже въ составѣ послѣднихъ.

9. Гораздо проще строеніе основъ мѣстоименій родовыхъ. Подобно именнымъ основамъ первыхъ трехъ классовъ, онѣ имѣли нѣкогда характеръ открытыхъ звукосочетаній, но утратили его, подобно именамъ, вслѣдствіе поглощенія тематическихъ гласныхъ флексіями. Такъ напр. мѣстоим. тъ имѣло нѣкогда основу та или лучше—то, какъ видно изъ греч. τοῖο, τοῖν, τοῖσι. Слѣды того уцѣлѣли и въ ц. слав. формахъ: того, тому, томь, тым, тои, тож, тою. Но ошибочно было бы считать гласный О въ этихъ формахъ тематическимъ звукомъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ ними другія надежныя формы, гдѣ этого гласнаго нѣтъ, напр. т-ъ, т-а, т-ы, т-ѣмь, т-ѣ, т-ѣхъ и т. д. Для чувства языка тема здѣсь заканчивается согласнымъ звукомъ; окончанія же: ъ, о, а, ы, ого, ѣмъ, ѣхъ представляются падежными флексіями, аналогичными флексіямъ: ъ, о, а, ъмь, амъ и т. п. въ именномъ склоненіи. Итакъ основы родовыхъ мѣстоименій измѣнились въ слав. языкѣ въ томъ же направленіи, какъ и основы большей части именъ: изъ открытыхъ онѣ стали закрытыми.

10. Конечный согласный мѣстоименной основы можетъ быть твердымъ или мягкимъ, смотря по характеру первоначальныхъ суффиксовъ или вообще позвуковъ. Такъ напр. Т звучитъ

твердо въ формахъ: **того, томоу, тѫ, тои**, а С мягко въ параллельныхъ падежныхъ формахъ: **сего, семоу, сиѭ, сеи**. Этимъ и объясняется различіе флексій въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ типовъ **то** и **се**.

11. Наконецъ и категорія рода обнаруживаетъ нѣкоторое вліяніе на строеніе мѣстоименныхъ формъ или лучше на сочетаемость мѣстоименныхъ основъ съ тѣми или другими флексіями, аналогично тому, что мы видѣли и въ области именныхъ основъ 1, 2, 4, 5, 6 и 9 подклассовъ (§ 16, 6).

12. Все изложенное относится не только къ мѣстоименіямъ кореннымъ, но и производнымъ, т. е. развитымъ изъ корней особыми суффиксами, каковы: аш: **нашь, вашь**; ой: **мои, твои, свои**; лик: **коликъ, толикъ, селикъ**; ик: **обоикъ, вьсикъ**; тер: **ютеръ, которыи** и т. п. Сюда примыкаютъ и основы, то коренныя, то производныя, нѣкоторыхъ числительныхъ и прилагательныхъ, напр. **дъва, оба, три; дъвои, обои, трои; ѥдинъ, вторъ, мъногъ** и н. др.

13. Такимъ образомъ мы можемъ принять слѣдующую систему мѣстоименныхъ основъ:

Мѣстоименія:								
неродовыя			родовыя					
1 л.	2 л.	возврат.	твердыя			мягкія		
аѯ-ъ (7 осн.).	т-ы (4 осн.).	с-а (3 осн.).	т-ъ	т-о	т-а	с-ь	с-е	с-и
			муж.	сред.	жен.	муж.	сред.	жен.

14. Въ дополненіе къ двумъ разсмотрѣннымъ группамъ основъ можно бы еще указать на основы членныхъ прилагательныхъ, напр. **добра-ѥго, доброу-ѥмоу** и т. п. Но выдѣленіе этихъ формъ произошло на почвѣ не основъ, а флексій, почему мы и должны нѣсколько иначе дѣлить ихъ на морфемы, отсѣкая

тематическое созвучіе **добр** и т. п. отъ флексивныхъ **аѥго, оуѥмоу** и т. д. Даже въ формахъ твор. и дат. **добрѣимь, добрѣима, добрѣимъ, добрѣими** (или: **добрыимь, добрыима, добрыимъ, добрыими**) мы должны причислять звукъ **Ѣ** или **Ы** къ флексіи, а не къ основѣ, такъ какъ онъ и чередуется въ другихъ падежахъ съ чисто флексивными наростами, и сливается наконецъ съ ними какъ фонетически, такъ и психически, въ дальнѣйшемъ развитіи языка.

15. Глагольныя основы группируются вокругъ двухъ центровъ: а) формъ аориста и инфинитива; б) формъ настоящаго. Мы назовемъ тѣ первыми или аористными, а эти—вторыми или презенціальными основами.

16. Первыя основы проще по своему строенію и ближе къ именнымъ по функціямъ. Вслѣдствіе того они господствуютъ при образованіи не только прошедшихъ временъ изъявит. накл. и причастій, но и того вида отглагольныхъ именъ, который выдѣляется въ этимологическую группу инфинитивовъ и супиновъ, напр. **пьса-хъ, пьса-въ, пьса-нъ, пьса-ти, пьса-тъ**, но: **пиш-ѫ, пиш-и, пиш-а, пиш-ѥмъ.**

17. Вторыя основы лежатъ на днѣ формъ настоящаго вр. изъяв., повелит. и причастій, напр. **кол-ѭ, кол-и, кол-ѣ, кол-ѥмъ**, но: **кла-хъ, кла-лъ, кла-нъ, кла-ти.** Та же, по преимуществу, вторая основа служитъ для образованія славянскаго имперфекта, напр. **колѣахъ** (а не: **клаахъ**), **двигнѣахъ** (а не: **двигнжахъ**), **ликоуѣахъ** (а не: **ликова-ахъ**). Но изрѣдка встрѣчаемъ мы тутъ и болѣе древнюю аористную основу, напр. **дрѣмаахъ** (а не: **дрѣмлѣахъ**), **пьсаахъ** (а не: **пишаахъ**), **ꙁъваахъ** (а не: **ꙁоваахъ**) и т. п.

18. Аналогичное смѣшеніе первой и второй основъ замѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ формахъ наст. вр., напр. **виждѫ**, основа видj, но: **вид-иши**, осн. вид; то же встрѣтимъ при сравненіи формъ: **трьплѭ, вишшѫ, сиждѫ** и **трьпиши, висиши, сидиши.** Положимъ, первоначально основы перваго и остальныхъ лицъ подобныхъ глаголовъ могли не отличаться; но въ историческую пору жизни славянскаго языка это различіе уже довольно замѣтно.

19. По строенію первой (аористной или инфинитивной) основы славянскіе глаголы дѣлятся на 6 классовъ: 1) основы безсуффиксныя: **бы-хъ, рѣ(к)-хъ**; 2) основы съ суф. **нж: двигнж-хъ**; этотъ суффиксъ иногда и отметается, при чемъ основы слагаются по типу 1-го класса, напр. **двиг-охъ**; 3) основы съ суф. а: **дѣла-хъ, пьса-хъ**; 4) основы съ суф. ова, ева: **ликова-хъ, воюва-хъ**; 5) основы съ суф. Ѣ: **оумѣ-хъ, трьпѣ-хъ**; 6) основы съ суф. И: **хвали-хъ, твори-хъ.** Первые два класса объединяются до извѣстной степени близостію основъ къ корню; 3-й и 4-й—общимъ гласнымъ А; 5-й же и 6-й—звуковымъ сходствомъ ихъ примѣтъ Ѣ и И.

20. По характеру вторыхъ основъ глаголы славянскіе имѣютъ 8 главныхъ разновидностей или подклассовъ:

1) основы безсуффиксныя, соединенныя съ личными окончаніями: **мь, си, ть**; напр. **вѣ(д)-мь, вѣ(д)-си, вѣс-ть**;

2) такія же основы съ окончаніями **ж, ѫ, еши, ѥши**; **вед-ж, кол-ѫ**; **вед-еши, кол-ѥши**;

3) основы съ суф. Н: **двигн-еши, гъ(б)н-еши**;

4) основы съ суф. А, **ѩ**: **дѣла-ѥши, сѩ-ѥши**;

5) основы съ суф. J: **пиш-ж, дрема-ѫ** (изъ: *писјж, *дремјѫ), **пиш-еши, дрема-ѥши**;

6) основы съ суф. **ОУ, Ю**: **ликоу-ѥши, кою-ѥши**;

7) основы суф. Ѣ: **оумѣ-ѥши, бѣлѣ-ѥши**;

8) основы съ суф. J или И: **трьпл-ѫ, любл-ѫ, трьпи-ши, люби-ши.**

Впрочемъ въ глаголахъ послѣдней формы суф. И всосанъ индѣ флексіею, въ которой И образовалось изъ и+е, напр. **трьпиши, любиши** изъ *трьпи-ѥши, *люби-ѥши, какъ **имаши** изъ ***имаѥши, имаши.**

21. Сравнивая распредѣленіе глаголовъ на группы по первой (А) и второй (Б) основамъ, мы замѣтимъ, что между ними есть извѣстное соотвѣтствіе. Такъ напр.

1 А. **да-хъ**; **рѣ(к)-хъ**=1 Б. **да-мь, рек-ж**;

2 А. **двигнж-хъ**=3 Б. **двигн-еши**;

3 А. **дѣла-хъ, пьса-хъ, ꙗва-хъ**=4 Б. **дѣла-ѥши**; 5 Б. **пиш-ѥши**; 2 Б. **ꙗок-еши**;

4 А. **ликова-хъ**=6 Б. **ликоу-ѥши**;

5 А. **оумѣ-хъ**; **трьпѣ-хъ**=7 Б. **оумѣ-ѥши**; 8 Б. **трьп-иши**;

6 А. **люби-хъ**=8 Б. **люб-иши**.

Тѣ глаголы, которые имѣютъ въ обѣихъ основахъ тожественныя созвучія, называются однотемными, въ отличіе отъ глаголовъ разнотемныхъ, въ родѣ напр. **двигнѫ-ти** и **двиги-ѥши**, **пьса-ти** и **пиш-ѥши**, **ликова-ти** и **ликоу-ѥши**, **трьпѣ-ти** и **трьп-иши**, **люби-ти** и **люб-иши**. Послѣдній глаголъ сталъ впрочемъ разнотемнымъ лишь тогда, когда характеризующій его суф. И (J) всосанъ во второй основѣ флексіею.

22. Что касается наконецъ основъ частичныхъ, изъ которыхъ образованы нарѣчія, предлоги и союзы, то большая часть этихъ основъ и понынѣ не отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами основъ именныхъ, мѣстоименныхъ и глагольныхъ, такъ какъ вообще частицы произошли чрезъ окоченѣніе формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Такъ напр. въ нарѣчіяхъ: **ѯѣло**, **ико**, **вьчера**, **ѯаоутра**, **вънъ**, **вънѣ**, **малы**, **пакы** скрываются именныя основы О; въ нарѣчіяхъ: **домови**, **врьхоу**, **долоу**—осн. У; въ нарѣчіяхъ: **кынѫ**, **къскѫ**, **горѣ**, **трѣбѣ**, **тъиѫ**, **единоѫ**—основы А; въ нарѣчіяхъ: **оудобь**, **ниць**, **исплъньі**, **прѣпрость**, **свободь**, **соугоубь**, намедни, кстати—основы I и т. д. То же замѣтимъ и въ частицахъ, образованныхъ изъ глаголовъ, напр. рус. бы, чтобы, дабы, знать, чуть-чуть образованы изъ аористныхъ основъ: **кы**, **ѯна**, **чоу(и)**, тогда какъ частицы: ес(ть)ли, нѣ(сть)къде, буде(ть), будьто, вѣдь, пускай, почти, спасибо образованы изъ основъ презенціальныхъ: **ѥс**, **бѫд**, **вѣд**, **поуска**, **почьт**, **съпас**.

23. Есть однако въ средѣ частицъ и такой слой, который выдѣляется по своему строенію отъ основъ измѣняемыхъ частей рѣчи. Таковы напр. частицы образованныя суффиксами:

д: **ѥгда**, **тогда**; **къдѣ**, **сьдѣ**; **кѫдѣ**, **вьсѫдѣ**, **инѫдѣ**; **вънѣѭдоу**, **иногдоѫ**; **надъ**, **прѣдъ**, **подъ**;

жд, шт: **вьсьѫдѣ**; **тоужде**; **дважди**, **мѣногажди**, **трижди**, **тришти**;

л: **доколѣ**, **дотолѣ**, **доселѣ**, **досели**;

м: **камо**, **мимо**; **кольма**, **вьсьма**, **бъхъма**; **кольми**, **вельми**;

з: **възъ, низъ, прѣзъ, урѣзъ;**

т: **противж.**

Возможно, что и нѣкоторые изъ позвучныхъ гласныхъ принадлежали нѣкогда къ основамъ; но большая ихъ часть аналогична флексивнымъ элементамъ измѣняемыхъ словъ, изъ которыхъ и эти частицы могли нѣкогда образоваться.

24. Еще болѣе древнюю группу представляютъ частицы односложнаго типа или такія двусложныя, которыя неразложимы на простѣйшія стихіи, напр. **не, да; въ, вы, до, за, къ, на, по, при, про, съ, сж, объ, отъ, изъ; ли, уи, за, и, а, ти, же, нъ** и т. п. Если слова эти и разлагались нѣкогда на отдѣльныя морфемы, напр. корневую, суффиксную, флексивную (что не можетъ быть доказано въ большинствѣ случаевъ), то все таки для чувства языка поколѣній историческихъ они были уже неразложимыми далѣе морфологическими единицами, подобно корнямъ-словамъ китайскаго языка.

§ 17.

Строеніе славянскихъ словъ.

1. Принципомъ словообразованія въ языкѣ славянскомъ, какъ и другихъ арійскихъ, служитъ сращеніе основъ съ флексіями. Такъ какъ каждая флексивная форма любого имени или глагола имѣетъ извѣстную грамматическую индивидуальность, то и слѣдовало бы подъ словомъ разумѣть не совокупность родственныхъ флексивныхъ формъ, образованныхъ изъ общей основы, но каждую въ отдѣльности, т. е. формы: **рабъ, раба, рабоу, рабъмь, рабѣ** считать пятью отдѣльными словами, а не пятью падежными изгибами одного и того же слова. Съ этой точки зрѣнія не представлялось бы надобности отличать въ грамматикѣ словообразованіе отъ словоизмѣненія, п. ч. всякое измѣненіе слова есть въ сущности образованіе новаго, хотя бы изъ той же основы. Имѣя однако въ виду тѣсное психическое содружество, устанавливаемое языкомъ между всѣми флексивны-

ми формами того же имени или глагола и обнаруживающееся въ явленіяхъ морфологической ассимиляціи или диссимиляціи, мы можемъ сдѣлать уступку укоренившемуся обычаю и считать всѣ изгибы имени по склоненіямъ или глагола по спряженіямъ грамматическими метаморфозами одного и того же слова. Старинный терминъ „словообразованіе“ можетъ соотвѣтствовать тому, что мы называемъ анализомъ флексивныхъ формъ, а терминъ „словоизмѣненіе“—ихъ синтезу, т. е. системѣ склоненій и спряженій.

2. Такъ какъ и основы, и флексіи именъ съ одной стороны, а глаголовъ съ другой довольно отличны по строенію, то понятно, что и продукты ихъ соединенія, т. е. слова должны существенно разниться между собою. Эта разница и обозначается грамматическими терминами: А. слова склоняемыя и Б. слова спрягаемыя.

3. Къ одному изъ этихъ двухъ разрядовъ словъ примыкаютъ то съ бо́льшей, то съ меньшей очевидностію и частицы. Но такъ какъ въ средѣ частицъ мы встрѣчаемъ обыкновенно флексіи, оторванныя отъ содружества съ другими, смежными по образованію или значенію формами, а вслѣдствіе того подвергшіяся сильному звуковому искаженію; то эта группа словъ и выдѣляется въ особый разрядъ (В.) словъ неизмѣняемыхъ или частицъ.

4. Выше указано, что къ флексіямъ въ славянскомъ языкѣ мы относимъ тѣ суффиксы, которыми обозначаются: а) въ имени падежи, числа и роды, а б) въ глаголѣ лица числа, времена и наклоненія. Сообразно тому и система славянскихъ склоненій обнимаетъ движеніе именъ (съ мѣстоименіями) по категоріямъ падежей, чиселъ и родовъ, а система спряженій изображаетъ движеніе глаголовъ по категоріямъ лицъ, чиселъ, временъ и наклоненій.

5. Причастія, инфинитивы и супины принадлежатъ своими флексіями къ разряду словъ склоняемыхъ; но по основамъ они непосредственно примыкаютъ къ глаголамъ, а именно инфинитивы и супины къ первой глагольной основѣ, а причастія то къ

первой, то ко второй. Ниже мы увидимъ, что и функціи этихъ именнаглагольныхъ формъ имѣютъ то именной, то глагольный характеръ. На этомъ основаніи разсматриваемыя формы должны имѣться въ виду при систематикѣ какъ склоняемыхъ, такъ и спрягаемыхъ разрядовъ словъ.

6. Въ области частицъ также соприкасаются до извѣстной степени какъ основы, такъ и флексіи именныя съ глагольными Это показываетъ, что рѣзкія грани, положенныя первоначально языкомъ между формами склоняемыми и спрягаемыми, постепенно сглаживаются, при чемъ первые переточевываютъ исподоволь въ разрядъ послѣднихъ, а изрѣдка и наоборотъ.

7. На основаніи изложенныхъ соображеній мы разсмотримъ частнѣе строеніе славянскихъ словъ въ трехъ отдѣлахъ: 1) строеніе словъ склоняемыхъ или система склоненій; 2) строеніе словъ спрягаемыхъ или система спряженій и 3) строеніе словъ неизмѣняемыхъ или частицъ.

§ 18.

Система склоненій.

1 Сообразно различенію основъ и флексій именныхъ съ одной стороны, а мѣстоименныхъ съ другой, мы должны отличать и словесные изгибы первыхъ отъ послѣднихъ, т. е. принимать два основныхъ класса склоняемыхъ формъ: А. склоненіе именное и Б. склоненіе мѣстоименное. Въ дополненіе къ нимъ слѣдуетъ выставить еще В. склоненіе сложное, образованное изъ сочетанія флексій именныхъ (А) съ мѣстоименными (Б).

2. Первый классъ склоняемыхъ формъ распадается по различію именныхъ основъ (§ 16, 6) на четыре подкласса, которые мы будемъ называть именными склоненіями: первымъ при основахъ О (Е, У); вторымъ при основахъ А (Я); третьимъ при основахъ І, и четвертымъ при основахъ согласныхъ. Второстепенныя подраздѣленія именныхъ склоненій (подсклоненія) совпадаютъ съ 11 вышеозначенными (§ 16, 6) оттѣнками имен-

ныхъ основъ, въ связи съ ихъ принадлежностію къ муж., сред. или женскому роду.

3. Принадлежность того или другого имени къ одному изъ 4 склоненій и 11 разновидностей легко опредѣляются формами имен. и род. пл. ед. ч., какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

Склоненія	Подсклоненія.	Основы	Именительныя: муж.	сред.	жен.	Родительныя	Примѣры.
I	1	о	ъ	о	—	а	**богъ, окно,-а**
	2	е	ь, и	е	—	ы	**конь, лои, поле,-ы**
	3	у	ъ	—	—	оу(а)	**домъ, медъ,-оу(а)**
II	4	а	а	—	а	ы	**владыка, жена,-ы**
	5	я	я	—	я, и	я(іа)	**сѫдия, богыня,-я**
III	6	і	ь	—	ь	и	**дынь, тѣнь,-и**
IV	7	ьв	—	—	ы	ьве	**любы,-ѣке**
	8	ер	—	—	и	ере	**мати,-ере**
	9	мен	ы	а	—	ене	**камы, имя,-ене**
	10	ент	—	а	—	ате	**дитя,-ате**
	11	ес	—	о	—	есе	**небо,-есе.**

Сравнивая основы и флексіи этихъ четырехъ склоненій съ латинскими и греческими, мы замѣтимъ, что между ними существуютъ въ общихъ чертахъ слѣдующія соотвѣтствія:

слав. I, 1. 2. соотвѣтствуютъ греч. 2 и лат. 2-му склон
„ I, 3. „ „ 3 „ „ 4 „ „
„ II, 4. 5. „ „ 1 „ „ 1 „ „
„ III, 6. „ „ 3 „ „ 5 „ „
„ IV, 7—11. „ „ 3 „ „ 3 „ „

4. Схема славянскаго перваго именнаго склоненія можетъ быть изображена въ надежныхъ изгибахъ слѣдующихъ семи образцовъ: 1. **рабъ**; 2. **конь**; 3. **край**; 4. **село**; 5. **поле**; 6. **конне**; 7. **сынъ**.

Единственное число.

имен.	**рабъ**	**конь**	**край**	**село**	**поле**	**конне**	**сынъ**
зват.	**рабе**	**коню**	**краю**	**село**	**поле**	**конне**	**сыну**

вин.	рабъ	конь	краи	село	полѣ	копиѥ	сынъ
род.	раба	коня	краа	села	поля	копиа	сыноу
мѣстн.	рабѣ	кони	краи	селѣ	поли	копии	сыноу
дат.	рабоу	коню	краю	селоу	полю	копию	сынови
твор.	рабъмь	коньмь	краѥмь	селъмь	польмь	копиѥмь	сынъмь.

Двойственное число.

им. зв. вин.	раба	коня	краа	селѣ	поли	копии	сыны
род., мѣст.	рабоу	коню	краю	селоу	полю	копию	сыноу
дат., твр.	рабъма	коньма	краѥма	селъма	польма	копиѥма	сынъма.

Множественное число.

им.	раби	кони	краи	села	поля	копиа	сынове
зв.	раби	кони	краи	села	поля	копиа	сынове
вин.	рабы	коня	краа	села	поля	копиа	сыны
род.	рабъ	конь	краи	селъ	поль	копии	сыновъ
мѣст.	рабѣхъ	конихъ	краихъ	селѣхъ	полихъ	копиихъ	сынъхъ
дат.	рабомъ	конѥмъ	краѥмъ	селомъ	полѥмъ	копиѥмъ	сынъмъ
твр.	рабы	кони	краи	селы	поли	копии	сынъми.

5. По 1-му образцу склоняются сущест. и прилагат. муж. р. съ твердыми позвуками основъ: р, л, н; п, б, в, м; т, д, с, ꙁ; к, г, х, напр. пиръ, добръ, орьлъ, плънъ; попъ дѫбъ, влъхвъ, хлъмъ; потъ, видъ, носъ, возъ; плъкъ, богъ, доухъ;

по 2-му сущ. и прилаг. м. р. съ мягкими позвуками основъ: р̂, л̂, н̂; ц̂, ꙁ̂; ч̂, ж̂, ш̂, шт̂, жд̂, напр. вепрь, въпль, ближьнь; отьць, къназь; врачь, жрьць, кошь, плашть, дъждь;

по 3-му сущест. и прилат. муж. р. съ позвучныхъ іотомъ, напр. кои, гнои, оуи, поцѣлоуи, велии;

по 4-му сущест. и прилаг. средн. р. съ твердыми позвуками основъ, напр. перо, село, окно; лѣпо, любо, ново, письмо; злато, стадо; косо, тезо; мѣлько, иго, соухо;

по 5-му сущест. и прилаг. средн. р. съ мягкими позвуками основъ, напр. морѥ, древлѥ, синѥ; срьдьце, ложе, ръжде, плѣште;

по 6-му сущест. и прилаг. средн. р. съ позвучнымъ іотомъ, напр. оучениѥ, оржжиѥ, велиѥ;

по 7-му наконецъ склонялись первоначально слова сущест. и прилаг. муж. р. съ праосновами У, напр. **домъ, медъ, полъ, ыдъ, миръ, волъ, врьхъ, бръзъ** и т. п.; но уже на разсвѣтѣ славянской письменности это подсклоненіе является въ развалинахъ, почему и принятыя въ таблицу формы 7-го образца имѣютъ лишь гадательную достовѣрность.

6. Сравнивая склоненіе образцовъ 1-го съ 4-мъ, 2-го съ 5-мъ и 3-го съ 6-мъ, мы видимъ, что имена муж. и средн. рода сходныхъ основъ ничѣмъ не различаются между собою, кромѣ окончаній им., зв. и вин. всѣхъ трехъ чиселъ. Формы этихъ падежей слиты въ среднемъ родѣ во всѣхъ трехъ числахъ, тогда какъ въ муж. р. онѣ дифференцированы въ ед. ч. на 3 вида, а въ мн. ч. на 2 и лишь въ дв. ч. совпали въ одной общей флексіи. Аналогичное явленіе наблюдается въ склоненіи словъ муж. и сред. р. и въ другихъ арійскихъ языкахъ, напр. греч. и лат., гдѣ им., зв. и вин. каждаго числа имѣютъ въ среднемъ родѣ по одной формѣ, тогда какъ въ муж. р. число соотвѣтствующихъ формъ гораздо больше.

7. Различіе склоненія словъ съ твердыми (образцы 1 и 4) и мягкими (образцы 2, 3, 5 и 6) основами обусловлено уподобляющимъ дѣйствіемъ позвучныхъ согласныхъ на флексивные гласные, при чемъ **Ъ** чередуется съ **Ь, И; О** съ **Є** или **Ю; А** съ **Ꙗ; ОУ** съ **Ю; Ѣ** съ **И; Ы** съ **И** или **А**.

8. Сверхъ того при образованіи формъ перваго склоненія слѣдуетъ имѣть въ виду вліяніе узкихъ гласныхъ въ составѣ флексій на смягченіе—то непереходное, то переходное— твердыхъ согласныхъ въ позвукахъ основъ. Такъ напр. предъ флексіею **Є** въ зв. ед. согласные плавные, губные и зубные превращаются изъ твердыхъ въ мягкіе (напр. **орьлє, джбє, носє**), а заднеязычные **К, Г, Х** въ среднеязычные **У, Ж, Ш** (**плъче, коже, доуше**); передъ флексивными же **Ѣ** и **И** заднеязычные переходятъ въ поясъ переднеязычныхъ **Ц, S, С** (**плъцѣ, босѣ, доусѣ; плъци, боси, доуси**). Причины и пути этихъ переходовъ разсмотрѣны выше (§ 8, 29 сл.).

9. Схема второго именного склоненія можетъ быть исчерпана тремя образцами: 1. рыба; 2. воля; 3. стая.

	Единственное число.			*Двойственное число.*		
им.	рыба	воля	стая	рыбѣ	воли	стаи
зв.	рыбо	воле	стае			
вин.	рыбѫ	волю	стаю			
рд.	рыбы	воля	стая	рыбоу	волю	стаю
мѣст.	рыбѣ	воли	стаи			
дат.	рыбѣ	воли	стаи	рыбама	волима	стаима.
тв.	рыбоѭ	волеѭ	стоеѭ			

Множественное число.

им. зв. вин.	рыбы	воля	стая
рд.	рыбъ	воль	стаи
мѣст.	рыбахъ	волихъ	стаихъ
дат.	рыбамъ	волимъ	стаимъ
твр.	рыбами	волими	стаими.

10. По 1-му образцу склоняются имена сущест. и прилагат. жен., а нерѣдко и муж. р. съ твердыми согласными въ позвукахъ основъ, напр. **вѣра, пила, вина; копа, врьба, ива, кръма; охота, бѣда; лоза, оса; владыка, ржка, нога, стрѣха;**

по 2-му сущест. и прил. жен., а изрѣдка и муж. р. съ мягкими согласными въ позвукахъ основъ, напр. **пьра, капля, конь; овьца, стьзя; доуша, мрѣжа, предътеча; свѣшта, межда;**

по 3-му сущест. и прилагат. жен., а изрѣдка и муж. р. съ іотомъ въ позвукахъ основъ, напр. **ладия, мълния, божия, сѫдия.**

11. Взаимное отношеніе 1, 2 и 3-го образцовъ второго склоненія совершенно аналогично отношенію 1, 2 и 3, а также 4, 5 и 6 образцовъ перваго склоненія, т. е. **рыба: воля: стая=рабъ: конь: краи=село: поле: копие.**

12. Категорія рода не обнаруживаетъ никакого вліянія на изгибы словъ второго склоненія: слова напр. **владыка, предъте-**

ꙋ, сѫдиꙗ склоняются совершенно такъ же, какъ рѫка, тѫꙋ, ладиꙗ.

13. Различіе склоненія основъ твердыхъ (1-го образца) и мягкихъ (2 и 3 го обр.) здѣсь, какъ и въ первомъ склоненіи, опредѣляется исключительно уподобляющимъ вліяніемъ тематическихъ мягкихъ согласныхъ на флексивные гласные, при чемъ Ъ чередуется съ Ь или И; О съ Є или Ѥ; А съ Ꙗ или И; ОУ съ Ю; Ѣ съ И; Ы съ И или А, т. е. совершенно тожественно съ чередованіями флексивныхъ гласныхъ 1-го склоненія. Лишь переходъ А въ И въ формахъ: богꙑни и богꙑни, рабꙑни, горьши, хвалꙗшти не имѣетъ аналогій въ 1-мъ склоненіи.

14. Схема третьяго склоненія исчерпывается двумя образцами: 1. пѫть и 2. кость.

	Единствен. число.		*Двойствен. число.*		*Множ. число.*	
им.	пѫть	кость	пѫти	кости	пѫтиѥ	кости
зв.	пѫти	кости			пѫтиѥ	кости
вин.	пѫть	кость			пѫти	кости
рд.	пѫти	кости	пѫтию	костию	пѫтии	костии
мѣст.	пѫти	кости			пѫтьхъ	костьхъ
дат.	пѫти	кости	пѫтьма	костьма	пѫтьмъ	костьмъ
твр.	пѫтьмь	костиѫ			пѫтьми	костьми.

15. По 1-му образцу склонялись первоначально немногочисленныя сущест. муж. р. напр. тать, тьсть, ѯать, гость, господь, ѯвѣрь, рысь, медвѣдь, голѫбь, ꙋрьвь, грѣтань, ногъть, огнь, жгль, дьнь и н. др., а во мн. ч. и числительныя триѥ, ѵєтꙑриѥ;

по 2-му же обр.—сущест. жен. р. вьсь, вешть, оутварь, лань и т. п. и числит. пать, шесть, седмь, осмь, девать и десать.

16. Вліяніе категоріи рода отразилось на третьемъ склоненіи въ различіи флексій твр. ед. и им. и зв. мн.: пѫтьмь—костиѫ; пѫтиѥ—кости. Довольно рано впрочемъ большая часть сущест. муж. р. перекочевала отсюда въ среду формъ 2-го образца перваго склоненія.

17. Схема четвертаго именного склоненія изображается въ изгибахъ слѣдующихъ 6 образцовъ: 1. **црькы**; 2. **мати**; 3. **камы**; 4. **има**; 5. **тела**, и 6. **слово**.

Единственное число.

им.	**црькы**	**мати**	**камы**	**има**	**тела**	**слово**
зв.	**црькы**	**тати**	**камени**	**има**	**тела**	**слово**
вин.	**црькъве**	**матере**	**камене**	**има**	**тела**	**слово**
рд.	**црькъве**	**матере**	**камене**	**имене**	**телате**	**словесе**
мѣст.	**црькъве**	**матере**	**камене**	**имене**	**телате**	**словесе**
дат.	**црькъви**	**матери**	**камени**	**имени**	**телати**	**словеси**
твр.	**црькъвиѭ**	**материѭ**	**каменьмь**	**именьмь**	**телатьмь**	**словесьмь.**

Двойственное число.

им. зв. вин. **црькъви матери камени имени телати слове-[си**

рд. мѣст. **црькъвию матероу каменію именоу телатоу слове-[соу**

дат. твр. **црькъвама матерьма каменьма именьма телать-[ма слове-[сьма.**

Множественное число.

им. зв. вин.	**црькъве**	**матере**	**камене**	**имена**	**телата**	**словеса**
рд.	**црькъвъ**	**матеръ**	**каменъ**	**именъ**	**телатъ**	**словесъ**
мѣст.	**црькъвахъ**	**матерьхъ**	**каменьхъ**	**именьхъ**	**телатьхъ**	**словесьхъ**
дат.	**црькъвамъ**	**матерьмъ**	**каменьмъ**	**именьмъ**	**телатьмъ**	**словесьмъ**
твр.	**црькъвами**	**матерьми**	**камены**	**имены**	**телаты**	**словесы.**

По 1-му образцу четвертаго склоненія склоняются до 20 сущ. жен. р., каковы: **боукы, кры, любы, неплодъı, свекры, смокы, тыкы, ѣтры** и н. др.;

по 2-му образцу лишь два слова: **мати** и **дъшти**;

по 3-му образцу немногія сущ. муж. р. на **ы** или **ень** въ им. ед.: **пламы, ѣуьмы, кремы, стремы; корень, ремень, степень,** и н. др.;

по 4-му образцу немногія сущ. средн. р. **брѣмя, сѣмя, плеѧ, ѕнамя, врѣмя, темя** и н. др.;

по 5-му образцу сущ. средн. р., означающія дѣтенышей, напр. **дитѧ, юноѹѧ, отроѹѧ, жребѧ, осьлѧ, прасѧ, штенѧ, агнѧ, котѧ** и т. п.;

по 6-му наконецъ образцу немногія сущ. средн. р., каковы: **небо, тѣло, чоудо, дрѣво, дѣло,** а во мн. ч. **оуеса, оушеса, слоушеса, истеса, лиуеса, оудеса, дивеса, мореса** и н. др.

19. Сравнивая формы 4-го склоненія съ первыми тремя, мы найдемъ, что наиболѣе сходства оно представляетъ съ третьимъ. Такъ напр. формы: **црькъви, црькъвиѫ** въ ед. ч., **црькъви, црькъвию** въ дв. ч. и **матерьхъ, матерьмъ, матерьми** во мн. ч. тожественны съ формами: **кости, костиѫ; кости, костию; костьхъ, костьмъ, костьми.** Но многими формами 4-ое скл. сближается и съ 2-мъ, напр. **црькъвама, цвькъвъ, црькъвахъ, црькъвамъ, црькъвами** какъ **рѣкама, рѣкъ, рѣкахъ, рѣкамъ, рѣками.** Въ нѣкоторыхъ же падежахъ этого склоненія мы видимъ сходство съ 1-мъ, напр. **матероу, именоу, телатоу, словесоу** какъ **рабоу, селоу; црькъвъ, матеръ, каменъ, именъ, телатъ, словесъ** какъ **рабъ, селъ; камены, имены, телаты, словесы** какъ **рабы, селы.** Слѣдов. въ сохранившемся видѣ 4-ое склоненіе представляетъ смѣшеніе формъ трехъ первыхъ. Основную его характеристику составляютъ: а) укороченіе на цѣлый слогъ формы им. ед. и б) своеобразное окончаніе **є** въ нѣкоторыхъ падежахъ ед. и мн. числа.

20. Изложенныя нормы каждаго изъ четырехъ именныхъ склоненій составлены на основаніи подбора самыхъ обычныхъ, а потому, предположительно, и самыхъ правильныхъ формъ въ древнѣйшихъ ц. слав. рукописяхъ. Но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же рукописяхъ, а еще болѣе въ позднѣйшихъ, многочисленныя отступленія отъ этихъ формъ, обусловленныя то звуковымъ подновленіемъ, то взаимодѣйствіемъ тематическихъ и флексивныхъ морфемъ, смежныхъ по звукамъ или по значенію.

21. Къ уклоненіямъ, обусловленнымъ разными звуковыми процессами, относятся слѣдующія:

а) Превращеніе Ѣ въ О, а Ь въ Є въ окончаніяхъ: ѣмь, ьмь, ѣма, ьма, напр. гласомь, селомь, мѫжемь, ложемь; оучєникома, плештема. Сюда примыкаютъ и формы: рако-тъ, родо-сь вм. рабъ-тъ, родъ-сь. Одною изъ причинъ этого превращенія глухихъ въ чистые было, вѣроятно, слоговое сокращеніе формъ, вслѣдствіе исчезновенія позвучныхъ еровъ.

б) Употребленіе Ѣ вм. Ь въ твр. ед., свойственное особенно глаголическимъ и другимъ югославянскимъ кодексамъ, напр. страхомъ, гласомъ великомъ.

в) Смѣшеніе Ѣ съ Ꙗ, тоже въ глаголическихъ и старобългарскихъ кодексахъ, напр. ѕемлѣ, каплѣ, коуръ вм. ѕемлѧ, каплѧ, коуры въ им. ед.

г) Употребленіе окончанія єи вм. ии, напр. ѕмеи, костеи ѕаповѣдеи. Въ этомъ переходѣ группы ии въ єи можно видѣть распободленіе звуковъ, связанное, кажется, съ превращеніемъ позвучнаго гласнаго (и) въ полусогласный (й).

д) Превращеніе группы ıє въ и, напр. тв. ед. гноимь, строимь, божиимь, имѣниимь; дат. мн. строимъ и т. п. Тутъ можно видѣть уподобленіе сосѣднихъ звуковъ, такъ какъ й+и ближе, чѣмъ й+е.

е) Замѣна тематическаго И въ Ь передъ флексіями: и, ıємь, имь, ı, ıѫ и т. п. напр. о прѣданьи, говѣньıємь, псаньимь, игоуменьıи, божьıѫ.

ж) Стяженіе группъ ьи, ии, ıи въ и, вѣроятно долгое, напр. божи, крѣпли, лоуѵи; дѣнихъ, прошенихъ; млъни, лади, сѫди. Но иногда и наоборотъ мы встрѣчаемъ ии (ı?) вм. и: съкориштиихъ, тръжиштиихъ и т. п. Переходъ группъ типа ии въ и могло совершиться двумя путями: либо чрезъ ии=ьи=йи=и, либо чрезъ ии=ий=и.

з) Стяженіе группы оıѫ, єıѫ въ ѫ, ıѫ, напр. въ тв. ед. женѫ, доушѫ вм. женоıѫ, доушеıѫ. Стяженная форма столь обычна въ древнихъ югославянскихъ кодексахъ, что нѣкоторые принимаютъ ее за нормальную.

и) Чередованіе Ѣ съ И и Є въ составѣ корня, въ зависимости отъ стяженія или расширенія основы нѣкоторыхъ словъ, напр. дитѧтє, дѣти; дєлєса, тєлєса и дѣла, тѣла.

22. Взаимодѣйствіе основъ выразилось въ области формъ именного склоненія очень многочисленными и разнообразными измѣненіями его нормъ. Такъ мы находимъ:

а) въ основахъ О род. и мѣст. ед. на оу, дат. ед. на ови, им. и вин. мн. на ове, род. на овъ, мѣст. на ѣхъ, овѣхъ, дат. на ѣмъ, овомъ, тв. на ѣми, овы по вліянію основъ У, напр. гроκоу, въ чиноу, богови, чясове, грѣховъ, годѣхъ, родовѣхъ, даръми, чиновы, какъ сыноу, сынови, сынове, сыновъ, сынѣхъ, сыновѣхъ, сынѣмъ, сыновы и т. п.;

б) въ осн. Е им. мн. на иѥ, рд. дв. на ию и тв. мн. на ьми по вліянію основъ І, напр. мытарию, пастырию, врачию, ключию, мѫжию; конию, цесарию; ножьми, жѫьми, оржьми, какъ пѫтию, пѫтию, пѫтьми; нерѣдко впрочемъ встрѣчаемъ мы тутъ им. мн. на є (мытарє, кораблє), по вліянію основъ согласныхъ;

в) въ осн. О съ суф. анин формы мн. ч. на ане, анъ, аньхъ, аньмъ, аны или даже ахъ, ами, по вліянію основъ согласныхъ, напр. римлѧнє, римлѧнъ, римлѧньхъ, римлѧньмъ, римлѧны, какъ камене, каменъ, каменьхъ, каменьмъ, камены; отъ дрѣвлѧнинъ же —дрѣвлѧми, дрѣвлѧхъ, съ оригинальнымъ сокращеніемъ основы аналогичнымъ древнечешскому: dolas, polas вм. долѧньхъ, полѧньхъ;

г) въ осн. Е съ суф. ъш, ьш, ѧшт им. мн. на є, а также им. ед. муж. р. безъ суффикснаго согласнаго, по вліянію основъ согласныхъ, напр. болии, больше; мьнии, мьньше; оунии, оуньше; гории, горьше; лоуɥии, лоуɥьше; соулии, соульше; поуɥии, поуɥьше; добрѣи, добрѣише; творь, творьше; вида, видѧштє и т. п. какъ црькы, црькъвє; мати, матере; камы, камене;

д) въ осн. Е зв. ед. на є по вліянію основъ О, напр. андреѥ, кънѧже, отьчє;

е) въ осн. Є род. мн. на Ѣ по вліянію осн. О, напр. житєлъ, дѣлатєлъ, гоубитєлъ;

ж) въ осн. У встрѣчаемъ обыкновенно флексіи образца рабъ, по вліянію основъ О, напр. сыне, сына, сынѣ; сына; сынъ, сынѣхъ, сыномъ, сыны и т. п. какъ рабе, раба, рабѣ и т. д.

з) въ осн. А дат. дв. на ьма, ема по вліянію осн. І, напр. вѣжда, вѣждьма, вѣждема, предътечема, иджштема, какъ пѫтьма, костьма;

и) въ осн. І муж. р. встрѣчаемъ флексіи образца конь или рабъ по вліянію основъ Е или О, напр. рд. ед. огня, звѣря, тата, господа; дат. ед. огню, тьстю, голѫбоу, господоу; им. мн. звѣри, пѫти, господи; рд. мн. звѣрь, господь; ногътъ, лакътъ; тв. н. степены, ногъты;

і) въ осн. І муж. р. дат. ед. на еви по вліянію осн. У (Ю), напр. господеви, урькеви, звѣреви, огневи, тестеви;

к) въ осн. І муж. р. род. ед. на е, по вліянію осн. согласныхъ, напр. тате, лакъте, голѫбе;

л) въ склоненіи слова дьнь перемѣшаны формы основъ І, Е, У и осн. согл., напр. им. ед. дьнь, зв. дьни, вин. дьне, рд. дьне (и дьни), мѣст. дьне, дат. дьни (и дьню, дьневи), тв. дьньмь (и дьнимъ); дв. дьни, дьнию (дьноу) и дьньма; мн. дьне, дьнъ, дьньхъ, дьньмъ и дьны;

м) въ осн. согласныхъ вліяніе осн. А видно въ формахъ: урькъвахъ,-амъ,-ами; дв. ч. именѣ, телатѣ;

н) въ осн. согл. вліяніе осн. О (Е) видно въ дв. ч. племенома, отроуатьма;

о) въ осн. согл. вліяніе осн. І видно въ им. и вин. ед. любъвь, урькъвь, камень, пламень; род. ед. кръви, любъви; им. мн. дъщери, коукъви, урькъви; рд. мн. урькъвь, урькъвии.

23. Независимо отъ изложеннаго взаимодѣйствія основъ или въ дополненіе къ нему дѣйствуетъ въ языкѣ еще взаимное вліяніе падежныхъ флексій одной и той же основы. Такъ между флексіями: 1) им., зв. и вин.; 2) род. и мѣстн. и 3) дат. и твор. дв. ч. при всѣхъ основахъ обнаружилось такое сильное взаимодѣйствіе, основанное отчасти на близости звуковъ, отчасти же на родствѣ функцій, что въ ц. слав. мы находимъ по одной общей формѣ для каждой изъ трехъ вышеозначенныхъ серій паде-

жей. Еще древнѣе, кажется, совпаденіе флексій им., зв. и вин. пп. всѣхъ чиселъ въ именахъ средняго рода, такъ какъ и въ другихъ арійскихъ языкахъ мы замѣчаемъ то же явленіе. Спородически встрѣчаемъ это и въ муж. р., напр. въ формахъ: **врѣкы бѣша, бѫдѫтъ тѫжы, скоѯѣ гради**; **рабе добръ и вѣрьне**; **болии, хоуждии** въ вин. ед. и т. п. Да и въ жен. р. въ формахъ вин. ед. **любы, цркы** мы видимъ аналогичное сліяніе формъ им. и вин. падежей.

24. Но одновременно съ этимъ обнаруженіемъ притягательнаго дѣйствія между смежными тематическими и флексивными формами, замѣтно въ славянскомъ языкѣ и обратное стремленіе—къ расподобленію или дифференцировкѣ формъ совпавшихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Если мы сравнимъ напр. ц. слав. **рабъ** въ им. и вин. ед. и род. мн. и соотвѣтствующія ему русскія формы: рабъ, раба, рабовъ; или если сопоставимъ форму **рабы** въ вин. и тв. мн. съ русскими: **рабовъ, рабами**, или наконецъ ц. слав. **доуша** въ род. ед., им. и вин. мн. съ русскими: души′, ду′ши, душъ: то замѣтимъ въ русскомъ звуковое различеніе тѣхъ формъ, которыя совпадали въ ц. славянскомъ. Результатъ этотъ достигнутъ взаимодѣйствіемъ различныхъ факторовъ, однимъ изъ которыхъ могло быть стремленіе къ дифференцировкѣ склоняемыхъ формъ. Если правъ Миклошичъ, принимающій формы: **кѣдовѫ, женѫ** за нормальныя не только въ вин., но и въ твр. ед., то въ формахъ: **кѣдовоѫ, женоѫ** слѣдуетъ видѣть новообразованіе, произведенное отчасти аналогіею мѣстоим. **мъноѫ, тобоѫ**, отчасти же потребностію разграниченія формъ вин. и твр. ед. во 2 скл.

25. Вторую группу склоняемыхъ словъ представляютъ мѣстоименія. Хотя ихъ число очень незначительно въ сравненіи съ именами (въ ц. слав. было 31 мѣст.), однако мы можемъ отличить здѣсь два довольно самостоятельныхъ склоненія:

1. склоненіе мѣстоименій неродовыхъ: **аѯъ, ты, сѧ**;
2. „ „ родовыхъ, съ основами:

α) твердыми и β) мягкими.

26. Схема склоненія мѣстоименій неродовыхъ имѣетъ слѣдующій видъ:

	Единств. число.			*Двойств. число.*		*Множ. число.*	
им.	азъ	ты		вѣ / на	ва	мы	вы
вин.	ма	та	са			ны	вы
род.	мене	тебе	себе	наю	ваю	насъ	васъ
мѣст.	мнѣ	тебѣ	себѣ			насъ	васъ
дат.	мнѣ	тебѣ	себѣ	нама	вама	намъ	вамъ
твр.	мъноѫ	тобоѫ	собоѫ			нами	вами.

Въ энклитической роли встрѣчаются еще формы дат. ед. ми, ти, си, соотвѣтствующія греч. μοί, σοί, οἱ.

27. Главное отличіе перваго мѣстоименнаго склоненія заключается: 1. въ разнообразіи основъ отдѣльныхъ падежей и чиселъ; 2. въ древности нѣкоторыхъ флексій, напр. род. мн. насъ, васъ; 3. въ смѣшеніи характеристическихъ чертъ склоненія 4-го (мене: камене) и второго (мнѣ: женѣ; мъноѫ: женоѫ; вѣ: вѣдовѣ; нама: женама; мы: сламы; ны: жены; намъ: женамъ; нами: женами).

28. Схема склоненія мѣстоименій родовыхъ можетъ быть представлена въ изгибахъ трехъ образцовъ: 1. тъ; 2. сь; 3. и.

Единственное число.

	муж. рода			средн. рода			женск. рода		
им.	тъ	сь	и	то	се	є	та	си	и
вин.	тъ	сь	и				тѫ	сиѫ	ѭ
род.	того	сего	іего	того	сего	іего	тоѭ	сеѭ	іеѭ
мѣст.	томь	семь	іемь	томь	семь	іемь	тои	сеи	иеи
дат.	томоу	семоу	іемоу	томоу	семоу	іемоу	тои	сеи	иеи
твр.	тѣмь	симь	имь	тѣмь	симь	имь	тоѭ	сеѭ	іеѭ.

Двойственное число.

им. вин.	та	сиѫ	и	тѣ	си	и	тѣ	си	и
рд. мѣст.	тою	сею	ею	тою	сею	ею	тою	сею	ею
дат. твр.	тѣма	сима	има	тѣма	сима	има	тѣма	сима	има.

Множественное число.

им.	ти	си	и	та	си	ꙗ	ты	сиѧ	ꙗ
вин.	ты	сиѧ	ꙗ	та	си	и	ты	сиѧ	ꙗ
рд.	тѣхъ	сихъ	ихъ	тѣхъ	сихъ	ихъ	тѣхъ	сихъ	ихъ
мѣст.	тѣхъ	сихъ	ихъ	тѣхъ	сихъ	ихъ	тѣхъ	сихъ	ихъ
дат.	тѣмъ	симъ	имъ	тѣмъ	симъ	имъ	тѣмъ	симъ	имъ
твр.	тѣми	сими	ими	тѣми	сими	ими	тѣми	сими	ими.

29. По 1-му образцу (тъ) склоняются мѣстоименія съ твердыми согласными позвуками основъ, напр. **онъ, окъ, инъ, самъ, сикъ, ѩкъ, такъ, какъ, коликъ, вьсѩкъ, обоѩкъ, ѥтєръ, ѥдинъ, мъногъ, дъва, оба, къто;**

по 2-му образцу (сь)—мѣстоименія съ мягкими согласными позвуками основъ, напр. **вьсь, сиць, нашь, вашь, чьто;**

по 3-му же образцу (и)—мѣстоименія съ основами, исходящими на полусогласный іотъ, напр. **мои, свои, чьи, къи, дъвои, обои, трои.**

30. Различіе склоненія основъ типа **тъ** съ одной стороны, а типа **сь** или **и** съ другой объясняется уподобляющимъ дѣйствіемъ мягкихъ тематическихъ позвуковъ на флексивные гласные, при чемъ **Ъ** переходитъ въ **Ь** или **И** (тъ—сь, и=ji), **О** въ **Є** (то—сє), **Ѣ** въ **И** (тѣмь—симь; но: **вьсѣмь, вьсѣхъ, вьсѣми!**), **А** въ **И** (та—си), **Ы** въ **А** (ты—ꙗ). Другія различія объясняются ассибилирующимъ вліяніемъ узкихъ флексивныхъ гласныхъ на заднеязычные согласные основъ, напр. **цѣмь, тацѣмь, вьсѩцѣмь, ции, ѥлици, вьсѩци,** вм. **кѣмь, кии** и т. п.

31. Въ склоненіи мѣстоим. **къто, чьто** замѣчательны: во 1. отпаденіе нароста **то** въ косвенныхъ падежахъ; во 2. отсутствіе родового и числового движенія, и въ 3. архаичная флексія въ род. ед. на **со** (**чьсо**), которая по своей одиночности стала чувствоваться тематическимъ элементомъ, какъ видно изъ формъ: **чьсого, чьсомоу**, по аналогіи **кого, комоу** и т. п. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстоименіяхъ также встрѣчаются частичные наросты, напр. **иже, къждо, тъжде, онъсица, онѣмъжи** и т. п. Эти привѣски остаются впрочемъ и въ косвенныхъ падежахъ: **ѥгоже, ѥмоуже** и т. п.

32. Звуковыя требованія, сила аналогіи и дифференцировка формъ совпавшихъ обнаружились и въ мѣстоименныхъ склоненіяхъ многочисленными отступленіями отъ приведенныхъ нормъ. Такъ напр. формы: **кыи, уии** рядомъ съ **къи, уьи** объясняются измѣненіемъ звукового значенія позвучнаго **И**, при чемъ слово, сокращаясь на одинъ слогъ съ конца, растягивалось въ замѣнъ того въ коренномъ слогѣ, подобно тому, какъ изъ двусложныхъ: **сънъ, дьнь** сдѣлались односложные: **сонъ, день**. Звуковыми же процессами объясняется появленіе и третьей пары тѣхъ же формъ: **кои, уеи**, которую можно считать перезвукомъ либо изъ **къи, уьи** (**ъ**=**о**; **ь**=**є**), либо изъ **кыи, уии** (для диссимиляціи). Стяженіемъ сосѣднихъ гласныхъ, раздѣленныхъ іотомъ, объясняется появленіе формъ: **моѩ, твоѩ, своѩ** вм. **моюѩ, твоюѩ, своюѩ; твоѭ** вм. **твоюѭ**; **мою, свою** вм. **моюю, своюю**; **мои, твои, свои** вм. **моюи, твоюи, своюи**; **си ношти** вм. **сеи ношти**; **сѭ** вм. **сиѭ**. Наконецъ и формы: **ꙁань, нань** вм. **ꙁа и, на и** объясняются превращеніемъ позвучнаго **И** въ **Ь**, вслѣдствіе энклитической роли указательнаго мѣстоименія при предлогахъ и происходящаго отсюда ослабленія позвучнаго гласнаго.

33. Вліяніе аналогіи смежныхъ тематическихъ и флексивныхъ формъ въ склоненіи мѣстоименій выражается въ слѣдующихъ отступленіяхъ отъ вышеуказанныхъ нормъ:

а) вин. ед. **мене, тебе, себе** вм. **мѧ, тѧ, сѧ** по аналогіи род. ед. **мене, тебе, себе**;

б) им. и вин. дв. 1 л. **ны** (вм. **въ, на**) и 2 л. **вы** (вм. **ва**) по аналогіи мн. ч. **ны, вы**;

в) **уего** вм. **уьсо** по аналогіи **сего, вьсего** и т. п.;

г) **дъвоу** вм. **дъвою** по аналогіи 1, 2 и 4 имен. склоненій;

д) **тѧ** вм. **ты** въ им. и вин. мн. по аналогіи **ѩ, сиѩ**;

е) им. мн. **кои** вм. **ции** по аналогіи формъ: **кои, коіего, коіему** и т. п.;

ж) вин. ед. **іеѭ** вм. **иѭ** по аналогіи формъ: **іеѩ, іеи, іеѭ** и т. п.;

з) род. **вьсѣкы льсти** и твор. **вьсѣками мѫками** по аналогіи 2-го именного склоненія.

34. Что касается наконецъ пріема дифференцировки формъ, то его можно видѣть въ двойственности формъ дат. ед: **мьнѣ, тебѣ, себѣ** и **ми, ти, си**, въ зависимости отъ оттѣнковъ значенія этихъ формъ.

35. Третью наконецъ группу склоняемыхъ формъ представляютъ прилагательныя членныя, образованныя изъ сочетанія флексій именныхъ съ мѣстоименными. Схема этого сложнаго склоненія видна изъ падежныхъ изгибовъ слѣдующихъ трехъ образцовъ: 1. **добръıи**; 2. **доблии**; 3. **велии.**

Единственное число.

	мужескій родъ			средній родъ
им. вин.	**добръıи**	**доблии**	**велии**	**доброє доблѣє велиѣє**
род.	**добраѥго**	**доблиѥго**	**велиѥго**	какъ муж. р.
мѣст.	**добрѣѥмь**	**доблиимь**	**велиимь**	то же
дат.	**доброуѥмоу**	**доблюѥмоу**	**велиюѥмоу**	то же
твр.	**добръıимь**	**доблиимь**	**велиимь**	то же

женскій родъ

им.	**добраѧ**	**доблиѧ**	**велиѧ**
вин.	**добрѫ̀**	**доблѭ̀**	**велиѭ̀**
род.	**добръıѧ**	**доблıѧ**	**велиıѧ**
мѣст.	**добрѣи**	**доблии**	**велии**
дат.	**добрѣи**	**доблии**	**велии**
твр.	**добрѫ̀**	**доблѭ̀**	**велиѭ̀**

Двойственное число.

	мужескій родъ			средній родъ	женс. родъ
им. вин.	**добраа**	**доблиа**	**велиа**	**доброє доблѣє велиѣє**	какъ средній
рд. мѣст.	**доброую**	**доблюю**	**велиюю**	какъ мужс.	какъ муж.
дат. твр.	**добръıима**	**доблиима**	**велиима**	какъ мужс.	какъ муж.

Множественное число.

им.	**добрии**	**доблии**	**велии**	**добраа**	**доблиа**	**велиа**	**добръıѧ,**
вин.	**добръıѧ**	**доблıѧ**	**велиıѧ**				**доблıѧ,** **велиıѧ**

рд.	**добрыихъ доблиихъ велиихъ**	какъ муж.	какъ м.
мѣст.	**добрыихъ доблиихъ велиихъ**	то же	то же
дат.	**добрыимъ доблиимъ велиимъ**	то же	то же
твр.	**добрыими доблиими велиими**	то же	то же.

36. По 1-му образцу склоняются членныя прилагательныя съ твердымъ позвукомъ основъ, по 2-му—съ мягкимъ, по 3-му же—съ іотовымъ позвукомъ.

37. Звуковыми условіями объясняются слѣдующія отступленія отъ склоненія представленныхъ образцовъ:

а) Параллельно съ формами: **добрыи, доблии, добрыихъ, доблиихъ** и т. п., мы встрѣчаемъ болѣе древнія, но вымирающія уже на разсвѣтѣ славянской письменности формы: **добрьи, добльи, добрьихъ, добльихъ** и т. п. Точкою отправленія въ этомъ превращеніи группъ: **ъ+и, ь+и** въ группы: **ы+и, и+и** были, вѣроятно, формы им. ед., гдѣ позвучный **И** могъ ослабѣть до роли полусогласнаго **Й**, при чемъ предыдущій слогъ долженъ былъ усилиться. Когда флексія **ыи, ии** окрѣпла въ им. ед., то она могла распространиться отсюда и на остальные падежи всѣхъ чиселъ, гдѣ лишь встрѣчалась первоначально флексивная группа **ъ(ь)+и.**

б) Изъ архаичныхъ флексій **ъ(ь)+и** въ им. ед. могла затѣмъ выработаться непосредственно (**ъ=о; ь=е**), или черезъ посредство формъ **ыи, ии**, сложная флексія **ои, еи**, напр. **сватои, вѣуьнои, крѣплеи, оукрашеи**, которая особенно характерна для русскаго языка.

в) Во флексіяхъ род. и дат. ед. произошло уподобленіе, а затѣмъ стяженіе смежныхъ гласныхъ, причемъ изъ **аіего** чрезъ **аго** образовалось **аго**, а изъ **оуѥмоу** чрезъ **оуоумоу—оумоу**, напр. **вѣуьнаго, живаго, неуистоуоумоу, просштюмоу.**

г) Въ позднѣйшемъ ц. слав. стяженіе произошло во флексіяхъ и другихъ падежей, напр. **добрѣмь, доблимь** вм. **добрѣѥмь, доблиимь; добрымь, доблимь** вм. **добрыимь, доблиимь; добрыхъ, доблихъ** вм. **добрыихъ, доблиихъ** и т. п.

д) Спорадически встрѣчаются въ древнеболгарскихъ памятникахъ и случаи расподобленія смежныхъ гласныхъ флексій, напр. **въ дворѣ стѣмь его; въ цр҃ствии нб҃снѣмь** и т. п.

е) Двойственность формъ: **сътворьшаа** и **сътворьшиа**, **добрѣишаа** и **добрѣишиа**, **хвалѧштаа** и **хвалѧштиа** объясняется также чисто звуковымъ процессомъ, а именно стяженіемъ **А** въ **И** въ мягкихъ слогахъ, какъ это мы видѣли и въ именахъ 2-го скл. **богъıни, рабъıни** и т. п.

38. Вліяніе аналогіи обнаруживается въ сложномъ склоненіи со стороны какъ именныхъ, такъ и мѣстоименныхъ формъ. Это видно напр. въ склоненіи прилагательныхъ и причастій членныхъ съ суффиксами: **ъш, ьш, ѣиш, ѧшт** въ формахъ им. ед. и мн. **пекъıи** (и **пекъи**), **пекъшеи**; **сътворıи** (и **сътворьи**), **сътворьшеи**; **колıи, кольшеи**; **добрѣи, добрѣишеи**; **хвалѧıи, хвалѧштеи**. Въ отпаденіи суффикса въ им. ед. муж., а иногда и средняго рода (**горює, мьнює**), а также въ появленіи характерическаго **Є** въ им. мн. слѣдуетъ видѣть вліяніе именныхъ формъ 4 склоненія. Вліяніе же мѣстоименнаго склоненія отразилось въ формахъ: доброго, добромоу, доброи, добромъ, доброю вм. **добраго, доброѹоумоѹ, добрѣюи, добрѫ**, по аналогіи: **того, томоѹ, тои, томь, тѫ**, а синего, синему, синей, синемъ, синею по аналогіи: **сего, семоѹ, сеи, семь, сею**.

39. Есть впрочемъ примѣры и обратнаго воздѣйствія формъ членныхъ на мѣстоименныя, напр. въ род. ед. жен. р. **инъıа рабы** вм. **иноѫ**; **тъıа, такъıа** какъ **добръıа**; въ род. ед. муж. **онаго, єдинаго, толикаго** какъ **добраго** (изъ **добраıего**).

40. Сравнивая систему склоненій новославянскихъ съ древнимъ ц. слав., мы замѣтимъ значительныя измѣненія, обусловленныя то звуковыми процессами, то нивеллирующимъ дѣйствіемъ грамматической аналогіи. Вслѣдствіе напр. оглохновенія позвучныхъ еровъ, флексія им. и вин. ед. основъ О, Е, И муж. и жен. р. превратилась въ нуль, если она не была подновлена какими либо вторичными процессами, какъ это случилось въ вин. ед. словъ одушевленныхъ. Не менѣе переворотовъ произведено измѣненіемъ первоначальной природы юсовъ, а также

смѣшанныхъ гласныхъ Ѣ и Ы. Но и флексіи съ чистыми гласными (А, О, Є, У, І) подверглись значительнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ то твердыхъ, то мягкихъ согласныхъ. Всего ярче это видно при сравненіи надежныхъ формъ ц. слав. **знаменіе** и чеш. znamení:

	Единственное число.		*Множественное число.*	
им. зв. вин.	**знаменіе**	znamení	**знаменія**	znamení
рд.	**знаменія**	znamení	**знаменій**	znamení
мѣст.	**знаменіи**	znamení	**знаменіихъ**	znameních
дат.	**знаменію**	znamení	**знаменіемъ**	znamením
твр.	**знаменіимь**	znamením	**знаменіи**	znamení mi.

Аналогичнымъ путемъ болгарское нарѣчіе дошло до полной почти неподвижности флексивной формы ед. и мн. чиселъ.

41. Впрочемъ на діалектическое измѣненіе первоначальной системы славянскихъ склоненій съ неменьшей силой дѣйствовали и психическіе факторы, а именно взаимодѣйствіе смежныхъ тематическихъ и флексивныхъ формъ, въ направленіи то притягательномъ, то отталкивающемъ. Въ русскомъ языкѣ основы О, Е и А рѣшительно восторжествовали надъ всѣми остальными, благодаря конечно своему численному перевѣсу надъ основами У, І и согласными. Такъ напр. въ род. ед. мы теперь говоримъ: сына, звѣря, камня, неба, чуда, даже — меня, тебя, себя, вм. **сыноу, зкѣри, камене, небесе, чоудесе, мене, тебе, себе** и т. п. Побѣда же основъ А выразилась въ формахъ множ. ч.: рабамъ, гостямъ, камнямъ, чудесамъ; рабами, гостями, камнями, чудесами; рабахъ, гостяхъ, камняхъ, чудесахъ, вм. **рабомъ, гостьмъ, каменьмъ, чоудесьмъ** и т. п. Такъ же слѣдуетъ, кажется, объяснять и им. рабы, дубы, домы, вм. **раби, джби, домове**, по аналогіи формъ: **бабы, вѣдьмы** и т. п. Формы 3-го склоненія во многихъ случаяхъ притянули къ себѣ смежныя формы 4-го склоненія, напр. род. ед. имени, матери, церкви, дитяти, вм. **имене, матере, црькъве, дитате**. Взаимодѣйствіе

же флексій можно видѣть въ сліяніи формъ им. и зват. нетолько въ дв. и мн. ч., что было уже и въ ц. слав., но и въ ед. ч., особенно въ великорусскихъ и словинскихъ говорахъ. Въ сербскомъ совпали въ одной общей формѣ дат., мѣст. и твор. мн. ч., напр. жѐнама, јѐленима, кѣрима и т. п. Формы дв. ч. почти повсемѣстно подведены подъ аналогію формъ м. ч., за исключеніемъ словинскаго и лужицкихъ нарѣчій, гдѣ дв. число сохранилось. Въ русскомъ отъ него уцѣлѣли лишь осколки, въ формахъ напр. двѣ, обѣ, двоюродный, троюродный, двумя, тремя, за столами за дубовыма и т. п. Что касается наконецъ флексивныхъ новообразованій, вызванныхъ потребностію дифференцировать тожественныя формы при расходящихся значеніяхъ, то къ нимъ можно отнести формы род. и предл. ед. на У, рядомъ съ древними формами на А и Ѣ, напр. долга и долгу (officii и debiti), духа и духу (spiritus и odoris), дома и дому (domi, domus), о верхѣ, наверху; о низѣ, нанизу; налету, наскоку; затѣмъ формы им. мн. на И, Ы и А, напр. образы и образа (modi и imagines), мѣхи и мѣха (folles и pelles), колѣни и колѣна (genu и generatio), даже колѣнья (articulus plantae) и т. п. Къ новообразованіямъ же принадлежитъ до извѣстной степени и употребленіе въ рус. языкѣ именныхъ формъ прилагательнаго въ предикативной роли, а членныхъ—въ аттрибутивной. Конечно, и въ ц. слав. существовали обѣ формы; но онѣ не были строго дифференцированы по значенію, почему древнѣйшій слой прилагательныхъ и исчезъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ формъ имен. п., уцѣлѣвшихъ въ роли сказуемаго.

§ 19.

Система спряженій.

1. Такъ какъ спряженіе есть не что иное, какъ система сочетанія глагольныхъ основъ съ глагольными же флексіями, то очевидно, что классы и подклассы славянскаго спряженія дол-

жны соотвѣтствовать системѣ славянскихъ глагольныхъ основъ, которая можетъ быть изображена въ слѣдующемъ видѣ:

Классы		Первая основа	Вторая основа		Примѣры		Подклассы	
		суфф.	суфф.	флекс. 2 л. наст.	инфинит.	2 л. наст. из.		
I	I	нуль	нуль	си	ѥсти	ѥси	1	
		,,	,,	ѥши (ѥши)	нести	несеши	2	
II	II	нж (нуль)	н	ѥши	двигнжти	двигнеши	3	
III	III	а	а	ѥши	дѣлати	дѣлаѥши	4	
		,,	j	ѥши	писати	пишеши	5	
		,,	нуль	ѥши	ꙁѣвати	ꙁовеши	6	
IV	IV	ова (ева)	у (ю)	ѥши	ликовати воюѥвати	ликоуѥши воюѥши	7	
V	V	ѣ	ѣ	ѥши	оумѣти	оумѣѥши	8	
		,,	н, j (нуль)	иши	горѣти	гориши	9	
	VI	и	н, j (нуль)	иши	любити	любиши	10	

Такъ получается система славянскаго спряженія въ VI классахъ и 10 подклассахъ или различіяхъ, изъ коихъ 1-ое соотвѣтствуетъ по флексіямъ группѣ такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ, 2 и 8-ое древнему первому спряженію (Смотрицкаго) на **ѥши**, а 9 и 10-ое древнему второму спряженію на **иши**. По взаимному же соотношенію первой и второй основъ, различія 1, 2, 4 и 8-ое могутъ быть названы спряженіемъ однотемнымъ, а различія 3, 5, 6 и 7-ое—спряженіемъ разнотемнымъ.

2. Схема спряженія глаголовъ перваго различія имѣетъ слѣдующій видъ.

Изъявительнаго накл. настоящее время.

Ед. 1 л.	ѥсмь	имь	дамь	вѣмь
2 л.	ѥси	иси	даси	вѣси
3 л.	ѥсть	исть	дасть	вѣсть

Дв. 1 л.	ѥсвѣ	ѣвѣ	давѣ	вѣвѣ
2 л.	ѥста	ѣста	даста	вѣста
3 л.	ѥсте	ѣсте	дасте	вѣсте
Мн. 1 л.	ѥсмъ	ѣмъ	дамъ	вѣмъ
2 л.	ѥсте	ѣсте	дасте	вѣсте
3 л.	сѫть	ѣдать	дадать	вѣдать.

Повелительное наклоненіе.

Ед. 2 и 3 лл.	ѣжды	даждь	вѣжды
Дв. 1 л.	ѣдивѣ	дадивѣ	вѣдивѣ
2 и 3 лл.	ѣдита	дадита	вѣдита
Мн. 1 л.	ѣдимъ	дадимъ	вѣдимъ
2 и 3 лл.	ѣдите	дадите	вѣдите.

Остальныя формы четырехъ архаичныхъ глаголовъ мало отличаются отъ нормальныхъ во 2-мъ различіи I-го и отчасти въ 8-мъ раз. V-го класса. Такъ напр. прич. наст. дѣств. **сы, ѣды, ды, вѣды** аналогичны формамъ: **несы, веды, гребы**; прич. наст. страдат. **ѣдомъ, дадомъ, вѣдомъ** не отличаются отъ **ведомъ, несомъ**; преходящее **ѣахъ** и **ѣяхъ, ѣжды**ахъ, **ѣдя**ахъ, **да**дяхъ, **вѣдя**ахъ спрягается какъ **веды**ахъ, **неся**хъ; аористъ **ѣхъ, ѣхъ, ѣсъ** и **ѣдохъ, дахъ** и **вѣдѣхъ** какъ **рѣхъ, вѣсъ, ведохъ, сѣдѣхъ**; повелит. **ѣжди** какъ **веди, ходи**; прич. прош. I дѣйств. **ѣдъ, ѣвъ, давъ, вѣдѣвъ** какъ **ведъ, бивъ, сѣдѣвъ**; прич. прош. II дѣйств. **ѣлъ, ялъ, далъ, вѣдѣлъ** какъ **билъ, велъ, имѣлъ**; прич. прош. страд. **ѣденъ, данъ, вѣдѣнъ** какъ **веденъ, кланъ, трьпѣнъ**; инфин. **ѣти, ясти, дати, вѣдѣти** какъ **бити, нести, клати, имѣти**; а наконецъ супинъ **ѣтъ, ястъ, датъ, вѣдѣтъ** какъ **битъ, вестъ, клатъ, имѣтъ.**

3. Къ числу архаичныхъ, кажется, формъ 1-го различія относятся еще три, встрѣчающіяся спорадически въ средѣ формъ новаго образованія, а именно:

1. **имаамь** и **имамь**, но **имааши, имаать**;
2. **обрѣси**, но и **обращеши** и **обрѣтаеши**;
3. **въстаси**, но и **въꙁстанеши, въꙁстаеши**;
4. **виждь**, но **виждж, видиши.**

4. Глаголъ существительный отличается отъ всѣхъ остальныхъ многочисленностью темъ, входящихъ въ его спряженіе, представляя въ этомъ аналогію съ мѣстоименіемъ I-го лица. Такъ уже наст. вр. изъявит. н. имѣетъ собственно двѣ основы: 1. **ѥс** и 2. **с**, изъ коихъ послѣдняя сочетается съ оригинальной флексіей **мъ**, вм. **ать** всѣхъ остальныхъ архаичныхъ глаголовъ. Затѣмъ въ спряженіе формъ прозенціальной основы врывается основа 3. **бжд** (**бждѫ, бжди, бждꙑ, бждѣхъ**), представляющая видоизмѣненіе инфинитивной основы 4. **бꙑ** (**бꙑти, бꙑтоу, бꙑтъ, бꙑвъ, бꙑхъ**), отъ которой происходятъ еще основы 5. **би** (аор. **бимъ, би, би; бивѣ, биста, бисте; бихомъ, бисте, бишѧ**), 6. **бѣ, бѫ** (преход. **бѣахъ, бѣше** и **бѫахъ, бѫше** и т. д. и **бѣхъ, бѣ, бѣ; бѣховѣ, бѣста, бѣсте; бѣхомъ, бѣсте, бѣшѧ**), 7. **б** (**бѫ** вм. **бꙑшѧ**) и наконецъ 8. **бꙑш** (прич. буд. дѣйств. **бꙑшѫштеѥ**). Происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ можетъ быть объяснено болѣе или менѣе удовлетворительно. Такъ напр. 2-я образована отпаденіемъ коренного гласнаго, какъ и лат. sum, sunt; 3-я инезаціей корня, какъ въ **садѫ, лагѫ, обрѧштѫ**, и присоединеніемъ тематическаго нароста **д** (какъ **идѫ, ждѫ**), аналогичнаго греч. θ въ аор. страд. залога; 4-ая основа есть славянское видоизмѣненіе праарійской bhu; 8-ая же образована изъ 4-ой присоединеніемъ характера будущаго времени **Ш** или **С** (ср. греч. ἔσομαι, δώσω, лат. его). Что же касается основъ 5 (**би**), 6 (**бѣ, бѫ**) и 7 (**б**), то хотя происхожденіе ихъ изъ **бꙑ** несомнѣнно, однако трудно объяснить его путемъ чисто фонетическимъ. Тутъ могли дѣйствовать и нѣкоторыя психическія условія, напр. потребность расподобленія формъ разнозначащихъ и уподобленія — близкихъ по функціямъ.

5. Со стороны флексій въ средѣ формъ архаичнаго спряженія заслуживаютъ особеннаго упоминанія окончаніе аориста 1 л. ед. **ѫъ бимъ** и наст. врем. 1 л. **ѫъ вѣдѣ, исповѣдѣ, оувѣдѣ**, вмѣсто ожидаемыхъ по аналогіи формъ: **ѫъ бихъ** и **ѫъ вѣмь** либо **ѫъ вѣдѫ**. Первую форму сравниваютъ съ греч. ἔφυν, а вторую съ греч. οἶδα. Совершенно изолированно стоитъ въ ц. слав. и форма инфинит. **бꙑтоу**, которая встрѣчается изрѣдка параллельно съ нормальною **бꙑти**.

6. Схема спряженія глаголовъ 2-го различія видна изъ изгибовъ слѣдующихъ восьми образцовъ: 1. ведж; 2. несж; 3. гребж; 4. пекж; 5. пьнж; 6. мьрж; 7. колж, и 8. бијж.

Изъявит. накл. настоящее время.

Ед. 1 л.	ведж	несж	гребж	пекж	пьнж	мьрж	колж	бијж
2 л.	веде-[ши	несе-[ши	гребе-[ши	пеуе-[ши	пьне-[ши	мьре-[ши	колје-[ши	бије-[ши
3 л.	ведеть	несеть	гребеть	пеуеть	пьнеть	мьреть	колјеть	бијеть
Дв. 1 л.	ведевѣ	несевѣ	гребевѣ	пеуевѣ	пьневѣ	мьревѣ	колјевѣ	бијевѣ
2 л.	ведета	несета	гребета	пеуета	пьнета	мьрета	колјета	бијета
3 л.	ведете	несете	гребете	пеуете	пьнете	мьрете	колјете	бијете
Мн. 1 л.	ве-[демъ	не-[семъ	гре-[бемъ	пе-[уемъ	пьнемъ	мьремъ	ко-[лјемъ	би-[јемъ
2 л.	ведете	несете	гребете	пеуете	пьнете	мьрете	колјете	бијете
3 л.	веджть	несжть	гребжть	пекжть	пьнжть	мьржть	колжть	бијжть

Повелительное наклоненіе.

Ед. 2 и 3 лл.	веди	неси	греби	пьци	пьни	мьри	коли	бии
Дв. 1 л.	ведевѣ	несъ-[вѣ	гребъ-[вѣ	пьцѣ-[вѣ	пьнъ-[вѣ	мьрѣ-[вѣ	колѣ-[вѣ	бијѣ-[вѣ
2 и 3 л.	ведѣта	несѣта	гребѣта	пьцѣта	пьнѣта	мьрѣта	колѣта	бијѣ-[та
Мн. 1 л.	ве-[дѣмъ	не-[сѣмъ	гре-[бѣмъ	пьцѣмъ	пьнѣмъ	мьрѣмъ	ко-[лѣмъ	би-[јѣмъ
2 и 3 л.	ведѣте	несѣте	гребѣте	пьцѣте	пьнѣте	мьрѣте	колѣте	бијѣ-[те.

Прич. настоящаго времени.

дѣйств.	ведъ	несъ	гребъ	пекъ	пьнъ	мьръ	колж	бијж
страдат.	ве-[домъ	не-[сомъ	гребомъ	пекомъ	пьномъ	мьромъ	ко-[лјемъ	би-[јемъ.

Изъявит. накл. преходящее время.

Единственное число.

1.	веди-[ахъ	неси-[ахъ	греби-[ахъ	пеуа-[ахъ	пьни-[ахъ	мьри-[ахъ	коли-[ахъ	бии-[ахъ

2.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅аше	⁅аше	⁅аше	⁅аше	⁅аше	⁅аше	⁅аше	⁅аше
3.			Т	о	ж		е.	

Двойственное число.

1.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ	⁅аховѣ
2.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅аста	⁅аста	⁅аста	⁅аста	⁅аста	⁅аста	⁅аста	⁅аста
или	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета	⁅ашета
3.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте
или	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете.

Множественное число.

1.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ	⁅ахомъ
2.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте	⁅асте
или	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете	⁅ашете
3.	ведѫ-	несѫ-	гребѫ-	пеѵѫ-	пьнѫ-	мьрѫ-	колѫ-	бѫ-
	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж	⁅ахж.

Изъявит. накл. аористъ 2-ой.

Ед.	1.	ведъ	несъ	гребъ	пекъ
	2.	беде	несе	гребе	пеѵе
	3.	беде	несе	гребе	пеѵе
Дв.	1.	ведовѣ	несовѣ	гребовѣ	пековѣ
	2.	ведета	несета	гребета	пеѵета
	3.	ведете	несете	гребете	пеѵете
Мн.	1.	ведомъ	несомъ	гребомъ	пекомъ
	2.	ведете	несете	гребете	пеѵете
	3.	ведѫ	несѫ	гребѫ	пекѫ.

Аористъ 1-ой сигматическій.

Ед. 1.	вѣсъ	нѣсъ	грѣсъ	пасъ
Дв. 1.	вѣсовѣ	нѣсовѣ	грѣсовѣ	пасовѣ
2.	вѣста	нѣста	грѣста	паста
3.	вѣсте	нѣсте	грѣсте	пасте
Мн. 1.	вѣсомъ	нѣсомъ	грѣсомъ	пасомъ
2.	вѣсте	нѣсте	грѣсте	пасте
3.	вѣса	нѣса	грѣса	паса.

Аористъ 1-ый херовый.

Ед. 1.	ведохъ	несохъ	гребохъ	пекохъ	пахъ	мрѣхъ	клахъ	бихъ
2.	веде	несе	гребе	пеуе	па	мрѣ	кла	би
3.	веде	несе	гребе	пеуе	па	мрѣ	кла	би
Дв. 1.	ведо-	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ	[ховѣ
2.	ведо-	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[ста	[ста	[ста	[ста	[ста	[ста	[ста	[ста
3.	ведо-	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте
Мн. 1.	ведо.	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[хомъ	[хомъ	[хомъ	[хомъ	[хомъ	[хомъ	[хомъ	[хомъ
2.	ведо-	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте	[сте
3.	ведо-	несо-	гребо-	пеко-	па-	мрѣ-	кла-	би-
	[ша	[ша	[ша	[ша	[ша	[ша	[ша	[ша.

Прич. прошедшаго времени.

дѣйств. 1.	ведъ	несъ	гребъ	пекъ	пьнъ	мьръ	клавъ	бивъ
2.	вела	несла	гребла	пекла	пала	мрѣла	клала	била
страд.	ве-	не-	гре-	пе-	патъ	тьренъ	клянъ	битъ
	[денъ	[сенъ	[бенъ	[уенъ		(и трьтъ)	(ко-	(би-
							лѣнъ)	ѣенъ).
Инф.	вести	нести	грести	пешти	пати	мрѣти	клати	бити.
Сущ.	вестъ	нестъ	грестъ	пештъ	патъ	мрѣтъ	клатъ	битъ.

7. По 1-му образцу спрягаются первообразные глаголы съ корнями на т, д, напр. плетж, растж, градж, блюдж;

по 2-му глаголы съ корнями на с, з, напр. пасѫ, грызѫ, отъврьзѫ, вѣньзѫ;

по 3-му глаголы съ корнями на п, б, в, напр. урьпѫ, длъкѫ, живѫ;

по 4-му глаголы съ корнями на к, г, х, напр. текѫ, сѣкѫ, могѫ, врьхѫ;

по 5-му глаголы съ корнями на м, н, напр. дъмѫ, жьмѫ, имѫ, мьнѫ, кльнѫ, плъньнѫ, тьнѫ;

по 6-му глаголы съ корнями на р, напр. пьрѫ, тьрѫ, стьрѫ, дьрѫ;

по 7-му глаголы съ корнями на л, напр. мелѫ, стелѫ;

и наконецъ по 8-му глаголы съ корнями на гласные или полусогласные, напр. уоути-уоуѭ, пити-пиѭ, пѣти-поѭ, литилѣѭ.

8. Для правильнаго пониманія особенностей спряженія глаголовъ 2-го различія нужно имѣть въ виду два обстоятельства: а) смѣшеніе формъ древнихъ съ новыми и б) звукоизмѣненія, обусловленныя фонетическими причинами. Такъ напр. формы аористовъ 2-го и сигматическаго, свойственныя преимущественно глаголамъ первыхъ пяти образцовъ, представляютъ слой болѣе древній, чѣмъ формы аориста хероваго. Затѣмъ въ средѣ послѣднихъ (въ 5-мъ образцѣ) есть опять два оттѣнка, которые мы назовемъ аористами стяженнымъ и растяженнымъ, напр. рѣхъ и рекохъ, обрѣхъ и обрѣтохъ, съвлѣша и съвлѣкоша, расѣша и расѣкоша, сълагъсѧ и сълакохъсѧ. Судя по тому, что формы стяженныя чаще встрѣчаются въ древнѣйшихъ, а растяженныя въ позднѣйшихъ ц. слав. памятникахъ, мы можемъ причислять тѣ къ архаизмамъ, а и эти къ новообразованіямъ языка.

9. Что касается звукоизмѣненій фонетическаго характера въ спряженіи глаголовъ второго различія, то они могутъ быть подведены подъ слѣдующія группы:

а) уподобленіе звуковъ: грызѫ-грысти; отъврьзѫ-отъврьсти; пекѫ-печеніи-пьци; могѫ-можеши-мози; врьхѫ-врьшеши-врьси;

б) распободленіе звуковъ: везѫ-вести; плетѫ-плести;

в) опущеніе звуковъ: сѫть вм. есѫть; ве(д)лъ, плє(т)лъ, шь(д)лъ; поурѣ(п)ти, жи(в)ти, ши(в)ти, плѣ(в)ти;

г) вставка паразитныхъ звуковъ: тепѫ-тепсти; дальѫ-дальбсти; бити-биюши; уоути-уоувенъ; оброути-оброувенъ;

д) замѣнительное усиленіе гласныхъ: несѫ - нѣ(с)съ; грєбѫ-грѣ(б)съ; рєкѫ-рѣ(к)хъ; врьгѫ-врѣ(г)шти; валькѫ-вальѣ(к)шти; талькѫ-тальѣ(к)шти;

е) измѣненіе вокализаціи корней, обусловленное характеромъ окончаній, примѣнительно къ условіямъ градаціоннаго движенія, въ рядахъ:

А: пьци-пекѫ; рьци-рекѫ;

І: цвьтѫ-цвѣсти; чьтѫ-чисти; лити-лѣѭ; пѣти-поѭ;

У: ѯабъвенъ-ѯабыти; оумъвенъ-оумыти; шьвенъ - ши(в)ти; плыти-пловѫ; слыти-словѫ; рюти-рєвѫ; коути-кокомъ;

Р: вьрѫ-врѣти; жьрѫ-жрѣти; стьрѫ-стрѣти, порѫ-прати; мелѫ-млѣти; полѫ-плѣти; стелѫ-стлати; колѫ-клати;

М: дъмѫ-дѫти; жьнѫ-жати; въѯьмѫ-въѯати.

10. Схема спряженія глаголовъ II-го класса (3 различія):

Изъявит. накл. наст. время.

Ед. 1. двигнѫ 2. двигнеши 3. двигнеть;
Дв. 1. двигневѣ 2. двигнета 3. двигнете;
Мн. 1. двигнемъ 2. двигнете 3. двигнѫть.

Повелит. наклоненіе.

Ед. 2 и 3 л. двигни;
Дв. 1 двигнѣвѣ 2. 3. двигнѣта;
Мн. 1 двигнѣмъ 2. 3. двигнѣте.

Прич. наст. время.

дѣйств. двигнъ; страд. двигномъ.

Изъявит. накл. преходящее время.

Ед. 1. двигнлахъ 2. 3. двигнлаше;
Дв. 1. двигнлаховѣ 2. двигнласта (и двигнлашета) 3. двигнласте (и двигнлашете);
Мн. 1. двигнлахомъ 2. двигнласте (и двигнлашете) 3. двигнлахѫ.

Аористъ 2-ой.

Ед. 1.	двигъ	2. движе	3. движе;
Дв. 1.	двиговѣ	2. движета	3. движете;
Мн. 1.	двигомъ	2. движете	3. двигѫ.

Аористъ 1-ый.

Ед. 1.	двигохъ	и	двигнѫхъ
2.	движе		двигнѫ
3.	движе		двигнѫ
Дв. 1.	двигоховѣ		двигнѫховѣ
2.	двигоста		двигнѫста
3.	двигосте		двигнѫсте
Мн. 1.	двигохомъ		двигнѫхомъ
2.	двигосте		двигнѫсте
3.	двигоша		двигнѫша.

Причаст. прошед. время.

дѣйств. 1. двигнѫвъ и двигъ;
2. двигнѫлъ и двигълъ;
страд. двигновенъ и движенъ.

Инфин. двигнѫти. *Супинъ.* двигнѫтъ.

11. Близость спряженія глаголовъ II и I кл. видна въ двойныхъ формахъ инфинитивной основы, изъ коихъ одпѣ сохраняютъ суф. нѫ, а другія отметаютъ его. То же видно и изъ существованія въ этомъ различіи архаическихъ формъ 2-го аориста (напр. двигъ, изъбѣгъ, погыкъ, погразѫ, иштезѫ, навыкомъ), которыхъ мы не найдемъ уже въ средѣ глаголовъ 3-го и всѣхъ слѣдующихъ классовъ.

12. Схема спряженія глаголовъ III класса (4. 5. 6 различій) можетъ быть изображена въ изгибахъ 4 образцовъ:

1. дѣлаѭ; 2. дремлѭ; 3. дѣѭ, и 4. зовѫ.

Изъявит. накл. настоящее время.

Ед. 1.	дѣлаѭ	дремлѭ	дѣѭ	зовѫ
2.	дѣлаѥши	дремлѥши	дѣюши	зовеши
3.	дѣлаѥть	дремлѥть	дѣють	зоветь

Дв. 1.	дѣлаѥвѣ	дремлѥвѣ	дѣѥвѣ	зовевѣ
2.	дѣлаѥта	дремлѥта	дѣѥта	зовета
3.	дѣлаѥте	дремлѥте	дѣѥте	зовете
Мн. 1.	дѣлаѥмъ	дремлѥмъ	дѣѥмъ	зовемъ
2.	дѣлаѥте	дремлѥте	дѣѥте	зовете
3.	дѣлаѭть	дремлѭть	дѣѭть	зовѫть.

Повелит. наклоненіе.

Ед. 2. 3.	дѣлаи	дремли	дѣи	зови
Дв. 1.	дѣлаивѣ	дремлѣвѣ	дѣивѣ	зовѣвѣ
2. 3.	дѣлаита	дремлѣта	дѣита	зовѣта
Мн. 1.	дѣлаимъ	дремлѣмъ	дѣимъ	зовѣмъ
2. 3.	дѣлаите	дремлѣте	дѣите	зовѣте.

Прич. настоящее время.

дѣйств.	дѣлаѩ	дремлѩ	дѣѩ	зовы
страд.	дѣлаѥмъ	(пишемъ)	дѣѥмъ	зовомъ.

Изъявит. накл. преходящее время.

Ед. 1.	дѣлаахъ	дремаахъ	дѣяахъ	зъваахъ
2. 3.	дѣлаашє	дремаашє	дѣяашє	зъваашє
Дв. 1.	дѣлаахова	дремаахова	дѣяахова	зъваахова
2.	дѣлааста	дремааста	дѣяаста	зъвааста
и	дѣлаашета	дремаашета	дѣяашета	зъваашета
3.	дѣлаасте	дремаасте	дѣяасте	зъваасте
и	дѣлаашете	дремаашете	дѣяашете	зъваашете
Мн. 1.	дѣлаахомъ	дремаахомъ	дѣяахомъ	зъваахомъ
2.	дѣлаасте	дремаасте	дѣяасте	зъваасте
и	дѣлаашете	дремаашете	дѣяашете	зъваашете
3.	дѣлаахѫ	дремаахѫ	дѣяахѫ	зъваахѫ.

Аористъ 1-ый.

Ед. 1.	дѣлахъ	дремахъ	дѣяхъ	зъвахъ
2. 3.	дѣла	дрема	дѣя	зъва
Дв. 1.	дѣлахова	дремахова	дѣяхова	зъвахова
2.	дѣласта	дремаста	дѣяста	зъваста
3.	дѣласте	дремасте	дѣясте	зъвасте

Мн. 1.	дѣлахомъ	дремахомъ	дѣмхомъ	зѣвахомъ
2.	дѣласте	дремасте	дѣмсте	зѣвасте
3.	дѣлаша	дремаша	дѣша	зѣваша.

Прич. прошед. время.

дѣйств. 1.	дѣлавъ	дремавъ	дѣвъ	зѣвавъ
2.	дѣлалъ	дремалъ	дѣлъ	зѣвалъ
страд.	дѣланъ	(пьсанъ)	дѣнъ	зѣванъ
Инфин.	дѣлати	дремати	дѣти	зѣвати
Супин.	дѣлатъ	дрематъ	дѣтъ	зѣватъ.

13. По 1-му образцу спрягаются однотемные глаголы на А, напр. желати-желаѭ; сиѭти-сиѭѭ; плѣнити-плѣнѭѭ; вѣштати-вѣштаѭ;

по 2-му обр. двутемные глаголы съ суф. А въ инфинитивной и съ суф. J послѣ согласныхъ въ презенціальной основѣ, напр. стенати-стенѭ; орати-орѭ; кѫпати-кѫплѭ; имати-ѥмлѭ; страдати-страждѭ; клеветати-клевештѭ; свистати-свиштѭ; искати-иштѭ; вазати-важѭ; пьсати-пишѭ; пахати-пашѭ; двигати-движѭ; плакати-плачѭ; клицати-кличѭ;

по 3-му обр. двутемные глаголы съ суф. А въ инфинитивной и съ суф. Й послѣ гласныхъ въ презенціальной основѣ, напр. дѫти-дамъ; ѵѫти-ѵамъ; вѣти-вѣѭ; сѣти-сѣѭ; лѫти-лѣѭ; смѫтитиса-смѣѭса; зѫти-зѣѭ;

по 4-му обр. двутемные глаголы съ суф. А въ инфинитивной и безъ суффикса въ презенціальной основѣ, напр. ръкати-рѣкѫ; ковати-ковѫ и коуѭ; жьвати-жоуѭ; кльвати-клюю; плъвати-плюю; гънати-женѫ; жьдати-жидѫ; тъкати-тъкѫ и т. п.

14. Звукоизмѣненія, которыми обусловлены особенности спряженія глаголовъ образца дремати, будутъ намъ понятны, если мы вспомнимъ изложенное выше (§ 8, 38 сл.) о дѣйствіи іота на предшествующіе согласные. При спряженіи же глаголовъ образцовъ 3-го и 4-го (дѫти и зѫвати) слѣдуетъ помнить вліяніе окончаній на вокализацію корня (§ 7, 39 сл.).

15. Схема спряженія глаголовъ IV кл. исчерпывается двумя образцами: 1. ликовати и 2. воювати.

Настоящее время.

	изъявит. накл.		*повелит. накл.*	
Ед. 1.	ликоуѫ	воюѫ	—	—
2.	ликоуіеши	воюіеши	ликоуи	воюи
3.	ликоуіеть	воюіеть	ликоуи	воюи
Дв. 1.	ликоуіевѣ	воюіевѣ	ликоуивѣ	воюивѣ
2.	ликоуіета	воюіета	ликоуита	воюита
3.	ликоуіете	воюіете	ликоуита	воюита
Мн. 1.	ликоуіемъ	воюіемъ	ликоуимъ	воюимъ
2.	ликоуіете	воюіете	ликоуите	воюите
3.	ликоуѫть	воюѫть	ликоуите	воюите.

Прич. наст. время.

дѣйств.	ликоуѧ	воюѧ
страд.	ликоуіемъ	воюіемъ.

Изъявит. наклон.

	преходящ.		*аористъ 1-й.*	
Ед. 1.	ликоушахъ	воюшахъ	ликовахъ	воювахъ
2 3.	ликоушаше	воюшаше	ликова	воюва
Дв. 1.	ликоушаховѣ	воюшаховѣ	ликовахове	воювахове
2.	ликоушаста	воюшаста	ликоваста	воюваста
и	ликоушашета	воюшашета		
3.	ликоушасте	воюшасте	ликовасте	воювасте
и	ликоушашете	воюшашете		
Мн. 1.	ликоушахомъ	воюшахомъ	ликовахомъ	воювахомъ
2.	ликоушасте	воюшасте	ликовасте	воювасте
и	ликоушашете	воюшашете		
3.	ликоушахѫ	воюшахѫ	ликовашѧ	воювашѧ.

Прич. прошед. время.

дѣйств.	1.	ликовавъ	воювавъ
	2.	ликовалъ	воювалъ
страд.		ликованъ	воюванъ
Инфинит.		ликовати	воювати
Супинъ.		ликоватъ	воюватъ.

По 1-му обр. спрягаются двутемные глаголы съ суф. ова, оу, а по второму—съ суф. ева, ю, напр. именовати-именоую; оутрьневати-оутрьнюю.

16. Схема спряженія глаголовъ V кл. (8 и 9 разл.) можетъ быть изображена въ спряженіи 2 образцовъ: 1. оумѣюши и 2. трьпиши.

Настоящее время.

	изъявит. накл.		*повелит. накл.*	
Ед. 1.	оумѣю	трьпю	—	—
2.	оумѣеши	трьпиши	оумѣи	трьпи
3.	оумѣетъ	трьпитъ	оумѣи	трьпи
Дв. 1.	оумѣевѣ	трьпивѣ	оумѣивѣ	трьпивѣ
2.	оумѣета	трьпита	оумѣита	трьпита
3.	оумѣете	трьпите	оумѣита	трьпита
Мн. 1.	оумѣемъ	трьпимъ	оумѣимъ	трьпимъ
2.	оумѣете	трьпите	оумѣите	трьпите
3.	оумѣютъ	трьпатъ	оумѣите	трьпите.

Прич. настоящее время.

дѣйств.	оумѣя	трьпя
страд.	оумѣемъ	трьпимъ.

Изъявительное накл.

	преходящее вр.		*аористъ 1-ый*	
Ед. 1.	оумѣахъ	трьпѣахъ	оумѣхъ	трьпѣхъ
2. 3.	оумѣаше	трьпѣаше	оумѣ	трьпѣ
Дв. 1.	оумѣаховѣ	трьпѣаховѣ	оумѣховѣ	трьпѣховѣ
2.	оумѣаста	трьпѣаста	оумѣста	трьпѣста
и	оумѣашета	трьпѣашета		
3.	оумѣасте	трьпѣасте	оумѣсте	трьпѣсте
и	оумѣашете	трьпѣашете		
Мн. 1.	оумѣахомъ	трьпѣахомъ	оумѣхомъ	трьпѣхомъ
2.	оумѣасте	трьпѣасте	оумѣсте	трьпѣсте
и	оумѣашете	трьпѣашете		
3.	оумѣахѫ	трьпѣахѫ	оумѣша	трьпѣша.

Прич. прошед. время.

дѣйств. 1.	оумѣвъ	трьпѣвъ
2.	оумѣлъ	трьпѣлъ
страд.	оумѣнъ	трьпѣнъ
Инфинит.	оумѣти	трьпѣти
Супинъ	оумѣтъ	трьпѣтъ.

17. По 1-му образцу спрягаются однотемные глаголы на Ѣ: **синѣти-синѣѭши**; **бѣлѣти-бѣлѣѭши**; по 2-му же обр. двутемные глаголы въ суф. Ѣ въ инфинитивной основѣ и съ суф. И, Ј въ презенціальной, напр. **горѣти-горѩ, гориши**; **велѣти-велѩ, велиши**; **мьнѣти-мьнѩ, мьниши**; **кыпѣти-кыплѩ, кыпиши**; **обидѣти-обиждѩ, обидиши**; **летѣти-лештѩ, летиши**; **висѣти-вишѩ, висиши**.

18. Такъ какъ Ѣ послѣ шипящихъ и іота легко переходитъ въ А, то нѣкоторые глаголы 9 различія имѣютъ въ инфинитивной основѣ сходство съ гл. III кл., напр. **слꙑшати, лежати, млꙋати, тѣштатиса, стоити, боитиса**; но въ презенціальной основѣ это сходство исчезаетъ, напр. **слꙑшиши, млꙋиши** и т. п.

19 При спряженіи глаголовъ образца **трьплѩ** нужно помнить правила о дѣйствіи іота на предшествующіе согласные, напр. **люблѩ** вм. ***любјѩ**, **виждѩ** вм. **видјѩ**.

20. Окончаніе 3 л. мн. ч. наст. вр. **ать** сближаетъ глаголы 9 различія съ архаичными глаголами 1-го различія: **любать, видать**, какъ **даать, издать, вѣдать**. То же увидимъ и въ глаголахъ VI кл. (10 разл.).

21. Форма преходящаго вр. образована въ V-мъ классѣ изъ основы инфинитивной, а не презенціальной: **трьпѣахъ, обидѣахъ, висѣахъ**, а не ***трьплаахъ**, ***обиждаахъ**, ***вишаахъ**.

22. Схема спряженія глаголовъ VI кл. (10 разл.) исчерпывается однимъ образцомъ: **хвалѩ**.

Настоящее время.

	изъявит. накл.	*повелит. накл.*
Ед. 1.	хвалѩ	—
2.	хвалиши	хвали
3.	хвалитъ	хвали

Дв. 1.	хваливѣ	хваливѣ
2.	хвалита	хвалита
3.	хвалитє	хвалита
Мн. 1.	хвалимъ	хвалимъ
2.	хвалитє	хвалитє
3.	хвалѧть	хвалитє

Прич. дѣйст. хвалѧ; страд. хвалимъ.

Изъявительн. наклонен.

	преходящ. вр.	*аористъ 1-ый*
Ед. 1.	хвалѧхъ	хвалихъ
2. 3.	хвалѧше	хвали
Дв. 1.	хвалѧховѣ	хвалиховѣ
2.	хвалѧста	хвалиста
и	хвалѧшета	
3.	хвалѧстє	хвалистє
и	хвалѧшетє	
Мн. 1.	хвалѧхомъ	хвалихомъ
2.	хвалѧстє	хвалистє
и	хвалѧшетє	
3.	хвалѧхѫ	хвалиша.

Прич. прош. ед. врем.

дѣйств. 1. хвалъ, хваливъ; 2. хвалилъ;
страд. хваленъ.
Инфинит. хвалити. *Супинъ.* хвалитъ.

23. Это спряженіе отличается отъ спряженія V кл. образца трѣпѣ (9 разл.) единственно своей первоначальной однотемностію, т. е. сохраненіемъ въ обѣихъ основахъ суф. И и его замѣнъ, напр. дѣлити-дѣлѣ, дѣлиши; творити-творѣ, твориши; цѣнити-цѣнѣ, цѣниши; острити-острѣ, остриши; блажнити-блажнѣ, блажниши; мꙑслити-мꙑслѣ, мꙑслиши; кꙁвити-кажвѣ, кꙁвиши; градити-граждѣ, градиши; рꙁити-ражѣ, рꙁиши; мѫдрити-мѫждрѣ, мѫдриши; доити-доѣ, доиши и т. п.

24. Подобно системѣ склоненій, и въ спряженіяхъ ц. слав. языка, по древнѣйшимъ даже памятникамъ, можно встрѣтить много уклоненій отъ представленныхъ нормъ. Уклоненія эти объясняются отчасти звуковыми превращеніями, отчасти взаимодѣйствіемъ смежныхъ формъ, отчасти же смѣшеніемъ въ памятникахъ формъ вымирающихъ съ зарождающимися.

25. Къ уклоненіямъ, объясняемымъ звуковыми мотивами, принадлежатъ главнѣйше слѣдующія:

а) Употребленіе ъ вм. ь въ 3 л. ед. и мн. наст. вр., напр. **ѥстъ, сѫтъ, беретъ, бержтъ** и т. п. Форма эта очень рано утвердилась въ югославянскихъ (глаголическихъ и кирилловскихъ) кодексахъ и господствуетъ даже въ древнѣйшихъ изъ нихъ такъ рѣшительно, что Миклошичъ и нѣкоторые другіе слависты считаютъ ее нормальною. Но въ тѣхъ же рукописяхъ ъ употребляется вмѣсто ь и во многихъ другихъ случаяхъ, не имѣющихъ этимологическаго оправданія. Поэтому вѣрнѣе дѣлать заключеніе о нормахъ употребленія ъ и ь въ ц. слав. по памятникамъ русскаго, а не югославянскихъ изводовъ; Остромирово же ев. и другіе однородные памятники систематически удерживаютъ ь въ окончаніяхъ: **ѥть, ить, жть, ать**, которыя и должны потому считаться нормальными. Лишь позже и въ русскославянскихъ памятникахъ окончанія эти отвердѣли, т. е. превратились въ **ѥтъ, итъ, утъ, атъ** и наконецъ въ ет, ит, ут, ят. Это отвердѣніе могло произойти какъ чисто фонетическимъ путемъ (подобно напр. окончанію мь въ твр. ед. основъ О, Е, И и нѣкоторыхъ изъ согласныхъ), такъ и отъ дѣйствія аналогіи указательнаго мѣстоименіи **тъ** на 3 л. ед. ч.

б) Употребленіе ѣ вм. и въ окончаніяхъ преходящаго вр.: **бѣдѣахъ, дадѣахъ, ведѣахъ, пьнѣахъ, двигнѣахъ**. Миклошичъ и н. друг. слависты принимаютъ это Ѣ за нормальную принадлежность ц. слав. имперфекта, въ виду того, что оно господствуетъ въ древнихъ югославянскихъ, особенно же глаголическихъ кодексахъ. Но въ послѣднихъ Ѣ и Ꙗ вообще не отличаются. Да и въ кирилловскихъ памятникахъ древнеболгарскаго извода мы очень часто находимъ Ѣ вм. Ꙗ даже А, и наоборотъ,

напр. **ѹѣсъ, ѹѣша, трѣва, зрѣцѣло; прѣжде, нарацати, планѣніе, грѣхъ** и т. п. При такихъ условіяхъ авторитетъ югославянскихъ кодексовъ въ дѣлѣ различенія формъ съ **Ѣ** и **Ꙗ** далеко уступаетъ авторитету русскихъ кодексовъ, въ которыхъ **Ѣ** смѣшивалось, правда, съ **Є**, а кой гдѣ и съ **И**, но никогда почти не смѣшивалось съ **Ꙗ**. На этомъ основаніи мы отдаемъ преимущество востоковской схемѣ спряженія преходящихъ временъ, характеризуемой окончаніемъ **ахъ** или **ахъ**, а не **ѣахъ**. Это подтверждается и самымъ генезисомъ ц. слав. имперфекта: онъ зародился, какъ видно изъ его функцій, на почвѣ глаголовъ III класса, имѣющихъ суф. А и выражающихъ видовой оттѣнокъ дѣйствія незаконченнаго, длительнаго. По аналогіи формъ: **дѣлаахъ, писаахъ, стоиахъ, смѣиахъсѧ** и т. п. сложились и формы: **ѥиахъ, дадиахъ, несиахъ, ликоуиахъ, хваліахъ.** Лишь глаголы V кл., съ суф. **Ѣ**, выражающіе также обыкновенно дѣйствіе незаконченное, сохранили этотъ суф. и въ имперфектѣ, напр. **оумѣахъ, трьпѣахъ**, образованномъ изъ инфинитивной основы. Возможно, что эти формы на **ѣахъ** послужили центромъ тяготѣнія и для нѣкоторыхъ формъ на первоначальное **ахъ**, чѣмъ можетъ отчасти объясняться двойственность окончаній имперфекта и въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ звуки **Ѣ** и **Ꙗ** не совпали въ такой степени, какъ въ говорѣ югославянскихъ праотцевъ глаголицы.

в) Употребленіе флексій **аши, ать** вм. **еши, еть** въ глаголахъ 3 кл., по ассимилирующему вліянію тематическаго А, напр. **имаши, имаать; гнѣваши, съвѣшташи, прѣбываши; подобаать, бываать, въмѣштаать.** Изъ этихъ ассимилированныхъ формъ стяженіемъ двухъ А въ одно, вѣроятно долгое, развились формы: **послоушатє, подабатъ.** Процессъ этотъ аналогиченъ произошедшему въ глаголахъ V и VI кл., гдѣ **съмотримъ, ходитъ** и т. п., развились изъ ***съмотриємъ, ходиєть,** чрезъ **съмотриимъ, ходиитъ**, которыя изрѣдка встрѣчаются въ рукописяхъ.

26. Взаимодѣйствіемъ смежныхъ формъ могутъ быть объяснены слѣдующія отступленія отъ образцовъ ц. слав. спряженія:

а) Въ глаголахъ съ твердыми основами мы встрѣчаемъ нерѣдко нормальныя формы основъ мягкихъ, по вліянію послѣднихъ, напр. прич. наст. дѣйств. **ведѧ, несѧ, гребѧ, пьнѧ, мьрѧ** вм. **ведъı, несъı** и т. д., по аналогіи формъ: **биѭ, колѭ, дѣлаѭ, ликоуѭ, оумѣѭ, трьпѭ, хвалѭ** и т. п.

б) Въ средѣ глаголовъ I-го класса нерѣдко попадаются формы, образованныя по аналогіи II-го кл. и наоборотъ, напр. **стати-станѫ** и **станѫ**; по: **двигнѫти-движенъ** и **двигновенъ, двигълъ** и **двигнѫлъ; погыбнѫти-погыблъ; съгънѫти-съгъбенъ; тагнѫти-тагохъ; оугаснѫти-оугасе, негасомъ** и т. п.

в) Вліяніе формъ III кл. на I-ый видимъ въ словахъ: **сѣти** и **сѣмти, лити** и **лиѭти** и т. п.

г) Во II кл. встрѣчаемъ индѣ формы, ассимилированныя Ш-му кл., напр. **погыбнѫ** и **погыблѫ**; **прозабнеть** и **прозаблѣть; прильпнеть** и **прильплѣть; потопнеть** и **потоплѣть; оугаснеть** и **оугашеть.**

д) Въ Ш кл. взаимодѣйствіе сосѣднихъ различій (4-го и 5-го) отражается въ формахъ: **възискѫ** и **възиштѫ; оугасѫштѧ** и **негашѫштѧ; нарицаѭ** и **нариуѭ.**

е) Въ V кл. (9 разл.) видимъ кой гдѣ формы предшествующихъ различій (2, 4, 5, 6, 7), напр. **видѧште** и **виджште; горѧште** и **горжште; видимъ** и **видомъ; прѣобидимъ** и **прѣобидомъ**, и наоборотъ: **вѣдомъ** и **вѣдимъ** въ I кл.

ж) Въ спряженіи глаголовъ **съпати** и **хотѣти** смѣшаны формы Ш и V кллъ., напр. **съпатъ, съпаахъ, съпавъ, съпалъ** и **съпиши, съпать, съпѧ; хоштѫ, хоштеши, хошти** и **хотать, хота.**

з) Аналогичное смѣшеніе основъ инфинитивныхъ съ презенціальными встрѣтимъ въ формахъ: **плоуѭ** и **пловѫ; коуѭ** и **ковомъ; колѣнъ** и **кланъ; искомъ** и **иштемъ** и т. п.

и) Въ области глагольныхъ флексій дѣйствіемъ аналогіи также объясняются многія формы. Окончанія напр. дв. ч. 2 и 3 лл. дифференцированы въ категоріи рода (муж. **та**, жен. и сред. **тѣ**, вмѣсто древнѣйшихъ **та** въ 2 л. и **те** въ 3 л.) по вліянію мѣстоименій **та, тѣ, тѣ**; то же относится и къ флексіи мн. ч. **мы** вм. **мъ**, напр. **мы несмы, мы вѣмы** и т. п. Флексія

3 л. аор. **тъ** (**житъ, окатъ, оумрѣтъ, прострѣтъ**) также обязана своимъ происхожденіемъ вліянію 3 л. наст. вр.; твердый характеръ этой флексіи можетъ указывать либо на поздній ея возрастъ, либо на стремленіе къ дифференцировкѣ въ области флексивной формъ наст. и прош. времени. Впрочемъ въ формахъ: **бысть, дасть, вѣлѣшеть, оуѵѣлѣшеть, имѣѧхѫть** мы встрѣчаемъ и мягкую форму флексіи 3 л. Быть можетъ, она и древнѣе окончанія **тъ** въ аористахъ: **бить, сѣнѣстъ, клатъ, распатъ** и т. п.

27. Что касается наконецъ смѣшенія на общемъ фонѣ ц. слав. языка формацій древнихъ съ новыми, формъ вымирающихъ съ новообразованіями, то мы видимъ ихъ главнѣйше въ слѣдующихъ явленіяхъ ц. слав. спряженія:

а) Къ остаткамъ вымирающей старины принадлежатъ флексивныя формы глаголовъ: **ѥсмь, вѣмь, дамь, шмь**, а быть можетъ и **имамь, въстаси, окрѣси**, если три послѣднія не образованы позже, по аналогіи 4-хъ первыхъ.

б) Формы аориста второго и сигматическаго перваго, а также формы аор. хероваго стяженнаго представляютъ, какъ показано выше, слой болѣе древній, чѣмъ аористъ херовый растяженный, почему первые господствуютъ въ первообразныхъ глаголахъ I и отчасти II кл., а послѣдній въ производныхъ глаголахъ остальныхъ классовъ.

в) Ц. слав. имперфектъ развился еще позже хероваго растяженнаго аориста и притомъ на почвѣ глаголовъ III и V кл., распространившись отсюда на всѣ остальные классы.

г) Личныя флексіи преходящаго времени 2 и 3 л. дв. и 2 л. мн. ч. соединяютъ въ себѣ по двѣ разноверстныя формы (**кѣаста** и **вѣлѣшета, кѣасте** и **вѣлѣшете**), хронологическое первенство которыхъ одной передъ другою опредѣлить довольно трудно. Вѣроятнѣе однако большая древность тѣхъ, которыя ближе къ формамъ аориста (**ста, сте**), на почвѣ коего и развился славянскій имперфектъ. При такомъ предположеніи формы на **шета, шете** слѣдовало бы разсматривать какъ новообразованія, вызванныя необходимостію дифференцировать двѣ близкія по

звукамъ формы на **аста** и **ата** или **ста**; **аστε** и **ατε**, **στε**.

д) Къ остаткамъ старины принадлежитъ и единственная этимологическая футуральная форма ц. слав. **бꙑшѫште**. Что же касается элемента **С** или **Ш** въ формахъ: **плаcнѫ** отъ **плануѫти**, **къскопꙑcнѫ** отъ **копати**, **тъкꙑcнѫ** отъ **тъкнѫти**, **обрьcнѫ** отъ **брити**, **бѣгасиѫ** отъ **бѣгати**, **ꙁмишѫ** отъ **минѫти**, то звукъ этотъ можно принимать либо за остатокъ характера буд. вр., соотвѣтствующій греч. σ и лат. r въ формахъ δώσω, ego, fuero; либо за паразитную вставку, аналогичную встрѣчаемой въ суф. **сн**, **ꙁн**, **ьск**, **ьств** и т. п., напр. **пѣснь**, **баснь**, **жиꙁнь**, **прикꙁнь**, **бокꙁнь**, **чоꙋвьство**, **дѣиствиѥ**, **коиско** и т. п.

е) Сравнивая причастіи на **омъ**, **ѥмъ**, **имъ**, мы также различаемъ въ ихъ средѣ слой древнѣйшій (**омъ**), средній (**ѥмъ**) и новѣйшій (**имъ**), такъ какъ **ѥмъ** произошло изъ **омъ** по уподобляющему дѣйствію мягкихъ согласныхъ въ позвукахъ основъ, какъ мы это видѣли и въ склоненіи (**вѣко**, но: **лицѥ**); окончаніе же **имъ** должно соединять въ себѣ **и**+**ѥ**, аналогично тому, что мы видѣли и во флексіяхъ индикатива на **иши**, **ить** вм. ***иѥши**, ***иѥть**. До извѣстной степени можно то же сказать и о взаимномъ отношеніи флексій 3 л. мн. на **жть** и **ать**, а также окончаній прич. наст. дѣйств. на **ы** и **а**, ибо **ы**:**а** = **ж**:**а** = **о**:**ѥ**, какъ показано въ фонологіи.

ж) Формы прич. прош. дѣйств. на **ъ(ш)**, **ь(ш)** и **въ(ш)** представляютъ также разновертныя образованія. Элементъ **В** имѣлъ первоначально паразитное значеніе, появляясь при открытыхъ основахъ между двумя смежными гласными, напр. **бивъ**, **клавъ**, **двигнѫвъ**, **дѣлавъ**, **дремавъ**, **ликовавъ**, **оумѣвъ**, **хваливъ**. Лишь впослѣдствіи онъ сталъ чувствоваться функціональной стихіей причастнаго суффикса, появляясь даже въ закрытыхъ основахъ, напр. въ рус. павъ, упавшій, вм. ц. слав. **падъ**. Окончаніе **ьш** составляетъ специфическую принадлежность глаголовъ VI класса; оно чаще встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, тогда какъ другая параллельная форма (1. **хвалль**, 2. **хва-**

ликъ) преобладаетъ въ позднѣйшемъ ц. слав. Что касается соотношенія причастныхъ формъ на ъ(ш) и ь(ш), то оно совершенно аналогично вышеприведенной формулѣ: **ы : а = ж : а = = о : є.**

3) Къ числу архаическихъ формъ принадлежатъ и прич. прош. страд. на **тъ**, которыя встрѣчаются исключительно въ глаголахъ 2-го различія, и то не во всѣхъ, а лишь при открытыхъ основахъ, напр. **патъ, трьтъ, битъ, мытъ**, но: **данъ, ведєнъ, писанъ, хвалѥнъ** и т. п. Быть можетъ, постепенному вымиранію этой формы содѣйствовала и необходимость дифференцировать окончанія прич. и супина, совпадавшія въ формахъ: **патъ, битъ, мытъ** и т. п.

28. Сверхъ исчисленныхъ выше прямыхъ спрягаемыхъ формъ, ц. слав. языкъ имѣлъ еще цѣлый рядъ формъ описательныхъ, составленныхъ изъ соединенія причастій и инфинитивовъ съ личными формами глагола **ѥсмь, бъıти** и нѣкоторыхъ другихъ, опустѣлыхъ по значенію глаголовъ, напр. **имамь, начьнѫ, хощѫ** и т. п. Такъ изъ сочетанія именеглагольныхъ формъ корня **нес** со вспомогательными глаголами получаются описательныя спрягаемыя формы: **неса ѥсмь, бѣахъ, бъıхъ, бѫдѫ; несомъ ѥсмь, бѣахъ, бъıхъ, бѫдѫ; неслъ ѥсмь, бѣахъ, бъıхъ, бѫдѫ; нести бѫдѫ, имамь, начьнѫ, хощѫ** и т. п. Нерѣдко одна личная форма вспомогательнаго глагола соединяется и съ двумя именеглагольными, напр. **посълалъ ѥсмь бъıлъ; прѣданъ имать бъıти** и т. п. Въ ряду такихъ описательныхъ оборотовъ, имѣющихъ значеніе этимологическихъ единицъ, наибольшей плотности достигли сочетанія личныхъ формъ вспомогательнаго глагола съ причастіемъ на лъ, вслѣдствіе чего во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ сочетанія эти срослись то морфологически, то семазіологически въ такой степени, что чувствуются совершенно самостоятельными спрягаемыми формами, напр. пол. pisałem, pisałeś, pisał и рус. я писалъ, ты писалъ, онъ писалъ, вм. ц. слав. **пьсалъ ѥсмь, ѥси, ѥсть** и т. п.

29. То же почти слѣдуетъ сказать о сочетаніи спрягаемыхъ формъ глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ **сѧ**. Первоначаль-

но сочетаніе это составляло лишь синтаксическую или, если угодно, фразеологическую, но не этимологическую единицу, — оборотъ, а не слово. Но со временемъ привѣска **сѧ** во многихъ слав. нарѣчіяхъ такъ плотно приросла къ своимъ глагольнымъ центрамъ, что стала для чувства языка въ соединеніи съ ними одной, хотя и сложной морфемой, на подобіе того se, которое скрывается, какъ думаютъ, въ формахъ страд. залога въ лат. яз.: lavatur изъ lavat se, какъ рус. моется при ц. слав. **мꙑѥ́тьсѧ**.

30. Сравнивая спрягаемыя формы ц. слав. языка съ системою спряженія другихъ арійскихъ языковъ, особенно же древнегреческаго, мы замѣтимъ значительное уменьшеніе числа этихъ формъ въ ц. слав. Такъ въ послѣднемъ не получила должнаго развитія категорія залога, а равно и категорія наклоненій. Для медіальныхъ формъ греческаго языка, а равно для пассивныхъ греч. и лат. мы встрѣчаемъ въ ц. слав. лишь описательные обороты, образованные то изъ формъ причастныхъ, то изъ мѣстоименной привѣски **сѧ**. Изъ 4-хъ греч. наклоненій мы находимъ въ ц. слав. лишь индикативъ и оптативъ, которому усвоены функціи повелительнаго наклоненія; формы же собственнаго императива и конъюнктива чужды ц. слав. языку. Изъ формъ временныхъ ц. слав. совершенно не зналъ будущаго, если не считать такихъ изолированныхъ формъ, какъ **кꙑшѫ́шѩ**. Столь же чужды ц. слав. глаголу формы перфекта и плюсквамперфекта, замѣняемыя описательными оборотами: **далъ ѥ́смь, далъ бѣ́хъ**. Второй аористъ сохранился въ скудныхъ остаткахъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ первыхъ двухъ классовъ. Зато греч. 1-му аористу соотвѣтствуетъ нѣсколько различныхъ формъ, типовъ: **вѣ́сь**, **рѣ́хъ** и **рекохъ**. Сюда принадлежитъ отчасти по флексіямъ и ц. слав. преходящее.

Эти и другіе недочеты въ области флексивныхъ формъ ц. слав. языка вознаграждаются до извѣстной степени широкимъ развитіемъ глагольныхъ основъ, которыя способны къ разнообразному видоизмѣненію значенія глагольныхъ корней, путемъ то ихъ перегласовки, то суффиксаціи, то особенно префиксаціи.

Другимъ подспорьемъ служили при этомъ обороты описательные, богатое развитіе которыхъ обусловлено обиліемъ именеглагольныхъ формъ славянскаго глагола, особенно же причастій.

31. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ система спряженій подверглась значительнымъ измѣненіямъ, которыя обусловлены то звуковыми превращеніями, то нивеллирующимъ дѣйствіемъ грамматической аналогіи, то разобщеніемъ формъ старыхъ, въ связи съ зарожденіемъ новыхъ.

32. Съ утратою позвучныхъ ъ—ь многія флексіи сократились на одинъ слогъ или и совсѣмъ исчезли, если не возстановили чистыхъ гласныхъ вмѣсто глухихъ, напр. рус. пишеш(и), пишет(ь), буде(ть), брос(ь), но малорус.: идемо, несемо и т. п. Потеря ринезма даже въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ онъ существовалъ еще въ историческое время, напр. у задунайскихъ Болгаръ, также видоизмѣнила спрягаемыя ихъ флексіи, построенныя на юсахъ, что особенно замѣтно въ формахъ 1 л. ед. и 3 мн. наст. изъяв., а затѣмъ въ прич. дѣйств. на жшт. Одно польское нарѣчіе сохранило, вмѣстѣ съ ринезованными гласными, и древній видъ соотвѣтственныхъ спрягаемыхъ формъ. Различное отношеніе нарѣчій къ согласнымъ группамъ типа **трѣт, трат** также отразилось на спряженіи отдѣльныхъ нарѣчій, особенно же русскаго, гдѣ во 2-мъ различіи мы встрѣчаемъ въ инфинитивѣ и производныхъ отъ него формахъ двусложныя основы типа терет, торот, напр. тереть, умереть, молоть, полоть, пороть и т. п. Расподобленіе группъ **ъи, ии** въ группы **ои, еи** или ой, ей произвело чуждыя ц. слав. языку формы: мою, ною, рой, пей, бей, лей, столь обычныя въ рус. языкѣ. Для многихъ слав. нарѣчій, а даже и нѣкоторыхъ русскихъ говоровъ очень характерно отпаденіе позвучнаго Т во флексіяхъ 3 л. ед. и мн., которое сохранилъ, но и то въ отвердѣвшемъ болѣе видѣ, лишь русскій языкъ. Въ этомъ общеславянскомъ почти отпаденіи флексивнаго Т можно видѣть тотъ же процессъ, который въ доисторическую уже эпоху отразился въ сокращеніи и даже отсѣченіи личныхъ флексій (2 и 3 л. ед.) аористныхъ формъ славянскаго, какъ и другихъ арійскихъ языковъ.

33. Дѣйствіемъ грамматической аналогіи объясняются очень многія особенности новославянскихъ спряженій. Такъ въ рус. языкѣ взаимодѣйствіе глагольныхъ основъ выражается: въ великорус. формахъ пеки, моги, по аналогіи пеку, могу; въ малорус. печу, стрижу, по аналогіи печешь, стрижешь; въ рус. лягъ вм. лязи, по аналогіи лягу; въ дмю, бдю, чудю, смотрю, по аналогіи дмешь, бдишь, чудишь, смотришь; въ параллельныхъ формахъ можешь и могишь, хочешь и хотишь, по аналогіи то восьми первыхъ, то двухъ послѣднихъ различій; въ др. рус. прич. ида, блюда, сѣка, мога, жга, тека, возьма, по аналогіи глаголовъ съ мягкими позвуками основъ; въ наст. плыву, слыву вм. плову, слову, по аналогіи плыть, слыть и т. п.

Столь же разнообразны измѣненія, произведенныя аналогіею и въ области глагольныхъ флексій. Сюда относятся напр.: утрата формъ дв. ч., поглощеннаго формами мн. ч. въ глаголахъ, какъ и въ именахъ, во всѣхъ новославян. нарѣчіяхъ, кромѣ хорут. и лужицкихъ; постепенное сліяніе формъ супина съ инфинитивными; смѣшеніе нѣкоторыхъ флексій повелительнаго и изъявит. накл., напр. дадимъ, ѣдимъ вм. дамъ, имъ; формы повелит. несите, везите вм. несѣте, везѣте, по аналогіи ед. ч. неси, вези; личн. флексіи въ дашь, ѣшь вм. дăси, иси, по аналогіи 2 и слѣд. различій; окончанія въ дадутъ, возютъ, просютъ вм. атъ, ятъ, по аналогіи 2—8 разл. Но особенно замѣчательно въ этой области появленіе вторичнаго М во флексіи 1 л. ед. всѣхъ почти классовъ, вм. нормальныхъ замѣнъ ц. слав. ѫ, ѭ, напр. въ серб. несем, болгар. дѣлам, хорут. grem, чеш. ſtím, луж. ſmem, пол. mam, kochам и т. п. Въ этой флексіи слѣдуетъ видѣть новообразованіе, произведенное вліяніемъ аналогіи 4 архаичныхъ глаголовъ: ѥсмь, вѣмь, дамь, имь, но поддержанное и нѣкоторыми побочными условіями, напр. необходимостію разобщить формы 1 л. ед. и 3 л. мн., совпавшія во многихъ нарѣчіяхъ, по отсѣченіи флексивнаго Т въ 3 л. мн. и превращеніи ѫ въ одинъ изъ чистыхъ гласныхъ.

34. Вымираніе спрягаемыхъ формъ въ славян. нарѣчіяхъ всего замѣтнѣе въ области аористныхъ образованій и развив-

шихся изъ нихъ имперфектныхъ. Этимологическія формы для прошедшихъ временъ изъявит. накл. вымерли во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ, кромѣ лужицкихъ, сербо-хорватскаго и болгарскаго; онѣ замѣнились разными описательными оборотами, въ составѣ коихъ главную роль играютъ прич. на л, принявшія на себя индѣ, особенно въ русскомъ языкѣ, всѣ функціи изъявит. накл.: такъ рус. я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, равняется лат. veni, vidi, vici. Именеглагольныя формы также обхвачены процессомъ разложенія. Такъ во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ вымеръ на глазахъ исторіи супинъ, передавъ свои функціи инфинитиву. Да и послѣдній на славянскомъ югѣ замѣтно вытѣсняется изъ употребленія: въ серб. напр. вм. ц. слав. **хоштѫ пьсати** употребляется либо писаћу, гдѣ писа чувствуется уже темой этой новой футуральной основы, либо оћу да пишем, при отсутствіи оттѣнка будущаго. То же произошло и въ новоболгарскомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ въ томъ же значеніи формы: писа-штъ и штъ-пишъ, гдѣ штъ (**хоштѫ**) играетъ роль то суффикса, то префикса новообразованной основы. Наконецъ и причастія въ новослав. нарѣчіяхъ не имѣютъ ни прежней гибкости, ни разнообразія. Часть ихъ окаменѣла постепенно въ видѣ отглагольныхъ нарѣчій или дѣепричастій, напр. рус. сидя, сидячи, сидѣвъ, сидѣвши; часть же совершенно вышла изъ употребленія, напр. прич. наст. страд. на М, или превратилась въ прилаг., какъ рус. горячій, бѣгучій, текучій и т. п.

35. Жизнь языка въ области спрягаемыхъ формъ не выражалась однако однимъ уменьшеніемъ ихъ числа и разнообразія, отъ дѣйствія морфологической ассимиляціи между смежными основами и флексіями. Параллельно съ этимъ совершался въ языкѣ и процессъ образованія новыхъ формъ на почвѣ и на развалинахъ старыхъ. Если мы сравнимъ напр. ц. слав. прич. дѣйств. и страд. съ рус. формами, развившимися изъ первыхъ, то замѣтимъ цѣлый рядъ новообразованій, къ какимъ слѣдуетъ причислить: 1. дѣеприч. на я, чи, ъ и ши, напр. играя, играючи, игравъ, игравши; 2. прилагат. отпричастныя на чій, лый, мый, ный, тый, напр.

горячій, текучій, былой, дохлый, родимый, вѣстимо, браный, ученый, приданое, витой, литой и т. п. Еще оригинальнѣе въ средѣ этимологическихъ новообразованій русскаго языка глагольная основа на ыва, ива, развившаяся изъ взаимодѣйствія и по типу основъ на а, ва, ова и ева, напр. связывалъ, нашивалъ, говаривалъ и т. п. Въ малорус. выработался въ новое время даже особый видъ уменьшительнаго инфинитива съ суф. ки, оньки, очки, напр. спатки, истоньки, питочки и т. п. Въ формахъ этихъ видно вліяніе на глаголъ уменьшительныхъ именъ. Вторымъ образцомъ такого взаимодѣйствія формъ именныхъ и глагольныхъ могутъ служить прилагательныя съ причастнымъ окончаніемъ щій, въ родѣ напр. большущій, тьма-тьмущая, глаза завидущіе, руки загребущія, человѣкъ гулящій, работящій и т. п.

§ 20.

Строеніе частицъ.

1. Выше мы видѣли уже, что неизмѣняемыя части рѣчи развились изъ измѣняемыхъ посредствомъ окоченѣнія отдѣльныхъ флексивныхъ формъ. Въ этомъ смыслѣ частицы входятъ въ систему то склоненій, то спряженій; но онѣ во многомъ и отступаютъ отъ обычныхъ нормъ, вслѣдствіе либо глубокой древности происхожденія нѣкоторыхъ частицъ, либо сильнаго фонетическаго ихъ искаженія, либо полусознательнаго разобщенія морфемъ кристаллизованныхъ отъ гибкихъ.

2. Наибольшей древностію, а слѣдов. и загадочностію флексивной формы отличаются первообразные союзы, предлоги и нарѣчія, образованные изъ мѣстоименныхъ корней и основъ, напр. **и, а, же, нъ; къ, въ, съ, до, за, отъ; кѣдѣ, сьдѣ, ѥгда, тогда, доколѣ, камо, кольми, вьсьма** и т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ можно еще до извѣстной степени различить составныя морфемы; но другія совершенно неразложимы въ этимологичес-

комъ отношеніи и лишь по аналогіи формъ болѣе ясныхъ и новыхъ могутъ быть выводимы изъ флексивныхъ же формъ, хотя возможно и предположеніе, что онѣ образовались уже въ дофлексивный періодъ жизни арійскихъ языковъ. Если мы сравнимъ перваго рода частицы съ окаменѣлостями допотопной флоры и фавны, то частицы второго рода можемъ уподобить минераламъ, образовавшимся въ первичныя геологическія эпохи.

3. Присутствіе фонетическихъ искаженій мы можемъ предполагать и въ древнѣйшемъ слоѣ частицъ, но нагляднѣе это видимъ въ частицахъ болѣе новаго образованія. Такъ рус. намедни представляетъ звуковое искаженіе изъ **ономь дьни**; если изъ **ѥсть ли**; буде изъ будеть, **бѫдеть**; де изъ **дѣѥть**; дескать изъ **дѣѥть сѣказати**; нѣгдѣ изъ **не ѥсть кѣдѣ**; нѣтъ изъ **не ѥсть тоу**; спасибо изъ **сѣпаси богъ**; молъ изъ молвитъ; пожалуйста изъ **пожалоуи ѥста**; су, съ въ „хорошо-съ“ изъ государь, сударь и т. п.

4. Что славянскому языку, какъ и другимъ арійскимъ, свойственно стремленіе дифференцировать по внѣшнему виду частицы отъ гибкихъ словъ, это видно изъ такихъ частицъ, какъ рус. домой, долой при дому, долу, домѣ, долѣ; вчера при вечера; вечóръ при вечеръ; наизусть при изъ устъ; опричь при о прочее; пусть при пусти; буде при будетъ и т. п. Тѣмъ же стремленіемъ разобщать формы адвербіальныя отъ именныхъ объясняется и двойственность флексій рус. мѣстн. ед. I-го склоненія на Ѣ и на У, напр. на томъ мóстѣ, пóстѣ, пúрѣ и: на-мосту́, на-посту́, на-пиру́ и т. п.

5. Въ позднѣйшіе періоды жизни слав. языка обнаруживаются однако и обратныя стремленія—вводить частицы въ тотъ самый кругъ флексивнаго движенія словъ, отъ котораго онѣ оторвались нѣкогда, какъ аэролиты стройной системы языка. Такъ напр. ц. славянскимъ: **кѫдѣ, тѫдѣ, сѫдѣ** соотвѣтствуютъ рус. куда, туда, сюда, куды, туды, сюды и даже кудою, тудою, сюдою, по аналогіи именъ 2 скл., какъ бѣда, бѣды, бѣдою. Быть можетъ, такого же происхожденія и ц. слав. **иногдѫ**. Еще нагляднѣе превращеніе частицъ въ имена въ русскихъ послови-

цахъ: авось небосю родной братъ; изъ спасиба шубы не сшить; спасибомъ сытъ не будешь и т. п. Это не доказываетъ впрочемъ развитія въ слав. языкѣ гибкости, а свидѣтельствуетъ лишь о силѣ морфологической ассимиляціи между смежными по формѣ, хотя нерѣдко и очень удаленными по значенію элементами рѣчи.

§ 21.

Строеніе сложныхъ словъ.

1. Композиція въ слав. языкѣ, какъ и другихъ арійскихъ, играетъ довольно важную роль въ образованіи основъ и словъ. Она можетъ быть раздѣлена на три вида: 1. повтореніе главнаго корня въ префиксѣ или суффиксѣ; 2. префиксація предложная, и 3. префиксація именная либо глагольная. Первый пріемъ прилагается къ образованію какой нибудь дюжины редуплицированныхъ основъ, главнымъ образомъ именныхъ, въ родѣ напр. **гла-гол-ъ**, **пра-пор-ъ**, **бж-бьн-ъ**, **тж-тьн-ъ** и т. п. Изъ мѣстоименныхъ основъ того же характера укажу рус. тотъ и сесь, гдѣ однако формативнымъ элементомъ чувствуется уже 2-ой, а не 1-ый членъ композиціи. То же должнобы сказать и о формахъ: **дадимъ**, **дадать**, еслибы мы производили позвукъ этихъ основъ д отъ корня да; но вѣроятнѣе его связь съ корнемъ дѣ, равносильнымъ греческ. θε въ τίθημι и θ въ аор. страд. Такого же, повидимому, происхожденія и позвучная фонема жд въ **одежда**, **надежда**.

2. Второй типъ слав. композиціи, представляемый префиксаціей предложной, имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ первый. Число относящихся сюда формъ очень велико, такъ какъ не только каждый одиночный предлогъ, но и ихъ сочетанія могутъ входить въ композицію. Хотя первоначально композиція эта имѣла характеръ сочетанія слова съ словомъ, но въ историческую пору жизни слав. языка флексивная форма предложныхъ

префиксовъ уже не чувствуется, почему они и представляются основами, лишенными всякой самостоятельности и плотно примыкающими ко вторымъ, главнымъ членамъ сочетанія. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ замѣтно разнится отъ нѣмецкаго, гдѣ предлогъ легко отдѣляется отъ глагола и ставится въ концѣ оборота, какъ напр. ich stehe davon ab = отстаю, отступаю отъ этого.

3. При сочетаніи двухъ и болѣе именныхъ или глагольныхъ формъ въ единствѣ слова, возможны два случая: первый членъ композиціи можетъ стоять либо въ тематической, либо во флексивной формѣ, напр. а) **благодѣть, листопадъ, бѣлоокъ**; б) **даждь-богъ, кратоуҁадъ, Ростиславъ, Владимиръ.** Первая форма кажется древнѣе второй, такъ какъ она представляетъ остатокъ конструкціи дофлексивной, тогда какъ вторая могла возникнуть лишь на почвѣ флексіи. Тѣмъ не менѣе и въ первомъ видѣ мы встрѣчаемъ нерѣдко новообразованія, развившіяся изъ формъ флексивныхъ, напр. **добродѣтель** изъ **добра-дѣтель**, Цареградъ изъ **Царь-градъ**, Бѣлграда изъ **Бѣла-града**, одиннадцать изъ **єдинъ-на-десате** и т. п. Значительное число сочетаній основъ со словами сложилось даже подъ вліяніемъ греческ. яз., напр. **богословьць** θεολόγος, **любомждріе** φιλοσοφία, **православьнъ** ὀρθόδοξος и т. п.

4. Строеніе сложныхъ словъ уклоняется иногда отъ нормъ, обусловленныхъ ихъ составомъ, вслѣдствіе то звуковыхъ превращеній, то взаимодѣйствія смежныхъ формъ. Такъ напр. въ ц. слав. **глаголъ, прапоръ, бжьнъ** строеніе перваго и второго членовъ композиціи разнообразится условіями сочетаемости согласныхъ звуковъ: закрытыя плавными созвучія остаются передъ вокальными окончаніями, но видоизмѣняются въ созвучія открытыя передъ согласными. Другимъ источникомъ звукоизмѣненій въ этой области служитъ вывѣтриваніе предложныхъ префиксовъ, соединенное съ ослабленіемъ ихъ самостоятельности и постепеннымъ приростаніемъ къ центрамъ сочетанія. Такъ изъ формъ: **изъ-ѵислити, въ̀ъ-желѣніе** развились формы: **иштислити, въжделѣніе** и т. п. Вліяніе аналогіи всего ярче видно на

тематическихъ гласныхъ первыхъ членовъ композиціи. Такъ какъ въ слав. языкѣ преобладаютъ въ области именъ по числу основы О, то этотъ гласный, появляясь чаще другихъ въ сложныхъ словахъ, сталъ наконецъ чувствоваться какъ бы специфическою примѣтою именной композиціи и проникъ въ этомъ качествѣ въ среду именъ съ основами Е, А, У, І и даже согласными, напр. рус. конокрадъ, женолюбіе, сынолюбіе, честолюбіе, червоточина, чудодѣй, дѣтолюбіе и т. п.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по аналогіи проникло въ композицію неорганическое Е, напр. путешествіе, любвеобильный, знаменосецъ и т. п. Что касается наконецъ гласнаго И въ первомъ членѣ сложенія, то въ немъ можно видѣть либо остатокъ тематическаго И, либо вліяніе основъ И на другія, либо наконецъ отраженіе съ именной области императивныхъ формъ съ флексіею И, напр. **осьмикратьнъ, седьмичисльникъ**; б) Горислава; в) **Ростиславъ, Владимиръ**, ср. рус. сорвиголова, перекатиполе и т. п.

§ 22.

Морфологическая роль ударенія и долготы.

1. Какъ ни загадочны еще происхожденіе и древнѣйшія судьбы арійскаго ударенія вообще, а славянскаго въ частности, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ его исконномъ и важномъ участіи въ образованіи словъ и морфологическомъ ихъ оборотѣ. Стояло ли первоначально удареніе на корневой или аффиксной морфемѣ, въ обоихъ случаяхъ оно выдвигало одинъ слогъ слова на первый планъ и подчиняло ему другіе въ акцентуаціонномъ, а вмѣстѣ и въ морфологическомъ отношеніи.

2. Если судить о ц. слав. языкѣ по аналогіямъ русскаго, то слѣдуетъ допустить, что и въ первомъ удареніе содѣйствовало не только выдѣленію одного слова изъ состава другихъ, какъ язычной индивидуальности, но и различенію формъ близкихъ или и тожественныхъ по звукамъ. Мы не могли бы напр. раз-

личать въ звукосочетаніяхъ: мука, желѣза представленій: мука́ и му́ка, желѣза и железа, безъ содѣйствія акце́нта. То же замѣтимъ въ формахъ: ру́ки и руки́, но́ги и ноги́, о́кна и окна́, вы́читалъ и вычита́лъ, вы́носилъ и выноси́лъ, лю́бите и люби́те, у́чите и учи́те и т. п. Итакъ не только въ китайскомъ, но и въ славянскомъ языкѣ акцентъ служитъ важнымъ подспорьемъ для выраженія значеній и отношеній, присваиваемыхъ извѣстнымъ звукосочетаніямъ въ теченіи живой рѣчи.

3. По аналогіи лишь можемъ мы судить и о морфологическомъ значеніи долготы въ ц. слав. Ея динамическое значеніе явствуетъ прежде всего изъ подъемнаго движенія корневыхъ гласныхъ, которое, какъ мы видѣли, многими нитями переплетается съ метрическими ихъ отношеніями. Если мы встрѣчаемъ напр. И или Ѣ то въ 2-й и 3-й, то въ 4-й степени рядовъ А, И, Р, М, то это различіе всего легче объясняется предположеніемъ о различіи долготы означенныхъ гласныхъ, въ зависимости отъ подъемной ихъ высоты. Долгота или краткость суффиксныхъ гласныхъ имѣютъ отношеніе и къ различенію глагольныхъ временъ, видовъ и наклоненій, а въ именахъ онѣ прилагаются къ различенію прилагательныхъ аттрибутивныхъ отъ предикативныхъ (см. § 7,54 сл.) и т. п.

Къ сожалѣнію, многое останется здѣсь навсегда темнымъ, вслѣдствіе пренебреженія основателей славянской письменности къ обозначенію какъ удареній, такъ и долготы гласныхъ. Въ новѣйшихъ же памятникахъ ц. слав. яз., представляющихъ торжество русской редакціи, мы не видимъ уже метризма гласныхъ, если не считать таковымъ опущенія гласныхъ глухихъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно допускалось характеромъ согласныхъ группъ.

§ 23.

Морфологическія особенности ц. слав. изводовъ.

При опредѣленіи возраста и происхожденія ц. слав. кодексовъ различныхъ редакцій, полезнымъ указаніемъ могутъ слу-

жить нѣкоторыя морфологическія ихъ особенности. Такъ напр. частицы: **васнь, свѣне, ıроу** характеризуютъ изводъ древнеболгарскій; прил. **голѣмъ**—изводъ югославянскій; прил. **небеськъıи, ҙемьскъıи** вм. **небесьнъıи, ҙемьнъıи**—изводъ паннонскій или западноболгарскій и т. п. То же и въ области флексій. Окончанія прил. **аıего, оуıемоу** свойственны главнѣйше древнеболгарскимъ рукописямъ, а ихъ видоизмѣненія: **аго, оуоумоу** или даже **ого, омоу** — русскимъ, тогда какъ въ сербохорват. кодексахъ уже издревле перепадаютъ формы: **тога, ега, доброга, ҙълога**, которыя со временемъ вытѣсняютъ остальныя. Въ имперфектѣ окончанія **ѣахъ, ıахъ** болѣе свойственны изводу древнеболгарскому, тогда какъ въ рус. и серб. чаще встрѣчаются стяженныя формы на **ахъ**. Еще характернѣе для древнеболгар. извода формы аористовъ, типовъ: **идъ, бимъ, прıасъ, рѣхъ**, замѣняемыя въ рус. и серб. изводахъ формами аориста расширеннаго (**идохъ, рекохъ**). То же должно сказать до нѣкоторой степени о взаимномъ отношеніи причастій на **ь** и **ивъ** въ глаголахъ 10 различія: **хвалъ** и **хваливъ, исплънь** и **исплънивъ, омоуıи** и **омоуивъıи**, хотя формы на **ь** встрѣчаются и въ рус. изводахъ, а на **ивъ** въ древнеболгарскихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ЗНАЧЕНІИ СЛОВЪ.

§ 24.

О значеніи словъ вообще.

1. Каждая морфема исполняетъ въ организмѣ языка извѣстное отправленіе, подобно тому, какъ каждый членъ растительнаго или животнаго тѣла несетъ обусловленныя его устройствамъ функціи. Разсмотрѣніе значенія словесныхъ морфемъ является столь же необходимымъ дополненіемъ къ описанію ихъ строенія, какъ въ ботаникѣ или зоологіи отдѣлъ физіологическій въ отношеніи къ анатомическому.

2. Морфемы, разсматриваемыя со стороны ихъ значеній или отправленій, составляютъ родъ этимологическихъ и притомъ чисто интеллектуальныхъ единицъ, которыя мы можемъ назвать семемами, по аналогіи фонемъ и морфемъ въ двухъ разсмотрѣнныхъ уже отдѣлахъ грамматики. Смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло со значеніями морфемъ простыхъ (корней, аффиксовъ), составныхъ (основъ, словъ) или сложныхъ (composita), мы можемъ различать и семемы простыя, составныя и сложныя.

3. Первоначальное значеніе арійскихъ корней не можетъ быть опредѣлено историческимъ путемъ, такъ какъ корневой періодъ развитія арійскіе языки прошли задолго до начала исторіи. Приходится довольствоваться въ этомъ отношеніи различными косвенными данными, какъ то: семазіологическимъ анализомъ

словъ, сохранившихся отъ древняго и новаго періода жизни отдѣльныхъ арійскихъ языковъ; аналогіей такихъ языковъ, какъ приставочные и особенно корневые, въ которыхъ строеніе и значеніе корней гораздо проще и нагляднѣе, чѣмъ въ языкахъ флексивныхъ; наконецъ наблюденіемъ за развитіемъ языка дѣтей, которое соотвѣтствуетъ до извѣстной степени звуковому и интеллектуальному развитію слова праарійскаго.

Но всѣ эти косвенные пріемы изученія послѣдняго не свободны отъ многихъ недостатковъ. Морфологическое, а тѣмъ болѣе семазіологическое сѣченіе такихъ плотныхъ сочетаній, какъ флексивное слово вообще, а арійское въ частности, представляетъ важныя, иногда непреодолимыя затрудненія. Аналогіи языковъ другого строенія могутъ имѣть лишь ограниченное примѣненіе, такъ какъ различіе строенія словъ неизбѣжно отражается и на различіи ихъ значеній, такъ что напр. качество и количество функцій, отправляемыхъ отвлеченнымъ корнемъ арійскимъ съ одной стороны, а живымъ китайскимъ съ другой, чрезвычайно различно, почти несоизмѣримо. При наблюденіи наконецъ языка дѣтей слѣдуетъ помнить, что развитіе его совершается не свободно, а подъ сильнымъ и непрерывнымъ вліяніемъ окружающихъ ребенка людей; вліяніе же это безконечно разнообразится измѣнчивой наличностію формъ и значеній, выработанныхъ въ области слова поколѣніями предшествовавшими и видоизмѣненныхъ то безсознательными, то полусознательными усиліями поколѣнія говорящаго.

Слѣдуетъ наконецъ помнить, что корневая семема, подобно корневой морфемѣ, не имѣетъ во флексивныхъ языкахъ живого и самостоятельнаго существованія, а есть продуктъ безсознательнаго обобщенія въ чувствѣ говорящихъ и этимологическаго анализа въ грамматикѣ.

4. Первые звуки человѣческаго языка имѣютъ характеръ междометій, т. е. неразложимыхъ на части морфемъ, выражающихъ первоначальныя движенія человѣческаго чувства, воли и мысли. Дальнѣйшее развитіе языка совершается однако въ области не междометій, а корней качественныхъ и указатель-

ныхъ, которые соотвѣтствуютъ уже не смутнымъ ощущеніямъ, а болѣе или менѣе яснымъ представленіямъ.

5. Такъ какъ представленія суть образы предметовъ или явленій, отраженныхъ и закрѣпленныхъ въ мысли путемъ внѣшнихъ или внутреннихъ воспріятій, то и корни языка служатъ звуковыми символами не внѣшнихъ, а внутреннихъ объектовъ и движеній сознанія.

6. Представленія слагаются въ душѣ изъ множества воспринятыхъ наблюденіемъ и переработанныхъ соображеніемъ признаковъ. Не всѣ эти признаки принимаются въ расчетъ при обозначеніи представленія словомъ, а лишь одинъ, самый рѣзкій или важный для воспринимающаго, который и является тогда символомъ для совокупности всѣхъ остальныхъ признаковъ. Такимъ образомъ міръ представленій воспроизводится въ мірѣ словъ не во всей полнотѣ и разнообразіи своихъ красокъ, а въ сокращеніяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, какія принимаютъ картины китайской жизни въ начертаніяхъ китайскихъ буквъ.

7. Звуковые символы представленій не сразу и не вездѣ получили полную опредѣленность. Извѣстный признакъ, воспринимаемый слухомъ, зрѣніемъ или другими чувствами, могъ повторяться въ различныхъ предметахъ и явленіяхъ, почему и соотвѣтствующій ему звуковой символъ могъ принимать различныя значенія въ различной морфологической или синтаксической обстановкѣ. Здѣсь лежитъ источникъ омонимовъ, т. е. сходныхъ или и тожественныхъ созвучій съ различными значеніями, напр. **миръ** pax, mundus, populus, **свѣтъ** lux, mundus и т. п.

8. Съ другой стороны, при словесномъ обозначеніи одного и того же предмета или явленія можно было выдвигать на передній планъ то одинъ, то другой, то третій признакъ, вслѣдствіе чего могло получиться для него нѣсколько разнозвучныхъ названій. Вотъ психологическій источникъ синонимовъ въ языкахъ родственныхъ или и въ одномъ и томъ же языкѣ, напр. **ржка**, manus, χείρ, Hand; **жена**, **сжпржга**, **хоть** и т. п. Число синонимовъ бываетъ особенно велико въ названіяхъ предметовъ самаго

частаго, обыденнаго наблюденія и употребленія, которые дѣйствуютъ при этомъ различными своими сторонами, смотря по точкѣ зрѣнія, настроенію и цѣлямъ наблюдателя.

9. Сравнивая значенія того же корня въ различныхъ словахъ, мы замѣчаемъ, что онъ имѣетъ въ однихъ значеніе наглядное, въ другихъ же отвлеченное, напр. корень ан, он въ греч. ἄνεμος, слав. **вонм** и лат. animus, anima; или корень доу, въ ц. слав. **дъıханиѥ, доухъ, доуша** и т. п. Наблюденія надъ развитіемъ познавательной жизни ребенка показываютъ, что наглядное всегда предшествуетъ въ ней отвлеченному, почему и въ корняхъ конкретнаго значенія мы можемъ видѣть болѣе древній слой языка, чѣмъ въ корняхъ абстрактныхъ.

10. Однако и появленіе болѣе или менѣе отвлеченныхъ, формальныхъ корней восходитъ въ арійскихъ языкахъ къ старинѣ очень отдаленной. Это видно изъ доисторическаго различенія въ нихъ корней знаменательныхъ или качественныхъ отъ служебныхъ или указательныхъ. И въ китайскомъ языкѣ замѣтно различіе между корнями полнаго (матеріальнаго) и пустого (формальнаго) значенія; но различіе это не проходитъ въ немъ столь глубоко, какъ въ языкахъ арійскихъ, гдѣ пустые корни являются не только въ средоточіи отдѣльныхъ словъ, но и въ аффиксахъ.

11. Знаменительные корни называются въ арійскихъ языкахъ глагольными, а служебные—мѣстоименными. Названія эти не вполнѣ точны, такъ какъ корни знаменительные лежатъ въ зернахъ не только глаголовъ, но и именъ и отыменныхъ нарѣчій, тогда какъ изъ служебныхъ образованъ сверхъ мѣстоименій и древнѣйшій слой частицъ. Несомнѣнно однако, что глаголы и мѣстоименія стоятъ по значенію ближе къ первоначальнымъ и основнымъ отправленіямъ полныхъ и пустыхъ корней, почему названіе ихъ глагольными и мѣстоименными можетъ быть условно допущено. Не лишено основанія и обозначеніе корней перваго и второго рода названіями матеріальныхъ и формальныхъ, такъ какъ въ тѣхъ сосредоточено выраженіе матеріи, а въ этихъ формы представленій. Въ аналогичномъ смыслѣ называются

корни полные качественными или объективными, а пустые указательными или субъективными. Если мы будемъ сравнивать корни языка съ простѣйшими частями животнаго скелета, то можемъ уподобить полные костямъ, а пустые суставамъ, соединяющимъ отдѣльныя кости и обусловливающимъ сочетаніе ихъ движеній.

12. Процессъ, приведшій къ раздѣленію корней на два большихъ класса, не завершился въ доисторическое время, а наоборотъ, продолжается и теперь, въ видѣ медленнаго, но непрерывнаго вывѣтриванія корней знаменательныхъ и ихъ перехода въ служебные. Такъ напр. франц. on изъ лат. homo и нѣм. man изъ Mann развились путемъ опустѣнія глагольныхъ корней до степени корней мѣстоименныхъ. То же замѣтимъ при сравненіи рус. другъ amicus и другой alius, alter.

13. Прозрачность корневыхъ семемъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ онѣ срастаются съ аффиксными, и въ зависимости отъ вымиранія глагольныхъ отпрысковъ многихъ корней. Такъ напр. въ греч. еще чувствовалось матеріальное значеніе слова γυνή, по связи съ глаголомъ γίγνομαι, γέγονα; но въ славян. жена стоитъ одиноко, почему представленіе „рождающая“ и не воспроизводится болѣе въ нашемъ сознаніи при произнесеніи этого слова.

14. Что народу присуще однако и теперь стремленіе къ объясненію матеріальнаго значенія корней, это видно изъ свойственныхъ всѣмъ языкамъ явленій народной этимологизаціи, которая вводитъ корень затемненный или непонятный въ среду ясныхъ, ассоціируя первый съ послѣдними по признакамъ нерѣдко столь же случайнымъ и отдаленнымъ, какъ lucus a non lucendo.

15. Задача семазіологіи не исчерпывается однако изслѣдованіемъ значимости корней; она должна объяснить затѣмъ и значеніе аффиксовъ, занимающихъ то или другое расположеніе при корнѣ и видоизмѣняющихъ его функціи въ томъ или другомъ направленіи. Она слѣдитъ за оттѣнками значеній, соединенными съ перегласовкой корня, съ разными видами префиксаціи, а наконецъ съ присоединеніемъ къ корню различныхъ суф-

фиксовъ и флексій. Трудности, встрѣчаемыя при этомъ анализѣ аффиксныхъ семемъ, не менѣе значительны, какъ изложенныя выше въ отношеніи къ анализу аффиксныхъ морфемъ. Элементы арійскаго слова столь же тѣсно срастаются въ интеллектуальномъ, какъ и въ звуковомъ отношеніи. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что семазіологическое сѣченіе темы или слова невозможно или излишне. Если строго держаться индуктивнаго пріема и слѣдить за тѣмъ, какія измѣненія въ значеніи корней, основъ и словъ соединяются всегда или обычно съ извѣстными наращеніями, то можно притти къ выводу о тѣсной связи между отдѣльными морфемами слова и соотвѣтственными семазіологическими категоріями. При этомъ оказывается, что каждый аффиксъ несетъ какую либо функцію въ составѣ слова. Такъ напр. редупликація глагольнаго корня усиливаетъ интензивность или экстензивность корневой семемы, что особенно замѣтно въ образованіи перфекта въ греч. и отчасти въ лат. языкахъ. Префиксы предложные указываютъ направленіе то пространственное, то временное, то причинное, цѣлевое и т. д., въ обнаруженіяхъ признака, выражаемаго корнемъ. Измѣненіе вокализаціи корня отражается на категоріяхъ времени, вида, залога; оно является главнымъ пріемомъ и при образованіи именныхъ основъ, что соединено съ извѣстнымъ сосредоточеніемъ, персонификаціей выражаемаго корнемъ признака. Еще обширнѣе и разнообразнѣе семемы суффиксовъ и флексій. Въ области суффиксовъ положены основанія для различенія категорій имени, глагола и связующей ихъ группы формъ именеглагольныхъ; суффиксами же отличены категоріи: въ имени—лицъ, вещей, дѣйствій, состояній, степени качествъ и т. д., а въ глаголѣ—залоговъ и видовъ. Наконецъ флексіями обозначаются въ имени роды, числа и падежи, а въ глаголѣ—наклоненія, времена, числа и лица, хотя первоначально наклоненія и времена выражались въ арійскихъ языкахъ тематическими, а не флексивными наростами.

16. Семазіологическіе элементы, выражаемые отдѣльными то корневыми, то аффиксными морфемами, вступаютъ между собою въ различныя сочетанія, соотвѣтствующія основамъ и сло-

вамъ въ морфологіи. При этомъ въ итогѣ не всегда получается лишь ариѳметическая сумма двухъ или болѣе слагаемыхъ. Въ этомъ отношеніи основы и слова похожи на тѣла органической природы, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ и такія физическія или химическія свойства, которыя совершенно чужды составляющимъ эти тѣла простымъ элементамъ. Подобныя значенія и отношенія, для которыхъ мы не можемъ указать никакого звукового субстрата, мы будемъ называть скрытыми семемами словъ, въ отличіе отъ семемъ явныхъ, выражаемыхъ спеціальными морфемами. Такъ напр. опредѣлительное отношеніе между корнями и окончаніями въ именахъ (напр. am-ans) и предикативное въ глаголахъ (am-ant) не выражаются элементами словъ, а вносятся въ нихъ творческой угадкой, какъ скрытая сила именныхъ и глагольныхъ формъ.

17. Анализъ значеній, выражаемыхъ въ словѣ корнемъ и аффиксами, составляетъ задачу аналитической семазіологіи; синтезъ же этихъ значеній, при соединеніи простыхъ морфемъ въ составныя и сложныя, служитъ предметомъ изученія семазіологіи синтетической. Первая подбираетъ дробный матеріалъ, который систематизуется въ подлежащія группы во второй, совмѣстно со скрытыми семемами составныхъ и сложныхъ морфемъ. Послѣднею цѣлью семазіологіи аналитической служитъ изслѣдованіе качества и количества значеній, выражаемыхъ морфемами того или другого типа, тогда какъ цѣль сем. синтетической заключается въ опредѣленіи объема и системы значеній, выражаемыхъ то явно, то скрыто совокупностію морфологическихъ пріемовъ даннаго языка. При такомъ различіи задачъ двухъ отдѣловъ семазіологіи, и методъ ихъ не можетъ быть тотъ же: первая отправляется отъ дробныхъ фактовъ, подымаясь къ болѣе или менѣе высокимъ обобщеніямъ, тогда какъ вторая, наоборотъ, спускается отъ основныхъ категорій слова къ ихъ мелкимъ развѣтвленіямъ; другими словами, та слѣдуетъ индуктивному, эта же дедуктивному пріему изслѣдованія и изложенія.

§ 25.

Значеніе корней.

1. Различеніе корней знаменательныхъ и служебныхъ столь же явственно въ ц. слав. языкѣ, какъ и въ другихъ арійскихъ. Колебанія въ этой области очень незначительны и совершаются собственно въ одномъ направленіи: постепенномъ опустѣніи многихъ знаменательныхъ корней и низведеніи ихъ до роли служебныхъ. Такъ напр. глагольные корни: **бы**, **им**, **хот**, **ѣи** во многихъ случаяхъ опустѣли до значенія вспомогательныхъ частицъ или аффиксовъ при спряженіи другихъ глаголовъ, напр. **бѫдѫ** (**имѫ**, **хоштѫ**, **наѹѣнѫ**) **пьсати** scribam, γράφω. То же и въ области именъ. Въ числительныхъ напр. **кратъ**, **соугоубъ**, **полъ**, **тьма**, **несъвѣдь**, **врѣнъ**, **клада** глагольные корни фунгируютъ въ роли мѣстоименныхъ, подобно тому, какъ это встарь случилось съ корнями словъ: **пѧть**, **шесть**, **сєдмь**, **осмь**, **дєвѧть**, **дєсѧть**, **сѣто**, **тысѫшта** и др. Еще далѣе пошелъ въ этомъ отношеніи русскій языкъ. Мы нерѣдко употребляемъ глагольные корни въ роли мѣстоименій и частицъ, напр. ваша милость вм. вы; нашъ братъ вм. мы; нарѣчія: именно, наконецъ, слѣдовательно, вѣдь, знать, пожалуй; предлоги: кромѣ, между, среди, касательно; союзы: хотя, если, чтобы, дабы и т. п.

2. Въ корняхъ очень многихъ ц. слав. словъ замѣтно еще обозначеніе признака, по которому названъ предметъ. Такъ напр. мы и теперь еще сознаемъ, что духъ и душа названы по физическому акту дыханія; понятіе—по взиманію, схватыванію (Begriff) предмета; свѣдѣніе—по видимости, очевидности воспринятаго нами органомъ зрѣнія; печаль, горе—по аналогіи съ ощущеніемъ пекущей или жгучей боли, душевнаго горѣнія или пламени и т. п. Изъ этихъ примѣровъ видно, что положенные въ средоточіе славянскихъ корней признаки имѣли характеръ наглядный, воспринимаемый преимущественно зрѣніемъ и слухомъ.

3. Впослѣдствіи, по мѣрѣ исчезновенія глагольныхъ побѣговъ многихъ корней, самостоятельное ихъ значеніе затемнилось до того, что для чувства языка въ корнѣ уже не замѣтно указанія на какой либо признакъ. Такъ напр. произнося слова: жена, десна, иго и т. д. мы не сознаемъ, что въ нихъ скрываются первоначальныя значенія: рождающая, кусающая, сопрягающее, такъ какъ въ слав. языкѣ вымерли въ средѣ глагольной формы, соотвѣтствующія греч. γίγνομαι, δάκνω, ζεύγνυμι и т. п. μωλύω.

4. Заключенный въ подобныхъ корняхъ — изгояхъ смыслъ столь же условенъ, какъ въ словахъ иноязычныхъ, съ корнями которыхъ мы не соединяемъ никакого самостоятельнаго значенія до тѣхъ поръ, пока не вложимъ его искусственно, процессомъ народной этимологизаціи. Такъ напр. корень слова клиросъ, клиръ (κλῆρος) до тѣхъ поръ ничего не говорилъ воображенію славянина, пока онъ не примѣненъ къ корню **кры-ти**, съ предѣлкою изъ клиросъ въ крылосъ. То же замѣтимъ при сравненіи:

ц. слав.	**оплатъкъ**	отъ лат.	oblata	съ	**платъ**;
„	**порода**	„	παράδεισος	„	**родити**;
„	**вельблѫдъ**	„	гот. ulbandus	„	**велии-блѫдити**;
рус.	богатырь	„	монг. baghatur	„	богатый;
„	комкать	„	лат. communicatio	„	комокъ;
„	сорокоустъ	„	τεσσαρακοστή	„	сорокъ устъ;
„	высокосный	„	лат. bissextus	„	высокій;
„	верстакъ	„	нѣм. Werkstätte	„	верстать.

5. Аррадикація можетъ распространиться и на туземныя слова, коль скоро собственное значеніе корня въ нихъ затемнилось. Такъ напр.

рус.	бояринъ вм. **болярынъ**	примѣнено	къ	бой;
„	водеревень вм. водерень	„	„	дерево;
„	голубиная книга вм. глубинная	„	„	голубь;
„	славяне вм. **словѣне**	„	„	слава.

6. Стремленіе объяснить непонятный корень слова ведетъ нерѣдко къ созданію этимологическихъ миѳовъ. Къ ихъ числу

относятся преданія русской начальной лѣтописи о братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, о мнимыхъ польскихъ выходцахъ Радимѣ и Вяткѣ и т. п. Западно-славянскіе лѣтописцы также сообщаютъ этимологическій миѳъ о братьяхъ Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, составленный для объясненія соотвѣтственныхъ племенныхъ названій Славянъ.

7. Подобно всему живому, корни языка подлежатъ не только одряхленію, но и вымиранію. Мы привели уже примѣры корней, сохранившихся въ именахъ, но вымершихъ въ глаголахъ. Возможно исчезновеніе ихъ и въ области именъ, даже частицъ, вслѣдствіе чего въ языкѣ обнаруживаются пробѣлы въ названіяхъ извѣстныхъ предметовъ, явленій или состояній. Пробѣлы эти восполняются главнѣйше двумя способами: а) расширеніемъ круга значеній другихъ, смежныхъ корней и б) заимствованіемъ словъ иноязычныхъ.

8. Расширеніе первоначальнаго значенія корней уцѣлѣвшихъ производится по законамъ ассоціаціи идей, при дѣятельномъ участіи воображенія, которое открываетъ сходные признаки и въ предметахъ значительно или совершенно различныхъ, доставляя тѣмъ возможность общаго ихъ названія въ языкѣ. Оттого то въ развитіи значеній извѣстнаго звукосочетанія, рядомъ съ незамѣтными и легкими переходами отъ одного представленія къ другому, мы встрѣчаемъ и логическіе скачки, даже несообразности, которыхъ нельзя объяснить одними условіями и законами ассоціаціи идей, напр. въ ц. слав. **стоудъ** frigus, pudor, dedecus; **мразъ** frigus, **омразл** odium; **гжба** fungus и labrum; **пекло** piх и infernus и т. п. Время и забвеніе разорвали естественную и непрерывную цѣпь представленій: передъ нами лежатъ отдѣльныя ея звенья, между которыми мы не усматриваемъ уже взаимодѣйстія и преемственной связи. Задача этимологіи состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы возстановить въ рядахъ словъ скрытую въ нихъ сѣть содружествъ, уясняя съ тѣмъ вмѣстѣ какъ точки отправленія, такъ и пути развитія познавательной дѣятельности даннаго народа.

9. Въ данный періодъ жизни языка каждый омонимъ является особымъ, самостоятельнымъ словомъ, напр. 1. **миръ** mundus, 2. **миръ** pax и 3. **миръ** pupilus; но при историческомъ взглядѣ на языкъ совокупность однокоренныхъ омонимовъ составляетъ особую семью или поколѣніе словъ, между которыми есть отцы и дѣти, даже дѣды и внуки. Въ этой вереницѣ значеній мы видимъ цѣлый рядъ отживающихъ, цвѣтущихъ и нарождающихся образованій, связанныхъ между собою и этимологически—единствомъ корня, и психологически—сѣтью содружествъ, иногда легко замѣтныхъ, но нерѣдко и затемненныхъ, даже совсѣмъ забытыхъ.

10. Вторымъ основнымъ пріемомъ для расширенія круга корней служитъ заимствованіе словъ иноязычныхъ. Въ ц. слав. ихъ было не мало, особенно въ кругу терминовъ быта религіознаго, напр. **митрополитъ, єпископъ, попъ, дїаконъ; црькы, монастырь; ризa, просфора, єпитимиа, пентикостиа** и т. п. Впрочемъ и между терминами гражданскаго быта мы встрѣтимъ не мало словъ иноязычныхъ, напр. **цьсарь или царь, краль, кънязь, витязь, клеврѣтъ, палата, оцьтъ, шлѣмъ** и т. п.

Такъ какъ корни словъ заимствованныхъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія (кромѣ случаевъ аррадикаціи), то они стоятъ въ языкѣ довольно изолированно и рѣдко имѣютъ такія обширныя развѣтвленія въ области основъ и словъ, какъ корни туземные. Обозначая опредѣленные предметы, какъ условные ихъ знаки, слова заимствованныя превосходятъ туземныя узостію, а слѣд. и условной точностію своего значенія, уступая зато послѣднимъ въ изобразительности и прозрачности. Очень далеко ушелъ въ заимствованіи словъ позднѣйшій русскій языкъ: существуютъ словари 50,000 словъ, вошедшихъ такъ или иначе въ составъ этого языка. Не всѣ они имѣютъ равныя права на существованіе въ немъ; но многія стали дѣломъ необходимости, то по отсутствію соотвѣтствующихъ туземныхъ словъ, то по малой ихъ распространенности, особенно въ литературномъ употребленіи.

11. Въ русскомъ языкѣ выработался еще одинъ, конечно вторичный пріемъ дифференцировки значенія корневыхъ морфемъ: это видоизмѣненіе ихъ сообразно звуковымъ особенностямъ то ц. слав., то русскаго языка. Такъ напр. корень **бьр** имѣетъ одно значеніе въ формѣ бремя, а другое въ беремя. Аналогичное различіе найдемъ и въ однокоренныхъ парахъ: вредъ и вередъ, мракъ и морокъ, нравъ, ндравъ и норовъ, страна и сторона, праздный и порожній, гражданинъ и горожанинъ и т. п.

12. Вслѣдствіе отпаденія позвучныхъ гласныхъ и согласныхъ, многіе корни обнажились въ ц. слав. и являются въ рѣчи въ чистомъ видѣ, напр. аор. 2 и 3 л. ед. **бы, би, мы, ли, ры** и т. п. Еще чаще это бываетъ въ рус. языкѣ, гдѣ позвучные **ъ, ь** давно не имѣютъ слогообразующей силы, почему слова: богъ, домъ, рабъ и т. п. произносятся какъ корни: бог, дом, раб. Изъ этого совпаденія морфемъ корневыхъ съ тематическими и даже флексивными не слѣдуетъ однако, что и соотвѣтственныя то простыя, то составныя семемы слились въ безразличномъ тожествѣ. Созвучіе напр. бы въ роли корня обозначаетъ одну безформенную матерію соотвѣтственнаго представленія, тогда какъ въ роли слова то же созвучіе означаетъ сверхъ того еще категоріи имени сущ., муж. р., ед. ч., им. или вин. п., т. е. соединяетъ и цѣлый рядъ формальныхъ оттѣнковъ, совершенно чуждыхъ семемамъ корневымъ.

§ 26.

Значеніе перегласовки корней.

1. Перегласовка корней составляетъ въ славянскомъ, какъ и въ другихъ арійскихъ языкахъ, родъ инфикса и въ семазіологическомъ отношеніи, такъ какъ съ ней связано измѣненіе корневыхъ семемъ не столько въ матеріальномъ, сколько въ формальномъ отношеніи.

2. О семазіологической роли ринезаціи корневого гласнаго мало можно сказать, такъ какъ она встрѣчается въ слав. языкѣ въ очень немногихъ формахъ, собственно въ 4 словахъ: **лагѫ**, **садѫ**, **обраштѫ** и отчасти **бѫдѫ**. Въ виду того, что всѣ эти формы представляютъ видоизмѣненіе корня въ основѣ настоящаго, мы можемъ допускать связь ринезаціи съ образованіемъ расширенной презенціальной основы, что подтверждается и аналогіями языковъ классическихъ, напр. лат. jungo, pungo, tango и греч. λαμβάνω, τυγχάνω и т. п. При сравненіи параллельныхъ паръ: **сиждѫ** и **садѫ**, **лежѫ** и **лагѫ**, **обрѣтаѭ** и **обраштѫ**, **бывалѫ** и **бѫдѫ**, оказывается, что ринезація имѣетъ вліяніе на категоріи вида и времени, именно вводитъ во вторыя основы значеніе окончательнаго вида, соединенное съ оттѣнкомъ будущаго времени.

3. Болѣе разнообразно и обширно значеніе подъемнаго измѣненія корневыхъ гласныхъ. Оно служитъ 1. къ образованію цѣлаго ряда именныхъ основъ и 2. къ далекимъ развѣтвленіямъ основъ глагольныхъ.

4. Связь подъема съ образованіемъ именныхъ основъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Чтобы видѣть важность этого пріема въ славянской этимологіи, достаточно указать на соотношеніе паръ: **вести-возъ**, **рещи-пророкъ**, **велѣти-волѣ**; **висѣти-весъ**, **видѣти-вѣжда**, **цвѣсти-цвѣтъ**, **сѣсти-сажда**; **сълати-посулъ**, **кыснѫти-квасъ**, **слоути-слава**; **мьрѫ-моръ**, **прострѣти-пространьнъ**, **влъгнѫти-влага**; **пати-пѫто**, **опона**; **съпрашти-сѫпрѫгъ** и т. п. По аналогіи можно заключать, что и для словъ: **домъ**, **цѣна**, **рабъ**, **пара** и т. п. нашлись бы параллельные глагольные корни болѣе низкой вокализаціи, если бы они не вымерли въ этомъ видѣ и роли.

5. Есть впрочемъ въ средѣ именъ не мало основъ и низкой вокализаціи, напр. **пьстръ** при **пишѫ**, **стѫгнъ** при **достигнѫти**, **кѫзнь** при **коуѫ**, **бѫдръ** при **боудити**, **осѫпа** при **сыпати**, **дѫхорь** при **дѫхати**, **жрьдь** при **градити**, **мѫлинъ** при **млѣти** и т. п. Но число такихъ формъ далеко уступаетъ числу именныхъ основъ высокой вокализаціи, которыя и являются потому

характерными выразителями сосредоточеннаго, кристаллизованнаго значенія именъ, въ сравненіи съ жидкимъ, расплывчатымъ содержаніемъ глаголовъ.

6. Черезъ посредство отыменныхъ глаголовъ высокая вокализація проникла и въ глагольныя основы. Такъ, рядомъ съ формами: **вести, висѣти, цвѣсти, кыснѫти, слоути, велѣти, мрѣти** (даже **мрьти**), мы встрѣчаемъ формы: **возити, вѣсити, процвѣтати, квасити, славити, изволити, морити** и т. п., производныя отъ именъ: **возъ, вѣсъ, цвѣтъ, квасъ, слава, волѭ, моръ** и т. п.

7. Но и независимо отъ этихъ denominativa, мы найдемъ въ ц. слав. много случаевъ чередованія гласныхъ низшихъ и высшихъ степеней въ основахъ чисто глагольныхъ, напр. **бьрати-берѫ, пьсати-пишѫ, лити-лѣѭ, пѣти-поѭ, зъвати-зовѫ** и т. п. Изъ этихъ параллелей мы могли бы сдѣлать выводъ, что низкая вокализація связана съ первою (инфинитивною), а высокая со второю (презенціальною) основою, которой свойственна и ринезація корня, какъ показано выше (§ 26, 2); но противъ такого заключенія можно привести много обратныхъ случаевъ, гдѣ первая основа вокализована сильнѣе второй, напр. **врѣшти-врьгѫ, влѣшти-влъкѫ** (и **влѣкѫ**), **чисти-чьтѫ, забыти-забъвенъ** и т. п. Очевидно, что въ ц. слав. языкѣ происходило еще колебаніе во взглядѣ на относительный вѣсъ двухъ глагольныхъ основъ: то инфинитивная казалась интензивнѣе, сосредоточеннѣе, энергичнѣе; то презенціальная экстензивнѣе, реальнѣе. Имѣя однако въ виду общее звуковое расширеніе второй основы во всѣхъ арійскихъ языкамъ, въ сравненіи съ укороченною первою, можно утверждать, что высокая вокализація болѣе соотвѣтствуетъ семазіологическимъ особенностямъ второй, а низкая— первой основы.

8. Подобно ринезаціи, подъемъ имѣетъ отношеніе къ категоріи видовъ и другихъ качественныхъ оттѣнковъ глагольнаго дѣйствія. Сравнивая напр. формы **везѫ** и **вожѫ, несѫ** и **ношѫ, лѣзѫ** и **лажѫ, клонѣѭсѧ** и **клинѫсѧ** и т. п., мы видимъ, что первый членъ каждой такой пары имѣетъ особый оттѣнокъ въ

сравненіи со вторымъ: тотъ выражаетъ дѣйствіе ощутимое, фактическое, этотъ же отвлеченное, возможное; тотъ длительность неопредѣленную, этотъ нѣсколько усиленную. Еще рѣзче выражается отношеніе усиленной длительности при вокализаціи 4-ой степени, напр. въ рус. важивалъ, нашивалъ, откланивался и т. п.

9. Отношеніе подъема къ категоріи залога видно изъ сравненія ц. слав. словъ: **лѣшти-ложити, тѣшти-тоуити, поуити-покоити, сѣсти-садити, бѫдѣти-боудити, гѫжти-гоубити, кѫсижти-квасити, дѫшати-доушити, мрѣти-морити,** и т. п. Глаголы низшей вокализаціи выражаютъ тутъ дѣйствіе замкнутое въ производителѣ, тогда какъ съ высшей вокализаціею соединяется характеръ дѣйствія болѣе энергическаго и экстензивнаго, распространяющагося и на внѣшніе предметы; другими словами, залогъ средній при подъемѣ измѣняется въ залогъ дѣйствительный.

10. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что измѣненіе видовыхъ и залоговыхъ отношеній глагольной основы выражается тутъ не однимъ подъемомъ, но и особыми суффиксами, которые также имѣютъ непосредственное отношеніе къ категоріямъ и видовъ, и залоговъ.

11. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что хотя подъемъ первоначально могъ быть чисто механическимъ отраженіемъ на корневомъ слогѣ звуковой силы или слабости суффиксовъ и флексій, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ развитіи языка онъ сталъ, подобно ринезаціи, важнымъ семазіологическимъ пріемомъ, связаннымъ съ формальными оттѣнками то именныхъ, то глагольныхъ основъ. При этомъ совершенно безразлично, принимаемъ ли мы за исходную точку въ градаціонномъ движеніи гласныхъ степень 4-ю, либо 1-ю, либо среднюю между ними, такъ какъ рѣчь тутъ идетъ о семазіологической роли поздняго сравнительно ц. слав. подъема, а не древнѣйшаго праарійскаго.

§ 27.

Значеніе префиксовъ.

1. Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ префиксаціи служитъ, какъ мы видѣли, удвоеніе корня. Оно встрѣчается въ слав. языкѣ изрѣдка какъ въ именахъ и мѣстоименіяхъ, такъ и въ отыменныхъ глаголахъ, не имѣя однако опредѣленнаго значенія, кромѣ общаго усиленія корневой семемы то въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Въ именахъ напр. **глаголъ, клеколъ, прапоръ, пепелъ, прѣпелица, коукавица**, хохотъ и т. п. и въ глаголахъ: **глаголати**, хохотать и т. д. въ редупликаціи корня воспроизведена повторяемость то звуковыхъ, то зрительныхъ ощущеній, возбуждаемыхъ соотвѣтственными предметами. Въ именахъ: прапрадѣдъ, праправнукъ удвоеніе префикса усиливаетъ экстензивность обозначаемаго словомъ признака на нѣсколько поколѣній восходящаго или нисходящаго ряда. Въ мѣстоименіяхъ: тотъ, сесь рѣзче опредѣляется заключенный въ корнѣ указательный оттѣнокъ. Редупликація временныхъ основъ глагола совершенно не знакома слав. языку, если не допускать ея въ формахъ: **дадимъ, дадать**, соотвѣтствующихъ греч. δίδομεν и лат. dedimus, гдѣ формативнымъ наростомъ является не первое, а второе d, аналогичное тематическому д въ **бѫдж, идж, ѭдж** и т. п.

2. Частичные префиксы именныхъ и глагольныхъ основъ были первоначально нарѣчіями, выражавшими обстоятельственныя отношенія корней, въ которымъ они присоединялись. Но въ ц. слав. языкѣ этотъ періодъ давно уже смѣнился другимъ, когда нарѣчія опустѣли до значенія полусамостоятельныхъ предлоговъ или даже совершенно сроснихся съ основами префиксовъ. Лишь нарѣчіе **не** сохранило еще извѣстную самостоятельность при глаголахъ, отъ которыхъ оно нерѣдко отдѣляется однимъ или многими промежуточными терминами, напр. **не оубии; да не и о насъ реченo бѫдеть.** Впрочемъ при нѣко-

торыхъ глаголахъ и отрицательное **не** плотно приросло къ глагольной формѣ, напр. **нѣсть**, **нѣ(сть)когда**, **непьштевати**. Еще плотнѣе сочетанія **не** съ именными основами, напр. **нелѣпъ**, **невѣглась**, **неджгъ**, **ненависть** и т. п. До какой степени можетъ вывѣтриться отрицательная сила этой частицы, видно изъ слова **недѣля** въ значеніи седмицы, въ которой лишь одинъ день недѣльный, а шесть—рабочихъ. Еще слабѣе сознается говорящими отрицательное значеніе префикса **оу** (**ж**), равносильнаго по происхожденію греч. ἀν и лат. in, въ словахъ напр. **жродъ** (рус. уродъ, юродивый, т. е. непородистый), **оукогъ**, **оукѣуьнъ** и н. др. Къ отрицательнымъ частицамъ примыкаетъ по значенію и предлогъ **безъ**, въ словахъ напр. **безоумьнъ**, **бездьна** и т. п.

3. Собственные предлоги и развившіеся изъ нихъ префиксы принадлежали нѣкогда къ нарѣчіямъ направленія, а потому они привносятъ въ основу обозначеніе того, въ какомъ направленіи проявляется заключенный въ корнѣ признакъ. Направленіе это понимается то въ пространственномъ, то во временномъ, то въ причинномъ, цѣлевомъ и другихъ болѣе отвлеченныхъ отношеніяхъ. Такъ напр. префиксъ **на** обозначаетъ въ именныхъ основахъ нахожденіе признака на извѣстномъ предметѣ, напр. **напрьсьникъ**, **намѣстьникъ**; затѣмъ онъ указываетъ на временную послѣдовательность (**наслѣдьникъ**, наступающій день), а наконецъ—качественное или количественное возвышеніе одного представленія надъ другимъ, напр. наибольшій, наилучшій maximus, optimus. Аналогичный переходъ значенія отъ опредѣленій направленія къ отношеніямъ интензивности въ проявленіяхъ корневого признака замѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ префиксахъ, напр. **прѣвъсходьнъ**, **прѣкрасьнъ**; **прадѣдъ**, **правъноукъ**; **разоумьнъ**, разудалый и т. п.

4. Еще значительнѣе число оттѣнковъ, выражаемыхъ предлогами при основахъ глагольныхъ. Такъ префиксъ **прѣ** выражаетъ: а) движеніе черезъ пространство, напр. **прѣити**, **прѣвести**; б) движеніе во времени: **прѣбыти**, пережить; в) переходъ чрезъ разныя формы бытія: **прѣтворити**, **прѣобразитися**; г) по-

вторение дѣйствія или явленія: перебранить всѣхъ; д) превосходство надъ смежными предметами: пересилить, перелукавить; е) избытокъ дѣйствія: перегрѣть, перелить, и ж) недостаточность его: перекусить.

5. Такъ какъ предложные префиксы опредѣляютъ корневую семему со стороны не только направленія, но и напряженія или объема глагольнаго дѣйствія, то понятно, что они должны имѣть вліяніе на глагольные залоги, виды и времена. Такъ, при сравненіи ц. слав. паръ: **бѫдѫ-забѫдѫ**, **идѫ-наидѫ**, **падѫ-нападѫ** и т. п. или русскихъ: спалъ-проспалъ, сидѣлъ-отсидѣлъ, летѣлъ-облетѣлъ, мы замѣчаемъ, что префиксація превращаетъ глаголы средніе въ дѣйствительные, подобно греч. βαίνω и διαβαίνω, нѣм. treten и übertreten и т. п. Отношеніе предложныхъ префиксовъ въ категоріи вида можно видѣть изъ сравненія паръ: **милоуѭ-помилоуѭ**, **цѣлѭ-исцѣлѭ**, **дѣлѭ-раздѣлѭ**, **виждѫ-оувиждѫ** и т. п. Неопредѣленно-длительное значеніе основъ простыхъ измѣнено префиксаціей въ значеніе окончательное, съ которымъ въ слав. языкѣ соединяется и временной оттѣнокъ будущаго при формѣ настоящаго времени, напр. **творѭ**: **сътворѭ**= ποιέω : ποιήσω.

§ 28.

Значеніе суффиксовъ.

1. Разсматривая оттѣнки значеній одного и того же корня при сочетаніи съ различными то простыми, то сложными суффиксами, мы замѣчаемъ, что всѣ они даютъ корневой семемѣ ближайшее опредѣленіе со стороны разнообразныхъ отношеній, въ которыя приводится признакъ, развиваясь въ области именъ, глаголовъ или частицъ. Такъ напр. корень **да** означаетъ при суф. тел (**датель**) лицо дѣйствующіе; при суф. р или н (**даръ**, **дань**) предметъ, подлежащій дѣйствію; при суф. л (**далъ**) неопредѣленнаго носителя дѣйствія въ прошедшемъ времени и т. п.

Этимъ формальнымъ своимъ значеніемъ отличаются суффиксы отъ корнеопредѣлителей, которые измѣняютъ не формальныя отношенія, а матеріальное содержаніе корневой семемы.

2. Сравнивая суффиксы со стороны опредѣленности и объема ихъ значенія, мы замѣтимъ между ними большое различіе въ этомъ отношеніи. Есть суффиксы, выражающіе одно-два опредѣленныхъ отношенія; но гораздо болѣе такихъ, которые соединяютъ въ себѣ разнообразные семазіологическіе оттѣнки. Такъ напр. въ суф. ун, юн выражается обыкновенно личный производитель заключеннаго въ корнѣ признака (**пероунъ**, **кѣгоунъ**, вьюнъ); въ суф. тел тоже скрывается персонифицирующая сила (**житель, властель**), свойственная и нѣкоторымъ другимъ суффиксамъ, напр. анин (дворянинъ, крестьянинъ), еньц (**младеньць**), еникъ (**оученикъ**) и т. п. Если мы обратимся затѣмъ къ суффиксамъ болѣе простого построенія, напр. характеризуемымъ согласными л, м, н, й, в, т, к и отдѣльными гласными, то замѣтимъ въ нихъ довольно широкій семазіологическій объемъ. Такъ суф. л, происходящій изъ древняго ло или дло, означаетъ то орудіе (**шило, рало**), то часть тѣла (**грѣло, рыло**), то произведеніе искусства (кресло, **мясло**), то представленіе отвлеченное (**число, дѣло**) и т. п. Еще разнообразнѣе число оттѣнковъ, выражаемыхъ древними вокальными суффиксами, которые позже поглощены флексіями. Такъ напр. первоначальный суффиксъ О обозначаетъ: производителя (**съпасъ, пророкъ**), часть тѣла (**ротъ, ѯжбъ**), животное (**тоуръ, волъ**), растеніе (**джкъ, цвѣтъ**), орудіе (**ажкъ, ѯамъкъ**), дѣйствіе (**скаръ, ржгъ**), явленіе (**свѣтъ**), состояніе (**неджгъ**), пространство (**дворъ, садъ**), время (**мигъ, годъ**), представленія отвлеченныя (**гнѣвъ, порокъ**), качественныя прилагат. (**ѯлъ, любъ, млъ**) и мн. др.

3. Разнообразныя значенія одного и того же суффикса могли образоваться какъ отъ естественнаго развитія первоначальныхъ семемъ, по содружеству идей и отношеній, такъ и отъ сліянія въ одномъ суффиксѣ нѣсколькихъ различныхъ. Суффиксъ напр. т въ именеглагольныхъ и именныхъ основахъ заключалъ въ себѣ общее указаніе на производителя признака, выражаемаго

корнемъ; этимъ же производителемъ могло быть лицо не только дѣйствительное (**ꙁать**), но и воображаемое (**пешть**), собирательное (знать), пространственное (**область**), отвлеченное (**ѹасть**, **ѹьсть**) и т. п. Такъ дифференцировался на различныя отношенія суффиксъ съ указательнымъ мѣстоименнымъ корнемъ. Тотъ же корень лежитъ и въ глагольной флексіи 3 л., указывающей на признакъ, возникающій въ зависимости отъ энергіи третьяго лица.

Примѣромъ сліянія въ одномъ суффиксѣ нѣсколькихъ различныхъ можетъ служить ц. слав. суф. **л-о**, происходящій изъ разныхъ источниковъ, что видно при сравненіи напр. ц. слав. **грѣло**, **мѣло** съ пол. gardło, mydło, а ц. слав. **дѣло**, **тѣло** съ пол. działo, ciało. Точно такъ и въ слав. суф. О смѣшаны первоначальные суф. А и У. Каждая новая морфема, сливаясь съ другою, передавала ей и свои особыя функціи, которыя такимъ образомъ накоплялись механическимъ путемъ, независимо отъ органическаго развитія сememъ по ассоціаціи идей и отношеній.

4. Дальнѣйшія осложненія въ развитіи суффиксныхъ сememъ обусловлены ихъ сліяніемъ съ флексивными, вслѣдствіе морфологической абсорпціи. Звукъ напр. **Ъ** въ словахъ: **богъ**, **домъ** и т. п. соединяетъ въ себѣ функціи и тематическаго О, развившагося изъ древн. А или У, и флексивной характеристики им. (вин.) пад. ед. ч. муж. р., иногда же и род. мн. муж. р. Въ аористахъ: **ѹита**, **ходи**, **имѣ** тематическіе гласные **А**, **И**, **Ѣ**, фунгируютъ въ роли и личныхъ флексій 2 или 3 л. ед. ч. Еще далѣе распространилось семазіологическое поглощеніе флексіями предшествующихъ—уже не тематическихъ, а корневыхъ—элементовъ слова въ формахъ 2 и 3 л. ед. аор. **бы**, **мы**, **ли**, **пи**. Суффиксъ въ основахъ наст. вр. (**нес-єши**, **ѹита-ѥши**) также всосанъ флексіями, подобно суф. И въ формахъ: **ход-иши**, **вид-иши**.

5. Бываютъ и такіе случаи, когда суффиксная семема вывѣтривается до совершеннаго исчезновенія, хотя ея звуковой символъ болѣе или менѣе сохраняетъ еще свой прежній обликъ.

Это особенно замѣтно въ слав. инфинитивѣ, который имѣетъ суффиксъ именной, а значеніе очень близкое къ общему значенію глагольной основы. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и звуковая характеристика инфинитива теряется, причемъ онъ обнажается до вида общей глагольной темы, напр. въ серб. писа(ти хо)ћу, писаћеш, писаће; болгар. писаштъ, писаштеш, писаште, въ значеніи scribam, γράφω. Къ тому же направляется и рус. языкъ, что видно изъ малорус. писатиму, писатимеш, писатиме, образованныхъ совершенно аналогично франц. j'écrirai, tu écriras, il écrira.

6. Разсматривая суффиксы съ точки зрѣнія ихъ принадлежности къ тѣмъ или другимъ частямъ рѣчи, мы замѣчаемъ, что въ области именныхъ основъ преобладаютъ суффиксы съ согласными, а въ средѣ глаголовъ — съ гласными, напр. а) **урьст-в-ъ, плъ-н-ъ, плъ-къ, сла-м-а, да-р-ъ**; б) **дѣл-а-ти, лик-ова-ти, им-ѣ-ти, ход-и-ти.** Въ группѣ же формъ именеглагольныхъ господствуютъ суф. съ плавными Л, М, Н и съ Т, Ш, напр. **далъ, биемъ, клинъ, клатъ, оумьръше, хвалше, несѫште** и т. п.

7. Различеніе именъ существит. и прилагательныхъ лишь отчасти проведено въ области суффиксовъ. Рядомъ съ такими суф., которые свойственны однимъ сущ. (напр. **ъв, мен, ес, ер** и н. дрг.) или однимъ прилаг. (**ив, ов, ев, тор, ист, аст, оват, ьск, лик, ъш, ьш, ѣиш** и н. др.), мы встрѣчаемъ не мало и безразличныхъ къ двумъ названнымъ категоріямъ именъ, напр. **лжк-ав-ъ** и **рѫк-ав-ъ, тък-ан-ъ** и **истоук-ан-ъ, уьст-ьн-ъ** и **ост-ьн-ъ** и т. п. Можно догадываться, что въ третьей группѣ именныхъ суффиксовъ мы имѣемъ передъ собою болѣе древній ихъ слой, чѣмъ въ двухъ первыхъ, такъ что закрѣпленіе однихъ суффиксовъ за сущ., а другихъ за прилагат. представляетъ результатъ позднѣйшей дифференцировки первичныхъ семемъ. Это могло совершиться вслѣдствіе утраты нѣкоторыми суффиксами (существ.) способности вступать въ сочетаніе съ флексіями всѣхъ трехъ родовъ, которая сохранена другими (прилагат.).

8. Число второстепенныхъ оттѣнковъ, вносимыхъ въ основы суффиксами, очень велико. На нихъ главнѣйше основывается и ими выражается подраздѣленіе именъ сущ. на собственныя и нарицательныя, конкретныя и абстрактныя, единичныя и собирательныя, уменьшительныя и увеличительныя, уничижительныя и ласкательныя, наименованія лица и вещи, орудія и произведенія, дѣйствія и явленія, пространства и времени и т. д.; затѣмъ именъ прилаг. на качественныя и относительныя, уменьшительныя и увеличительныя, положительныя и сравнительныя; числительныхъ на количественныя и порядковыя, цѣльныя и дробныя, единичныя и собирательныя; мѣстоименій на указательныя, вопросительныя и относительныя, опредѣлительныя и неопредѣленныя; именеглаголовъ и глаголовъ на дѣйствительные, средніе и страдательные, мгновенные и окончательные, начинательные, неопредѣленные и усиленно-длительные и т. д. Первоначально суффиксами выражались еще временныя и модальныя семемы глагола; но впослѣдствіи ихъ звуковые символы слились съ флексіями и поглощены ими. Что касается частицъ, то хотя въ ихъ средѣ есть образованія очень древнія, отличенныя особыми суффиксами (см. § 16, 23), однако большинство нарѣчій, предлоговъ и союзовъ развились на флексивной уже почвѣ, почему и семемы ихъ должны быть разсмотрѣны въ связи со значеніями другихъ флексивныхъ формъ.

9. Для полноты системы слѣдовало бы здѣсь разсмотрѣть семазіологическую роль каждаго славянскаго суффикса; но такъ какъ ниже намъ предстоитъ еще говорить о системѣ значеній, выражаемыхъ въ ц. слав. языкѣ основами, то для избѣжанія повтореній мы ограничимся приведенными общими замѣчаніями о суффиксныхъ семемахъ, сдѣлавъ лишь ссылку на помѣщенную ниже главу о значеніяхъ основъ.

§ 29.

Значеніе флексій.

1. Между суффиксными и флексивными семемами нѣтъ глубокаго различія; наоборотъ, послѣднія являются естественнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ первыхъ. Такъ основныя категоріи частей рѣчи, хотя намѣчены уже въ суффиксахъ, но достигаютъ полнаго и законченнаго выраженія лишь во флексіяхъ. То же должно сказать и о многихъ второстепенныхъ подраздѣленіяхъ именъ, мѣстоименій, глаголовъ, напр. именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мѣстоименій неродовыхъ и родовыхъ, глаголовъ личныхъ и неличныхъ и т. п. Но собственнымъ и главнымъ ядромъ семемъ флексивныхъ служитъ выраженіе категорій: а) рода, числа и падежа въ именахъ и б) наклоненія, времени, числа и лица въ глаголахъ.

2. Вникая ближе въ функціи отдѣльныхъ славянскихъ флексій со стороны объема и содержанія, мы замѣчаемъ, что и здѣсь, какъ въ суффиксахъ, логическіе ихъ круги далеко не совпадаютъ по величинѣ и соотношенію своихъ діаметровъ. Въ однихъ случаяхъ флексія имѣетъ тѣсное и опредѣленное, въ другихъ же—очень широкое и сложное значеніе. Такъ напр. падежныя флексіи им. и зват. пп. съ одной стороны, а род., вин. или творит. съ другой очень различны по числу выражаемыхъ ими оттѣнковъ, довольно однородныхъ въ первой группѣ, но весьма разнородныхъ во второй. Точно такъ и въ глаголахъ флексіи наст. вр. или аориста соединяютъ въ себѣ болѣе семазіологическихъ оттѣнковъ, чѣмъ напр. флексіи ц. слав. имперфекта.

3. Причины этихъ различій могутъ быть очень разнообразны; но въ ихъ числѣ едва ли не первенствующее значеніе имѣютъ тѣ же, которыя выше указаны для объясненія сложности нѣкоторыхъ суффиксныхъ семемъ, именно: а) внутреннее развитіе флексивныхъ семемъ, по психическому содружеству выра-

жаемыхъ ими отношеній и б) внѣшнее ихъ развитіе, отъ перенесенія на однѣ флексіи семемъ, выражавшихся прежде другими, ослабѣвшими въ употребленіи или совсѣмъ вымершими. Такъ, если мы вникнемъ въ разнообразные оттѣнки, выражаемые формами твор. пад., то замѣтимъ, что всѣ они представляютъ логическое развитіе изъ основного значенія орудія, понятаго то въ матеріальномъ, то въ отвлеченномъ значеніи. Функціи же словянскаго род. п. лишь съ большими натяжками могутъ быть связаны въ одну логическую цѣпь, такъ какъ онѣ и развились изъ различныхъ источниковъ, а именно: изъ древняго генитива (сродни прилагат. относительнымъ) и древняго аблятива (удалительнаго падежа) языковъ родственныхъ.

4. Дальнѣйшія измѣненія въ значеніи флексій произведены морфологической, а слѣд. и семазіологической абсорпціей. Такъ напр. категорія числа могла выражаться первоначально звуковыми элементами, отличными отъ тѣхъ, которыми обозначаются падежи въ именахъ или лица въ глаголахъ; но въ историческую эпоху жизни славянскаго языка звуковые символы обѣихъ категорій слиты такъ тѣсно, что нерѣдко всѣ этимологическіе реактивы оказываются безсильными для разложенія этихъ сроценныхъ морфемъ. Почти то же должно сказать и о категоріи рода, насколько онъ выражается флексіями. Въ слав. напр. окончаніе **ѣ** или **и**, въ формахъ мѣстн. ед. **о косѣ, о исѣ, о носѣ**, выражаетъ и родъ, и число, и падежъ словъ: **богъ, иго, ногa.**

5. Аналогичнымъ процессомъ слились въ личныхъ окончаніяхъ глагола семемы собственно личныя и числовыя съ временными и модальными. Такъ напр. флексія **И** въ формахъ **несн, ходи, гори** и т. п. выражаетъ и наст. вр., и повел. накл. и 2—3 лл. ед. ч.; флексія же **Є** въ формахъ: **несе, иде, пеуе**— изъяв. накл., аористъ и 2—3 лл. ед. ч. Положимъ, въ формахъ: **несѣте, ходите, идете, пеуете** категоріи лица и числа рѣзче выражены въ составѣ флексій; однако и тутъ нѣтъ полной раздѣльности ихъ отъ категорій времени и наклоненія. Изъ этого видно, что въ слав. языкѣ пріемы выраженія всѣхъ четы-

рехъ разсматриваемыхъ категорій подведены къ одному знаменателю, слиты въ одной нераздѣльной для чувства языка флексивной морфемѣ. Лишь въ формахъ именеглагольныхъ характеръ времени не всосанъ флексіею, а чувствуется въ составѣ основы, наряду и даже слитно со знакомъ залога и другими элементами именеглагольныхъ формъ, напр. **даѭшта, даѥмъ; даѫше, далъ, данъ, битъ; быти, бытоу, бытъ** и т. п.

6. На флексивной почвѣ развились, какъ мы видѣли, и частицы, т. е. нарѣчія, предлоги и союзы; но ихъ связь съ флексивными морфемами, а слѣд. и семемами замѣтна лишь кой гдѣ, напр. въ нарѣчіяхъ образа (со стороны качественной и количественной), сохранившихъ и способность къ степенямъ сравненія, а затѣмъ въ такихъ союзахъ, которые только въ недавнее время выдѣлились изъ среды мѣстоименныхъ склоняемыхъ формъ. Въ другихъ частицахъ, особенно древнихъ предлогахъ и союзахъ, столь же трудно разсѣчь на составные элементы частичныя семемы, какъ и соотвѣтствующія имъ морфемы; слѣд. тутъ и рѣчи не можетъ быть объ особенныхъ значеніяхъ флексій.

7. Разсмотрѣвъ нѣкоторые общіе вопросы, относящіеся къ семазіологіи флексій, намъ слѣдовало бы перейти къ частному анализу флексій: рода, числа и падежа въ именахъ; наклоненія, времени, числа и лица въ глаголахъ, съ ихъ отраженіемъ и развѣтвленіями въ области частицъ; но такъ какъ систематическое изложеніе означенныхъ категорій будетъ представлено ниже, въ главѣ о значеніяхъ словъ, то здѣсь мы ограничимся изложенными соображеніями о жизни и ростѣ флексивныхъ семемъ.

§ 30.

Значеніе основъ.

1. Разсмотрѣвъ значеніе простыхъ элементовъ этимологіи, т. е. семемы корневыя, префиксныя, суффиксныя и флексивныя, перейдемъ теперь къ семемамъ составнымъ и прослѣдимъ систе-

му значеній, выражаемыхъ въ славянскомъ языкѣ во 1) основами и во 2) словами.

2. Подобно тому, какъ во внѣшней природѣ различаются предметы и явленія, существующее въ пространствѣ и совершающееся во времени или, на языкѣ метафизическомъ, матерія и сила; такъ и въ микрокосмѣ человѣческой рѣчи можно замѣтить дуализмъ имени и глагола, этихъ двухъ основныхъ столбовъ и этимологіи, и синтаксиса.

3. Такъ какъ въ средоточіи и именъ, и глаголовъ лежатъ матеріальные корни, выражающіе какой либо признакъ предмета или явленія, то понятно, что и въ тѣхъ, и въ другихъ заключается указаніе на одну изъ характеристическихъ чертъ представленія. Но признакъ этотъ въ именныхъ и глагольныхъ основахъ изображается не безотносительно, а съ нѣкоторыми формальными опредѣленіями. Вотъ тутъ то и заключается причина семазіологическаго различія основъ именныхъ отъ глагольныхъ. Въ первыхъ признакъ изображается сосредоточеннымъ въ какомъ либо реальномъ или воображаемомъ, прямо или косвенно обозначаемомъ предметѣ (субстанціи); во вторыхъ же онъ мыслится не какъ данный, а какъ возникающій, въ опредѣленный моментъ времени (наст., прош., буд.), и притомъ не отвлеченно, а въ зависимости отъ энергіи лица, какъ активнаго производителя или хоть пассивнаго виновника дѣйствія либо явленія. Въ связи съ этимъ находится присутствіе въ глаголѣ особаго рода синтетической силы, идеи связи между главными членами сужденія и предложенія, которая совершенно чужда именамъ, подобно модальнымъ отношеніямъ дѣйствія или явленія. Это различіе обусловлено, кажется, тѣмъ, что имена развились на почвѣ аттрибутивнаго, а глаголы изъ предикативнаго сочетанія элементовъ матеріальныхъ съ формальными. Подробнѣе эта мысль будетъ разъяснена ниже, въ синтаксическомъ отдѣлѣ.

4. Было время, когда и въ арійскихъ языкахъ категоріи имени и глагола не были еще вполнѣ дифференцированы. Всего ближе къ этому древнѣйшему значенію основъ стоятъ основы

именеглагольныя (прич., инфин., супинъ), въ которыхъ скрещиваются представленія признака сосредоточеннаго въ предметѣ и вмѣстѣ возникающаго въ условіяхъ времени и въ извѣстныхъ то активныхъ, то пассивныхъ отношеніяхъ къ производителю, напр. **дѧ**, **давъ**, **далъ**; **даѥмъ**, **данъ** и т. п. Лишь отсутствіе прямого указанія на энергію лица, отношеній къ модальности выраженія и синтетической силы въ составѣ предложенія отличаетъ личныя формы глагола отъ неличныхъ или именеглагольныхъ. Въ ходѣ развитія языка глагольная сила послѣднихъ все возрастаетъ и наконецъ совершенно закрываетъ именные слои семемъ. Такъ напр. причастіе на Л уже очень рѣдко употребляется въ опредѣлительномъ сочетаніи, т. е. въ нормальной роли прилагательнаго; въ русскомъ же языкѣ оно постепенно приняло семазіологическія функціи личныхъ формъ глагола, съ обозначеніемъ модальности (изъявит. накл.) и силой синтеза въ составѣ предложенія.

5. Не исключена однако возможность и другого направленія въ развитіи древнѣйшихъ именеглагольныхъ семемъ. Оттѣнокъ признака возникающаго, въ зависимости отъ производителя и въ условіяхъ времени, можетъ постепенно затемняться и наконецъ замѣниться оттѣнкомъ признака уже возникшаго, даннаго и въ извѣстной степени сосредоточеннаго на неопредѣленномъ или опредѣленномъ производителѣ, какъ аттрибутъ или клеймо послѣдняго. При этихъ условіяхъ семема причастная превращается въ прилагательную или существительную. Подобный переходъ легко видѣть при сравненіи напр. ц. слав. прич. **далъ**, **подалъ**, **оудалъ** съ рус. прилаг. удалъ, удалый и сущ. удаль, удалецъ.

6. Изъ приведенныхъ соображеній видно, что именеглаголы лежатъ какъ бы на водораздѣлѣ именъ и глаголовъ, заключая въ себѣ морфологическіе и семазіологическіе источники какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Вотъ чѣмъ объясняется и обширная роль причастныхъ суффиксовъ въ образованіи прилагательныхъ и существительныхъ основъ.

7. Переходя затѣмъ къ болѣе частному разграниченію родовой категоріи имени на видовые ея оттѣнки, мы прежде всего останавливаемся на отношеніи именъ существительнымъ къ прилагательнымъ. Вся разница между ними заключается въ томъ, что въ сущ. дается опредѣленное, а въ прил. лишь неопредѣленное указаніе на носителя признаковъ, выражаемыхъ именною основою, напр. **мѫдръ** (кто?) и **мѫдрьць** (субстанція реальная), **мѫдрость** (субстанція грамматическая). Оттого то прилагательное тяготѣетъ обыкновенно въ составѣ предложенія къ какому либо существительному, уподобляясь ему своими флексіями, чѣмъ и обусловлено родовое движеніе прилагательныхъ. Если же отъ частаго приложенія одного эпитета къ извѣстному предмету два соотвѣтствующія представленія срастаются до неразрывной связи, то прилагательное застываетъ въ одной родовой формѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ становится словеснымъ символомъ признака субстантивированнаго, т. е. превращается въ существительное, напр. **благо, ѕло, вечерьникъ, обѣдьникъ** и т. п. Изъ этого видно, что прилагательныя является подпочвою и какъ бы грамматическимъ праотцемъ существительныхъ.

8. Другую морфологическую группу склоняемыхъ формъ составляютъ, какъ мы видѣли, мѣстоименія. Хотя и они предположительно происходятъ изъ того же источника, что имена, однако и внѣшняя форма и внутренній смыслъ рѣзко выдѣляютъ ихъ въ особую группу, хотя и соподчиненную основной — именной. Ихъ роднитъ съ именами то же аттрибутивное отношеніе между матеріальными и формальными элементами слова, но различаетъ блѣдный, безцвѣтный, метафизическій характеръ признака, лежащаго въ ядрѣ мѣстоименныхъ основъ. Признакъ этотъ представляетъ не одну изъ объективныхъ характеристическихъ чертъ предмета, какъ въ именахъ, а наоборотъ, чисто субъективное къ нему отношеніе, родъ указательнаго жеста по направленію къ созерцаемому глазами или мыслію объекту.

9. Подобно тому, какъ въ именахъ обозначеніе носителей признаковъ можетъ даваться опредѣленное (сущ.) или неопредѣленное (прил.), такъ и въ мѣстоименіяхъ мы встрѣчаемъ то

опредѣленнаго, то неопредѣленнаго носителя соотвѣтственныхъ отношеній. На этомъ основывается различеніе мѣстоименій неродовыхъ (**азъ, ты, сѧ**) и родовыхъ (**онъ, тъ, сь, мои, твои, иже, ютеръ** и т. п.): въ первыхъ указывается опредѣленный предметъ, намѣченный говорящимъ со стороны своихъ соотношеній съ другими предметами; въ послѣднихъ же выражаются соотношенія предмета неопредѣленнаго, требующаго ближайшаго прямого или косвеннаго обозначенія.

10. Разрядъ числительныхъ имѣетъ въ языкѣ уже болѣе второстепенное значеніе. Онъ не отдѣленъ рѣзкой гранью отъ именъ и мѣстоименій, занимая срединное положеніе между этими двумя именными полюсами. Въ ядрѣ числительныхъ мы встрѣчаемъ то качественные, то указательные корни; но и первые употребляются въ этой роли лишь въ опустѣломъ, соотносительномъ значеніи, подобно мѣстоименіямъ. Это показываетъ, что и въ числительныхъ выражаются не объективные признаки предмета, а соотношеніе его съ другими въ категоріи количества.

11. Персонифицировавъ отвлеченныя отношенія, выражаемыя отчасти именами, а еще болѣе мѣстоименіями, въ образѣ грамматическихъ личностей, языкъ не затруднился сдѣлать то же и съ обозначеніемъ количественныхъ отношеній предметовъ. Такъ получились имена числительныя, съ подраздѣленіемъ опять на двѣ группы: неродовыхъ (сущ.) и родовыхъ (прил.), смотря по степени опредѣленности обозначенія этихъ грамматическихъ субстанцій, напр. **пать** и **патьи, шесть** и **шестьи, сто** и **сътьи** и т. п.

12. Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ семазіологическія основы, на которыхъ опирается различеніе въ языкѣ категорій имени и глагола, а затѣмъ существительныхъ и прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ безродовыхъ и родовыхъ, мы можемъ перейти далѣе къ разсмотрѣнію болѣе второстепенныхъ подраздѣленій въ области тематическихъ семемъ сначала имени и его видовъ, а затѣмъ глагола съ его разновидностями.

13. Какъ ни различны съ логической точки зрѣнія представленія единичныя и видовыя, однако въ языкѣ они не различаются особыми морфологическими пріемами. Тѣ же корни, тѣ же основы и даже флексіи встрѣчаемъ мы и въ именахъ собственныхъ, и въ именахъ нарицательныхъ. Можно даже замѣтить, что всѣ имена собственныя—какъ личныя, такъ и мѣстныя—развились изъ нарицательныхъ и развиваются изъ нихъ до настоящаго времени, напр. **Сватоплъкъ** изъ **сватъ** + **плъкъ**; **Каштеславъ** изъ **каштa** + **слава**; **Царьградъ** изъ **цьсарь** + **градъ** и т. п. Во всякомъ случаѣ, разсматриваемая категорія имени принадлежитъ къ числу скрытыхъ семемъ языка, для которыхъ нѣтъ особаго звукового знака въ составѣ основы или слова. Вотъ почему въ письменномъ языкѣ должны были прибѣгнуть для различенія именъ собственныхъ отъ нарицательныхъ къ такому механическому пріему, какъ употребленіе большой или малой начальной буквы. Въ ц. слав. языкѣ однако и этотъ пріемъ не употреблялся, такъ что названія личныя или мѣстныя ничѣмъ не выдѣлялись на письмѣ отъ видовыхъ, родовыхъ или отвлеченныхъ.

14. Представленія ощутимыхъ и мыслимыхъ (конкретныхъ и абстрактныхъ) предметовъ также не имѣютъ для себя звукового выраженія въ области основъ. Аналогичныя морфемы могутъ выражать и первые, и вторые, напр. **слоухъ**, **доухъ**; **трава**, **слава**; **земля**, **воля**; **море**, **горе**; **колесе**, **оудесе** и т. п. Да это и понятно: представленія отвлеченныя развиваются изъ чувственныхъ, слѣд. должны имѣть сходные съ ними словесные символы. Впослѣдствіи различіе чувственнаго отъ мыслимаго стало рѣзче выдвигаться въ язычной области, почему нѣкоторые суффиксы и утвердились за отвлеченными представленіями, особенно именеглагольные и родственные съ ними (съ согласными **т**, **н**, **л**), напр. **оусть**, **милость**, **мьуътъ**, **красота**, **оуѹьство**; **истина**, **грѣдыни**; **оучило**, **печаль**, **погыбѣль** и т. п. Въ области флексій дифференцировка ощутимыхъ и мыслимыхъ представленій выразилась въ нерасположеніи языка къ употребленію словъ отвлеченныхъ въ формахъ множ. числа.

15. Къ отвлеченнымъ сущ. принадлежали первоначально формы слав. инфинитива и супина; но уже рано онѣ выдѣлились въ семазіологическомъ отношеніи, вслѣдствіе ослабленія силы флексій и проникновенія именной семемы многими глагольными элементами. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи инфинитивъ заимствовалъ отъ личныхъ формъ глагола даже часть характеризующей послѣднія синтетической силы въ составѣ предложеній; но это произошло уже на почвѣ флексивной и будетъ ближе разсмотрѣно ниже, въ синтактическомъ отдѣлѣ грамматики.

16. Группа именъ собирательныхъ (collectiva) и сплошныхъ или вещественныхъ (materialia), означающихъ не отдѣльныя особи, а совокупность живыхъ существъ или неорганическихъ частицъ сборнаго представленія, не выдѣлена въ языкѣ особыми пріемами словообразованія. Если мы сравнимъ напр. пары словъ: а) **чадь** и **падь**, **стадо** и **чадо**, **братия** и **сѫдия**, **дроужина** и **старьшина**, или б) **мѫка** и **ржа**, **пѣсъкъ** и **кѫсъкъ**, **злато** и **длато** и т. п., то замѣтимъ полное тожество морфемъ для представленій особныхъ съ одной стороны, а собирательныхъ и сплошныхъ съ другой. Лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ флексивнаго движенія и предикативнаго словосогласованія послѣднихъ отражается, хотя и слабая, попытка языка выдѣлить формы соотвѣтствующихъ категорій.

17. Категорія именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ ничѣмъ не обозначена въ славянскомъ языкѣ. Тѣ же формы мы находимъ въ обѣихъ группахъ именъ, напр. **рабъ** и **ядъ**, **крава** и **клада**, **вѣдьма** и **слама**, **свекръ** и **тыкъ** и т. п. Впрочемъ родовая характеристика всѣхъ безъ исключенія именъ показываетъ, что всѣ предметы не только внѣшняго наблюденія, но и внутренняго созерцанія являются въ языкѣ въ олицетвореніяхъ, слѣд. съ чертами предметовъ живыхъ, одушевленныхъ. Если же мы встрѣчаемъ однако во флексіяхъ (напр. въ род. ед. I скл.) различеніе именъ одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть очень поздній и вторичный пріемъ, который къ тому же не распространился на имена жен. рода,

а потому объясняется скорѣе звуковыми, чѣмъ семазіологическими особенностями этихъ флексій.

18. Отношеніе личнаго дѣятеля (nomen agentis) выражается въ основахъ особыми характеристическими суффиксами, каковы: ар, тан, тух, тун, тел, их, ьц, ач и н. дрг., напр. **лѣкарь, ходатаи, пастоухъ, пѣстоунъ, дѣлатель, женихъ, коупьць, тѣкачь** и т. п. Но во многихъ случаяхъ въ основахъ съ такимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ и совершенно блѣдные по функціямъ суффиксы, напр. **съпасъ, пророкъ, слоуга**, заика и т. п.

19. Слабо дифференцированы въ средѣ именъ отношенія дѣйствія (акта) и произведенія (продукта). Такъ напр. въ формахъ: **письмо, дѣло, сѣтѧжаніе** и т. п. соединяются субъективные и объективные моменты соотвѣтствующихъ представленій. Въ связи съ этимъ находится и смѣшеніе въ именахъ сущ. отношеній активнаго и пассивнаго (напр. **оученіе, мжченіе, оутѣшеніе** и т. п.), которыя рѣзче разграничены въ славянскомъ языкѣ лишь въ средѣ именеглаголовъ и личныхъ формъ глагола.

20. Отношеніе орудія также не имѣетъ для своего словеснаго выраженія спеціальныхъ формъ, какъ видно изъ параллельныхъ морфемъ: **лжкъ и квасъ, кыи и гнои, врѣтено и соукно, ирьмо** и **письмо, вѣдро** и **ѣдро, млатъ** и **листъ, клешта** и **гашта, шило** и сало, гдѣ первый членъ каждой пары выражаетъ отношеніе орудія, а второй произведенія.

21. Изъ пространственныхъ отношеній довольно явственно выдѣляется мѣстонахожденіе какого либо предмета или дѣйствія суффиксомъ **иште**, напр. **градиште, огниште, поприште, пепелиште, гноиште**. Впрочемъ тотъ же суффиксъ встрѣчается еще и въ названіяхъ орудія (топорище) и именахъ уничижительныхъ (идолище, ручища).

22. Категорія времени не имѣетъ характеристическаго знака въ области именныхъ основъ. Это явствуетъ изъ сравненіи напр. словъ: **пора-нора; весна-сосна; годъ-родъ; дьнь-пьнь; годин[illegible]роужина; седьмица-десьница; мѣсяць-ѕлѣзь** и т. п.

23. Довольно явственно выдѣлены въ основахъ именъ отношенія: а) увеличительное и уменьшительное и б) уничижительное и ласкательное, которыя нерѣдко переплетаются и смѣшиваются въ язычномъ употребленіи. Основы увеличительно-уничижительныя характеризуются обыкновенно суффиксами съ К, Г, Х, С, ШТ, а основы противоположныя—суффиксами съ К и Ц, напр. а) писака, пьянюга, проидоха, плакса, идолище, **прътишть**, и б) **сынъкъ, садикъ, сжуьць, отьць, лъжица**. Дополнительнымъ пріемомъ для аналогичнаго различенія полноты или недостаточности въ обнаруженіяхъ матеріальнаго содержанія основы служатъ нѣкоторые префиксы, напр. раскрасавица, архиплутъ; **пасынъкъ, паробъкъ**, паглинокъ, суглинокъ, сукровица и т. п.

24. На этомъ пунктѣ существительныя соприкасаются съ прилагательными, которыя также выражаютъ то суффиксами, то префиксами различные количественные оттѣнки въ обнаруженіяхъ обозначаемыхъ корнемъ признаковъ. Сравнивая напр. рус. формы: пустоватъ, глуповатъ, подслѣповатъ (δπότυφλος), пасмурный, или ц. слав. **нароусъ** subrufus, **наурьвенъ** (δπόχροος) съ одной стороны, а рус. усастый, рѣчистый, здоровенный, тьматьмущая, разудалый, наилучшій, наибольшій и ц. слав. **прѣкрасьнъ, прѣблагъ** и т. п. съ другой, мы замѣчаемъ оттѣнокъ уменьшительный въ первомъ ряду, а увеличительный во второмъ.

25. Къ этимъ оттѣнкамъ количественнаго измѣренія то предметовъ, то ихъ качествъ относится и категорія степеней сравненія, которая выражается въ ц. слав. языкѣ основами съ суф. **ьш** и **ѣиш** и соотвѣтствуетъ компаративу языковъ родственныхъ. Что касается суперлатива, т. е. язычнаго обозначенія высшихъ предѣловъ или безконечныхъ величинъ въ количественной оцѣнкѣ качествъ или признаковъ извѣстнаго предмета и явленія, то славянскій языкъ не далъ этимологическаго развитія этой категоріи, какъ будто выражая тѣмъ, хотя и безсознательно, скептическій взглядъ народа на объективное существованіе идеальнаго совершенства или абсолютной негодности предметовъ внѣшняго наблюденія и внутренняго созерцанія.

Ослабленіе въ слав. языкѣ силы степенныхъ формъ прилагательнаго выразилось между прочимъ и въ утратѣ сравнительнаго и превосходнаго значенія древнихъ суффиксовъ тер, то, мо, которые сохранились въ словахъ: **ѥтеръ, которъıи, въторъıи; патъıи, шестъıи, десатъıи: седмъıи, осмъıи**, и которые соотвѣтствуютъ по происхожденію греч. τερος, τατος и лат. mus въ βέλτερος, βέλτατος, optimus и т. п.

Образованіе префиксованныхъ и описательныхъ формъ превосходной степени въ славянскихъ нарѣчіяхъ (напр. рус. наилучшій, самый лучшій) принадлежитъ уже позднѣйшему времени, почему они значительно расходятся въ пріемахъ ея обозначенія.

26. Изъ среды прилагательныхъ качественныхъ, способныхъ къ степенному движенію (компараціи), слав. языкъ выдѣлилъ до извѣстной степени особыми суффиксами (j, **ов, ьск, ьн, ин**) прилагательныя относительныя, выражающія два оттѣнка: а) внѣшнюю зависимость предметовъ и б) внутреннюю ихъ связь, напр. а) **Царь-градъ, Іисоусови оученици, кънази людьстии, столъ отьнь и дѣдьнь**; б) **желѣзънъ, ношътьнъıи, блиꙁьнь, нижьнь, звѣринъ** и т. п. Существенное различіе въ значеніяхъ прил. качественныхъ и относительныхъ лучше всего выражается въ томъ, что послѣднія не вводятся въ систему компараціоннаго движенія первыхъ. Измѣряя до извѣстной степени градусы интензивности въ обнаруженіяхъ объективныхъ качествъ того или другого предмета, языкъ не счелъ нужнымъ различать большую или меньшую степень внѣшней зависимости или внутренней сопринадлежности его съ другимъ.

27. Къ прилагательнымъ относительнымъ примыкаютъ до извѣстной степени причастія. Они также выражаютъ не столько объективные признаки или качества извѣстнаго предмета, сколько субъективныя его отношенія къ дѣйствію или явленію, чѣмъ и обусловлена связь этихъ прилагательныхъ съ категоріями залога и времени. Этимъ же соотносительнымъ моментомъ въ семемахъ причастныхъ объясняется ихъ неспособность къ компараціи. Она врывается въ кругъ причастныхъ

образованій лишь тогда, когда совершенно вывѣтривается ихъ соотносительное значеніе и когда субъективные глагольные элементы тонутъ на днѣ болѣе объективныхъ именныхъ, что замѣтно напр. въ рус. отпричастныхъ прилагательныхъ: удалый, постылый, проклятый и т. п.

28. Переходя затѣмъ отъ именъ къ мѣстоименіямъ, мы можемъ сгруппировать разнообразные ихъ оттѣнки въ слѣдующихъ семи классахъ: а) мѣст. личныя; б) м. притяжательныя; в) м. указательныя; г) м. неопредѣленныя; е) м. вопросительныя; ж) м. относительныя и з) м. опредѣлительныя.

29. Мѣстоименія личныя: **азъ, ты, са** выдѣляются изъ среды остальныхъ не только особыми флексіями, но и разнообразіемъ основъ въ отдѣльныхъ склоняемыхъ формахъ (см. § 16, 8). Ихъ логическою почвою является необходимость выдѣлить главныя дѣйствующія лица на сценѣ рѣчи, именно: говорящаго, слушающаго и того, о комъ идетъ разговоръ. Діалогическій фонъ языка отражается здѣсь между прочимъ въ отсутствіи для 3 л. основы им. и зв. падежей, такъ какъ слово **са** употребляется только въ косвенныхъ падежахъ, и то въ значеніи не спеціально 3 л., а лишь наряду съ обозначеніемъ объектовъ возвратнаго дѣйствія двухъ первыхъ лицъ. Мѣстоименія же **онъ, тъ** и т. п. принадлежатъ собственно къ другой группѣ мѣстоименій (указательныхъ) и лишь за отсутствіемъ спеціальнаго мѣстоименія 3 л. фунгируютъ въ роли послѣдняго.

30. Самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ къ мѣст. личнымъ притяжательныя, аналогичныя первой группѣ прил. относительныхъ. Они образованы въ слав. суффиксами ои, j, изъ основъ род. пад. личныхъ мѣстоименій: **мене, тебе, себе** — **мои, твои, свои**; **насъ, васъ** — **нашь, вашь**; а также и: **еговъ, еинъ**, рус. ейный, ихный и т. п. Ниже мы увидимъ, что формы род. п. многими сторонами соприкасаются съ прил. притяжательными; не удивительно, что и въ области мѣстоименій чувствуется эта связь. Позднѣйшій возрастъ мѣст. притяжательныхъ отражается и на родовомъ ихъ движеніи, которое не задѣло еще

мѣстоименій личныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новообразованій дв. числа.

31. Средоточіемъ и чистѣйшимъ выраженіемъ мѣстоименныхъ формъ служитъ ихъ третья группа, обнимающая мѣст. указательныя. Они соотвѣтствуютъ указательнымъ жестамъ говорящаго и имѣютъ цѣлью изъ массы предметовъ природы или созерцанія выдѣлять именно тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Вотъ почему изъ круга указательныхъ мѣстоименій заимствуется обыкновенно членъ, индивидуализирующій слова и представленія. Въ ц. слав. языкѣ также есть зародыши такого употребленія указат. мѣстоименія **сь** (напр. **родо-сь**, **дьнє-сь**), развитые въ нарѣчіи болгарскомъ въ видѣ постпозиціоннаго члена т, от, та, то, тѣ.

Отношенія отдаленнаго и близкаго между наблюдателемъ и предметами выражаются до извѣстной степени въ славянскомъ языкѣ мѣстоименіями **тъ** и **сь**, **онъ** и **овъ** и производными отъ нихъ.

32. Въ области неопредѣленныхъ мѣстоименій ц. слав. представляетъ лишь одну прямую форму **ѥтеръ**, образованную совершенно аналогично вопросительному **который** и числит. **ѣтьрьи**, изъ того самаго корня, который лежитъ въ указат. **и-же** и вопросит. **ѩкъ**, **ѥгда** и т. п. Уже изъ этого можно заключать, что неопредѣленныя мѣст. занимаютъ средину между указательными и вопросительными, представляя либо ихъ основаніе, недифференцированное еще на контрасты вопроса и отвѣта (указанія), либо позднѣйшее семазіологическое вырожденіе. То же подтверждается составомъ сложныхъ словъ неопредѣленно-мѣстоименнаго значенія, напр. ц. слав. **нѣкъто**, **нѣчьто**, **къто-коли**, рус. кто-то, что-то и т. п.

33. Мѣстоименія вопросительныя, наряду съ указательными, представляютъ второй центръ этого разряда основъ. Если мы сравнимъ указат. мѣст. съ однимъ изъ пріемовъ ораторской жестикуляціи, то мѣст. вопросит. придется подвести подъ разрядъ пріемовъ мимической экспрессіи.

Въ указательныхъ мѣст. главную роль играютъ корни съ переднеязычными согласными (**тъ, сь, онъ**); въ вопросительныхъ же, наоборотъ, видимъ преобладаніе корней съ заднеязычными и рѣже среднеязычными согласными (**къи, коликъ, чии, ѥкъ**, и т. п.). Пріемы же образованія ихъ основъ замѣчательно аналогичны, почти тожественны, напр. **къи-тъи, коликъ-толикъ, ѥкъ-такъ** и т. п. Очевидно, что оба вида мѣст. развивались на той же почвѣ, въ ходѣ діалогической смѣны вопросовъ и отвѣтовъ, возраженій и указаній.

34. На той же діалогической основѣ развились и мѣстоименія относительныя, которыя не имѣютъ спеціальныхъ корней, даже особыхъ основъ, а представляютъ дальнѣйшее семазіологическое развитіе изъ основъ указательныхъ и вопросительныхъ, напр. **иже-тъ; ѥкъ-такъ, ѥликъ-толикъ, селикъ** и т. п. Первоначальное указательное и вопросительное значеніе такихъ соотносительныхъ мѣстоименій значительно ослабѣло; остались однѣ тѣни вопроса и отвѣта, аналогично тому, что мы встрѣчаемъ при обращеніи имени конкретнаго въ абстрактное или вопроса прямого въ косвенный.

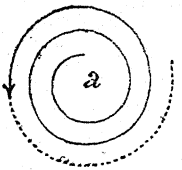
35. Послѣднюю группу мѣстоименій представляютъ опредѣлительныя, каковы напр. **самъ, тьѯъ, вьсь, вьсѣкъ, кыждо, инъ, дроугъи** и т. п. Группа эта лежитъ на переходѣ отъ мѣстоименій къ относительнымъ прилагат. съ одной стороны, а порядковымъ числительнымъ съ другой. Это видно и изъ дуализма нѣкоторыхъ склоняемыхъ формъ такихъ мѣстоименій, напр. **самого** и **самаго, вьсѣкого** и **вьсѣкаго, иного** и **инаго, дроугого** и **дроугаго** и т. п. Вторыя формы могутъ конечно быть объяснены и дѣйствіемъ аналогіи склоненія сложнаго на мѣстоименное; но само это дѣйствіе было если не вызвано, то облегчено близостію функцій относительныхъ прил. и опредѣлительныхъ мѣст. Что касается затѣмъ близости послѣднихъ къ числит. порядковымъ, что она явствуетъ напр. изъ формъ: **инъ, дроугъи**, которыя кромѣ мѣстоименнаго имѣютъ и числительное употребленіе, въ значеніи близкомъ къ **ѥдинъ, въторъи**.

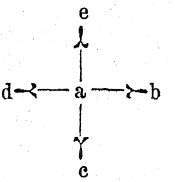
36. Числительныя имена распредѣлены въ слав. языкѣ на три основныя группы: а) количественныя, б) порядковыя и в) собирательныя, соотвѣтствующія до извѣстной степени а) существительнымъ отвлеченнымъ, б) прилагательнымъ и в) сущ. собирательнымъ, а отчасти мѣстоименіямъ неопредѣленнаго и опредѣлительнаго значенія. Это отражается и на формѣ числительныхъ: одни изъ нихъ образованы аналогично сущ. отвлеченнымъ (напр. **пать, шесть, десать**), другія сходно съ прилаг. сравнительной или превосходной степени (**къторъıи, третіи, чєтврътъıи, седмъıи, осмъıи** и т. п.), третьи какъ мѣстоим. (**ıединъ**, рус. самъ-другъ, самъ-третей и т. п.). Категорія числит. собират. довольно явственно выдѣлена въ слав. яз. суффиксами **ои** и **ер, ор**, напр. **дъвоıе, обоıе, троıе**; **чєтверъı** и **чєтворъı, седморъı** и т. п.

37. Переходя отъ склоняемыхъ частей рѣчи къ спрягаемымъ, мы прежде всего замѣчаемъ, что и въ средѣ глаголовъ есть двѣ группы, взаимное отношеніе которыхъ аналогично отношенію именъ къ мѣстоименіямъ. Первымъ соотвѣтствуютъ глаголы самостоятельные, а второмъ вспомогательные по употребленію или, что тоже, глаголы матеріальные и формальные, конкретные и абстрактные, полные и опустѣлые по значенію. Такъ напр. глаголы: **ıесмь, бѫдѫ, станѫ, начьнѫ, хоштѫ**, въ сочетаніяхъ съ именеглаголами при образованіи составныхъ временныхъ формъ, имѣютъ чисто формальное значеніе, аналогичное временнымъ суффиксамъ другихъ языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что глаголы формальные развились изъ матеріальныхъ и развиваются изъ нихъ непрерывно до настоящаго времени, путемъ постепеннаго вывѣтриванія корневой семемы.

38. Вторая категорія, едва замѣченная въ имени, но широко развитая въ области глагола, есть категорія залога. Она основывается на обозначеніи въ глаголѣ не только самаго дѣйствія или явленія, но и различныхъ отношеній послѣднихъ то къ субъекту, то къ объекту выраженія. Если напр. глаголъ выражаетъ дѣйствіе или явленіе, сосредоточенное въ производителѣ и не имѣющее внѣшняго объекта, то мы получаемъ залогъ

средній; при существованіи же такого объекта—дѣйствительный. Вслѣдствіе преобладанія въ среднихъ глаголахъ отношеній къ субъекту, а въ дѣйствительныхъ къ объекту, мы можемъ назвать первые субъективными, а вторые объективными. Графически это различіе можно обозначить такъ:





Обозначаемый буквою a признакъ раскрывается въ обоихъ залогахъ въ видѣ энергіи, исходящей отъ производителя, но съ тѣмъ различіемъ, что въ глаголахъ среднихъ эта энергія распространяется по спирали, безъ опредѣленной и намѣченной цѣли движенія, въ дѣйств. же глаголахъ она стрѣлой направляется къ тому или другому внѣшнему предмету, достигая его прямо или косвенно, фактически или въ намѣреніи.

39. Можно предполагать, что этотъ дуализмъ глаголовъ субъективныхъ и объективныхъ не имѣлъ первоначально въ языкѣ строгаго и послѣдовательнаго разграниченія. По крайней мѣрѣ онъ лишь слабо выражается въ формахъ славянскаго глагола. Такъ глаголы перваго класса довольно равномѣрно распредѣляются между группами глаголовъ среднихъ и дѣйствительныхъ, напр. а) **пасти, расти, ити, мошти, бъıти**; б) **вести, сѣшти, дати** и т. п. Въ глаголахъ II и V' клл. замѣчается уже преобладаніе средняго залога, напр. а) **гаснѫти, кыснѫти, мокнѫти, дрьзнѫти**; б) **бъдѣти, ръдѣти, лежати, мльчати** и т. п.; но не мало встрѣчаемъ мы и здѣсь гл. дѣйств., напр. а) **двигнѫти, клюнѫти, врьгнѫти**; б) **врьтѣти, штадѣти, дрьжати** и т. п. Во всѣхъ остальныхъ классахъ (III, IV', VI) преобладаетъ залогъ дѣйствительный, напр. а) **орати, рѣзати, ковати, бьрати**; б) **цѣловати, именовати, воювати**; в) **боудити, дѣлити, гоубити, гонити**. Средніе глаголы встрѣчаются и въ этихъ классахъ, но въ меньшемъ числѣ, напр. а) **бѣгати, падати, рыдати, страдати**; б) **ликовати, безоумьствовати**; в) **ходити, ѣздити, моудити**.

Изъ этого можно заключать, что не только односложныя, но и многосложныя глагольныя основы не имѣли первоначально залоговой опредѣленности, которая выработалась постепенно, процессомъ семазіологической дифференцировки. Это видно впрочемъ и изъ исторіи славянскаго языка. Многіе глаголы, употребляемые теперь въ одномъ среднемъ залогѣ, имѣли нѣкогда и дѣйствительное значеніе, напр. **жикъıи аньгельско житиѥ; ити шьствиѥ; плоүти поүүинѫ морьскѫ; плаκаахѫ мрѣжа.** Да и мы сочетаемъ иной разъ глаголы средніе съ объектами въ вин. п., напр. думать думу, вѣкъ вѣковать, горе горевать, кличъ кликать и т. п. То же наконецъ доказываетъ употребленіе многихъ среднихъ глаголовъ въ формахъ причастій страдательнаго залога, который во всѣхъ языкахъ является коррелятивомъ дѣйств., а не средняго залога, напр. **мѣсто лежимо срѣдѣ рѣцѣ; на дрѣвѣ висимъ; огнь неоүгасаѥмъıи; бъıваѥмъıи, слѣдоүѥмъıи** и т. п.

40. Изъ того обстоятельства, что глаголы одного класса употребляются если не исключительно, то предпочтительно въ среднемъ, а другого въ дѣйствительномъ залогѣ, можно заключать о различномъ отношеніи суффиксовъ къ категоріи залога: суффиксы напр. **нѫ** и **ѣ** по значенію ближе къ категоріи средняго, а суф. **л, ова,** и къ категоріи дѣйствительнаго залога. Но изъ этого не слѣдуетъ, что разсматриваемая категорія основывается исключительно на суффиксаціи; наоборотъ, она опирается и на особенностяхъ вокализаціи глагольнаго корня, и на предложныхъ префиксахъ, что видно при сравненіи напр. паръ: а) **къдѣти и коүдити; висѣти и вѣсити; къıснѫти и кваситн; сѣсти и садити; поүити и покоити; дъıшати и доүшити;** б) **ити и нлити; пасти и напасти; бъıти и ѯабъıти; стѫпити и прѣстѫпити.**

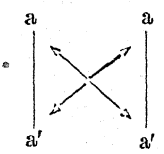
Усиленіе корневой вокализаціи символизуетъ усиленіе экстензивности или интензивности въ обнаруженіяхъ дѣйствія или явленія, а потому легко отражается на его объективированіи въ залоговомъ отношеніи. Точно такъ и предлоги, оттѣняя направленіе глагольнаго дѣйствія, увеличиваютъ его опредѣлен-

ность, а слѣдов. и воздѣйствіе на объекты мысленнаго созерцанія и словеснаго выраженія.

41. Къ частнымъ оттѣнкамъ дѣйствительнаго залога принадлежатъ залоги возвратный и взаимный. Оба образованы присоединеніемъ къ глаголу мѣстоименія возвратнаго **сѧ**, которое служитъ для дѣйствит. глагола внѣшнимъ объектомъ, но такимъ, который является въ то же время и субъектомъ выраженія: субъектъ и объектъ глагольнаго дѣйствія при этомъ совпадаютъ въ одномъ представленіи. Графически мы можемъ изобразить возвратный залогъ такъ:

Субъектъ a служитъ тутъ и исходной, и конечной точкой дѣйствія, напр. **моѭсѧ, лѣѹжсѧ, оуѹжсѧ.**

42. Если при глаголѣ съ возвратной привѣчкой **сѧ** субъектомъ дѣйствія является лицо не единичное, а собирательное, то глаголъ принимаетъ новый залоговый оттѣнокъ, который мы можемъ графически изобразить такъ:



Субъектъ A тутъ распадается на двѣ части: a + a′, которыя служатъ порознь и исходными пунктами, и конечными точками въ обнаруженіи глагольнаго дѣйствія, но такъ, что его направленія скрещиваются или преломляются при объективированіи, вслѣдствіе чего получается оттѣнокъ дѣйствія возвратнаго въ отношеніи къ цѣльному представленію, но взаимнаго въ отношеніи къ отдѣльнымъ его частямъ, напр. войска сражаются; милые бранятся, только тѣшатся. Субъектъ и объектъ дѣйствія совпадаютъ и тутъ грамматически, но не логически, почему подобные глаголы выдѣляются въ особую залоговую группу глаголовъ взаимныхъ: дѣйствіе возвратное для собирательнаго производителя является взаимнымъ для составныхъ его единицъ.

44. Нерѣдко мы встрѣчаемъ въ сочетаніи съ **сѧ** глаголы, которыхъ дѣйствит. залогъ уже не чувствуется, почему и возвратъ дѣйствія на производителя не сознается, а сознается лишь

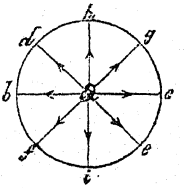
отсутствіе при глаголѣ опредѣленнаго объекта, т. е. средній залогъ, напр. **каятиса, боятиса, надѣятиса, повиноватиса** и т. п.

45. Въ концѣ этого длиннаго ряда семазіологическихъ превращеній глаголовъ на **ся** лежитъ ихъ употребленіе въ страдательномъ залогѣ, при которомъ выражаемое глаголомъ дѣйствіе не исходитъ уже отъ главнаго грамматически предмета выраженія, а лишь падаетъ на него, какъ на внѣшній объектъ этого дѣйствія, напр. **люблашеса паче вьсѣхъ Иоанъ господьмь.** Что страдат. залогъ можетъ развиться изъ средняго, видно изъ ц. слав. **погыбнѫти** ἀπόλλυσθαι; **омрькнѫти** occte opprimi; **оуѧзнѫти** prehendi, ἁλίσκεσθαι, или изъ рус. залегла та дорога отъ Соловья разбойника; вся поднебесная осіяла молніею.

46. Славянскій языкъ развилъ впрочемъ и прямыя этимологическія формы для обозначенія пассивнаго отношенія главныхъ предметовъ выраженія къ глагольному дѣйствію: это причастныя формы съ суффиксами м, н, т, напр. **несомъ, данъ, въѧзатъ.** Чрезъ присоединеніе къ этимъ причастіямъ личныхъ формъ глаголовъ вспомогательныхъ (формальныхъ) образуется цѣлая сѣть пассивныхъ оборотовъ, съ различными временными и модальными оттѣнками, напр. **въѧзатъ ѥсмь, бѣхъ, бѣахъ, бѫдѫ** и т. п. Страдательный залогъ представляетъ противоположный логическій полюсъ въ отношеніи къ дѣйствительному, а отчасти и къ среднему, съ ихъ разновидностями, такъ какъ въ первомъ отношеніе дѣйствія къ субъекту совершенно другое, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, а именно: въ дѣйствит. (съ возвратнымъ и взаимнымъ) и среднемъ залогахъ главный предметъ выраженія (грамматическое подлежащее) является производителемъ дѣйствія или явленія, тогда какъ въ страд. залогѣ, наоборотъ, онъ служитъ воспринимателемъ послѣднихъ; другими словами, въ оборотѣ дѣйствит. (возвратномъ, взаимномъ) и среднемъ главный предметъ созерцанія является подлежащимъ выраженія, въ страдат. же—его дополненіемъ. Тамъ нѣтъ слѣд. разлада между логическимъ и грамматическимъ соотношеніемъ двухъ предметовъ, который несомнѣнно существуетъ здѣсь, въ оборотѣ страдательномъ. Эту разницу обоихъ пріемовъ выраженія мож-

но изобразить графически такъ: если a——>b обозначаетъ соотношеніе субъекта (a) и объекта (b) выраженія въ оборотѣ дѣйств., и a——>····· въ оборотѣ среднемъ, то для страд. оборота нужно принять такую формулу: a<——b.

47. Болѣе второстепенный залоговый оттѣнокъ представляетъ дѣленіе глаголовъ по формамъ объекта на переходные (transitiva) и непереходные (intransitiva), изъ коихъ первые сочиняются съ дополненіями въ винит., а вторые—въ любомъ изъ остальныхъ косвенныхъ падежей. Графически мы можемъ изобразить эту разницу такъ:



Если мы предположимъ, что центръ этого круга соотвѣтствуетъ субъекту выраженія, а окружность — его объектамъ, то діаметръ горизонтальный (bac) будетъ отвѣчать глаголамъ переходнымъ, а вертикальный (hai) и всѣ наклонные къ полю зрѣнія (dae, fag и т. д.) глаголамъ непереходнымъ. Для полноты классификаціи глаголовъ въ этой категоріи слѣдовало бы разрядъ глаголовъ непереходныхъ разбить на нѣсколько группъ, смотря по ихъ сочиненію то съ род., то съ дат., творит. и другими падежами. Но такъ какъ сочиняемость эта обусловлена очень разнообразными причинами, какъ напр. матеріальнымъ содержаніемъ корневой семемы, ея формальными оттѣнками и отношеніями, измѣнчивымъ значеніемъ падежныхъ формъ, условіями риторическими, вліяніемъ языковъ иностранныхъ и т. п.; то очень трудно представить сколько нибудь полную и мотивированную классификацію славянскихъ глаголовъ по формамъ грамматическаго объекта. Можно лишь сказать, что глаголы средніе не могутъ быть ни переходными, ни непереходными, такъ какъ они лишены объекта, слѣд. не могутъ имѣть ни прямого, ни косвеннаго дополненія, не превращаясь тѣмъ самымъ въ глаголы дѣйствительные или страдательные. Послѣдніе же два залога, по условіямъ сочиняемости съ дополненіями, являются грамматическими контрастами. Если мы желаемъ оборотъ дѣйствит. превратить въ страдательный, то подлежащее перваго измѣняется

въ дополненіе второго и наоборотъ, причемъ въ объектѣ дѣйствительнаго оборота преобладаетъ форма вин. п., а въ страдательномъ—творительнаго, напр. а) **богъ сътвори миръ**; б) **миръ сътворенъ єсть богъмь**.

48. Переходя затѣмъ отъ категоріи залога къ категоріи вида, мы прежде всего замѣчаемъ, что славянскій языкъ принимаетъ длительность дѣйствія или явленія за родовую характеристику глагольной семемы. Длительность эта можетъ быть разсматриваема и изображаема либо безъ ближайшихъ опредѣленій и оттѣнковъ, либо въ соединеніи съ таковыми. Въ первомъ случаѣ получается видъ неопредѣленный, во второмъ же опредѣленные то съ одной, то съ другой стороны, напр. **сиждѫ-сѣдѧѫ, сѧдѫ; лежѫ-лѣгаѫ, лагѫ; даѭ-даваѫ, дамь** и т. п. Изъ множества оттѣнковъ длительности глагольнаго дѣйствія или явленія славянскій языкъ выдвинулъ на первый планъ слѣдующіе:

а) длительность опредѣляется въ ея усиленной экстензивности или интензивности, напр. **кланѭсѧ, плѣнѭ, кашьлѭ, стрѣлѭ**;

б) — въ ея началѣ и постепенномъ инертномъ возрастаніи, напр. **съхѫ, кысѫ, гыбѫ; богатѣѭ, худѣѭ, бѣлѣѭ**;

в) — въ ея завершеніи, окончаніи, напр. **дамь, сѧдѫ, бѫдѫ, коуплѭ, рождѫ**;

г) — въ мгновенности своего проявленія, напр. **крикнѫ, плюнѫ, махнѫ** и т. п.

Въ соединеніи съ неопредѣленнымъ означеніемъ длительности, получается такимъ образомъ пять основныхъ видовъ славянскаго глагола, которые мы назовемъ: 1) неопредѣленнымъ, 2) усиленнымъ, 3) начинательнымъ, 4) окончательнымъ и 5) мгновеннымъ. Графически мы можемъ изобразить ихъ разницу такъ: 1. ..... или —; 2. (.. ..) (.....) или (—) (—) (—); 3. |—; 4. —|; 5. [·].

49. Три первые вида (неопред., усилен., начинат.), объединяемые въ названіи гл. несовершенныхъ, сохраняютъ въ формахъ наст. вр. древнее презенціальное значеніе; но два послѣдніе

(окончат. и мгновен.), называемые гл. совершенными, измѣнили его, усвоивъ формамъ настоящаго функціи будущаго времени, вслѣдствіе какого то особаго психическаго ассоціированія дѣйствій рѣшительныхъ и мгновенныхъ съ дѣйствіями устремленными къ будущему, какъ будто въ духѣ латинскаго изреченія: praesens—imperfectum, perfectum—futurum.

50. Нельзя отрицать, что, наряду съ обозначеніемъ пяти вышеозначенныхъ видовъ глагольной длительности, славянскій языкъ отличаетъ и нѣкоторые другіе аналогичные оттѣнки глагольной семемы, напр. ощутимость и неощутимость дѣйствія (**несѫ** и **ношѫ**), его фактичность и возможность (**пловѫ** и **плавлѫ**), однообразіе и разнообразіе (**идѫ** и **хождѫ**), однократность и многократность (**метнѫ** и **мѣтаѭ**), полноту и неполноту (застрѣлю и подстрѣлю), законченность и незаконченность (**дамь** и **даѭ**) и т. п. Но всѣ эти оттѣнки имѣютъ уже второстепенное значеніе въ славянской семазіологіи, представляя лишь дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ видовъ длительности, какъ родовой принадлежности глагольнаго дѣйствія или явленія.

51. Сравнивая видовыя значенія съ морфологическимъ строеніемъ глагольныхъ основъ, мы замѣчаемъ, что глаголы перваго класса почти всѣ принадлежатъ къ первому (неопредѣленному) виду, который свойственъ также всѣмъ глаголамъ на **ова** (**ева**), многимъ на **а, и**, а равно нѣкоторымъ на **ѣ**, напр. **нести-несѫ**, **ликовати-ликоуѭ**, **пьсати-пишѫ**, **косити-кошѫ**, **сидѣти-сиждѫ** и т. п. Уже изъ этого распространенія неопредѣленнаго вида во всѣхъ почти классахъ, за исключеніемъ II-го, можно заключать, что онъ представляетъ древнѣйшій оттѣнокъ и нормальный видъ глагольной семемы, изъ котораго всѣ остальные развились путемъ постепеннаго выдѣленія, дифференцировки.

52. Усиленный видъ выражается соединеніемъ двухъ пріемовъ: а) усиленіемъ корневого вокализма и б) присоединеніемъ суффикса **а**, вѣроятно долгаго, развившагося въ **а́**, **ыва**, **ива**, напр. ц. слав. **лежѫ-лѣгаѭ**; **сиждѫ-сѣдаѭ**; **клонѭсѧ-клаѭѕѧ**; **ꙁъвѫ - призꙑваѭ**; **помьнѭ-поминаѭ**; **пловѫ-плаваѭ**; **врьштѫ-враштаѭ**; рус. рвалъ-рыва́лъ, перевралъ-перевира́лъ, послалъ-

посыла́лъ; несъ-нашивалъ, ходилъ-хаживалъ, читалъ-читывалъ, ломалъ-ламывалъ, ср. серб. ла́мати, чеш. lámati и т. п. Такимъ образомъ усиленная длительность символизуется здѣсь подъемнымъ, метрическимъ и акцентуаціоннымъ усиленіемъ вокализма какъ въ корнѣ, такъ и въ суффиксѣ.

53. Видъ начинательный характеризуется двумя суффиксами: а) отметаемымъ въ прошедшемъ времени **нж** во II кл. и б) суф. **ѣ** въ однотемныхъ глаголахъ 5 класса, напр. **гыбнж-погыбъ, съхнж-оусъхъ; бѣлѣти-бѣлѣж, синѣти-синѣж** и т. п. Замѣчательно, что видовая начинательность совпадаетъ со среднимъ залогомъ, т. е. съ дѣйствіями безъобъектными и инерціонными, а потому какъ бы безрезультатными.

54. Видъ окончательный обнимаетъ немногіе глаголы I-го кл. и значительную часть VI-го, напр а) **кждж, дамь**; б) **коупльж, рождж, женѫ**. Впрочемъ перфективирующая сила суф. **и** не довольно рѣшительна, почему нѣкоторые глаголы VI кл. употребляются и въ первомъ, и въ четвертомъ видѣ, напр. **женѫ, коньчѫ, рождж** и т. п.

55. Пятый наконецъ видъ, мгновенный, характеризуется тѣмъ же суф. **нж**, который мы встрѣчали въ 3-мъ видѣ, съ тѣмъ однако различіемъ, что въ послѣднемъ **нж** обыкновенно отмѣчается, въ первомъ же удерживается въ формахъ прош. вр., напр. **плюнж-плюнжхъ, крикнж-крикнжхъ** и т. п. Впрочемъ мы встрѣчаемъ въ ц. слав. и формы: **двигохъ, двигъ, двиглъ**, которыя однако рѣже нормальныхъ формъ: **двигнжхъ, двигнжвъ, двигнжлъ** и т. п. Довольно строго различаетъ ну отметаемое и неотметаемое рус. яз., употребляя первое въ формахъ начинательнаго, а послѣднее во мгновенномъ видѣ.

56. Относительно видового значенія перегласовки корня слѣдуетъ еще замѣтить, что усиленіе корневого вокализма отличаетъ не только видъ усиленный отъ остальныхъ, но также оттѣнокъ дѣйствія неощутимаго, возможнаго и вм. повторяемаго въ средѣ глаголовъ I-го вида, напр. **несѫ-ношж; шьдъ-хождж; везѫ-вожж** и т. п.

57. Кромѣ суффиксовъ и перегласовки, славянскій языкъ воспользовался еще предложными префиксами для выраженія видовыхъ оттѣнковъ. Такъ глаголы перваго и третьяго вида (неопред. и начинат.) путемъ префиксаціи превращаются обыкновенно въ четвертый (окончат.), напр. а) **идѫ-наидѫ**; **берѫ-изберѫ**; **милоуѥ-помилоуѥ**; **цѣлѫ-исцѣлѫ**; б) **гыбнѫ-погыбнѫ**, **съхнѫ-оусъхнѫ**; **сѣдѣѭ-посѣдѣѭ**; **вѣдьнѣѭ-обѣдьнѣѭ**. Впрочемъ измѣненіе это замѣчается далеко не всегда. Такъ напр. глаголы неопредѣленнаго вида, особенно означающіе дѣйствія мыслимыя, неощутимыя, каковы: **оумѣѭ**, **мьнѫ**, **ношѫ**, **хождѫ** и т. п. не измѣняютъ своего видового оттѣнка въ формахъ префиксованныхъ: **разоумѣѭ**, **помьнѫ**, **приношѫ**, **нахождѫ**. Еще менѣе подчиняются такому измѣненію глаголы усиленнаго вида, напр. **простираѭ**, **възимаѭ**, **съзиждѫ** и т. п. Что касается затѣмъ префиксаціи глаголовъ 4-го и 5-го видовъ, то она усиливаетъ ихъ изобразительность или даже измѣняетъ матеріальное значеніе, но не касается видового оттѣнка, напр. **подамь**, **заѭждѫ**, **отъметнѫ**, **въскликнѫ** и т. п. Изъ этого видно, что перфективирующая сила предложныхъ наростовъ можетъ быть парализована въ слав. языкѣ многими условіями, напр. опредѣлительностію видового значенія, силою вокализаціи, измѣненіемъ матеріальнаго значенія глагола и т. п.

58. Что касается психологическаго основанія для замѣны обстоятельственныхъ (мѣстныхъ, временныхъ, образныхъ и т. п.) функцій предложныхъ префиксовъ видовыми, то можно думать, что дѣйствіе, точнѣе направленное и сосредоточенное, представляется говорящему болѣе близкимъ къ успѣшному окончанію, чѣмъ дѣйствіе неопредѣленное и какъ бы безцѣльное.

59. Въ заключеніе слѣдуетъ указать, что взаимное отношеніе трехъ первыхъ видовъ славянскаго глагола къ двумъ послѣднимъ нѣсколько аналогично соотношенію греческихъ формъ презенціальныхъ къ аористнымъ.

60. Хотя видовые оттѣнки развиты съ извѣстной полнотой лишь въ области глагольныхъ и именеглагольныхъ формъ, однако они не чужды и нѣкоторымъ отглагольнымъ существи-

тельнымъ. Такъ рус. слова: взиманіе и взятіе, писаніе и написаніе относятся между собою какъ греч. τὸ αἱρεῖν и τὸ ἑλεῖν, τὸ γράφειν и τὸ γράφαι, т. е. какъ глаголы вида неопредѣленнаго къ окончательному.

§ 31.

Значеніе словъ.

1. Разсмотрѣвъ семемы основъ, мы переходимъ теперь къ семазіологіи словъ, которую изложимъ въ слѣдующей системѣ: А. значеніе словъ склоняемыхъ по категоріямъ родовъ, чиселъ и падежей; Б. значеніе словъ спрягаемыхъ по категоріямъ наклоненій, временъ, чиселъ и лицъ, и В. значеніе частицъ по категоріямъ нарѣчій, предлоговъ и союзовъ, съ ихъ второстепенными подраздѣленіями.

2. Изъ миѳологіи первобытныхъ народовъ извѣстно, что оживотвореніе, даже олицетвореніе предметовъ и явленій природы составляетъ характеристическую черту дѣтскаго міросозерцанія. Не удивительно, что этотъ поэтическій взглядъ на природу, какъ на кругъ живыхъ и дѣятельныхъ существъ, отражается и въ языкѣ, въ видѣ олицетворенія всѣхъ предметовъ внѣшняго наблюденія и внутренняго созерцанія. При этомъ олицетвореніи всего, что движется на сценѣ человѣческой рѣчи, очень легко могли отразиться на словахъ языка, а именно на названіяхъ субстантивированныхъ, половые контрасты живыхъ существъ. На этомъ основывается различеніе въ языкѣ родовъ мужескаго, женскаго и промежуточнаго между ними—средняго. Другимъ источникомъ родоопредѣленія могла быть потребность разграничить въ языкѣ отношенія активной и пассивной роли предметовъ въ жизни или мысли. Съ этой послѣдней точки зрѣнія можно усмотрѣть нѣкоторую аналогію между дѣйствительнымъ, страдательнымъ и среднимъ залогами въ глаголѣ и между мужескимъ, женскимъ и среднимъ родами въ имени.

3. Хотя родъ именъ является уже въ праарійскомъ языкѣ довольно развитымъ и опредѣлившимся, однако можно предпола-

гать, что первоначально эта категорія не чувствовалась особенно ясно и потому не выражалась особыми морфологическими пріемами. Когда же впослѣдствіи контрасты мужескаго, женскаго и средняго рода рѣзче опредѣлились въ чувствѣ языка, то они отразились и на формѣ словъ, въ видѣ родовой дифференцировки нѣкоторыхъ именныхъ суффиксовъ и особенно флексій.

4. Въ историческую пору жизни въ славянскомъ языкѣ довольно явственно выдѣляются формы муж. и жен. рода, тогда какъ формы средняго рода колеблются между двумя первыми, примыкая впрочемъ ближе къ муж., чѣмъ къ женскому роду, напр. **стада, стадоу, стадъмь** какъ **раба, рабоу, рабъмь**, но: **нєбєсє, телатє** какъ **матєрє, дъштєрє**. Изъ этого можно заключать, что и доисторическое выдѣленіе двухъ первыхъ родовъ предшествовало третьему.

5. Разсматривая связь родоопредѣленія съ матеріальнымъ содержаніемъ словъ, мы видимъ, что родъ однихъ коренится на половыхъ контрастахъ живыхъ существъ, другихъ же—на болѣе второстепенныхъ семазіологическихъ и морфологическихъ условіяхъ: мы будемъ называть первый родомъ естественнымъ, а второй—грамматическимъ.

6. Естественный родъ встрѣчается въ обозначеніи живыхъ существъ, имѣющихъ болѣе или менѣе явственныя половыя отличія, напр. млекопитающихъ, птицъ и т. п. Всѣ остальныя слова имѣютъ лишь грамматическій родъ, который представляетъ перенесеніе половыхъ признаковъ на олицетворенные языкомъ предметы и явленія природы, а также на созданія человѣческой руки и мысли.

7. Естественный родъ выражается то особыми корнями, то окончаніями (подъ которыми мы понимаемъ здѣсь сочетаніе суффиксовъ съ флексіями), напр. а) **мѫжь и жена; отьць и мати; братъ и сестра; бъıкъ и крава; пьсъ и соука; вєпрь и свиниа** и т. п.; б) **рабъ и рабъıни, раба; коуръ и коурица, коура; свекръ и свекры**. Первый способъ родоопредѣленія, опирающійся на различіи матеріальнаго значенія словъ, представляется древнѣе второго, основаннаго на суффиксахъ съ флексіями.

Замѣчательно, что при выраженіи естественнаго рода по второму пріему въ основаніи лежатъ обыкновенно формы муж. р. и рѣже — женскаго, напр. а) **влъкъ** и **влъчица**, волчиха; **богъ** и **богыни**, но б) **вьдова** и **вьдовьць**; **коза** и **козьлъ**; **гѫсь** и **гусакъ** и т. п.

8. Естественный родъ обнимаетъ лишь незначительное число словъ. Онъ не распространяется даже на всѣ виды животнаго царства, такъ какъ ихъ половыя различія нерѣдко ускользаютъ отъ простого наблюденія. Говоря напр. **зѧнць** и **мышь**, **соколъ** и **сврака**, **комаръ** и **моуха** и т. п. мы обозначаемъ не самцовъ лишь или самокъ соотвѣтственныхъ видовъ, а совокупность тѣхъ и другихъ. Въ основаніи родоопредѣленія тутъ лежатъ не половые признаки, характеризующіе родъ естественный, а другія отношенія, на которыхъ основывается родъ грамматическій.

9. Къ категоріи муж. р. языкъ отнесъ, говоря вообще, названія предметовъ крупныхъ, сильныхъ, производительныхъ; къ женскому же—существъ мелкихъ, слабыхъ, страдательныхъ, напр. а) въ мірѣ животныхъ: **слонъ**, **вельблѫдъ** и **вѣверица**, **мышь**; б) въ мірѣ пернатыхъ: **соколъ**, **иструбъ** и **ластовица**, **коукавица**; в) въ мірѣ растеній: **дѫбъ**, **брѣстъ**, **иворъ** и **гроуша**, **слива**, **ива** и т. п.

Средній же родъ приписанъ предметамъ недоразвитымъ, производнымъ, вещественнымъ, сплошнымъ, собирательнымъ, напр. **сѣмѧ**, **ѥице**, **дитѧ**, **ѥѣнѧ**, **прасѧ**, **телѧ**; **тѣло**, **дрѣво**, **просо**, **млѣко**; **злато**, **сребро**, **море**, **ѥзеро**; **село**, **стадо**, **воиско**, **оружиѥ** и т. п.

10. Система эта далеко впрочемъ не выдержана въ славянскомъ, какъ и другихъ арійскихъ языкахъ, такъ какъ въ родоопредѣленіи дѣятельность разсудочная скрещивается съ игрою воображенія, которое легко могло измѣнять и размѣры предметовъ, и относительный ихъ вѣсъ, а слѣдов. и отношеніе словъ къ категоріи грамматическаго рода. Оттого то мы нерѣдко встрѣчаемъ слова жен. р. при обозначеніи предметовъ крупныхъ и, наоборотъ, муж. р. въ названіяхъ мелкихъ, напр. **лисица**

и **ѥжь**; **лебедь** и **врабии**; **сосна** и **трынъ**; **рѣка** и **клюнь**; **глава** и **носъ** и т. п. Отсюда же проистекаетъ различіе въ разныхъ языкахъ грамматическаго рода въ названіяхъ того же предмета, напр. **зѣрь**, fera, θηρίον; oculus, ὄψ, **око**; **домъ**, domus, Haus; **народъ**, gens, ἔθνος и т. п.

11. При родоопредѣленіи словъ важную роль играли миѳы или значеніе предметовъ въ поэтической символикѣ народнаго міросозерцанія. Такъ напр. **слънце** и **мѣсацъ** могли представляться съ чертами то мужескаго (sol, ἥλιος, Mond, μήν), то женскаго (Sonne, luna, σελήνη) рода, смотря по тому, въ какихъ семейныхъ отношеніяхъ выводились небесныя свѣтила въ миѳахъ соотвѣтственныхъ народовъ.

12. При существованіи тѣсной связи между значеніемъ и родовою характеристикою словъ, не удивительно, что при измѣненіи перваго и вторая можетъ легко измѣниться. Этимъ объясняется происхожденіе словъ такъ называемаго общаго рода, т. е. употребленіе ихъ то въ муж., то въ жен. родѣ, смотря по оттѣнкамъ значенія, каковы напр. ц. слав. **жжика**, **ближика**, **недѣлн** (otiosus); рус. сирота, обжора, суета, служба, дружба, сводня, старина, образина и т. п. Когда эти слова относятся къ существамъ жен. р. или выражаютъ отвлеченно обозначаемый корнемъ признакъ, то чувствуются въ категоріи жен. р.; при обозначеніи же производителя (nomen agentis) мужчины употребляются въ муж. родѣ. Можно думать, что послѣдній родъ развился тутъ изъ перваго, по обращеніи словъ абстрактныхъ въ конкретныя, съ отнесеніемъ ихъ къ производителю не только женскаго, но и муж. пола.

13. Что касается далѣе словъ отвлеченныхъ, то здѣсь для фантазіи открывалось мало простора при родоопредѣленіи, почему грамматическіе мотивы, въ частности же аналогія формъ, дѣйствовали съ полною силою. Слова, образованныя изъ древнихъ основъ о, ѥ (I скл.), чувствовались предпочтительно въ муж. и рѣже въ средн. родѣ; слова изъ древнихъ основъ а, ја (II скл.) примкнули всѣ почти къ жен. р., за исключеніемъ развившихся позже именъ общаго рода, указанныхъ въ § 31, 12;

слова изъ праосновъ ѵ, рано увлеченныя аналогіею флексій 1-го склоненія (основъ о, є), также опредѣлились въ муж. р.; слова основъ і (III скл.) утвердились за жен. р., особенно послѣ того, какъ относящіяся сюда слова муж. р. перетянуты въ среду именъ I скл. (праосновъ є); изъ праосновъ наконецъ согласныхъ двѣ опредѣлились въ жен. р. (осн. ъкъ, єр), двѣ въ средн. (осн. ат, ес) и одна раздѣлилась между средн. (а, ене) и муж. (ы, ене) родами.

14. Мотивы, опредѣляющіе родъ естественный и грамматическій, нерѣдко вступаютъ въ коллизію, при чемъ побѣдителемъ выходитъ то одинъ, то другой моментъ родоопредѣленія. Такъ напр. въ ц. слав. формахъ: а) **старѣишина сватительска** (**иєпископъ**), **дъвѣ воєводѣ**, **сотона сама** и б) **съ ангельскомъ владыкоѫ**, **папа римьскыи**, мы замѣчаемъ торжество тамъ формы надъ значеніемъ, а здѣсь значенія надъ формою. Разсматривая относительную силу формы и значенія при родоопредѣленіи славянскихъ словъ древняго и новаго періода, мы находимъ, что первоначально преобладающую роль играли при этомъ формы, позднѣе же—функціи словъ. Поэтому изъ двухъ параллельныхъ выраженій: **сама сотона** и **самъ сотона** первое представляется древнѣе второго по пріемамъ родоопредѣленія. Это положеніе не можетъ однако считаться вполнѣ доказаннымъ.

15. Въ именахъ существительныхъ категорія рода развилась, какъ мы видѣли, по аналогіи половыхъ отличій живыхъ существъ, особенно же крупныхъ млекопитающихъ животныхъ. Совершенно другого рода объективныя основанія родоопредѣленія прилагательныхъ, вмѣстѣ съ родовыми числительными и мѣстоименіями. Означая признаки и отношенія, не сосредоточенныя въ опредѣленныхъ реальныхъ или грамматическихъ субстанціяхъ, слова эти могли бы столь же легко обойтись безъ родоопредѣленія, какъ личныя формы глагола. Это мы и видимъ напр. въ нѣм. der Mann ist gut, die Frau ist gut, das Kind ist gut. И въ ц. слав. встрѣчаются безразличныя къ категоріи рода прилагательныя, напр. **испълнь**, **свободь**, **соуѫгоубь**, **разлиуь** и н. дрг. Мѣстоименія: **азъ**, **ты**, **сѧ** также индифферентны къ категоріи

рода; мѣст. же **кѣто** и **чьто** чувствуются первое въ муж. р., а второе въ среднемъ лишь потому, что относятся то къ лицамъ, а это къ вещамъ. Числительныя: **триѥ, четырѥ, сѣто** также не участвуютъ въ родовомъ движеніи словъ. Все это доказываетъ, что языкъ легко можетъ обойтись безъ родоопредѣленія словъ разсматриваемой группы.

16. Тѣмъ не менѣе славянскій языкъ, какъ и другіе арійскіе, ввелъ прилагательныя (собственныя, мѣстоименныя и числительныя) въ систему родоопредѣленія, пользуясь этимъ средствомъ для спайки элементовъ аттрибутивнаго или предикативнаго сочетанія словъ въ составѣ предложенія. Уподобляясь своимъ синтаксическимъ центрамъ окончаніями, прилагательныя и въ семазіологическомъ отношеніи окрашиваются въ категорію рода, хотя и не самостоятельнаго, а лишь отраженнаго отъ существительныхъ. Эта тѣсная связь и взаимная зависимость родового движенія сущ. и прилагательныхъ отражается и на древней общности ихъ флексій, насколько послѣднія относятся къ характеристикѣ рода.

17. Съ теченіемъ времени, когда выработалось мѣстоименное или членное склоненіе прилагательныхъ, близость ихъ флексій съ существительными ослабѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древняя ассонація первыхъ съ послѣдними нарушилась. Если мы сравнимъ напр. выраженія: а) **богъ блаѕъ, бога блага, богоу благоу** и б) **богъ благъıи, бога благаго, богоу благоуоумоу** и т. д., то замѣтимъ полную риѳмовку флексій въ первомъ ряду и очень неполную, разстроенную во второмъ.

18. Съ этимъ измѣненіемъ формы прилагательныхъ связано было и измѣненіе ихъ значенія при сочетаніи съ существительными. Принявъ въ составъ новой флексіи указательное мѣстоименіе **и**, прилагат. членныя стали точнѣе оттѣнять отношеніе существительныхъ къ категоріи рода и вида и къ движенію представленій на сценѣ рѣчи, замѣняя такимъ образомъ и членъ другихъ арійскихъ языковъ: **благъıи богъ** соотвѣтствовало уже греч. ϑεὸς ὁ ἀγαθός. Впрочемъ это соотвѣтствіе никогда не было полнымъ и постояннымъ, какъ это видно при сравненіи ц. слав.

переводовъ съ греч. подлинниками. Очень рано начали вырабатываться въ славянскомъ языкѣ другія основанія для различенія прилагательныхъ простыхъ и членныхъ, именно ихъ отношеніе къ синтаксическимъ категоріямъ предикативнаго или аттрибутивнаго сочетанія словъ. Съ особенной послѣдовательностію развилось это различеніе въ языкѣ русскомъ, гдѣ прилагат. простыя уцѣлѣли, за немногими исключеніями, лишь въ имен. п., какъ единственно возможной формѣ сказуемаго сочетанія словъ.

19. Родъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя окоченѣли въ неподвижной формѣ съ переходомъ въ существительныя, опредѣляется главнѣйше эллипсомъ древнихъ центровъ аттрибутивнаго сочетанія такихъ именъ. Такъ напр. **Кыєвъ, Галичь, Владимиръ** стоятъ въ муж. р. по причинѣ чувствуемаго здѣсь эллипса **градъ**; **обѣдьнѧ, вечерьнѧ** жен. р. по согласованію съ опущеннымъ **слоужьба**; **възградите оубо кесарева кесареви, а божиѧ богови**— сред. р. по отношенію, быть можетъ, къ **дѣла**; то же, кажется, въ выраженіи: **вьсѧ моѧ твоѧ сѫть и вьсѧ твоѧ моѧ** и т. п. Очень возможно, что и въ выраженіяхъ: грѣхъ-сладко, а человѣкъ-падко; левъ-страшно, а обезьяна-смѣшно и т. п. слѣдуетъ предполагать опущеніе существительнаго средняго рода, которое ближе опредѣлить трудно теперь, а быть можетъ и искони.

20. Въ ц. слав. языкѣ, какъ и въ другихъ арійскихъ, были три формы для обозначенія числа предметовъ или представленій, выводимыхъ въ рѣчи, а именно: а) формы для выраженія единичности, б) парности или двойственности и в) неопредленной множественности. Собственно говоря, тремя этими формами далеко не исчерпываются числовыя отношенія представленій: рядомъ съ единицами могутъ быть предметомъ рѣчи половины, трети, четверти и т. д.; рядомъ съ парами можно думать и говорить о тройняхъ, четверняхъ и т. п. Слѣдовательно въ числовыхъ отношеніяхъ представленій существуетъ логическая почва для развитія не трехъ лишь, а неопредѣленно большóго числа формъ разсматриваемой категоріи. Арійскіе языки ограничились однако тремя числовыми формами, изъ коихъ первая и третья (един. и множ.) представляются контрастами, подобно

муж. и жен. р. въ существительныхъ, двойственное же число служитъ связью между ед. и мн., подобно среднему роду въ соотвѣтственной категоріи.

21. Зародившись, подобно роду, въ области существительныхъ, категорія числа распространилась по уподобленію и на прилагательныя, мѣстоименія, даже на глаголы, слѣдов. обняла кругъ болѣе широкій, чѣмъ категорія рода, которая не задѣла личныхъ формъ глагола.

22. Объективною основою для двойств. числа могли служить: во 1. двойственность лицъ говорящаго и слушающаго и во 2. наблюдаемая въ природѣ или созерцаемая въ мысли парность многихъ предметовъ и представленій, напр. два пола, глаза, уха, плеча, руки, ноги, крыла; двѣ смѣны времени, контрасты тепла и холода, свѣта и тьмы и т. п. Въ этой парности предметовъ и представленій лежитъ логическая основа не только для грамматическихъ формъ дв. числа, но и для дуалистическихъ формъ въ миѳическихъ воззрѣніяхъ многихъ арійскихъ и неарійскихъ народовъ. Съ теченіемъ времени этотъ дуализмъ былъ постепенно сглаженъ и побѣжденъ какъ въ религіи, скрывшись въ идею единства, такъ и въ языкѣ, потонувъ въ представленіи множественности.

23. Изъ всѣхъ живыхъ арійскихъ языковъ дв. число уцѣлѣло лишь въ литовскомъ и двухъ нарѣчіяхъ славянской семьи (словинскомъ и серболужицкихъ). Но встарину дв. число свойственно было всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, а во главѣ ихъ языку ц. славянскому. Оно прилагалось къ словесному изображенію не только парныхъ предметовъ природы (какъ: **дъвѣ рѫцѣ, носѣ** и т. п.), но и двойственныхъ лишь въ представленіи (**дъва чловѣка вънидостѣ въ храмъ; мѫченикѣ свѧтоую Ѳоны и Варахасиѧ; Іосифъ съ Никодимъмь отидостѣ**).

24. Вымираніе дв. числа началось уже въ ц. слав., выразившись въ смѣшеніи его формъ съ множ. ч., напр. **очеса** вм. **очи** и т. п. Въ рус. языкѣ форма дв. ч. кой гдѣ уцѣлѣла, но утративъ свое древнее значеніе. Если мы говоримъ напр.: два прекрасные и прекрасныхъ дуба, четыре черные и черныхъ ко-

ня и т. п., то употребляемъ формы дв. ч. I скл., но принимая ихъ за род. ед., какъ это ясно замѣтно въ аналогичныхъ выраженіяхъ: двѣ бѣлыя или бѣлыхъ руки, ноги (вм. **ржцѣ, носѣ**) и т. п.

25. Въ области числовыхъ отношеній встрѣчаются случаи коллизіи между формою и значеніемъ. Такъ сущ. собирательныя въ формахъ ед. ч. содержатъ указаніе на множественность особей, входящихъ въ составъ соотвѣтственныхъ сборныхъ представленій. Оттого то допускаются выраженія типа: Русь идутъ вм. идетъ, гдѣ ед. число чувствуется въ функціяхъ множественнаго.

26. Третья категорія, выражаемая, подобно родамъ и числамъ, словами, есть категорія падежей. Она означаетъ различныя отношенія между выводимыми на словесную картину предметами, какъ напр. отличеніе предмета главнаго отъ второстепенныхъ, независимаго отъ зависимыхъ, затѣмъ отношенія пространственныя, временныя, причинныя, цѣлевыя, орудныя, сопроводительныя и т. п. Въ какой послѣдовательности развивались разнообразныя значенія падежей и какія отношенія лежатъ въ зернѣ каждаго изъ нихъ, о томъ можно лишь догадываться на основаніи историко-сравнительнаго анализа падежныхъ семемъ извѣстной группы языковъ. При этомъ можно руководиться и нѣкоторыми общими условіями психическаго развитія людей, а именно наблюденіемъ, что въ человѣческомъ сознаніи ясное развивается изъ смутнаго и отвлеченное изъ нагляднаго.

27. Было время, когда падежныя семемы столь же слабо были между собою дифференцированы въ арійскихъ языкахъ, какъ и падежныя морфемы въ дофлексивный періодъ ихъ жизни. Одна и та же этимологическая форма должна была выражать тогда самыя разнообразныя отношенія между активными и пассивными лицами на сценѣ рѣчи. Слѣды такого смутнаго разграниченія функцій между отдѣльными падежными формами довольно явственно замѣтны и теперь въ славянскомъ языкѣ, особенно въ кругу древнѣйшихъ и основныхъ двухъ падежей: именительнаго и винительнаго. Такъ еще въ рус. языкѣ имен. над.

нерѣдко выражаетъ то мѣсто (что городъ, то норовъ; что деревня, то погудка), то время (пятая недѣля, какъ онъ умеръ), то отношеніе (они идутъ рука объ руку), то сопребываніе (туръ-золотые рога; я пойду, непокрыта головушка), восклицаніе (вотъ человѣкъ!) и т. п. Такое же смѣшеніе аналогичныхъ функцій мы замѣтимъ при анализѣ значеній пад. вин., при обозначеніи напр. времени (вѣкъ мучиться; прошло тысячу лѣтъ), мѣста (пройти версту), измѣренія (стóить сотню червонцевъ; капельку промедлилъ), количества (меня на это станетъ), сопребыванія (чеш. vstoupil do pokoje.... hlavu holou), отношенія (вашего паробка, чи не пора его женити? серб. није га скрб), восклицанія (экъ его! ну его!) и т. п. Очевидно, что именит. и вин. падежи развились изъ одного первоначальнаго (что доказываетъ и общая ихъ форма въ средн. родѣ) и притомъ такого, который могъ стоять въ любомъ сочетаніи, при глаголахъ и дѣйствительныхъ, и среднихъ, соединяя въ себѣ чуть не всѣ тѣ значенія, которыя впослѣдствіи были дифференцированы между отдѣльными падежными формами.

28. Второй слой въ развитіи падежныхъ семемъ славянскаго языка представляетъ постепенное разграниченіе основныхъ функцій падежей именит. съ одной стороны, а вин. съ другой. Первый постепенно вырабатывается въ грамматическаго представителя главныхъ предметовъ выраженія, а второй—предметовъ второстепенныхъ, побочныхъ; другими словами, имен. п. становится спеціальною формою выраженіи подлежащаго, а вин. разнообразныхъ объектовъ рѣчи.

29. Функціи имен. п., какъ знака подлежащаго и согласуемыхъ съ нимъ членовъ предложенія (опредѣленія, приложенія, сказуемаго), очень сузились и опредѣлились, особенно съ той поры, какъ рядомъ съ имен. п. появился еще звательный, носитель частныхъ оттѣнковъ именительнаго.

30. Подобно именит. падежу, зват. также обозначаетъ главную фигуру словесной группы, но съ присоединеніемъ риторическаго къ ней обращенія или аффекта, который отражается въ акцентуаціонномъ усиленіи начальнаго слога формы и связан-

номъ съ тѣмъ ослабленіи слога конечнаго. Если мы сравнимъ им. п. съ изъявительнымъ накл., то зват. будетъ соотвѣтствовать повелительнему. Близость функцій падежей им. и зв. отражается на ихъ частомъ смѣшеніи въ ц. слав. (напр. **оле сънемъ свлштенъ! о велии таина!**) и постепенномъ сліяніи въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, особенно въ великорусскомъ. Впрочемъ и въ малорус. мы встрѣчаемъ нерѣдко употребленіе одной формы вм. другой, напр. ой плаче, плаче молодый козаче! чого Боже намъ поможе! подо мною буланый коню рже. Это свидѣтельствуетъ объ ослабленіи и въ малорус. функціональнаго различія этихъ двухъ падежныхъ формъ.

31. Обозначая главный предметъ выраженія, падежи имен. и зват. отличаются до извѣстной степени отъ всѣхъ остальныхъ, указывающихъ на предметы второстепенные. Это различіе замѣчено было еще древними грамматистами, которые выразили его терминами: πτώσεις ὀρθαί (для им. и зв.) и πτ. πλάγιαι, по нашей терминалогіи — падежи прямые и косвенные. Названія эти будутъ понятнѣе, если вспомнить, что древніе сравнивали им. и зв. п. съ шестомъ, воткнутымъ вертикально, а остальные пад.—съ наклоннымъ его отношеніемъ къ горизонту. Это соотвѣтствуетъ приблизительно тому, что мы называемъ субъектомъ и объектами выраженія.

32. Выдѣлившись изъ среды общаго дофлексивнаго падежа при дифференцировкѣ на им. и вин. пп., послѣдній сохранилъ и понынѣ свойственное ему издревле значеніе самаго общаго и неопредѣленнаго косвеннаго падежа. Если мы сравнимъ напр. вин. прямого объекта въ выраженіяхъ: жизнь прожить—не поле пройтить; горе горевать; вести рѣчь; носить воду; любить бога; пусти меня итти и т. п., то замѣтимъ значительную разницу въ углахъ зрѣніяхъ на предметы, вводимые въ рѣчь формами вин. падежа. Въ этомъ отношеніи вин. п. значительно шире по семазіологическому своему объему падежей именительнаго или зват., съ которыми составлялъ нѣкогда нераздѣльное цѣлое. Если мы сравнимъ им. п. съ вертикальнымъ шестомъ, то вин. будетъ

шестомъ наклоннымъ къ горизонту, безъ ближайшаго опредѣленія угла этого наклона или частныхъ угловъ зрѣнія.

33. Характеризующая вин. п. неопредѣленность указанія на объекты словеснаго выраженія не могла удовлетворять потребностямъ развивающейся мысли. Рядомъ съ нимъ появляются и развиваются другіе косвенные падежи, какъ носители болѣе частныхъ оттѣнковъ дополнительнаго сочетанія словъ. Изъ этого второго поколѣнія косвенныхъ падежей ближе всѣхъ къ вин. по своимъ функціямъ над. дательный. Онъ выражаетъ также предметъ, лежащій на линіи глагольнаго дѣйствія, но предметъ болѣе отдаленный, чѣмъ въ вин. п., и менѣе пассивный, а наоборотъ, способный къ личной реакціи, напр. **въздадите кесарева кесареви, а божиа богови**; **дахъ вамъ законъ и пророкы.** Впрочемъ нерѣдко въ дат. п. встрѣчаемъ названія и пассивныхъ предметовъ, а также отношеній обстоятельственныхъ, напр. временныхъ, пространственныхъ, образныхъ, при чемъ такой дат. п. чередуется нерѣдко то съ вин., то съ другими косвенными падежами, напр. **Богъ творьць небоу и земли** (**небесе и земльа**); **отъдати дъштере бракоу**; **оуча ѩ иноу вѣрѣ**; **въшьдъши дъштери Иродиядинѣ и плаславъши, рече царь.** Послѣдняя форма (дат. самост.) соотвѣтствуетъ по значенію греческому род., а латинскому твор. самостоятельному (gen. absol., abl. absol.).

34. Еще болѣе спеціальный оттѣнокъ выражаетъ родственный дательному мѣстный падежъ. Онъ означаетъ предметъ или точку, уже достигнутую при матеріальномъ или духовномъ движеніи другого предмета, а если не достигнутую, то ясно намѣченную. Основное значеніе мѣстнаго над. отвѣчаетъ на вопросъ: гдѣ? а изрѣдка: куда? напр. **живеть Кыевѣ**; **жена лежить ногахъ ємоу**; **сѣдѣ Новѣгородѣ**; положи на столѣ. При движеніи временномъ мѣстн. падежъ отвѣчаетъ на вопросъ: когда? напр. **томь дьни**; **єдинѣмь часѣ**; **лани** anno praeterito. Далѣе развились значенія образа, причины, принадлежности и т. п., напр. **льзѣ ми єсть**; **ивѣ, трѣбѣ**; **не веселися мъносѣ брашьнѣ**; **мъноси сѫть о єдиноі рѫцѣ** и т. п.

35. Арійскому языку свойственъ былъ особый падежъ удаленія, отвѣчающій на вопросъ: откуда? и обозначающій предметъ, служащій не цѣлью, а исходной точкою матеріальнаго или духовнаго движенія. Такова была первоначальная функція латинскаго аблятива. Въ славянскомъ, какъ и во многихъ другихъ родственныхъ языкахъ, падежъ удалительный издревле слился съ формою родит. п. Вслѣдствіе того въ нашемъ родит. п. необходимо отличать функціи: а) аблятивныя и б) собственно генитивныя. Къ первымъ принадлежатъ отношенія: удаленія (**бѣжи моєѥ болѣзни**; **оустрашися мжкы**), сравненія (**зѣло зѣла зѣлѣє**) происхожденія (**добра корене добра лѣторасль**), причины (**Рахыль плачюштися чадъ своихъ**) и т. п.; ко вторымъ же отношенія: принадлежности (**чловѣкъ добра рода**; **ико тѣхъ ѥсть цьсарьствиє нєбєсьскоѥ**), раздѣлительности (**криница медоу**; **пити воды**; **ѥго же аште проситє**), отрицанія (**нє возьмеши имєнє господа бога твоѥго късоуѥ**) и т. п. Род. отрицанія можно, правда, вывести и изъ удалительныхъ функцій древняго аблятива, такъ какъ предметъ отрицаемый какъ бы удаляется и наконецъ исчезаетъ изъ горизонта мысленнаго зрѣнія и словеснаго изображенія; но еще естественнѣе видѣть въ немъ крайнее развитіе род. раздѣлительнаго: часть цѣлаго можетъ быть понята какъ величина безконечно малая, а потому какъ будто уже отрицательная. Такъ въ ц. слав. выраженіи: **нє сътвори сєбѣ коумира** мы можемъ имѣть въ виду либо удаленіе мыслей отъ кумирослуженія, либо присутствіе такой малой доли его объекта, при которой онъ превращается въ логическій нуль.

36. Род. принадлежности очень близокъ по функціямъ къ прил. относительнымъ, которыя въ ц. слав. часто отвѣчаютъ греч. существительнымъ въ род. п., напр. **оученици Иоанови** οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου; **дъшти Иродиадина** ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρωδιάδος; **домъ кънажь** ἡ οἰκία τοῦ ἄρχοντος. Разница этихъ оборотовъ заключается лишь въ томъ, что въ славянскомъ вторая субстанція совершенно закрыта первою и даже сливается съ нею, какъ ея аттрибутъ, тогда какъ въ греческомъ она удерживаетъ еще часть своей самостоятельности. Не исключена возможность того,

что дополнительное сочетаніе именъ развилось на почвѣ сочетанія аттрибутивнаго, т. е. что род. п. былъ нѣкогда прилагательнымъ и лишь впослѣдствіи вошелъ въ схему именного склоненія, увлекаемый аналогіею родственныхъ по образованію существительныхъ. На это какъ будто указываетъ неопредѣленность и разнообразіе функцій дополнительнаго сочетанія двухъ именъ съ родит. принадлежности: послѣдній можетъ быть при этомъ понимаемъ то въ субъективномъ (вторженіе враговъ), то въ объективномъ (изгнаніе враговъ), то въ дативномъ (помощникъ царя), то въ локативномъ (мѣсто сидѣнья), то въ соціативномъ (спутникъ друга), то въ аблятивномъ (избѣганіе опасности) и др. значеніяхъ. Изъ этого видно, что род. п. и теперь еще означаетъ самую общую зависимость и сопринадлежность двухъ предметовъ, безъ ближайшаго опредѣленія частныхъ точекъ и угловъ зрѣнія, подобно тому, какъ вин. п. означаетъ самый общій видъ объективной зависимости именъ при глаголахъ.

37. Славянскій твор. падежъ соединяетъ, кажется, подобно родительному, функціи двухъ первоначальныхъ падежей: 1. сопроводительнаго (комитативнаго) и 2. оруднаго (инструментальнаго), напр. а) **оударити ратиѭ** (cum exercitu) **на градъ**; б) **да Иисоуса имѫть лъстиѭ**. Второй оттѣнокъ въ слав. гораздо важнѣе перваго, хотя онъ представляется вторичнымъ, такъ какъ и орудіе могло быть разсматриваемо за спутникъ рабочаго; ц. славянскому напр. **биѭ рѫкоѭ** соотвѣтствуетъ новоболгар. **със рѫка-та**, нѣм. mit der Hand, франц. avec la main и т. п.

38. Понятіе орудія имѣетъ въ слав. языкѣ очень широкія развѣтвленія, распространяясь на средство, образъ дѣйствія, его мѣстную, временную или даже личную среду, напр. а) **врьже каменіемь**; б) **идѫ кораблемь**; **не клънѣтеса ни небъмь, ни ѕемлеѭ**; в) **любити въсѣмь срьдьцемь**; **смрътиѭ оумьреши**; **сѣпвъше сльѕами радостиѭ пожьнѫть**; г) **бѣжаше горами**; **гороѭ идета**; д) лѣтомъ, зимою; е) **поставлѣнъ бываѣть прозвитеромь**; **ѕовѫ отьца отьцемь**; **сѣди вьдовицеѭ въ домоу отьца своѥго**; **не обрѣтохъ дъштере твоѥѩ дѣвицеѭ**. Распространеніе отношенія орудія

или образа на личную среду (е) совершилось при глаголахъ становленія, названія, дѣланія и н. др., а также при всѣхъ страдательныхъ оборотахъ, гдѣ въ твор. стоитъ подлежащее соотвѣтствующаго активнаго оборота, напр. **отьць любить сына; сынъ любимъ ѥсть отьцьмь.** Можно думать, что творит. предикативный (типа е) развился въ славянскомъ по типу оруднаго въ страдат. оборотахъ.

39. Нѣсколько отличны отъ изложенныхъ значенія падежей вторыхъ, напр. второго именительнаго въ составѣ сказуемаго, второго винительнаго, род., дат. въ составѣ объекта, въ такихъ выраженіяхъ, какъ: а) **онъ поставленъ бысть воєвода; бы съ ними Петръ стоя и грѣяся; быти добръ тъщашеся;** б) **отьца своєго глаголаше бога; въ же рекохъ дроугы; постави меѳодыя ѥпископа въ Панонии;** в) **оуже не глаголѭ васъ рабъ; не оставлѭ васъ сиръ;** г) **достоить ти быти кротъкоу** и т. п. Въ этихъ вторыхъ падежахъ, вызванныхъ условіями то предикативнаго, то аппозиціоннаго согласованія, прямыя функціи падежныхъ формъ значительно ослабѣваютъ, а на мѣсто ихъ выдвигаются новыя, которыя будутъ ближе разсмотрѣны въ синтаксисѣ.

40. Кромѣ различенія падежей первыхъ и согласуемыхъ съ ними вторыхъ, различаютъ еще въ средѣ падежей косвенныхъ независимые отъ зависимыхъ. Первые могутъ стоять при любой грамматической обстановкѣ, тогда какъ послѣдніе тяготѣютъ къ извѣстной группѣ управляющихъ словъ, за предѣлами которой не употребляются. Можно предполагать, что послѣдніе развились изъ первыхъ, по мѣрѣ постепеннаго усиленія сплоченности между членами предложенія вообще, а объективнаго сочетанія въ частности. Это подтверждается и постепеннымъ развитіемъ залоговой опредѣленности глаголовъ, которая отражается на падежныхъ формахъ зависимаго отъ нихъ объекта.

41. Изъ сказаннаго о падежныхъ семемахъ видно, что хотя онѣ развились изъ немногихъ основныхъ отношеній, напр. неопредѣленной зависимости въ вин. п., отдаленнѣйшей и актив-

ной цѣли въ дат., мѣстонахожденія въ мѣстн., удаленія и принадлежности въ род., сопровожденія и орудія въ твор., однако въ историческое время мы встрѣчаемъ уже тутъ цѣлую сѣть очень тонкихъ развѣтвленій, гдѣ скрещиваются отношенія субъективныя съ объективными, мѣстныя съ временными, причинныя съ цѣлевыми, орудными, притяжательными и т. п. Въ этой области находится цѣлый рядъ разновременныхъ наслоеній, которыя отлагаются одно за другимъ и въ наше время.

42. Что касается падежныхъ семемъ въ прил. и мѣстоименіяхъ (съ числит.) родовыхъ, то онѣ имѣютъ тутъ столь же вторичное значеніе и происхожденіе, какъ родовыя и числовыя формы тѣхъ же группъ имени. Не означая въ рѣчи ни главныхъ, ни второстепенныхъ предметовъ выраженія, а лишь ихъ аттрибуты или отношенія, прилагательныя (въ широкомъ смыслѣ) не должны бы имѣть и падежныхъ формъ. Если же послѣднія встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ развитіи во всѣхъ арійскихъ языкахъ, то лишь въ силу согласованія словъ или взаимнаго уподобленія флексій между именными членами опредѣлительнаго и предикативнаго сочетанія словъ.

43. Разсмотрѣвъ семемы словъ склоняемыхъ, перейдемъ къ спрягаемымъ, т. е. къ категоріямъ наклоненія, времени, числа и лица.

44. Различіе наклоненій выработалось, кажется, изъ стремленія отличать въ языкѣ дѣйствительность а) объективную, реальную, фактическую отъ б) субъективной, идеальной, фиктивной. Этому основному дуализму формъ дѣйствительности соотвѣтствуетъ въ языкѣ двойственность модальныхъ формъ: а) изъявительнаго и б) всѣхъ остальныхъ наклоненій. Двойственность эта нѣсколько аналогична различію падежей а) прямыхъ и б) косвенныхъ въ имени. Мы можемъ потому называть изъявит. наклоненіе прямымъ, а всѣ остальныя косвенными.

45. Отсутствіе въ изъявит. н. особаго модальнаго знака и вообще большая простота построенія и всеобщность развитія этой модальной формы указываетъ на ея большую древность и преобладающее значеніе въ организмѣ языка. Наклоненія же

косвенныя являются какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ прямого, изъявительнаго. Впрочемъ и въ позднѣйшія эпохи жизни языка индикативъ нерѣдко несетъ функціи наклоненій косвенныхъ, напр. повелительнаго, желательнаго, условнаго и т. п. Такъ въ ц. слав. а) **рече богъ: да бѫдетъ свѣтъ** (вм. **бѫди**); б) **да приидетъ цьсарьствиѥ твоѥ**; в) **аште хощеши съвръшенъ быти,... продаждь имѣниѥ си; аште бѣхъ вѣдѣлъ, не бѣхъ былъ сътворилъ** и т. п. Положимъ, на помощь индикативу здѣсь призваны союзы; но и съ ними онъ остается наклоненіемъ прямымъ, несущимъ однако обычныя функціи косвенныхъ.

46. Для выраженія дѣйствительности желаемой, условной, идеальной славянскій языкъ располагаетъ лишь одною модальною формою, именно императивомъ, который по формѣ (суф. **и**) соотвѣтствуетъ оптативу другихъ языковъ. Первоначально форма эта выражала желаніе, но затѣмъ перешла къ повелѣнію и наконецъ къ условію, напр. **даждь намъ дънесь**; **не оубии**; **не прѣлюбы сътвори**; скажи онъ слово, я простилъ бы ему. Тотъ фактъ, что въ славянскомъ языкѣ въ основу косвенныхъ наклоненій легъ не категорическій императивъ (выраженіе дѣйствительности необходимой), а болѣе мягкій оптативъ (дѣйств. желательная), не лишенъ значенія въ народной психологіи Славянъ.

47. Именеглагольныя формы (инфин., супинъ, прич.) не имѣли первоначальнаго модальнаго значенія, которое вообще обусловлено предикативнымъ (глагольнымъ), а не аттрибутивнымъ (именнымъ) отношеніемъ между основою и элементами флексивными. Однако, по мѣрѣ усиленія глагольнаго элемента, формы эти все болѣе проникались силою синтеза, а вмѣстѣ и нѣкоторымъ отношеніемъ къ категоріямъ наклоненій. Такъ напр. прич. въ выраженіяхъ: **Каиафа, архиереи сы лѣтоу томоу, рече имъ**; **Пилатъ, изѣдъ вънъ Исоуса, и сѣде на сѫдищи**, причастія **сы, изѣдъ**, выражаютъ дѣйствительность реальную; въ выраженіяхъ же: **оже ли не боудетъ, кто ѥго мьстѣ, то положити за головоу**. .п. гривенъ; **самъ бо вѣдѣаше, ѣто хота сътворити** quid esset facturus и т. п. причастія относятся къ дѣйствительности условной, субъективной, аналогично наклоненіямъ косвеннымъ.

Ту же двойственность оттѣнковъ замѣтимъ и въ нѣкоторыхъ инфинитивныхъ оборотахъ, напр. а) **бысть же оумрѣти нищоу-оумоу; и бысть видѣти страшьно чоудо**; б) **иєда и вы хощєтє оученици іего быти**; рус. быть было ненастью, да даждь помѣшалъ. Модальные оттѣнки въ такихъ причастіяхъ и инфинитивахъ являются спутниками проникающей ихъ предикативности въ средѣ то составныхъ сказуемыхъ, то аппозицій, то объектовъ и т. п.

Въ рус. языкѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ инф. и причастіе въ роли императива, напр. молчать! пошелъ! но эти обороты объясняются эллипсомъ предикативныхъ связокъ (**ѥсть, ѥси**), подобно рус. индикативамъ на л: я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ veni, vidi, vici. Впрочемъ самая возможность опущенія личныхъ формъ связки при такихъ инфинитивахъ и причастіяхъ свидѣтельствуетъ о способности именеглаголовъ пропитаться предикативными элементами, а слѣд. и оттѣнками модальными.

48. Въ выраженіи временныхъ отношеній дѣйствія или явленія славянскій языкъ еще болѣе уступаетъ другимъ арійскимъ, чѣмъ въ области модальныхъ формъ. Онъ различаетъ особыми флексіями лишь три времени: настоящее, преходящее (imperfectum) и аористъ, изъ коихъ два послѣднія отличаются между собою болѣе въ видовомъ, чѣмъ въ чисто временномъ отношеніи. Что касается категоріи будущаго времени, то она не имѣетъ для своего выраженія спеціальной этимологической формы, а соединяется съ видовыми оттѣнками глагола, именно съ формою настоящаго вр. глаголовъ окончательнаго и мгновеннаго вида, напр. **сѧдѫ, сътворѭ**; **двигнѫ, крикнѫ** и т. п,

49. Въ повелит. накл. временные оттѣнки совсѣмъ не выражаются флексіями, а обозначаются до извѣстной степени видовыми формами, напр. **пиши** *γράφε* и **напиши** *γράφον*; **оуготовлитє пѫть господьнь, правы творитє стьзѧ іего** ἑτοιμάσατε τὴν ὁδὸν κυρίου, εὐθείας ποιεῖτε τὰς τρίβους αὐτοῦ.

50. Оттѣнки, выражаемые въ классическихъ языкахъ относительными временами, напр. pl. perf. и fut. exactum, не имѣютъ въ славянскомъ для себя особыхъ этимологическихъ формъ,

а выражаются либо въ соединеніи съ видовыми оттѣнками, либо описательными пріемами, главнѣйше причастіями на л въ сочетаніи съ личными формами вспомогат. глагола **ѥсмь**, напр. а) **аште соль оубѹѥть, ѹимь осолиться миръ** ἐὰν τὸ ἅλας μωρανθῇ, ἐν τίνι ἁλισθήσεται? б) **не оу бѣ къ нимъ пришьлъ Іисоусъ** οὐκ ἐλήλυθει; **николи же не бѣ ходилъ** οὐδέποτε περιεπεπατήκει; в) **аште отъпали бѫдѫть овьца, то лютѣ пастыремъ бѫдеть.**

51. Подобно личнымъ формамъ глагола, и причастія различаютъ въ славянскомъ языкѣ особыми формами временной моментъ возникновенія признака, а именно настоящій, прошедшій, и будущій. Но послѣднее прич. вымерло уже въ доисторическое время, такъ что въ памятникахъ можно отмѣтитьлишь одну несомнѣнную форму буд. прич. **бъıша, бъıшѫшта**. Зато для прошедшаго мы встрѣчаемъ въ ц. слав. по двѣ особыхъ формы въ дѣйств. и страд. залогахъ, напр. **несъ, неслъ, несенъ, вѣзѧтъ**. Послѣдняя изъ этихъ формахъ (на т) вымираетъ впрочемъ уже на разсвѣтѣ слав. письменности, какъ безполезный плеоназмъ языка; форма же вторая (на л) принимаетъ въ сочетаніи съ личными формами вспомогат. глагола разнообразные модальные и временные оттѣнки, отчасти указанные уже выше.

52. Славянскому инфинитиву чуждо было выраженіе временныхъ отношеній дѣйствія, если не считать таковымъ видовыхъ его оттѣнковъ. Да это и понятно: изъ связи личныхъ флексій съ характеромъ времени видно, что языкъ допускаетъ возникновеніе признака въ условіяхъ времени лишь въ зависимости отъ дѣятельности лица; слѣд. категорія времени не должна бы распространяться за предѣлы личныхъ формъ глагола. Если же мы встрѣчаемъ ее въ большей или меньшей чистотѣ въ слав. причастіяхъ, а въ другихъ арійскихъ языкахъ и въ инфинитивѣ, то это объясняется общимъ усиленіемъ въ именеглаголахъ вербальнаго характера и постепеннымъ распространеніемъ на нихъ модальныхъ, временныхъ и н. дрг. семазіологическихъ особенностей личныхъ формъ глагола.

53. Категорія чиселъ въ глаголѣ возникла не самостоятельно, а перенесена съ именъ или, собственно, съ мѣстоименій,

такъ какъ числовыми формами глагола выражается число не дѣйствій или явленій, а ихъ производителей. Категорія эта развилась слѣд. въ глаголахъ на почвѣ предикативнаго согласованія глаголовъ съ субъектомъ выраженія. Въ причастіяхъ же источникомъ числовыхъ формъ служило согласованіе опредѣлительное либо аппозиціонное. Что касается наконецъ инфинитива съ супиномъ, то выражая возникновеніе признака въ самомъ общемъ, абстрактномъ, безотносительнемъ видѣ, формы эти не могли обозначать ни одного, ни многихъ производителей. Съ другой стороны, появляясь въ предложеніи въ роли то одного изъ членовъ составнаго сказуемаго, то второстепеннаго сказуемаго или второстепенной связки, инфинитивъ не подчинялся особенно строго условіямъ предикативнаго согласованія, а потому и не ассимировался подлежащему въ категоріи числа, какъ личныя формы глагола.

54. Категорія лицъ также раньше выработалась, кажется, въ мѣстоименіяхъ, чѣмъ въ глаголахъ. Личныя флексіи глагола находятся въ несомнѣнномъ родствѣ съ личными и указательными мѣстоименіями, хотя родство это не во всѣхъ формахъ можетъ быть опредѣлено съ равной наглядностію. Что касается взаимнаго соотношенія между глагольными основами и личными флексіями, то оно сложилось по типу предикативнаго сочетанія словъ, тогда какъ въ именахъ просвѣчиваетъ опредѣлительное отношеніе между матеріальнымъ зерномъ и формальными наростами слова. Этимъ объясняется способность глагола образовать въ отдѣльности цѣлое предложеніе (гремитъ, свѣтаетъ), къ чему имя пригодно лишь въ эллиптическихъ или восклицательныхъ выраженіяхъ (громъ! свѣтъ!). До тѣхъ поръ, пока ясно чувствовалась сила личныхъ флексій глагола, онъ могъ обходиться безъ введенія въ діалогъ мѣстоименій; но впослѣдствіи, при постепенномъ затемненіи личныхъ семемъ глагольной формы, это стало правиломъ или даже необходимостію, напр. **азъ ѥсмь вѣ ѥсвѣ, мы ѥсмъ** и т. п. Въ такихъ выраженіяхъ личныя флексіи являются уже плеонастическими вставками, а потому легко вывѣтриваются и отпадаютъ во всѣхъ

арійскихъ языкахъ, сначала во временахъ историческихъ, а потомъ и въ главныхъ. Впрочемъ и по отпаденіи личныхъ флексій глагола соотвѣтственныя формы (напр. аор. 2 и 3 лл. **кы, мы, пи**) чувствуются въ значеніи формъ личныхъ, при чемъ категорія лица является уже тутъ съ характеромъ семемъ скрытыхъ, вызываемыхъ наружу ассоціативною дѣятельностію сознанія.

55. Остается намъ разсмотрѣть еще значеніе славянскихъ частицъ. Такъ какъ онѣ произошли главнѣйше чрезъ окоченѣніе флексій, то и не отличались первоначально отъ другихъ склоняемыхъ, а отчасти и спрягаемыхъ словъ. Но когда отдѣльныя измѣняемыя формы, въ извѣстной синтаксической обстановкѣ, оторвались отъ спутниковъ своего флексивнаго движенія и явились изолированными изгоями прежнихъ своихъ родовъ; то онѣ стали чувствоваться уже не гибкими именами или глаголами, а неподвижными по формѣ частицами. Первоначальное значеніе окаменѣлой формы постепенно затемнялось и развивались новыя функціи, иногда очень удаленныя отъ начальныхъ. По степени этого удаленія мы можемъ распредѣлить частицы такъ: а) нарѣчія, б) предлоги и в) союзы.

56. Въ нарѣчіяхъ еще очень хорошо замѣтны и формы, и функціи измѣняемыхъ формъ, особенно падежныхъ. Такъ напр. въ нарѣчіяхъ: вчера, сегодня мы явственно различаемъ род. независимые времени; въ нарѣчіяхъ: домой, долой — дат. цѣли движенія; въ нарѣчіяхъ: вонъ, между—вин. мѣста; въ нарѣчіяхъ: **кьсьма, кельми, къхъма** и **кышиж**, пѣшкомъ—твор. образа и т. п. Въ другихъ нарѣчіяхъ связь формы съ падежными флексіями мало или совсѣмъ не замѣтна, напр. **къдє, сьдє, когда, тогда** ит. п.; все таки по аналогіи можно заключать, что и въ нихъ выражались нѣкогда отношенія, родственныя падежнымъ, т. е. пространственныя, временныя, образныя и т. п.

57. Разсматривая наличность нарѣчныхъ формъ славянскаго языка со стороны ихъ значеній, мы можемъ отличить три основныхъ группы: а) нарѣчія мѣста: **сьдє, тамо, инждоу; горѣ, кынѣ**; б) нар. времени: **ієгда, въинж, ієщє, оуже, нынѣ**; в) нар. образа, съ подраздѣленіемъ на подгруппы: α) качествен-

ныхъ (**тако, инако, пакы, ѕълѣ, лѣтиѫ**, хорошо, дурно), β) количественныхъ (**ѥлико, ѥльми, кольми, вельми, вьсьма; ѥдиножди, дъважди, трижди**) и γ) собственно-модальныхъ (**да, не, ли**, вѣроятно, пожалуй, когда бы, слѣдовательно, значитъ и т. п.). Послѣдняя подгруппа составляетъ переходъ отъ нарѣчій къ союзамъ. Тѣ изъ нарѣчій, которыя развились изъ прилагат. качественныхъ въ недавнее сравнительно время (в, α), раздѣляютъ съ послѣдними способность къ градаціонному движенію, напр. **пакы, паче, наипаче**; худо, хуже, нахуже и т. н.

58. По мѣрѣ опустѣнія въ нарѣчіяхъ корневой семемы и усиленія чисто формальныхъ функцій, изъ нихъ развиваются предлоги, прирастающіе то къ глаголамъ, въ видѣ ихъ префиксовъ, то къ именамъ, въ качествѣ связокъ объективнаго сочетанія между членами предложенія, напр. **предъиди предъ лицьмь моимь; въздасте ми ѕълѣмь въ благѣмь**. Возможность развитія предлоговъ изъ нарѣчій доказывается одновременнымъ существованіемъ въ языкѣ словъ, несущихъ и тѣ, и другія функціи, напр. **гради вънъ и ишьдъшема вънъ града; врѣма моѥ близъ ѥсть и приде близъ сватаго; окрьстъ стоѧша людиѥ и окрьстъ монастырь**. Что касается логической почвы для развитія изъ нарѣчій предлоговъ, то она опредѣляется назначеніемъ послѣднихъ поддерживать глаголы и имена въ обозначеніи то пространственныхъ, то временныхъ, то разныхъ другихъ, болѣе отвлеченныхъ (залоговыхъ, видовыхъ, причинныхъ, цѣлевыхъ, образныхъ и т. п.) отношеній между дѣйствіями и явленіями съ одной стороны, а ихъ субстантивированными объектами съ другой. Нѣкоторые присваиваютъ предлогамъ наименованіе энергическихъ нарѣчій, приписывая имъ силу управленія отдѣльными падежами; но эта сила не скрывается въ предлогахъ, а лишь проходитъ чрезъ ихъ преломляющую среду, направляясь отъ глагола или именеглагола къ имени.

59. Разнообразныя значенія славянскихъ предлоговъ можно подвести подъ три основныхъ функціи: а) обозначеніе пребыванія явленій или предметовъ въ пространственной, временной или чисто логической средѣ; б) — движенія ихъ въ той же сре-

дѣ, и в) — сочетанія или раздѣленія то матеріальнаго, то логическаго, напр. а) **жтрь въ домоу сѧ обрѣтє; на полоудьне** meridie; **оуслаждлѣмъıи о съпасении**; б) **посъла въ жгры; дѧти ıетера уловѣкы въ погыбѣль**; в) **съ красьноѭ женоѭ съпражесѧ; сълѣзъ съ кораблıı; матерь бєзъ ѵадъ сътвори**, жить безъ заботъ.

60. Къ послѣдней группѣ предлоговъ примыкаютъ союзы, обозначающіе также то соединеніе, то раздѣленіе, а сверхъ того противоположеніе и различные виды причиннаго, условнаго, уступительнаго и т. д. сочетаній, но не отдѣльныхъ предметовъ или представленій, а цѣлыхъ предложеній. Если мы назовемъ предлоги цементомъ простого предложенія, то союзы должны назвать спайками предложенія сложнаго, а въ дальнѣйшемъ развитіи—періода, рѣчи.

61. Разсматривая морфологическое строеніе славянскихъ союзовъ, мы замѣчаемъ въ ихъ средѣ два главныхъ слоя: а) союзы собственные и б) въ ихъ значеніи употребленныя нарѣчія и мѣстоименія, а отчасти и другія измѣняемыя слова, напр. а) **и, а, же, нъ, бо, ıбо, ащє**; б) **ıегда-тогда, ıако-тако; ıже-тъ** и т. п. Первый слой союзовъ древнѣе второго, такъ какъ послѣдній развился уже на почвѣ коррелятивнаго отношенія между вопросительными и указательными нарѣчіями и мѣстоименіями. Первая группа союзовъ употребляется главнѣйше при сочинительномъ, а вторая при подчинительномъ сочетаніи предложеній.

§ 32.

Значеніе сложныхъ основъ и словъ.

1. Такъ какъ значеніе сложенія редупликаціоннаго и префикснаго уже разсмотрѣно выше (§ 27), то намъ остается сказать здѣсь нѣсколько словъ лишь о томъ видѣ славянской композиціи, при которомъ второстепеннымъ ея членомъ является особое имя, мѣстоименіе или глаголъ въ тематической или лексической формѣ. Подобныя сложенія не достигаютъ уже плот-

ности состава и однородности значенія основъ редупликованныхъ или префиксованныхъ; однако они настолько сомкнуты въ морфологическомъ и семазіологическомъ отношеніяхъ, что могутъ быть признаны этимологическими единицами.

2. Общая характеристика всѣхъ сложныхъ образованій разсматриваемаго типа заключается въ томъ, что изъ нѣсколькихъ элементовъ композиціи одинъ, обыкновенно первый, значительно вывѣтривается и становится родомъ аффикса при другомъ, главномъ. Этимъ достигается возможность большей или меньшей сплоченности такихъ соединеній, выражаемой и господствомъ главнаго ударенія надъ второстепенными, и склонностію стягивать сложныя слова, жертвуя при этомъ цѣлыми слогами побочныхъ, а иногда и срединныхъ членовъ композиціи. Первое замѣтимъ даже въ такихъ сложныхъ соединеніяхъ, какъ рус. просто-на́-просто, черны́мъ-черно, чиста́-поля, самъ-дру́гъ, не-тро́нь-меня, перекати-по́ле и т. п.; второе же въ малорус. робитиму, серб. ради(ти хо) ћу, пол. by̨ł(j)e(s)m, by̨ł(j)es(i) и т. п.

3. Взаимное отношеніе двухъ стихій сложной основы или слова представляетъ однако и другія особенности, сверхъ общаго опустѣнія одной изъ нихъ при сосредоточеніи значенія на другой. Смотря по принадлежности къ тѣмъ или другимъ категоріямъ рѣчи, члены композиціи могутъ находиться между собою то въ соединительномъ, то въ опредѣлительномъ, то въ дополнительномъ, то въ обстоятельственномъ соотношеніи, напр. а) **мжжежнъ** ἀνδρόγυνος (соединяющій примѣты мужчины и женщины), мать-и-мачиха; б) **Ярославъ, добродѣтель, милосрьдиѥ, тѣзоименитъ, четвородьневьнъ, Царьградъ**, Бѣлградъ, жаръ-птица, самъ-другъ; в) **винодѣлиѥ, чьстолюбиѥ** и **любочьстиѥ**, Владимиръ, перекати-поле, и г) **вельлѣпьнъ, вельмдъ** и т. п.

4. Въ каждомъ изъ четырехъ основныхъ типовъ именной композиціи мы замѣчаемъ сочетаніе членовъ то въ тематической, то во флексивной формѣ. Очевидно, что форма эта не имѣетъ сама по себѣ рѣшающаго вліянія на значеніе сочетанія, такъ какъ и тема можетъ выражать флексивные оттѣнки, особенно если

это облегчается обычностію сочетанія, матеріальнымъ значеніемъ членовъ, ихъ расположеніемъ, интонаціей и т. п. вспомогательными способами. Говоримъ ли мы: **добра дѣтель, Бѣла града** или **добродѣтель**, Бѣлграда, мы одинаково устанавливаемъ мыслію аттрибутивное отношеніе между членами сложенія, явно выраженное въ первомъ случаѣ и подразумѣваемое во второмъ.

5. Если формы описательнаго спряженія славянскаго глагола разсматривать также за этимологическія единицы, то слѣдуетъ отвести здѣсь мѣсто семазіологическому разбору и этого вида композиціи.

6. Первенствующую роль въ славянскомъ описательномъ спряженіи играютъ сочетанія причастія на **лъ** съ личными формами пустыхъ или вспомогательныхъ глаголовъ. Сочетанія эти могутъ быть по значенію раздѣлены на двѣ основныхъ группы: а) выраженіе временныхъ оттѣнковъ глагола и б) выраженіе оттѣнковъ модальныхъ. Къ первой группѣ принадлежатъ сочетанія типовъ: **лъ ѥсмь, лъ ѥсмь былъ, лъ бѣахъ, лъ бѫдѫ**; ко второй же — типа **лъ быхъ**.

7. Форма типа **лъ ѥсмь** соотвѣтствуетъ греч. перфекту, т. е. выражаетъ дѣйствіе или явленіе, законченное уже въ моментъ рѣчи, напр. **далъ ѥси** δέδωκας; **окыклъ ѥсмь** consvevi. Изъ этого сочетанія развилось путемъ эллипса рус. прошедшее изъявит. накл. на лъ, зародыши чего можно встрѣчать уже въ ц. слав., напр. **васъ ни ѕемлѧ покрыла** (vos non terra texit), **ни нєбо приѧтъ**.

8. Форма типа **лъ ѥсмь былъ** имѣетъ смыслъ давнопрошедшаго времени по отношенію къ настоящему, напр. **мати ѥго ѕавѣсила была** (**ѥсть** = velaverat) **окъньце ѕавѣсъмь**; въ нѣкоторомъ царствѣ.... при царѣ Горохѣ.... жилъ былъ (есть) Иванъ дурачекъ.

9. Форма типа **лъ бѣахъ** должна была первоначально соединять значеніе дѣйствія или явленія, законченнаго въ прошедшемъ, съ оттѣнкомъ его усиленной длительности; но послѣдній оттѣнокъ, вносимый вообще формами славянскаго имперфекта, мало чувствуется въ этомъ сложеніи, быть можетъ, по причинѣ принятія ц. слав. **бѣахъ, бѣ, бѣ** функцій древняго аориста **быхъ, бы, бы,**

въ зависимости, вѣроятно, отъ усвоенія послѣднимъ значеній модальныхъ. Такимъ образомъ ц. слав. **въ тъ часъ прѣдалъ бѣаше доушѫ человѣкъ** соотвѣтствуетъ лат. tradiderat; **не оу бѣ къ нимъ пришьлъ Іисоусъ** οὐκ ἐληλύθει и т. п.

10. Форма типа **лъ бѫдѫ** означаетъ дѣйствіе, законченное по отношенію къ данному моменту въ будущемъ, т. е. fut. exactum, напр. **аште отъпали бѫдѫть овьца, то лютѣ пастыремъ бѫдеть** si defecerint oves и т. д. Нерѣдко впрочемъ заключенный въ формѣ **лъ** оттѣнокъ прошедшаго стушевывается и дѣйствіе изображается просто предстоящимъ въ будущемъ, напр. малорус. не будешь у насъ робила,—сребромъ, золотомъ будешь шила; пол. będę kupował вм. kupować.

11. Форма типа **лъ бꙑхъ** должна была означать первоначально дѣйствіе или явленіе, законченное въ прошедшемъ и притомъ въ соединеніи съ оттѣнкомъ быстроты и полноты этого совершенія. Но очень рано, уже въ праславянское время, формѣ **лъ бꙑхъ** присвоена другая функція, именно выраженіе дѣйствительности условной или воображаемой, мыслимой, желаемой, словомъ—фиктивной, напр. **молѧахѫсѧ да бꙑ шьлъ** ut iret; **аште не бꙑ бꙑлъ сеи ѕълодѣи, не бꙑ бꙑхомъ прѣдали его тебѣ** nisi hic maleficus esset, eum tibi non tradidissemus. То же, кажется, значеніе имѣла въ ц. слав. и форма типа **лъ бимъ**, напр. **аште не бимъ пришьлъ, грѣха не бѫ имѣли.**

12. Сочетаніе съ личными формами вспомогат. глагола двухъ другихъ причастій дѣйств. залога также употребляется нерѣдко для обозначенія дѣйствій или явленій то современныхъ другому настоящему, прошедшему или будущему дѣйствію либо явленію (прич. на **лъ** или **лъ** съ **ѥсмь, бѣахъ, бѫдѫ**), то предшествующихъ послѣднему (прич. на **ъ-ь** или **въ** съ **ѥсмь, бѣахъ, бѫдѫ**). Впрочемъ сочетанія эти не достигали уже въ ц. слав. такой плотности, какъ съ прич. на **лъ**, что обусловлено было и болѣе формальнымъ значеніемъ личныхъ глаголовъ при **лъ**, чѣмъ при **лъ, лъ, ъ, въ.**

13. При сочетаніи личныхъ формъ глагола съ прич. страдательными выражаются оттѣнки залоговые и временные, но

не модальные, свойственные сочетаніямъ съ **бꙑхъ** въ дѣйств. залогѣ.

14. Форма типа **мъ ѥсмь, бꙑвалъ** соотвѣтствуетъ praes. pass. другихъ языковъ, напр. **питаѥми ѥсмъ** nutrimur; **оучими бꙑваѥмъ** docemur. Форма типа **мъ бѣахъ, бꙑваахъ** равносильна имперфекту страд. залога, напр. **кръвиѭ багримъ бѣаше** tingebatur; **жрьтвалаѥми бꙑваахѫ** mactabantur. Форма типа **мъ бѫдѫ** имѣетъ смыслъ fut. pass., напр. **въ тьмꙑ вьврьгомъ бѫдеть** in tenebras jacietur.

15. Форма затѣмъ типа **нъ (тъ) ѥсмь** равносильна по значенію формѣ **лъ ѥсмь**, за исключеніемъ категоріи залога, страд. тамъ и дѣйств. здѣсь, напр. **мънози сѫть жъвани** πολλοί εἰσι κλητοί. · Форма типа **нъ (тъ) бѣахъ, бꙑваахъ** означаетъ imperf. pass. напр. **посълани бѣахѫ** ἀπεσταλμένοι ἦσαν; **въдрьжень бꙑваашє** figebatur; **съвꙗзанъ бꙑваашє** ligabatur. Форма типа **нъ(тъ) бꙑхъ** не имѣетъ условнаго значенія, а просто прош. страд., напр. **веденъ бꙑ** ductus est. Форма типа **нъ(тъ) бꙑвалъ** означаетъ praes. pass.: свойственный причастіямъ на **нъ(тъ)** оттѣнокъ прошедшаго времени тутъ стертъ и подчиненъ презенціальному значенію формы **бꙑвалъ**, напр. **ребра прободена бꙑваѭть** perfo. diuntur; **томлѥнъ бꙑваѥть** αἰκίζεται. Форма типа **нъ(тъ) бѫдѫ** также выражаетъ fut. pass., безъ вниманія на собственный временной оттѣнокъ прич. **нъ(тъ)**, напр. **прѣданъ бѫдеть** tradetur. Забвеніе временныхъ оттѣнковъ въ прич. на **нъ(тъ)**, а иногда и на **лъ, ꙑ, ъ, въ**, объясняется постепеннымъ превращеніемъ послѣднихъ въ прилагат., вмѣстѣ съ ослабленіемъ ихъ древнихъ предикативныхъ или аппозиціонныхъ функцій и усиленіемъ позднѣйшихъ аттрибутивныхъ.

16. Что касается наконецъ сочетаній инфинитивовъ съ личными формами глаголовъ: **бѫдѫ, имамь, начьнѫ, хощѫ**, то они соотвѣтствуютъ fut. simplex языковъ классическихъ, напр. **нєраздити начьнєть** καταφρονήσει; **прити имать сꙑнъ чловѣчьскꙑи** μέλλει ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἔρχεσθαι. Сочетаніе тѣхъ же личныхъ формъ съ инфинитивомъ при прич. страд. производитъ значеніе fut. pass., напр. **ꙗко хощетъ погоубленъ бꙑти** per-

detur; **преданъ имать быти сынъ человѣческъ** tradetur, μέλλει παραδίδοσθαι.

17. Итакъ мы видимъ, что описательныя формы глагола представляютъ сложныя слова, выражающія главнѣйше временныя, но отчасти и видовыя, залоговыя и модальныя функціи глагола.

§ 33.

Скрытыя семемы словъ.

1. Число морфемъ славянскаго языка очень незначительно въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ выражаемыхъ въ немъ и на немъ значеній. Изъ этого мы уже a priori можемъ заключить, что въ тканяхъ славянскаго языка имѣется морфологическій субстратъ не для всѣхъ семемъ, а лишь для нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ; все остальное подразумѣвается говорящимъ и угадывается слушающимъ. Въ этомъ отношеніи славянскій, какъ и всѣ другіе языки, похожъ на картину, въ которой лишь кое что обозначается дѣйствительными красками; большая же часть содержанія дополняется воображеніемъ наблюдателя.

2. Скрытыя семемы словъ могутъ быть подраздѣлены на три группы: а) семемы, имѣвшія нѣкогда морфологическій субстратъ, но утратившія его вслѣдствіе звукового вывѣтриванія словъ; б) семемы, развившіяся изъ явныхъ по законамъ ассоціаціи значеній и отношеній и в) семемы искони скрытыя.

3. Къ первой группѣ скрытыхъ семемъ принадлежатъ значенія такихъ словъ, какъ ц. слав. рѧкъ, **богъ**, **джкъ** и т. п., въ которыхъ соединяются функціи трехъ различныхъ падежей: имен. ед., вин. ед. и род. мн. Исторія языка доказываетъ, что флексивный ъ соотвѣтствуетъ въ слав. языкѣ тремъ различнымъ первоначально въ звуковомъ отношеніи падежнымъ окончаніямъ; но память о томъ давно простыла въ слав. языкѣ, вслѣдствіе

чего различныя функціи этого ъ являются въ немъ лишенными уже морфологическаго субстрата, слѣд. скрытыми семемами словъ.

4. Къ скрытымъ семемамъ второй группы принадлежатъ всѣ переносныя или производныя значенія корней, аффиксовъ и флексій, особенно же тѣ изъ нихъ, въ которыхъ ассоціативная связь съ начальнымъ или основнымъ значеніемъ морфемы порвалась. Такъ напр. слово **недѣля** въ значеніи седмицы выражаетъ семему, не только не заключенную въ морфологическихъ его элементахъ, но даже противорѣчащую имъ, слѣд. лишенную прямого субстрата, скрытую. Къ этой же группѣ скрытыхъ семемъ относится употребленіе аориста **кы** въ смыслѣ условнаго союза, употребленіе настоящаго вр. окончательныхъ и мгновенныхъ глаголовъ въ смыслѣ будущаго вр. и т. п.

5. Что касается наконецъ группы семемъ искони скрытыхъ, то къ нимъ можно отнести напр. разнообразные оттѣнки одной и той же основы въ композиціи, **богопочитаніе** = почитаніе бога или боговъ; **богоподобнъ**=подобный богу или богамъ; **боговъдъхновенъ** = вдохновенный богомъ или богами и т. п. Сюда же относятся особенности соотношенія между матеріей и формой словъ склоняемыхъ съ одной стороны, а спрягаемыхъ съ другой, именно существованіе въ первыхъ аттрибутивнаго, а во вторыхъ предикативнаго отношенія между основою и окончаніемъ, напр. прич. **сидяште** (они сидящіе) и изъявит. **сидять** (они суть сидящіе), **кержште** (они берущіе) и **кержть** (они суть берущіе) и т. п.

6. Что касается основаній для разгадки скрытаго значенія или внутреннихъ эллипсовъ словъ, то они заключаются главнѣйше въ общей обстановкѣ такихъ словъ, взаимномъ расположеніи, управленіи и другихъ синтаксическихъ особенностяхъ употребленія.

7. Обиліе скрытыхъ семемъ словъ не составляетъ само по себѣ недостатка языка; наоборотъ, оно можетъ образовать даже его достоинство, если угадываніе невыраженныхъ оттѣнковъ словесной картины возможно безъ большого напряженія и дву-

смысленности. Въ этомъ отношеніи хорошіе языки поступаютъ подобно хорошимъ писателямъ: они не говорятъ слушателю и читателю ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много, а именно столько, сколько необходимо для правильнаго и легкаго пониманія сообщаемаго со стороны догадливаго и мыслящаго слушателя.

§ 34.

Историческое измѣненіе семемъ.

1. Подобно звукамъ и формамъ, значенія корней, аффиксовъ и флексій, явныя и скрытыя семемы основъ и словъ подлежатъ непрерывнымъ измѣненіямъ, которыя совершаются съ извѣстной правильностію, незамѣтными толчками, по законамъ психической ассоціаціи представленій и отношеній.

2. Такъ въ области корней все увеличивается число корней поблекшихъ, опустѣлыхъ, формальныхъ, при чемъ соотвѣтственныя основы и слова переходятъ то изъ класса именъ и глаголовъ въ мѣстоименія и частицы, то изъ среды основъ конкретнаго значенія къ абстрактному, то изъ круга формъ прозрачныхъ къ затемненнымъ, лишеннымъ указаній на исходный и основной признакъ представленія. Языкъ постепенно переходитъ какъ бы отъ способовъ изображенія геометрическаго или ариѳметическаго къ алгебраическому, отъ образовъ и чиселъ къ буквамъ самаго общаго и условнаго значенія. При этомъ увеличивается метафизическое достоинство языка, но уменьшается его поэтическая изобразительность.

3. Въ области аффиксовъ издревле совершается постепенное ослабленіе и забвеніе ихъ самостоятельнаго значенія и усиленіе плотности связей съ главнымъ элементомъ основы. Глагольные напр. префиксы были нѣкогда нарѣчіями, а еще раньше мѣстоименіями и именами. Измѣненіе ихъ этимологической и син-

таксической роли обусловлено главнѣйше переворотами въ значеніи флексивныхъ формъ, оторванныхъ отъ связей съ другими и постепенно окаменѣвшихъ въ морфологическомъ отношеніи. Ставъ изъ именъ и мѣстоименій нарѣчіями и предлогами, глагольные префиксы не остановили своего семазіологическаго развитія, а наоборотъ, продолжаютъ его и донынѣ, совершая переходъ отъ оттѣнковъ пространственныхъ къ залоговымъ, видовымъ, временнымъ и многимъ другимъ, болѣе второстепеннымъ. Такъ напр. префиксъ **на** въ глаголѣ **напишж** означалъ первоначально то же, что лат. in въ inscrĭbo, т. е. расположеніе или направленіе дѣйствія на поверхности какого либо объекта. Со временемъ предлогъ этотъ сталъ указывать и на законченность производимаго дѣйствія, обращеннаго одной стороной къ настоящему, а другой къ будущему.

Крайній предѣлъ въ постепенномъ прирастаніи префикса къ корню представляютъ тѣ формы, гдѣ первый всосанъ вторымъ въ смыслѣ морфологическомъ и семазіологическомъ, какъ напр. въ рус. заподáзривать при подозрѣвать. Рядомъ съ превращеніемъ морфологическимъ здѣсь совершилось и семазіологическое, именно поглощеніе семемы префиксной корневою, слѣд. перенесеніе на префиксъ части матеріальнаго значенія корня.

4. Перегласовка корня также не имѣла искони тѣхъ значеній, какія свойственны ей нынѣ въ славянскомъ языкѣ. Первоначально она была даже чисто механическимъ отраженіемъ на вокализаціи корня силы или слабости суффиксовъ, слѣд. не имѣла никакого самостоятельнаго семазіологическаго значенія. Очевидно, что отношеніе перегласовки къ категоріямъ залога, вида, даже времени и т. д. развилось постепенно, по мѣрѣ развитія въ языкѣ этихъ категорій и ослабленія памяти о первоначальной, чисто механической ея роли.

5. Значенія суффиксовъ также подвергаются измѣненіямъ, вслѣдствіе безпрерывнаго расширенія круга ассоціативныхъ связей между выражаемыми отношеніями. Такъ напр. въ разнообразныхъ значеніяхъ суффикса **т**, прилагаемаго къ образованію

то причастій (**вѣзѧтъ, повитъ**), то прилаг. (**гѫстъ, ѹстъ, лютъ**), то числит. (**четвртъ, пѧтъ, девѧтъ**), то существ. (**прьстъ, длато, крьста**) и т. д. слѣдуетъ видѣть цѣлую сѣть послѣдовательныхъ развѣтвленій отъ общаго семазіологическаго ствола. Точно такъ и соотношенія глагольныхъ суффиксовъ съ категоріями залога и вида представляютъ результатъ постепеннаго подновленія и развитія ихъ основныхъ семемъ. Не ископны, кажется, въ славянскомъ языкѣ и временныя функціи причастныхъ суффиксовъ: **л, м, н, т**, если судить объ ихъ первоначальныхъ семемахъ по аналогіи другихъ арійскихъ языковъ, напр. греческихъ формъ: δειλός, θερμός, δεινός, κλυτός, или латинскихъ: loquela, almus, plenus, inclitus и т. п. Впрочемъ и въ славянскомъ языкѣ не мало есть формъ того же образованія, чуждыхъ отношенія къ временнымъ оттѣнкамъ дѣйствій или явленій, напр **гнилъи, дѣло, мьгла; дымъ, письмо, слама; плънъ, зрьно, страна; сытъ, жито, пата** и т. п. Возможно, что встарину тѣ же суффиксы и въ причастіяхъ были индифферентны къ категоріи времени, которая была тогда скрытою семемою этихъ формъ. Еще новѣе въ языкѣ употребленіе причастія на **л** въ роли прошедшаго изъявит. наклоненія. Оно образовалось путемъ эллипса предикативныхъ связокъ: **юсмь, бѣахъ** и т. п. При этомъ въ чувствѣ языка совершенно измѣнилось отношеніе между матеріей и формой представленія, перейдя отъ типа сочетаній аттрибутивныхъ къ предикативнымъ.

6. Столь же значительны наблюдаемые въ славянскомъ языкѣ перевороты въ значеніи флексій. Такъ напр. флексіи падежныя все болѣе расширяютъ кругъ и увеличиваютъ точность выражаемыхъ ими отношеній. Мы видѣли выше, какіе разнообразные оттѣнки развились напр. въ вин. изъ отношенія общаго объекта дѣйствія, въ дат. изъ ближайшей и активной цѣли, въ творит. изъ сопребыванія и орудія и т. п. То же и въ кругу флексій глагольныхъ, въ переходѣ напр. формъ древняго оптатива къ императиву, конъюнктиву и кондиціоналу,—древняго настоящаго къ оттѣнкамъ будущаго и т. п. Вывѣтриваніе флексій числовыхъ видно изъ риторическаго употребленія формъ мн. и дв. ч. вм. ед., напр. рус. пожалуйте, сударь! пожалуйста!

Въ послѣдней формѣ флексія ста чувствуется какой то плеонастической привѣской, въ родѣ ка, ко, те словъ: поди-ка, нутко, пойдемте, нуте и т. п. Цѣлый рядъ семазіологическихъ измѣненій замѣтимъ мы и въ постепенномъ переходѣ инфинитива отъ категоріи именной къ глагольной, отъ выраженія дѣйствія или явленія субстантивированнаго къ общему значенію глагольной основы.

7. Превращеніе наконецъ гибкихъ словъ рѣчи въ частицы— мѣстоименія, нарѣчія, предлоги, союзы — опять таки сопровождается не окоченѣніемъ лишь формъ, но и глубокимъ измѣненіемъ ихъ смысла, совершающимся медленно, но непрерывно и неудержимо.

8. Если при изложеніи исторіи словъ имѣть въ виду не одинѣ формы, но и значенія, то придется отвергнуть распространенный еще взглядъ, будто жизнь языка проходитъ періоды сначала созиданія, а потомъ разрушенія. Въ жизни языка, какъ и всякой другой стороны человѣческаго организма, всегда дѣйствовали и разрушающія, и зиждущія силы. Разница между періодомъ начальнымъ и дальнѣйшимъ заключалась развѣ въ томъ, что творчество сосредоточивалось прежде на формахъ, а впослѣдствіи перешло на значенія, хотя далеко не исчерпывалось этимъ ни прежде, ни послѣ. Въ общей экономіи физическихъ и психическихъ силъ человѣка равновѣсіе при этомъ не нарушалось; измѣнялось лишь взаимное ихъ распредѣленіе на морфологической и семазіологической сторонѣ языка. Съ другой стороны, метафизическое достоинство языка, какъ гибкаго органа мысли, не должно неизбѣжно падать при оскудѣніи формъ языка; ибо ихъ функціи переживаютъ обыкновенно смерть своихъ носителей, переходя лишь въ разрядъ семемъ скрытыхъ, которыя вообще относятся къ явнымъ обратно-пропорціонально по числу и употребленію. Примѣры для славянскаго языка приведены выше. Такимъ образомъ утраты нашего, какъ и всякаго другого языка въ пластической изобразительности возмѣщаются при нормальныхъ условіяхъ развитіемъ логической его силы.

9. Граница между словомъ, какъ единицею этимологическою, и выраженіемъ, какъ единицею фразеологическою или синтаксическою, столь же шатка и условна въ семазіологическомъ, какъ и въ морфологическомъ отношеніи. Если мы сравнимъ напр. формы: **ненавиждѫ** и **не хощѫ**, **въскжѫ** и **въ̨ благодать**, **въинѫ** и **въ има** и т. п., то замѣтимъ, что одно и то же нарѣчіе либо предлогъ можетъ чувствоваться то въ большемъ, то въ меньшемъ сцѣпленіи съ сосѣднимъ измѣняемымъ словомъ, образуя въ соединеніи съ послѣднимъ то этимологическую, то фразеологическую единицу. Точно такъ и ц. слав. **молѭ ти сѧ, Боже мои** съ одной стороны, а рус. молюсь тебѣ, Боже мой!—съ другой, представляютъ двѣ разныя степени сомкнутости глагола съ мѣстоименной привѣской **сѧ**. Вообще можно замѣтить, что предѣлы слова постепенно раздвигаются, распространяясь съ теченіемъ времени на многіе самостоятельные первоначально члены выраженія. Нѣкоторые примѣры того въ слав. языкѣ указаны выше, въ главѣ о значеніи сложныхъ словъ (§ 32).

§ 35.

Ретроспективный взглядъ на славянскую семазіологію.

1. Обращаясь мыслію назадъ, чтобы окинуть однимъ взглядомъ совокупность явныхъ и скрытыхъ семемъ, выражаемыхъ совокупностію морфологическихъ средствъ слав. языка, мы невольно поражаемся обиліемъ и разнообразіемъ первыхъ въ сравненіи съ ограниченностію и простотою послѣднихъ. Какихъ нибудь 500—600 корневыхъ звукосочетаній, комбинированныхъ между собою на разные лады и усиленныхъ сотнями двумя то простыхъ, то сложныхъ аффиксовъ, оказывается достаточнымъ для словеснаго выраженія безконечнаго множества предметовъ и феноменовъ, при всевозможныхъ формахъ ихъ взаимодѣйствія и соотношеній.

2. А между тѣмъ слова являются не блѣдными лишь тѣнями, но и яркими картинами предметовъ и явленій какъ внѣшняго, такъ и внутренняго наблюденія. Въ нихъ изображается и матерія, и форма соотвѣтственныхъ душевныхъ образовъ. Тысячи воспринимаемыхъ чувствами (особенно слуха и зрѣнія) признаковъ и сотни мыслимыхъ отношеній между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ находятъ себѣ звуковое выраженіе въ микрокосмѣ человѣческой рѣчи. Достаточно вспомнить исчисленныя выше категоріи значеній, выражаемыхъ въ слав. языкѣ частями рѣчи и изгибами словъ, чтобы оцѣнить высокое метафизическое его достоинство. А между тѣмъ исчисленное представляетъ не болѣе, какъ слабую миніатюру дѣйствительныхъ семазіологическихъ богатствъ нашего языка; въ ней воспроизведены, и то неполно, лишь главныя категоріи его семемъ, но никакъ не второстепенныя ихъ развѣтвленія и подробности. Многое въ этой области не поддается даже грамматическому анализу, хотя чувствуется въ живой рѣчи, какъ тембръ знакомаго голоса, который мы узнаемъ, не будучи въ состояніи опредѣлить его спеціальныхъ примѣтъ.

3. Вообще, если судить объ образованіи человѣческаго слова по славянскому его типу, то слѣдуетъ признать, что словообразующій геній народа дѣйствовалъ, хотя и безсознательно, какъ великій художникъ. Взявъ текучую, но упругую матерію звука, словно лѣпщикъ комъ глины или ваятель осколокъ мрамора, онъ вылѣпилъ, высѣкъ изъ него своего рода каменную бабу, звуковой чурбанъ, который долженъ былъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ направлять мысль слушателя на извѣстные предметы или явленія. Эти первоначальные грубые слѣпки, которые грамматика называетъ корнями, подверглись затѣмъ дальнѣйшей обработкѣ, при чемъ къ звуковому торсу представленія прилаживались подобія отдѣльныхъ оконечностей, такъ что получилась наконецъ грамматическая основа, полусформированный звуковой символъ извѣстнаго рода или вида предметовъ и явленій. Еще одно усиліе мысли, еще одинъ взмахъ художественнаго рѣзца, и передъ нами слово, стройное изваяніе, съ

печатью индивидуальности, жизни и мысли на одухотворенномъ лицѣ. Съ движеніемъ вѣковъ зубъ времени отгрызаетъ потомъ то тѣ, то другія черты и члены звуковой фигуры; круглое изваяніе превращается въ барельефъ, статуя — въ торсъ: но этотъ торсъ долго хранитъ слѣды своего художественнаго происхожденія и даже въ складкахъ классической тоги мы явственно еще различаемъ величавый образъ падающаго Цезаря.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УЧЕНІЕ О ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О СТРОЕНІИ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

---

§ 36.

Строеніе простого предложенія.

1. Слова не разбросаны въ языкѣ, какъ отдѣльные атомы, а наоборотъ, входятъ въ рѣчь въ извѣстныхъ соединеніяхъ, обусловленныхъ ихъ лексическимъ и грамматическимъ сродствомъ, которое можно уподобить сродству химическому между отдѣльными элементами природы. Соединенія эти мы назовемъ фразами. Они занимаютъ промежуточный поясъ между словами и предложеніями, а слѣд. между областями этимологіи и синтаксиса.

2. Вникая во взаимное отношеніе составныхъ членовъ извѣстной фразы, мы замѣчаемъ, что оно представляетъ нѣкоторую аналогію съ отношеніемъ элементовъ сложнаго слова. Такъ напр. фразы: **добра дѣтель, блага приꙁнь** и слова: **добродѣтель, благоприꙁнь** (εὐνοία) построены по одному и тому же опредѣлительному типу сочетанія; **любы странныхъ, оуставлѥніе ꙁакона и страньнолюбіе** (φιλοξενία), **ꙁаконоположеніе** (νομοθεσία)—по типу сочетанія дополнительнаго; **вельми лѣпъ и вельлѣпъ** (μεγαλοπρεπής)—по типу соч. обстоятельственнаго; мать-и-мачиха, **мѫжежень** (ἀνδρόγυνος)—по типу соч. соединительнаго и т. п.

Но во фразахъ мы встрѣчаемъ еще два типа сочетаній, которые чужды уже словамъ сложнымъ, именно: сочетаніе аппозиціонное (**богъ, сы̀ блгъ**....) и соч. предикативное (**богъ є̀сть блгъ**). Возможно, что нѣкогда и они выражались въ композиціи, на что какъ будто указываетъ предикативный характеръ сочетанія глагольной флексіи съ основою; но въ дальнѣйшемъ развитіи языка выраженіе аппозиціоннаго и предикативнаго отношенія словъ сосредоточено во фразѣ, даже въ предложеніи.

3. Разнообразныя отношенія между членами именной и глагольной композиціи принадлежатъ, какъ мы видѣли, къ числу скрытыхъ семемъ слова. Не то встрѣчаемъ во фразѣ: тутъ есть опредѣленные морфологическіе признаки и носители того или другого соотношенія между членами фразы. Такъ отношеніе предикативное характеризуется присутствіемъ во фразѣ личной формы глаголы, тяготѣющей своими флексіями къ имени главнаго ея предмета; отношеніе аппозиціонное предполагаетъ въ выраженіи причастіе, также согласуемое съ главнымъ или побочнымъ именемъ въ категоріяхъ падежа, рода и числа; отношеніе опредѣлительное выражается обыкновенно прилагательнымъ, рѣже прич. и существительнымъ, строго согласуемыми съ предметомъ опредѣленія; отношеніе дополнительное предполагаетъ названіе опредѣленнаго предмета въ одномъ изъ косвенныхъ падежей; наконецъ отношеніе обстоятельственное соединено съ присутствіемъ во фразѣ нарѣчія. Говоря короче, три первые вида сочетанія (предикативное или сказуемое, аппозиціонное или приложе́нное и аттрибутивное или опредѣлительное) характеризуются бо́льшимъ или меньшимъ уподобленіемъ флексій членовъ сочетанія; два же послѣдніе вида (дополнительное или объективное и обстоятельственное) отмѣчены обыкновенно присутствіемъ косвенныхъ падежей то гибкаго, то окоченѣвшаго имени.

4. Изъ среды всѣхъ пяти исчисленныхъ типовъ сочетанія словъ на первый планъ въ языкѣ выдвигается сочетаніе предикативное, достигающее и бо́льшей самостоятельности употребленія, и бо́льшей полноты значенія. Въ рамки этого сочетанія

входятъ, съ разной легкостію и рѣшительностію, всѣ остальныя фразеологическія группы, являясь въ болѣе или менѣе подчиненномъ и зависимомъ отъ него отношеніи. Вотъ почему предикативное сочетаніе словъ или голое предложеніе является высшей фразеологической, а вмѣстѣ съ тѣмъ низшей синтактической единицей.

5. Хотя предложеніе является грамматическимъ коррелятивомъ логическаго термина сужденіе, тѣмъ не менѣе строеніе и составъ перваго и второго далеко не тожественны. Это видно уже изъ того, что форма сужденія одна и та же для всѣхъ вѣковъ и народовъ, тогда какъ форма предложенія разнообразна не только въ языкахъ разныхъ классовъ, но и въ разные періоды развитія одного опредѣленнаго языка. Съ другой стороны, логика учитъ, что сужденіе всегда имѣетъ двучленный составъ: а) обозначеніе субъекта и б) предиката, какъ частнаго и общаго, апостеріорнаго и апріорнаго моментовъ апперцепціи; если же мы выдѣлимъ въ предикатѣ отношенія связи и аттрибута, то получится форма трехчленная (subjectum, copula, attributum), представляющая въ сущности не видоизмѣненіе, а лишь другое объясненіе первой, двучленной. Между тѣмъ предложеніе можетъ стягиваться до одного термина и расширяться на цѣлые ихъ десятки, не выходя за рамки одного синтактическаго цѣлаго. Изъ этого слѣдуетъ, что при анализѣ предложенія нужно руководиться не общими логическими схемами сужденія, а этимологическимъ составомъ оборота, въ связи съ числомъ, отношеніемъ и ролью его фразеологическихъ группъ.

6. Примѣромъ одночленныхъ предложеній служатъ въ славянскомъ языкѣ, во 1-хъ, такія восклицательныя выраженія, какъ: пожаръ! бѣда! горе! сє чловѣкъ! и, во 2-хъ, такъ называемые безличные или безсубъектные глаголы: гремитъ, сверкаетъ; „и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“! Выраженія эти тѣмъ отличаются отъ сокращенныхъ путемъ эллипса, напр. рєчє (онъ) и бышл (вьси), повелѣ (онъ) и съѣдашлся (вьси или тл), что въ послѣднихъ мы не особенно затрудняемся устра-

нить одночленность выраженія возстановленіемъ чувствуемаго нами пропуска, чего нельзя сказать о первыхъ.

7. Въ одночленныхъ предложеніяхъ типа: пожаръ! старина отзывается, повидимому, и смѣшанный характеръ выражаемаго предложеніемъ душевнаго движенія, именно примѣсь чувства при обнаруженіи мысли, столь обычная въ языкѣ дѣтей и рѣже встрѣчаемая въ зрѣломъ возрастѣ человѣка или народа. Эта слабость дифференцировки отдѣльныхъ моментовъ сознанія съ одной стороны, а членовъ предложенія съ другой, быть можетъ, взаимно обусловлены въ выраженіяхъ разсматриваемаго типа.

8. Другой слой одночленныхъ предложеній перваго типа представляютъ названія или клички, заглавія, употребляемыя въ отдѣльности и ничѣмъ не дополняемыя въ сознаніи, напр. Россія; университетъ; Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ; Евангеліе; физика; химія и т. п. Въ подобныхъ выраженіяхъ одни видятъ подлежащія съ опущенными сказуемыми, другіе, наоборотъ, сказуемыя съ опущенными подлежащими; но уже самое различіе взглядовъ на синтактическое значеніе такихъ оборотовъ свидѣтельствуетъ о смѣшанномъ ихъ характерѣ и сходствѣ съ одночленными предложеніями типа: пожаръ! Лишь элементъ чувства отсутствуетъ въ выраженіяхъ заглавныхъ, въ отличіе отъ оборотовъ восклицательныхъ.

9. Нѣкоторую двойственность оттѣнковъ замѣтимъ и въ одночленныхъ предложеніяхъ типа: гремитъ. Въ нихъ выражается обыкновенно либо внѣшній феноменъ, либо внутреннее движеніе, которыхъ производитель не наблюдается или по крайней мѣрѣ не выдвигается ясно въ сознаніи и въ словесномъ изображеніи, напр. а) дождитъ, задождило, прояснѣло; б) богатому сладко ѣстся, да плохо спится. Неясный намекъ на производителя явленія или состоянія дается, правда, здѣсь личною флексіею глаголовъ; но указаніе это едва сознается въ періодъ ослабленія самостоятельнаго значенія флексій, если оно не реставрировано въ видѣ особаго указательнаго мѣстоименія, напр. гремитъ, βροντᾷ—es donnert, il tonne. Нѣчто подобное замѣтимъ

и при безсубъектномъ выраженіи внутреннихъ движеній, напр. въ рус. что то не вѣрится, что то грезится и т. п.

10. Нормальною формою славянскаго предложенія служитъ однако не одночленный, а двучленный его типъ, напр. **рєчє Богъ, (да) бѫдєть свѣтъ, (и) бысть свѣтъ.** Если принять во вниманіе, что двучленное предложеніе заключаетъ въ себѣ сочетаніе тѣхъ самыхъ формъ, которыя мы встрѣчали изолированно въ двухъ разновидностяхъ одночленнаго предложенія (именит. падежъ имени, личная форма глагола), то можно притти къ заключенію, что предложеніе двучленное развилось на почвѣ и даже изъ соединенія двухъ одночленныхъ, т. е. что громъ гремитъ, дождь дождитъ, образовались изъ выраженій: громъ! гремитъ и дождь! дождитъ. Впрочемъ, несмотря на такое предположеніе, плотность сочетанія двухъ составныхъ частей двучленнаго предложенія на столько крѣпка, что оно можетъ быть принимаемо за синтактическую единицу.

11. Подлежащее и сказуемое, въ видѣ сочетанія именит. пад. съ личною формою глагола, представляютъ лишь зерно или кадръ простого двучленнаго предложенія. Въ этотъ кадръ могутъ входить новые распространительные термины, если подлежащее или сказуемое выражается не отдѣльнымъ словомъ, а фразою, составленною по типу опредѣлительнаго, дополнительнаго или обстоятельственнаго сочетанія словъ, напр. а) **пастырь добрыи доуш҃ свои҃ полагаєть за овьца своя҃**; б) **бѣ же далєчє отъ него стадо свинии мъного.** Каждое изъ этихъ двухъ предложеній состоитъ изъ восьми словъ, изъ коихъ два (**пастырь полагаєть, бѣ стадо**) составляютъ ихъ кадръ и опредѣляютъ типъ, а остальныя являются распространительными членами, находящимися то въ опредѣлительномъ (**добрыи, свои҃, своя҃, мъного**), то въ дополнительномъ (**доуш҃, овьца; него, свинии**), то въ обстоятельственномъ (**далєчє**) отношеніи къ другимъ членамъ сочетанія или къ цѣлому предложенію. Опредѣлительные члены предложенія характеризуются согласованіемъ съ центрами сочетанія, т. е. уподобленіемъ флексій первыхъ послѣднимъ; члены дополнительные, наоборотъ, не согласуются, а управляются или

зависятъ отъ центровъ сочетанія. Что касается словъ обстоятельственныхъ, то ими могутъ быть лишь нарѣчія, образованныя изрѣдка изъ независимыхъ, чаще же изъ зависимыхъ падежныхъ формъ мѣстоименія, имени и именеглагола.

12. Разсматривая нѣсколько ближе употребленіе и роль согласуемыхъ частей предложенія или опредѣленій (аттрибутовъ) въ широкомъ смыслѣ, мы можемъ замѣтить между ними четыре оттѣнка: а) опредѣленіе, близко примыкающее къ опредѣляемому и составляющее съ нимъ тѣсно сплоченную фразу, почти сложное слово, напр. добрый молодецъ, сине море, чисто поле; б) опредѣленіе, нѣсколько болѣе самостоятельное и удаленное отъ центра согласованія, напр. **пастырь добрыи, рабъ лжкавыи**; в) опредѣленіе, входящее въ составъ сказуемаго, напр. **азъ ѥсмь благъ**, и г) опредѣленіе, отдѣленное отъ опредѣляемаго значительной паузой голоса, имѣющее въ своемъ составѣ явное или скрытое причастіе и составляющее родъ второстепеннаго сказуемаго, напр. **Богъ, доухъ сы, не отъ ржкъ человѣьскъ оугожденіи приѥмлѥть**. Опредѣленія перваго типа мы будемъ называть эпитетами, второго — опредѣленіями собственными (аттрибутъ въ тѣсномъ смыслѣ), третьяго—опредѣленіями сказуемыми (аттрибутъ предикативный) и наконецъ четвертаго типа—приложеніями (аппозиція).

13. Если въ составъ сказуемаго входитъ, сверхъ личной формы глагола, еще предикативный аттрибутъ въ существительной, прилагательной или причастной формѣ, то получается сказуемое составное, при чемъ личный глаголъ спускается тогда до формальной роли предикативной связки. Такъ напр. въ выраженіяхъ: **и ты пророкъ вышьняго нарекѥшися**; **нѣси дроугъ кесареви**; **сѥ оставлѥѥтьсѧ вамъ домъ вашь поустъ**; **мънози же бѫдѫть прьвии послѣдьнии**; **да не ѩвишися человѣкомъ постаса**; **отъселѣ человѣкы бѫдѣши лова** и т. п. глаголы: **нарекѥшися, нѣси, оставлѥѥтьсѧ, бѫдѫть, ѩвишися, бѫдѣши** стоятъ въ роли предикативныхъ связокъ, а имена: **пророкъ, дроугъ, поустъ, послѣдьнии, постаса, лова** служатъ здѣсь предикативными аттри-

бутами. Въ близкой къ послѣднимъ роли встрѣчаемъ нерѣдко въ составномъ сказуемомъ и инфинитивъ при глаголахъ формальнаго значенія, напр. **прити имлать сынъ уловѣуьскыи; коюѣх съмрьтиѫ хотѣаше оумрѣти**; „стану я тоской томиться“ и т. п.

Впрочемъ инфинитивъ лишь въ томъ случаѣ можетъ быть поставленъ въ рядъ съ предикативнымъ аттрибутомъ, какъ членомъ составного сказуемаго, если мы не принимаемъ въ расчетъ неподвижной формы инфинитива, не допускающей согласованія его съ другими словами въ какой либо флексивной категоріи. То же относится и къ супину въ выраженіяхъ типа: **изиде сѣтѣль сѣтъ**. Зародившись на почвѣ косвенныхъ надежей, инфинитивъ и супинъ должны были принадлежать нѣкогда къ категоріи дополненій; но по мѣрѣ того, какъ гибкость ихъ формы замирала, не поддерживаемая аналогіею другихъ утраченныхъ падежей, и какъ глагольныя функціи вытѣсняли въ нихъ древнія именныя, синтактическая роль инфинитива и супина мѣнялась, все болѣе приближаясь къ роли личныхъ формъ глагола. Въ выраженіяхъ напр. а) **бысть оумрѣти нищоуоумоу** и б) **кдѣ и вы хощете оучєници єго быти** инфинитивъ является чѣмъ то въ родѣ то главнаго члена, то предикативной связки второстепеннаго сказуемаго (**оумрѣти нищ.**); въ предложеніи: **дасть имъ область ѫдомъ божиємъ быти** инфинитивъ служитъ связкою второстепеннаго или аппозиціоннаго объекта (**ѫдомъ божиємъ быти**), выраженнаго вторымъ дат. падежемъ, а въ выраженіи: **кого мя глаголѣть уловѣци быти** — тоже связкою объекта (**кого быти**), выраженнаго вторымъ вин. падежемъ.

14. Причастіе также можетъ быть второстепенною связкою въ составной аппозиціи. Такъ напр. въ выраженіяхъ: **Каиѳа, архиєреи сы лѣтоу томоу, рєчє имъ**; **отьца своєго глаголаашє Бога, рывнъ са твора Богоу**. По аналогіи такихъ оборотовъ, можно думать, что причастная связка пропущена въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ аппозиція выражается однимъ сущ. или прилагательнымъ, если послѣднее не замѣняетъ само аппозиціоннаго причастія, напр. рус. „больной (сы), блѣдный (сы), недвижимъ (сы), страдая раной, Карлъ явился“ (Полтава).

15. Къ отдѣлу связокъ простого предложенія принадлежатъ затѣмъ предлоги, составляющіе вмѣстѣ съ подчиненными имъ падежами родъ составныхъ дополненій, напр. **прииде въ домъ свои**. Правда, что грамматическая форма и значеніе связокъ, выраженныхъ глаголами и именеглаголами съ одной стороны, а предлогами съ другой довольно различны; но въ синтактическомъ отношеніи ихъ объединяетъ общее назначеніе служить цементомъ или сочлененіями частей простого предложенія.

16. Сравнивая еще разъ разсмотрѣнныя категоріи главныхъ и второстепенныхъ частей простого предложенія, въ связи съ этимологическою ихъ формою, мы можемъ сказать, что имя сущ. (съ мѣст. и числит. однородовыми) можетъ служить подлежащимъ, дополненіемъ и частью составного сказуемаго или аппозиціи; прилагат. (съ мѣст. родовыми и числит. порядковыми) бываетъ эпитетемъ, опредѣленіемъ простымъ, аппозиціоннымъ и предикативнымъ; причастіе—опредѣленіемъ простымъ, аппозиціоннымъ и предикативнымъ и связкой приложенія; инфинитивъ и супинъ — частью составного сказуемаго, главнымъ членомъ или связкою второстепеннаго сказуемаго и связкою аппозиціоннаго дополненія; нарѣчіе — обстоятельствомъ, а предлогъ—объективной связкой.

17. Обычный двучленный составъ простого предложенія можетъ однако видоизмѣняться не въ одномъ лишь изложенномъ распространительномъ направленіи, но и въ обратномъ—сократительномъ. Сокращеніе это выражается въ опущеніи (эллипсѣ) то главныхъ, то второстепенныхъ членовъ, напр. подлежащаго: **рєуе и бѣша, повелѣ и съѣдашасѧ**; сказуемаго: кто въ лѣсъ, кто по дрова; того и другого: изъ огня да въ полымя; дополненія: **бѣ же напьсано ієврѣискы, римьскы и грьчьскы**, т. е. **письмены**; связки предикативной: **чєтырьми десаты дьньми постъмь Илиа изискавъ господа видѣлъ**; **Глѣбъ кънязь мѣрилъ морє по льдоу**, и наконецъ связки аппозиціонной (см. § 36, 14).

18. Опущенные члены предложенія, подобно скрытымъ сememамъ словъ, приходятъ обыкновенно въ сознаніе и безъ словеснаго выраженія, но не съ равною во всѣхъ случаяхъ опредѣ-

ленностію и легкостію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспроизведеніе въ сознаніи опущеннаго члена становится столь труднымъ и даже излишнимъ, что эллиптическій характеръ оборота можетъ быть констатированъ лишь при историко-сравнительномъ изученіи языка. Такъ напр. въ рус. оборотахъ типа: я пришелъ (**ѥсмь**) опущенная связка не приходитъ уже въ сознаніе и ея функціи выражаются причастіемъ на **л**, которое такимъ образомъ превратилось изъ предикативнаго аттрибута въ чистое сказуемое. Въ другихъ случаяхъ и исторія языка не доставитъ намъ положительной увѣренности въ томъ, что эллиптическій на видъ оборотъ былъ нѣкогда полнымъ. Мы можемъ напр. дополнять выраженія типовъ: громъ! гремитъ, словами: громъ есть или происходитъ, что-то или кто-то гремитъ, пожалуй даже предполагать здѣсь эллипсъ существительнаго Зевесъ, какъ дѣлали Греки (ζεὺς βροντᾷ); но все это будетъ произволомъ, не опирающимся на дѣйствительныхъ фактахъ языка. Итакъ, придерживаясь историческаго объясненія синтактическихъ явленій, слѣдуетъ по возможности ограничивать примѣненіе термина эллипсъ, эллиптическій оборотъ, допуская его лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ очевиденъ для чувства языка или изъ исторіи.

§ 37.

Строеніе сложнаго предложенія.

1. Простое предложеніе можетъ очень далеко распространяться въ области согласуемыхъ и дополнительныхъ формъ сочетанія словъ, не переходя за предѣлы одночленности выражаемаго въ немъ сужденія. Въ аппозиціи простой, а еще болѣе составной (при подлежащемъ и объектахъ) на сцену рѣчи выступаютъ, правда, второстепенные субъекты и предикаты, слѣд. второстепенныя предложенія, достигающія иногда значительной самостоятельности; но все таки они не выходятъ изъ рамокъ простого предложенія, группируясь на заднемъ планѣ словесной картины. Единство предложенія окончательно распада-

ется лишь тогда, когда на сценѣ рѣчи появляется второй главный (т. е. не согласуемый и не соподчиненный) именит. падежъ или второй личный глаголъ, а слѣд. второй центръ группировки выводимыхъ лицъ или изображаемыхъ дѣйствій. Предложеніе превращается при этомъ изъ простого въ сложное, въ которомъ число членовъ можетъ быть неопредѣленно велико, смотря по числу главныхъ именит. падежей и личныхъ глаголовъ, напр. **ѥвися ангелъ и съматеса захарию; виноградъ иасади чловѣкъ и огради и оплотъмь и ископа тѣскъ и съѕьда стлѣпъ и вѣдасть и дѣлателѥмъ и отиде.**

2. Взаимная связь членовъ сложнаго предложенія можетъ подразумѣваться либо выражаться. Первый способъ, повидимому, древнѣе второго: онъ соотвѣтствуетъ тому періоду жизни языка, когда изъ среды именъ (съ мѣст.), глаголовъ и частицъ не выдѣлились еще слова, призванныя играть впослѣдствіи роль пропозиціональныхъ (предложе́нныхъ) связокъ, т. е. относительныя мѣстоименія, нарѣчія и союзы. Связь предложеній могла выражаться тогда акцентуаціей и другими пріемами декламаторской выразительности.

3. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако, будто всякій асиндетическій оборотъ древнѣе синдетическаго или полисиндетическаго. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ, можно исторически доказать позднѣйшій возрастъ оборотовъ асиндетическихъ и древній — полисиндетическихъ. Древнерусскому напр. языку свойственны были и тѣ и другіе, напр. **А се оуроци гридьникоу: закладаюѵе гридьня — коуна вѕати, а конѵавше — ногата; а за кормъ, и за вологоу, и за маса, и за рыбы .ѕ. коунъ на недѣлю, .ѕ. хлѣбовъ, .ѕ. оубороковъ пшена, .ѕ. лоуконъ ѡвса на .д. кони** (Рус. Правда).

4. Роль пропозиціональныхъ связокъ несутъ либо мѣстоименія, либо частицы (нарѣчія и союзы), напр. а) **кысть посѣланъ чловѣкъ, ѥмоуже има Иоанъ**; кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ; б) **величитъ доуша моѧ господа.... ѩко призьре на съмѣреніе рабы своѥѧ, се бо отъселѣ блажатъ ма вьси роди.**

5. Эллипсы сложнаго предложенія могутъ распространяться на разные его члены, но всего чаще на подлежащія, сказуемыя и пропозиціональныя связки, напр.

а) **слышасте, ꙗко рєчено ѥсть: възлюбиши ближьнѣаго си и ненавидиши врага своѥго; азъ же глаголѭ вамъ: любите врагы ваша;**

б) **тъгда исхождаше къ немоу иєроусалимъ и вьсѣ июдеи и вьсѣ страна иорданьска;**

в) **иже хощетъ по мьнѣ ити, да отъвръжетьсѧ себе;** тише ѣдешь—дальше будешь.

Въ примѣрахъ послѣдняго типа можно видѣть впрочемъ и остатки древняго асиндетическаго строя сложныхъ предложеній.

6. На почвѣ эллиптическихъ сложныхъ предложеній развились слитныя, представляющія нѣкоторыя особенности словосогласованія. Такъ напр. въ выраженіи: **ꙁлато твоѥ и срѣбро твоѥ да бѫдетъ съ тобоѭ** сказуемое легко возстановляется и въ первомъ эллиптическомъ предложеніи; но въ изреченіи: **милость и истина сърѣтостесѧ, правьда и миръ облобъꙁастесѧ** мы видимъ такую форму сказуемаго, которая не могла стоять ни въ первомъ, ни во второмъ членѣ предложенія, взятыхъ въ отдѣльности. Вотъ основная причина выдѣленія изъ общей группы предложеній сложныхъ особаго вида—предложеній слитныхъ.

§ 38.

Формы согласованія въ простомъ предложеніи.

1. Центромъ согласованія словъ бываетъ обыкновенно существит. (съ мѣстоименіями однородовыми); тяготѣющія же къ этому центру согласуемыя слова принадлежатъ къ разрядамъ то сущ., то прил., то глаголовъ. Смотря по синтактической роли согласуемыхъ словъ, можно различать два главныхъ вида согласованія: а) согласованіе аттрибутивное и б) согл. предика-

тивное, съ подраздѣленіемъ перваго на подвиды: α) согл. эпитетнаго, β) собственно опредѣлительнаго и γ) аппозиціоннаго (приложе́ннаго), а второго на подвиды: α) согл. въ простомъ и β) въ составномъ сказуемомъ.

2. Эпитетъ, представляющій самую тѣсную форму аттрибутивнаго сочетанія, можетъ быть выраженъ либо существительнымъ, либо прилагательнымъ, либо соединеніемъ того и другого. Въ первомъ случаѣ согласованіе будетъ выражаться въ категоріи падежа и числа, во второмъ же и третьемъ — еще въ категоріи рода, напр. а) ковыль-трава, ковыля-травы, ковылю-травѣ; б) зелено́-вино, зелена́-вина, зелену́-вину; в) буй-туръ Всеволодъ, буй-тура Всеволода, буй-туру Всеволоду и т. д. Если однако эпитетъ, вслѣдствіе частаго приложенія, примкнетъ къ своему центру столь плотно, что сочетаніе приближается къ значенію сложныхъ словъ опредѣлительнаго типа, то онъ можетъ окоченѣть въ неподвижной—полуфлексивной, полутематической—формѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ отрѣшиться отъ условій согласованія, напр. царь-дѣвица, царь-дѣвицы, царь-дѣвицѣ; мать-сыра земля, въ мать-сырой землѣ; Дмитрій-Грозныя очи, Дмитрія-Грозныя очи; сапоги-зеленъ сафьянъ, сапогамъ-зеленъ сафьянъ; князь-Ярославъ-Васильевичу и т. п. Зародыши подобныхъ оборотовъ можно указать и въ ц. слав., напр. **Иисоусъ-Христосъ, Иисоусъ-Христа, Иисоусъ-Христоу** и т. п.

3. Опредѣленіе въ собственномъ смыслѣ также согласуется со своимъ синтактическимъ центромъ во всѣхъ тѣхъ категоріяхъ, которыя свойственны обоимъ членамъ сочетанія, а именно: въ родѣ, числѣ и падежѣ при опредѣленіи прилаг. и въ числѣ и падежѣ при опредѣленіи существительномъ, напр. **възлюби господа Бога своєго вьсѣмь срьдьцьмь своимь, си єсть велика заповѣдь**; рѣка Донецъ Сѣверный вытекла изъ чистаго поля.

4. Въ тѣхъ же формахъ выражается согласованіе аппозиціонное, отличающееся отъ первыхъ двухъ видовъ главнѣйше нѣкоторой разобщенностію членовъ согласованія. Эта разобщенность видна не только въ замѣтной паузѣ голоса между центромъ и периферіями аппозиціоннаго сочетанія, но и въ легкомъ око-

ченѣніи флексій приложенія, выраженнаго прилагательнымъ, а еще болѣе причастіемъ, напр. **и видѣхомъ славѣ его.... исплънь благодѣти и истины**; Угри пришедъ (вм.—ъше) устремишася; ступиша Половци воюючи; Ольга поимше мало дружины, легко идущи, приде. На этой синтактической почвѣ развились изъ причастій дѣепричастія во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ.

5. Если аппозиція имѣетъ не простой, а составной характеръ, то она слагается изъ связки (именеглагольной) и второго падежа, прямого при аппозиціи къ подлежащему и косвеннаго при аппозиціи къ дополненію, напр. а) Андрей же князь, толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ; Литва.... мняще мирни суще, придоша къ Берестью; б) **вѣдѣаше доухъ Богъ сѫщь; отъидоша, оставльше и, лѣ жива сѫща; видѣ инѣ на тръжищи, стоѧща праздьны; кого глаголѭть ма бъти сына уловѣуьскаго; дасть имъ область удомъ божиемъ бъти.** Эти обороты очень близки уже ко вторымъ согласуемымъ падежамъ въ составѣ дополненія, лишеннаго именеглагольной связки, напр. **отьца своѥго глаголаше Бога; къ же рекохъ дроугы; отьца ималъ Авраама; уьто ма глаголиѥши блага; видѣша юношѫ сѣдящь.... одѣнъ въ одеждѫ бѣлѫ; оуже не глаголѫ васъ рабъ; не оставлѫ васъ сиръ**; брату твоему Михалку, умершю еще девятаго дне нѣтуть. Ниже мы увидимъ, что и въ значеніи вторыхъ падежей есть нѣкоторые элементы аппозиціоннаго сочетанія.

6. Особый видъ опредѣлительнаго согласованія составляютъ и явленія аттракціи въ составѣ простого предложенія, напр. на ель на семь верховъ (вм. на ель семи верховъ); отъ берега отъ Донца (вм. отъ берега Донца); пошли.... къ тому чану, зелену вину (вм. чану зелена вина); облить ведромъ водою (вм. в. воды) и т. п.

7. Что касается наконецъ формъ согласованія предикативнаго, то онѣ видоизмѣняются, въ зависимости отъ простого или составного характера сказуемаго. Въ первомъ случаѣ согласованіе распространяется на меньшее, во второмъ же на бо́льшее число категорій, именно: тамъ на категоріи числа и лица,

а здѣсь вдобавокъ еще и на категоріи рода и падежа, напр. а) **сниде дъждь** (и) **придж рѣкы** (и) **възѣѣша вѣтри**; б) **блаженьни** (сѫть) **ништии доухъмь**, (ико) **тии сынове божии нарекѫтьсѧ**.

8. Такъ какъ нормальною формою подлежащаго является имен. пад., то понятно, что и согласуемые съ нимъ именные члены составного сказуемаго могутъ стоять лишь въ этомъ падежѣ. Вотъ почему причастія на **лъ**, рано утвердившіяся въ роли предикативнаго аттрибута, уже въ ц. слав. не употреблялись въ над. косвенныхъ. Впослѣдствіи то же условіе распространилось и на прилагат. безчленныя, постепенно утратившія формы косвенныхъ падежей, вслѣдствіе вытѣсненія ихъ членными въ роли опредѣленій, за исключеніемъ окоченѣлыхъ нарѣчій и поговорочныхъ выраженій съ прилагат. эпитетами, напр. вновѣ, спроста, сгоряча; чистá-поля, добру-молодцу, красны-дѣвицы и т. п.

9. Уклоненія отъ нормальныхъ условій предикативнаго согласованія объясняются либо дѣйствіемъ другихъ синтактическихъ мотивовъ, парализующихъ взаимное тяготѣніе грамматическихъ формъ, либо ослабленіемъ гибкости, а потому и уподобляемости флексій. Первое встрѣчается напр. при согласованіи собирательнаго имени въ ед. ч. со сказуемымъ во мн. ч. (**въскликнѣте Богоу вьсѧ ѕемлѧ**) или наоборотъ, подлежащаго во мн. ч. со сказуемымъ въ ед. ч. (**нѣсть тоунѫ съсѫди ѕлати**; тутъ есть люди). Примѣромъ же уклоненій отъ условій предикативнаго согласованія по окоченѣнію флексій могутъ быть рус. формы: пришли мужья, пришли (вм.—лы) жены, пришли (вм.—ла) дѣти. Быть можетъ и рус. выраженія: умъ-хорошо, а два-лучше; грѣхъ-сладко, а человѣкъ-надко и т. п. обусловлены употребленіемъ именъ на **о** въ значеніи не только прилагательныхъ средн. р., но и нарѣчій образа, напр. **добро намъ сѣдѣ бъıти** и т. п.

§ 39.

Формы согласованія въ сложномъ предложеніи.

1. Уподобляющее дѣйствіе активныхъ членовъ согласованія на пассивные не ограничивается рамками простого предложенія; оно распространяется и на сосѣдніе члены предложенія сложнаго (и слитнаго), подобно тому, какъ уподобленіе звуковое обнимаетъ нерѣдко цѣлый рядъ сосѣднихъ слоговъ и словъ.

2. Смотря по синтактической роли согласуемыхъ словъ, мы можемъ здѣсь различать: а) согласованіе предикативное, б) согл. опредѣлительное и в) согл. связочное, напр. а) **азъ и отьць ѥдино ѥсвѣ**; **Петръ, Иаковъ и Иоанъ придоша въ горьницѫ**; б) **святаа Петръ и Павлѣ, молите Бога за ны**; в) **камы, ѥгоже не брѣгоша зиждѫштеи, сь бысть во главѫ жгла.**

3. Сравнивая формы согласованія въ простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, мы замѣчаемъ въ послѣднихъ значительныя усложненія, которыя объясняются то ослабленіемъ уподобляющей силы активныхъ членовъ согласованія, то коллизіею ихъ дѣйствія съ другими синтактическими условіями и требованіями. Такъ напр. при согласованіи предикативномъ и опредѣлительномъ въ слитныхъ предложеніяхъ нерѣдко замѣчается коллизія въ категоріяхъ рода, числа и лица, напр. а) **слышанъ късть плачь и рыданиѥ и къпль мъногъ**; б) „былъ слышенъ надшихъ скорбный стонъ и русскихъ витязей молитвы“; в) **азъ и отьць ѥдино ѥсвѣ.**

Когда мы формулируемъ при этомъ правило, что изъ подобныхъ коллизій языкъ выходитъ формами согласованія съ преимущественнымъ родомъ или лицомъ, то этимъ выражаемъ, что языкъ производитъ своего рода интеграцію отдѣльныхъ членовъ подлежащаго, понимая ихъ совокупность то въ муж., то въ жен. р., то въ 1-мъ, то во 2-мъ и т. д. лицѣ. Въ предпочтеніи рода муж. передъ среднимъ, а этого передъ женскимъ выражается какъ будто градація лицъ въ условіяхъ семейной жизни

патріархальнаго общества (отецъ, дѣти, мать); въ предпочтеніи же—обычномъ, хотя и не исключительномъ — 1-го лица 2-му, а 2-го 3-му, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть своего рода первобытный оппортунизмъ, ставящій себя выше другихъ, а близкихъ выше далекихъ.

4. При согласованіи связочномъ коллизія между двумя центрами притяженія, предыдущимъ и послѣдующимъ, разрѣшается особаго рода компромиссомъ, при которомъ первый центръ осиливаетъ въ категоріи рода и числа, а второй въ категоріи падежа, напр. **жена, иже далъ иеси мьнѣ; камы, иегоже не брѣгоша зиждштеи** и т. д.

5. Родъ связочнаго согласованія представляетъ параллелизмъ соотносительныхъ связокъ сложнаго предложенія, напр. **ико-тако; кольми-тольми; имьже-тѣмьже; иегда-тогда**; чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

§ 40.

Переходъ согласованія въ управленіе.

1. Подобно тому, какъ въ фонологіи мы замѣтили постепенное ослабленіе въ языкѣ уподобляемости смежныхъ звуковъ, и въ синтаксисѣ можно усмотрѣть стремленіе къ замѣнѣ формъ согласованія формами управленія. Самымъ наглядным примѣромъ такого стремленія служитъ переходъ въ рус. и другихъ славянскихъ нарѣчія предикативнаго именительнаго въ творит., въ выраженіи напр. у Ярополка жена грекини бѣ и: бяше была черницею; „сдѣлалась моя матрона ни пава, ни ворона“ и: онъ сдѣлался повѣсою; они должны быть готовы и: надѣюсь быть готовымъ.

2. Подобному превращенію въ творит. подлежатъ нерѣдко вторые падежи и въ томъ случаѣ, если они стоятъ въ подчиненномъ согласуемомъ объектѣ, напр. **къı же рекохъ дроугъı** = я назвалъ васъ друзьями; засталъ ее одну и: — одною; **не**

оставлѣ васъ сиры и:—сирыми, сиротами; **дасть имъ область чадомъ божиемъ быти** и:—быть дѣтьми божьими; **имъ** должно быть готовымъ и: — готовыми и т. п.

3. Нѣчто аналогичное этому переходу падежей согласуемыхъ въ управляемые представляетъ и постепенное измѣненіе въ рус. языкѣ формы опредѣлительнаго сочетанія при числит. **дъва, ова**. Хотя мы доселѣ говоримъ: два человѣка, оба брата, а по аналогіи съ ними и: три раза, четыре солдата, однако чувствуемъ въ формахъ сущ. на **а** не имен. или вин. дв. ч., а род. ед. Это доказывается параллельными формами жен. р.: двѣ руки́, двѣ ноги́, вм. **рѫцѣ, носѣ**. Удареніе на послѣднемъ слогѣ ясно показываетъ, что сущ. на **и** здѣсь понимаются даже не въ им. мн. (ру́ки, но́ги), а именно въ род. ед. Если же параллельно съ этимъ род. раздѣлительнымъ ед. ч. (по аналогіи: пять человѣкъ, шесть бабъ) мы встрѣчаемъ въ опредѣленіи и формы то именит., то род. (вин.) мн. ч. (два большіе и большихъ окна, обѣ новыя и новыхъ книги), то это указываетъ лишь на странное колебаніе и смѣшеніе въ этихъ оборотахъ формъ древнихъ съ новыми, согласованія съ управленіемъ. По мѣрѣ постепеннаго укрѣпленія тутъ послѣдняго, синтактическая роль числительныхъ діаметрально измѣняется: они превращаются изъ пассивныхъ членовъ опредѣлительнаго сочетанія въ активные дополнительнаго, а имена сущ., наоборотъ, изъ активныхъ членовъ согласованія въ пассивные управленія.

§ 41.

Формы управленія въ простомъ предложеніи.

1. Слова управляемыя или зависящія отъ другихъ словъ либо отъ ихъ сочетаній составляютъ синтактическую группу объектовъ или дополненій. Общее свойство ихъ то, что они, подобно подлежащему, выражаются обыкновенно существительнымъ (въ обширномъ смыслѣ, со включеніемъ однородовыхъ

мѣст. и числит.), но въ формѣ не прямыхъ падежей, а одного изъ косвенныхъ.

Если же иной разъ мы встрѣчаемъ дополненія, выраженныя прилагательными, то должны предполагать либо ихъ предварительное субстантивированіе, либо эллипсъ существительнаго, напр. **възлюбиши.... ближьнѣмѹ твоіемѹ, ꙗко самъ себѣ; имѫщѹѹмѹ бо вьсѣ дано бѫдеть.... а отъ неимѫщѣмѹ.... възмато бѫдеть.**

2. Объекты раздѣляются на двѣ большихъ группы: а) об. независимыхъ и б) зависимыхъ, изъ коихъ первые обусловлены общимъ смысломъ предложенія, а послѣдніе — отдѣльными его членами. Разсматривая эти двѣ группы съ хронологической точки зрѣнія, мы должны признать, что первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ болѣе древній слой, чѣмъ вторая, такъ какъ крѣпость синтактическихъ связей между членами предложенія представляетъ вообще результатъ позднѣйшаго развитія, а не первоначальную форму арійскаго языка. Это апріорное заключеніе о хронологическомъ первенствѣ объектовъ независимыхъ передъ зависимыми подтверждается и историческимъ наблюденіемъ ихъ взаимнаго соотношенія и послѣдовательнаго развитія. Такъ напр. въ славянскомъ языкѣ независимый мѣстный употреблялся чаще встарину, чѣмъ въ настоящее время; дательный же самостоятельный (dat. absolutus), столь обычный еще въ ц. слав. языкѣ, совсѣмъ вышелъ изъ употребленія въ живыхъ слав. говорахъ. Вм. др. рус. веснѣ же приспѣвъши, поиде; Поляномъ же жившимъ особѣ.... бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и т. п. мы говоримъ: когда весна приспѣла; въ то время какъ Поляне жили отдѣльно и т. д., т. е. избѣгаемъ употребленія дат. самостоятельнаго, довольно распространеннаго еще въ древнерус. языкѣ.

3. Болѣе древній возрастъ объектовъ независимыхъ выражается и въ томъ, что въ нихъ средѣ мы встрѣчаемъ еще кой гдѣ объектъ въ имен. падежѣ, напр. они идутъ рука объ руку; часъ отъ часу не легче; я знаю ихъ любовь другъ къ другу; куплена лошадь цѣною тысяча рублей; я пойду непокрыта головушка; **вѣроѹѥми въ мѧ, ꙗкоже рече пьсаніе, рѣкы изъ ѹтробы его истекѫть водꙑ живꙑ.**

Подобное употребленіе имен. п. восходитъ, какъ мы видѣли, къ очень отдаленному періоду неполной еще дифференцировки его отъ винит., этого древнѣйшаго представителя косвенныхъ падежей.

4. Что касается затѣмъ собственно зависимыхъ дополненій, то ихъ можно подраздѣлить на три категоріи: а) доп. поглагольныя, б) доп. поименныя и в) доп. попредложныя, смотря по грамматической формѣ непосредственнаго центра дополнительнаго сочетанія. Раздѣленіе это не можетъ считаться исконнымъ, такъ какъ контрасты въ значеніи, а слѣдов. и въ управленіи глаголовъ, именъ и частицъ развились лишь со временемъ, отчасти даже въ историческую пору. И теперь между тремя видами зависимыхъ объектовъ есть переходныя ступени и связующія звенья, а именно: между объектами поглагольными и поименными стоятъ дополненія именеглаголовъ, а между поименными и попредложными—дополненія нарѣчій.

5. Поглагольные объекты могутъ стоять въ любой падежной формѣ, за исключеніемъ конечно имен. и зват. пп. Объектъ, выражаемый формою вин. п., называется прямымъ, всѣ же остальные—косвенными.

6. Дополненіе прямое могло стоять нѣкогда при всѣхъ тѣхъ глаголахъ, которые выражаютъ признакъ, исходящій отъ одного предмета и обращенный или направленный къ другому. Но впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія значеній и употребленія другихъ косвенныхъ падежей, число глаголовъ, управляющихъ прямымъ объектомъ, все болѣе ограничивалось, пока не достигло нынѣшняго, малаго сравнительно ихъ числа. Въ славянскомъ языкѣ переходными являются собственно дѣйств. глаголы, да и то не всѣ, а лишь тѣ, которые способны къ обращенію ихъ зависимаго объекта въ вин-омъ п. въ субъектъ страдательнаго оборота, напр. **любиши ли мѧ паче сихъ?** и: **любимъ бѣ Иоанъ господьмь.** Если же мы встрѣчаемъ въ активномъ оборотѣ такой винит., который остается и въ страдат., то должны считать его винит. независимымъ, а не прямымъ объектомъ, напр. **три дьни въ китѣ пожи́ве** и: три дня прожито имъ въ китѣ;

работалъ день и ночь и: работано было день и ночь; **плѣшти и жтробѫ съжьженъ бѣ** и т. п. Другимъ признакомъ переходнаго характера глагола и прямого объекта при немъ служитъ переходъ вин. п. въ род-ый при сочетаніи глагола съ отрицательной частицей **не**, напр. **видѣша звѣздѫ** и: **не видѣша звѣзды**. Что касается глаголовъ средняго залога, то и они нерѣдко имѣютъ при себѣ прямой объектъ, особенно плеонастическій (внутренній), напр. **страшьно житиѥ поживе**; шутилъ шутки не малыя; **кличъ кликнулъ** и т. п. Тутъ можно видѣть остатки древняго сочетанія среднихъ нынѣ глаголовъ съ вин. прямого объекта, съ чѣмъ связано и употребленіе такихъ глаголовъ въ страд. залогѣ, напр. прожита жизнь; шучены шутки; кликнутъ кличъ и т. п.

7. Очень обширенъ кругъ глаголовъ, управляющихъ или лучше сочетаемыхъ съ объектомъ въ дат. п. Нерѣдко онъ является вторымъ объектомъ при переходныхъ глаголахъ, напр. **въздадите оубо кесарева кесареви, а божиа богови**. Въ другихъ случаяхъ дат. какъ будто замѣняетъ прямой объектъ, напр. **сѫдити живыимъ и мрьтвыимъ**; **хоштѫ милости, а не жрьтвѣ**; **проси оу мене, иемоуже хоштеши**. Но и при среднихъ и возвратныхъ глаголахъ очень обиченъ, объектъ въ дат., напр. ему предстоитъ бѣда; мнѣ что то грезится; **бысть иемоу оумрѣти**. Въ послѣднемъ оборотѣ, т. е. при сочетаніи дат. съ инфинитивомъ, какъ будто отражается память о дативномъ происхожденіи славянскаго инфинитива на **ти**, который при другомъ дат. могъ имѣть первоначально значеніе второго или согласуемаго падежа, напр. **съготовалемъ ти исти пасхѫ**; **сътворить ми хыжинѫ сѣсти ми въ неи**; **повелѣ събороу быти**; **рѣхъ прѣмѫдрости моеи сестрѣ быти**.

8. Объектъ въ твор. ставится при глаголахъ какъ дѣйств., такъ и страдат. и среднихъ, означающихъ дѣйствіе (**съѣда ржкоѫ своеѫ**), владѣніе (**владѣють адъмь и небесьмь**), движеніе (махать саблей), наименованіе (**зоветь ѭ сестроѫ**, изъ древнѣйшаго:—**сестрѫ**), становленія (обернулся сѣрымъ волкомъ), страданія (**Христосъ хоулимъ иесть тобоѫ**) и т. п. Подобно вин.

внутренняго объекта, встрѣчается и твор. плеонастическій, однокоренной съ глаголомъ, напр. видомъ не видалъ, слыхомъ не слыхалъ; ревмя реветъ и т. п.

9. Поглагольное дополненіе въ мѣстномъ нерѣдко встрѣчается при непереходныхъ глаголахъ, особенно префиксованныхъ, напр. а) **коснѫсѧ ємь**; **не весели́сѧ мѧносѣ брашьнѣ**; **сею обою ѕаповѣдию вьсь ѕаконъ и пророци висѧть**; б) **надѣѭсѧ васъ**; **прилежа ємь**.

Гораздо обычнѣе впрочемъ попредложное употребленіе такого дополненія.

10. Поглагольное наконецъ дополненіе въ род. развилось главнѣйше изъ древняго аблятива и встрѣчается при глаголахъ удаленія (**бѣжимъ гнѣва**), движенія (**дойдеть мѣста**), страха (**Бога боисѧ, царѧ ѣти**), сожалѣнія (**жалѣетъ денегъ**), недостатка (**изъбываѥть хлѣба**), отрицанія (**не сътвори себѣ коумира, ни вьсѣкого подобиѧ**) и т. п. Такъ какъ супинъ въ слав. языкѣ входитъ обыкновенно въ сочетаніе съ глаголомъ движенія физическаго или мыслимаго, то неудивительно, что при такомъ составномъ сказуемомъ или аппозиціи мы также встрѣчаемъ дополненіе въ род. п., напр. **изъиде сѣѧтель сѣѧтъ сѣмене**; **шьдъшеи видѣтъ грока**.

11. Ничѣмъ не отличаются отъ личныхъ глаголовъ по условіямъ дополняемости и именеглаголы, напр. **люблѭ, любити, любѧи истинѫ**; **дамь, дати, даѧи дроугоу своѥмоу**; **пишѫ, пьсати, пьсавъ перъмь** и т. п. И отглагольныя существительныя сохраняли первоначально въ полной мѣрѣ управляемость соотвѣтственныхъ глаголовъ; но впослѣдствіи она была значительно ограничена, особенно по отношенію къ прямому объекту. Обороты типовъ: **оученіе кънигамъ**, **пьсаніе перъмь**, **прѣбываніе Кыевѣ** и т. п. довольно обычны въ слав. языкѣ; но примѣры въ родѣ: **по приѧтии ми отъ Бога великыи даръ** встрѣчаются очень рѣдко даже въ древнѣйшихъ ц. слав. текстахъ, представляя, повидимому, слабѣющее эхо отдаленной старины.

12. Гораздо обычнѣе при именахъ отглагольныхъ и иныхъ дополненіе въ род. п., который вообще служитъ нормальною

формою объектовъ поименныхъ. Быть можетъ, это объясняется предполагаемымъ происхожденіемъ древняго генитива изъ прилагательнаго относительнаго, въ родѣ напр. греч. δήμου ἀνήρ изъ δημόσιο(ς) ἀνήρ; но въ слав. языкѣ память о такомъ происхожденіи давно исчезла въ формѣ род. п., а равно и въ его значеніи, какъ показано выше. Так. обр. сочетаніе: **гласъ народа** должно считаться дополнительнымъ, хотя бы первоначально оно было опредѣлительнымъ.

13. Поименные объекты въ род. п. представляютъ самую частую, но не единственную форму поименнаго дополненія. Встрѣчается тутъ и вин. п. (**на погребеніе мя**), и дат. (свѣтило міру; конецъ дѣлу; взять тому письменное свидѣтельство; виноватъ Богу и государю; **хытръ книгамъ и оученію**), и твор. (**власть доушею и тѣлѣмь**; высокъ ростомъ; изъ блюда, полнаго водою). Въ подобныхъ оборотахъ можно видѣть остатокъ того періода, когда между именами и глаголами не было рѣзкой грани въ значеніи и управленіи и когда род. п. не успѣлъ еще вытѣснить другихъ формъ поименнаго дополненія.

14. Третью группу дополненій представляютъ попредложныя. Въ нихъ можно видѣть дальнѣйшее видоизмѣненіе то поглагольныхъ, то поименныхъ дополненій. Въ самомъ дѣлѣ, предлоги развились предположительно изъ нарѣчій, нарѣчія же главнѣйше изъ именъ: отсюда видно, что дополненія попредложныя выработались изъ понарѣчныхъ, а эти изъ поименныхъ. Это особенно замѣтно на управленіи тѣхъ предлоговъ, которые образовались въ недавнее сравнительно время, а потому не успѣли порвать связей съ именными формами, напр. **близъ дома**; **врьхоу горы**; краи перевоза. Уже род. падежъ доказываетъ адноминальное происхожденіе такихъ дополненій. Но то же возможно и при другихъ падежахъ, напр. **подлѣгъ море градъ**; **посылаю васъ акы агньца посрѣдѣ влъкъ**; **гнѣвъ противоу грѣхомъ**; **ико агньць прѣмо стригѫштемоу іего безгласьнъ**; **прѣдъ мъною бысть, врьхоу горѣ** и т. п.

15. Нельзя однако утверждать, что попредложныя дополненія развились исключительно изъ поименныхъ и хранятъ слѣ-

ды такого происхожденія. Нѣкоторые предлоги могли вѣдь развиться и изъ мѣстоименныхъ формъ, напр. оу, въ, съ, къ и т. п. Во всякомъ случаѣ, они такъ давно опустѣли, что не могли имѣть и въ праславянскомъ самостоятельнаго или адноминальнаго дополненія. Но и многіе отыменные предлоги рано вывѣтрились до такой степени, что приняли чисто формальныя функціи объективныхъ связокъ или цемента между активными и пассивными членами дополнительнаго сочетанія. Оттого то за однимъ предлогомъ могутъ помѣщаться объекты очень различной иногда формы, въ зависимости отъ характера предшествующихъ глаголовъ или именъ, либо отъ общаго смысла выраженія. Такъ предлоги въ и на управляютъ то вин., то мѣстн. пад.; предлогъ съ—то род., то вин., то твор.; предлогъ по—вин., дат. и мѣст. и т. п.

16. Нерѣдко предлоги представляются какъ бы оторванными префиксами глаголовъ. Такъ напр. **настави мѧ пѫти истиньнѣѥмь** вм. **стави мѧ на п. и.**; **прилежа брѣсѣ** вм. **лежа при брѣсѣ**; **вълѣзе двьри животьныѧ** вм. **лѣзе въ д. ж.** Выраженія перваго типа ближе къ нарѣчному употребленію предлоговъ, а потому и древнѣе выраженій второго типа. На пути между ними лежатъ, повидимому, обороты съ плеонастическимъ повтореніемъ той же частицы, въ видѣ сочетанія глагольнаго префикса съ дополнительной связкой, напр. **вънидє въ домъ Ꙁахарин҃ь**; **отиди отъ мєнє, сатано!**

§ 42.

Формы управленія въ сложномъ предложеніи.

Подобно согласованію, и управленіе можетъ распространяться за предѣлы простого предложенія, проникая въ сосѣдніе члены предложенія сложнаго, особенно слитной формы. Всего чаще это бываетъ въ двухъ случаяхъ: а) при опущеніи управляющаго слова въ одномъ изъ членовъ слитнаго предложенія

и б) при аттракціи формами одного дополненія формъ другого, напр. а) **не сътвори себѣ коумира, ни вьсѣкого подобиѧ**; б) **оуꙁрѣша Иисоуса ходѧща по морю и блиꙁъ корабли бывъшоу** (вм. — ша).

§ 43.

Формы обстоятельственныхъ словъ.

1. Слова обстоятельственныя развились на почвѣ дополнительнаго сочетанія словъ, особенно изъ первой группы объектовъ—дополненій независимыхъ. Не имѣя въ составѣ предложенія единичнаго центра тяготѣнія, такія дополненія издревле уклонялись отъ обычныхъ условій управляемости и легко застывали въ неподвижной формѣ, переходя при этомъ въ этимологическую группу нарѣчій и синтактическую — обстоятельственныхъ словъ. При извѣстныхъ условіяхъ, и зависимыя первоначально дополненія могли отрываться отъ своихъ синтактическихъ центровъ и падежныхъ родичей, переходя съ тѣмъ вмѣстѣ въ отдѣлъ нарѣчій, а слѣд. обстоятельствъ.

2. Такъ какъ дополненія характеризуются формами косвенныхъ падежей, то очевидно, что и обстоятельства должны представлять ихъ застывшій видъ. Это и подтверждается морфологическимъ анализомъ нарѣчій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно предполагать нарѣчія изъ прямыхъ падежей или по крайней мѣрѣ изъ смѣшанныхъ именительно-винительныхъ формъ, какими представляются напр. нарѣчія въ выраженіяхъ: **се ѵловѣкъ! добро намъ сьде быти** и т. п. Возможность образованія обстоятельствъ изъ имен. п. обусловлена древнимъ существованіемъ независимыхъ дополненій въ этомъ падежѣ, слѣды которыхъ въ рус. указаны выше (§ 41, 3).

3. Такъ какъ обстоятельства развились изъ дополненій независимыхъ или по крайней мѣрѣ прошедшихъ ихъ промежуточный поясъ, то не удивительно, что ихъ употребленіе обусло-

влено общимъ смысломъ выраженія, а не присутствіемъ того или другого глагола либо имени. Мы можемъ напр. употреблять слова: **сьдє, нынѣ** при глаголахъ: **єсмь, стоѭ, дѣлаѭ, молѭсѧ, учѹсѧ, възѧтъ єсмь** и т. п., т. е. при самыхъ различныхъ залоговыхъ отношеніяхъ.

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно трудно бываетъ разграничить обстоятельства отъ дополненій, какъ и нарѣчія отъ именъ. Такъ напр. рус. выраженія: онъ идетъ ша́гомъ и: онъ идетъ пѣшкомъ, или: дымъ стоитъ столбомъ и: волосы стали дыбомъ, построены, повидимому, по одному типу и представляютъ въ твор. образа одну и ту же синтактическую категорію. На дѣлѣ существуетъ однако существенное различіе между первымъ и вторымъ членомъ каждой пары. Слова: ша́гомъ, столбомъ чувствуются еще твор. пад. именъ: шагъ, столбъ, слѣд. являются дополненіями. Этого нельзя однако сказать и о словахъ: пѣшкомъ, дыбомъ, такъ какъ для нихъ не имѣется въ языкѣ падежныхъ родичей, т. е. словъ: *пѣшекъ, *дыбъ и т. п. Являясь изолированными въ отношеніи флексивномъ, слова эти чувствуются уже нарѣчіями и слѣд. обстоятельственными, а не дополнительными терминами. Въ другихъ случаяхъ обстоятельства можно отличить отъ дополненій по невозможности сопровождать первыя опредѣлительными словами, что очень обычно при вторыхъ. Такъ рус. выраженія: на силу добѣжалъ и: на силу вражью, или: тотчасъ поклонился и: тотъ часъ несчастный и т. п. заключаютъ въ себѣ обороты тожественные по формѣ, но различные по значенію,—обстоятельственные при сказуемыхъ и дополнительные при опредѣленіяхъ. Стремленіе языка дифференцировать въ подобныхъ случаяхъ обстоятельства отъ дополненій выражается то въ измѣненіи именной флексіи, то въ перестановкѣ ударенія, напр. въ низѣ и внизу; кру́гомъ и кругомъ́ и т. п.

§ 44.

Формы зависимаго сказуемаго и второстепенной связки.

1. Въ составѣ именеглаголовъ есть двѣ формы, которыя не могутъ быть отнесены ни къ согласуемымъ, ни къ управляемымъ, ни къ обстоятельственнымъ словамъ, а должны быть выдѣлены въ особую синтактическую группу—формъ зависимаго сказуемаго и второстепенной связки. Сюда принадлежатъ именно: а) инфинитивы съ супинами и б) дѣепричастія.

2. Если видѣть въ инфинитивѣ на **ти** форму дат. или мѣст. падежа основъ I, въ инф. на **тоу**—дат. пад. основъ У, а въ суп. на **тъ**—вин. п. тѣхъ же основъ, то слѣдовало бы признать инфинитивы (съ супинами) родомъ отглагольныхъ именъ, окаменѣвшихъ въ формахъ косвенныхъ падежей. Съ этой точки зрѣнія инф. съ супиномъ должны бы причисляться къ синтактической группѣ дополненій или обстоятельствъ. На дѣлѣ видимъ другое. Они являются обычно въ роли второстепеннаго члена главнаго сказуемаго или главнаго члена сказуемаго зависимаго, относясь тамъ къ подлежащему главнаго сказуемаго (инф. субъективнаго значенія), здѣсь же къ его объекту (инф. объективнаго значенія), напр. а) **словеса мои не имѫть минѫти**; **знамена, коюжъ съмрьтиѫ хотѣаше оумрѣти**; **аще же и о црькъви нерадити начьнеть** ἐὰν.....παρακούσῃ; „стану сказывать я сказки“; **и сила господьня къ цѣлити ѥ**; ради стараться; охъ, спорить голосиста; мастеръ пѣть; б) позвалъ насъ обѣдать; **подобъ ѥсть сыноу чловѣъскоуоумоу пострадати**; **повелѣ събороу быти**; **бысть оумрѣти ницоуоумоу**; поглядѣть—картина, а послушать—животина; хорошъ поглядѣть. Инфинитивъ обоихъ типовъ имѣетъ то общее съ зависимымъ дополненіемъ, что можетъ появляться не при всѣхъ глаголахъ и именахъ въ главномъ сказуемомъ, а лишь при нѣкоторыхъ, хотя довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ по значенію, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ.

3. Еще ограниченнѣе число глаголовъ, при которыхъ появляется въ составномъ сказуемомъ супинъ. Основную группу такихъ глаголовъ представляютъ тѣ, которые означаютъ пространственное движеніе, напр. **ити, ѣхати, вести, нести, слати, отъстѫпити, оуострьмитисѧ, съвъкоупитисѧ**; къ нимъ примыкаютъ глаголы движенія мысленнаго, какъ напр. **ꙗзвати, просити, поѧти, хотѣти** и т. п. При подобныхъ глаголахъ инфинитивъ сохранялъ нѣкоторыя функціи супина и тогда еще, когда форма послѣдняго вышла изъ употребленія, напр. характеризующее супинъ управленіе род-ымъ п. вм. вин. прямого объекта. Такъ въ старорус. мы читаемъ: ставилъ Государь.... 500 стрѣльцовъ казны своей стеречи; ѣздилъ конюшень смотрѣти. Да и въ современныхъ говорахъ встрѣчаются аналогичные обороты, напр. малорус. прийхали киселю йисти; йди пшеници жати и т. п.

4. Инфинитивъ замѣняетъ и другое употребленіе личнаго глагола, именно является второстепенною связкою въ составѣ то сказуемаго, то дополненія, напр. а) **ѣда и вы хощете оуѵєнии ѥго бꙑти; не трьпѣахъ оумилѥнъ видимъ бꙑти; хощеть творитисѧ правъ; не можеть стоѧти простъ**; б) **вы же кого глаголѣте мѧ бꙑти? осѫдиша и бꙑти повиньна съмрьти; подобаѥть сꙑноу уловѣѣьскоуоумоу.... искѫшеноу бꙑти и оубиѥноу**. Въ такой роли появляются однако инфинитивы не всѣхъ, а лишь немногихъ опустѣлыхъ или формальныхъ глаголовъ, особенно **бꙑти**, что обусловлено общимъ характеромъ какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ предикативныхъ связокъ простого предложенія.

5. На другой синтактической почвѣ развивалась, но до той же почти роли дошла и вторая именеглагольная форма—дѣепричастіе. Оно было нѣкогда причастіемъ, слѣд. согласуемой частью предложенія, всего чаще главнымъ или связочнымъ членомъ приложенія, рѣже—предикативнымъ аттрибутомъ. Сила сцѣпленія, соединяющаго активный и пассивный члены аппозиціоннаго сочетанія, можетъ до такой степени ослабѣть, что послѣдній отрывается отъ перваго, колеблется въ формахъ своего согласованія и наконецъ застываетъ въ видѣ дѣепричастія или

отглагольнаго нарѣчія, соединяющаго древнія аппозиціонныя съ новыми обстоятельственными функціями въ составѣ предложенія.

6. Такъ какъ въ аппозиціонное сочетаніе могутъ входить причастія и въ прямыхъ, и въ косвенныхъ падежахъ, смотря по ихъ соотношеніямъ то съ подлежащими, то съ объектами; то очевидно, что въ дѣепричастіяхъ можно предполагать осадки обоихъ видовъ аппозиціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ рус. выраженіяхъ: „тяжелый млатъ, дробя стекло, калитъ булатъ“; видя мышь кошку, забыла и ложку и т. п. дѣепричастія развились изъ причастій въ им. п. (**дроба**, **видѧшти** и т. п.), тогда какъ въ оборотахъ: и годъ, другой тому времени поизойдучи, тѣ Татары напущалися; и мало время поизойдучи, пришелъ Чурила Пленковичъ; лежучи у Ильи втрое силы прибыло; здорово женившись, да не съ кѣмъ спать; не учась, въ попы не ставятъ и т. п. дѣепричастія развились изъ косвенныхъ падежей, именно изъ дат. въ первыхъ четырехъ примѣрахъ и изъ вин. въ послѣднемъ. Правда, обороты второго типа не имѣютъ въ слав. такой распространенности, какъ въ языкахъ романскихъ; съ теченіемъ времени они вытѣсняются у насъ оборотами перваго типа: но все же они доказываютъ возможность развитія слав. дѣепричастія не только изъ прямыхъ, но и изъ косвен. падежей.

7. Возникновеніе дѣепричастій изъ причастій не аттрибутивнаго, а аппозиціоннаго характера и притомъ наиболѣе оторванныхъ отъ центровъ согласованія, слѣд. наиболѣе независимыхъ, объясняетъ причину предикативной ихъ силы. Ея недостаточно, правда, для образованія особенныхъ предложеній, но довольно для признанія дѣепричастій зависимыми сказуемыми преимущественно передъ аппозиціонными причастіями.

8. При составной аппозиціи причастная связка также могла окаменѣть въ видѣ дѣепричастія, напр. др. рус. Михалко же и Всеволодъ, послушлива сы, идоста. Но имен. аппозиціонный переходитъ обыкновенно въ такихъ оборотахъ въ твор. (вм. **Каиафа, архиєреи сы лѣтоу томоу, рєчє** мы говоримъ: К., будучи въ тотъ годъ архіереемъ и т. д.), при чемъ связочный характеръ дѣепричастія ослабѣваетъ, уступая мѣсто общему зна-

ченію зависимаго сказуемаго, въ соединеніи съ нѣкоторыми обстоятельственными оттѣнками.

9. Хотя роль составного или зависимаго сказуемыхъ и второстепенной связки составляетъ главную функцію слав. инфинитивовъ и дѣепричастій, однако этимъ не исключается возможность ихъ перехода въ отдѣльныхъ случаяхъ въ группу словъ обстоятельственныхъ. Такъ напр. въ выраженіяхъ: чуть-чуть пришелъ; „знать любить не рука“, а равно въ плеонастическихъ оборотахъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; ѣсть то онъ ѣстъ, да мало и т. п. инфинитивъ имѣетъ значеніе близкое къ нарѣчіямъ образа. То же можно замѣтить и въ нѣкоторыхъ дѣепричастіяхъ, развившихся изъ предикативнаго аттрибута, напр. онъ дѣлаетъ все зря; говоритъ нехотя и т. п.

§ 45.

Формы отрицательныхъ предложеній.

1. Нормальный видъ предложеній представляютъ пред. утвердительныя; ихъ же видоизмѣненіе и противоположность — отрицательныя. Глубокое различіе въ слав. языкѣ первыхъ отъ послѣднихъ выражается всего нагляднѣе въ томъ, что прямое дополненіе стоитъ тамъ въ вин., а здѣсь въ род. п., напр. **имлаше ли чьто съпѣстьно**, но: **ѕане не имѣлаше влагы**.

2. Предложенія утвердительныя превращаются въ отрицательныя черезъ помѣщеніе отрицательной частицы **не** или **ни**, изъ коихъ первая господствуетъ въ простыхъ, а вторая въ сложныхъ (со слитными) предложеніяхъ, напр. **не пожелаи жены искрьнааго твоѥго, ни вола ѥго, ни осьла ѥго**.

3. Отрицательная частица превращаетъ предложеніе въ отрицательное лишь въ томъ случаѣ, если она относится къ глагольнымъ, а не къ именнымъ его членамъ, т. е. къ сказуемому главному или зависимому, простому или составному, а не къ подлежащему, опредѣленію или дополненію, напр. а) **не любаи**

бо брата своєго єго же вида, Бога єго же не видѣ како можеть любити и; не могоша єго исцѣлити; не имѫть чесо ѥсти; аще не бы былъ ѕлодѣи, не быхомъ єго предали тебѣ; словѣмь же вышесловесьныихъ оуказати нельзѣ; но: б) **не десать ли очистишася, да девать кѣде; не азъ ли та видѣхъ въ врьтоградѣ;** „не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ и не одну прорвалъ кольчугу“.

4. При повтореніи отрицанія въ предложеніи смыслъ можетъ выйти и утвердительный, и отрицательный, смотря по тому, относятся ли оба отрицанія къ глагольному его члену или раздѣлены между глагольнымъ и именными, напр. а) **да не не вѣсть** ne ignoret; **не могѫ не глаголати;** б) **не кльнѣтеся ни небѣмь, ни ѕемлиєѭ; не бѫди невѣрьнъ, нъ вѣрьнъ.**

5. Когда отрицательное предложеніе представляетъ отвѣтъ на вопросительное (прямое или косвенное), то можетъ выражаться эллиптически однимъ словомъ: **хощеши ли? ни; они же глаголаахѫ: ни.** Въ рус. такому **ни** соотвѣтствуетъ нарѣчіе нѣтъ, образовавшееся изъ предложенія **не єсть тоу=нѣтоу**, подобно тому, какъ нѣкто, нѣчто, нѣкогда изъ **нѣсть-къто, нѣсть-ѹто, нѣсть-когда** и т. п.

6. Языкъ принимаетъ иногда за отрицательныя и такія предложенія, которыя имѣютъ особые модальные оттѣнки, напр. ожиданіе, опасеніе, желаніе и т. п. Такъ мы встрѣчаемъ род. прямого объекта и въ выраженіяхъ: подожду, пока онъ самъ не подастъ мнѣ руки; боюсь, чтобы онъ не сказалъ лжи; опасаюсь, что онъ не сдѣлаетъ этого.

§ 46.

Формы вопроса и отвѣта.

1. Для выраженія вопроса слав. языкъ прибѣгаетъ къ тремъ пріемамъ: а) модуляціямъ голоса, напр. ты идешь; ты идешь? б) словорасположенію, принимающему въ вопроситель-

ныхъ предложеніяхъ инверсивный характеръ, напр. онъ идетъ; идетъ онъ? и в) вопросительными частицами или мѣстоименіями: **ли, или, некъли, оужели, лѣ, ѵи, ꙗ; къто, ѵьто, къи, ѵии; къде** когда и т. п.

2. Вопросительныя частицы и мѣстоименія относятся либо къ сказуемому (съ аппозиціею), либо къ именнымъ и парѣчнымъ членамъ предложенія. Въ первомъ случаѣ подъ вопросомъ ставится самая возможность или законность синтеза элементовъ предложенія; во второмъ же — лишь отношеніе къ нему его отдѣльныхъ членовъ, напр. а) **Симонѥ Іонинъ, любиши ли мѧ паѵѥ сихъ? нѣстѥ ли ѵьли?** б) **царь ли ѥси ты? къто ѥсть прѣдълыи тѧ? тако ли отъвѣщаваѥши архиѥрѣови?** Вопросъ перваго рода можетъ быть названъ общимъ, второго же—частнымъ.

3. Въ сложныхъ предложеніяхъ вопросительныя частицы могутъ повторяться, не видоизмѣняя тѣмъ вносимаго ими оттѣнка, напр. **нашь ли ѥси, ли отъ сѫпротивьныихъ?**

4. Сверхъ вопроса прямого, драматическаго, славянскій языкъ допускаетъ и вопросъ косвенный, развившійся изъ перваго. Онъ выражается не особыми модальными формами, напр. конъюнктивомъ, а простымъ видоизмѣненіемъ личныхъ окончаній сказуемаго, напр. вм. **рѣѵѥ ѥмоу Пилатъ: не слъишиши ли колико на тѧ повѣдаѭть?** мы можемъ сказать: Пилатъ спросилъ его, не слышитъ ли онъ, сколько на него разсказываютъ.

5. Что касается формъ отвѣта, то и онѣ подраздѣляются на два вида, аналогичные общему и частному вопросу. Въ первомъ видѣ отвѣтъ выражается общими частицами: **тако, ѥи-ѥи, ни-ни**, да, нѣтъ; во второмъ же—частнымъ обозначеніемъ спорныхъ пунктовъ мысли, напр. а) **имаѧтѥ ли ѵьто сънѣдьно?—ни;** б) **къто ѥсть сеи царь славы?—Господь силъ! камо идеши?—въ прѣисподьнии ꙗемлѧ** и т. п.

§ 47.

Формы сочиненія и подчиненія предложеній.

1. Древнѣйшую форму сложнаго предложенія представляетъ сочиненіе или паратактическій строй его членовъ, господствовавшій въ санскритѣ и очень обычный въ языкѣ славянскомъ, особенно въ народномъ употребленіи и описательно-повѣствовательномъ стилѣ литературнаго языка. Предложенія слѣдуютъ при этомъ одно за другимъ, длинной вереницей, не размѣщаясь въ іерархическихъ рядахъ предложеній главныхъ и придаточныхъ. Связь такихъ предложеній или подразумѣвается, или выражается древнѣйшими союзами: **а, и, ти, же, да, нж, ли, или, бо, ибо, небонъ** и т. п.

2. Другой хронологическій слой представляетъ ипотактическій или подчинительный строй членовъ сложнаго предложенія. Онъ характеризуется съ внѣшней стороны употребленіемъ коррелятивныхъ связокъ, образованныхъ главнымъ образомъ изъ такихъ мѣстоименій, нарѣчій и союзовъ, изъ коихъ въ одномъ заключается вопросительный, а въ другомъ указательный мѣстоименный корень, напр. **иже-тъ; іеже-то; идеже-тамо; іегда-тогда; ико-тако.** Тѣ предложенія, которыя вводятся связками вопросительнаго происхожденія и соотвѣтствуютъ вопросу этаго застывшаго діалога, называются придаточными; тѣ же, при которыхъ стоятъ связки указательнаго корня и которыя возникли изъ отвѣтовъ, именуются предложеніями главными.

3. Вторую группу подчиненныхъ предложеній представляютъ тѣ, въ связкахъ которыхъ мы не находимъ то вопросительнаго, то указательнаго члена, а иногда и обоихъ, но въ замѣнъ того встрѣчаемъ коррелятивныя связки иного происхожденія, напр. **аще-то**; ес(ть)ли-то; буде-то; хотя-однако и т. п. Имѣя въ виду поздній возрастъ такихъ связокъ, какъ если, буде, хотя, можно думать, что этотъ типъ подчинительнаго строя предложеній новѣе указаннаго выше.

4. Дальнѣйшія измѣненія въ подчинительномъ строѣ предложеній обусловлены очень обычнымъ эллипсомъ одной изъ связокъ, всего чаще въ главномъ предложеніи, напр. **иже хощетъ по мьнѣ ити, да отъкрьжетьсѧ себѣ**; онъ бѣль, какъ снѣгъ. Еще одинъ шагъ и мы получаемъ асиндетическія сложныя предложенія типа: тише ѣдешь—дальше будешь. Они могутъ впрочемъ соотвѣтствовать и тому древнему виду подчиненія, который выражался интонаціей и другими риторическими пріемами и такимъ образомъ принадлежалъ къ числу скрытыхъ синтактическихъ идей.

5. Этимологическая форма связокъ подчинительнаго строя можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на то, которому изъ распространительныхъ терминовъ простого предложенія соотвѣтствуетъ и на почвѣ котораго развивалось то или другое придаточное предложеніе. Точкою отправленія должны служить при этомъ связки главнаго предложенія, такъ какъ въ придаточномъ онѣ видоизмѣняются, особенно въ падежѣ, отъ дѣйствія его собственныхъ центровъ управленія. При этомъ возможны три случая: а) связкой главнаго предложенія является мѣстоименіе указательное въ имен. п.; б) — мѣстоименіе въ косвенномъ падежѣ и в) — нарѣчіе, напр. а) **иже любитъ отьца ли матере паче мене, (тъ) нѣсть мене достоинъ**; **се въ истинѫ Изрлитѣнинъ, въ немь же льсти нѣсть**; „я тотъ, кого никто не любитъ и все живущее кленетъ“; б) **обрѣте единого подроугъ своихъ, иже бѣ дльженъ**; **да сътворимъ вьсѣ, елика ѯлповѣда намъ**; **отъмештѫсѧ вьсѣхъ ихъ, ѭже мѣните богы**; в) **идеже прѣоумъножисѧ грѣхъ, тоу прѣизбытъчьствова благодать**; **тако да просвѣтитьсѧ свѣтъ вашь прѣдъ чловѣкы, ико да видать добрая дѣла ваша**. Придаточныя предложенія перваго типа, представляющія развитіе опредѣленія при подлежащемъ или предикативномъ имени, могутъ быть названы опредѣлительными; прид. предложенія второго рода, развивающія далѣе содержаніе объекта,—дополнительными; предложенія же, напизанныя на адвербіальныя связки главнаго предложенія,—обстоятельственными.

§ 48.

Формы словорасположенія.

1. Для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ формахъ словорасположенія при сочетаніяхъ предикативномъ, опредѣлительномъ, дополнительномъ и обстоятельственномъ въ составѣ простого предложенія, слѣдуетъ обращать вниманіе на размѣщеніе аналогичныхъ элементовъ въ сложныхъ словахъ, которыя могутъ быть названы моделями доисторической конструкціи въ языкахъ арійскихъ. Но при этомъ къ сложнымъ словамъ должно относить и простое сочетаніе основъ или корней съ флексіями, имѣвшими нѣкогда значеніе отдѣльныхъ членовъ сочетанія.

2. Выше указано было, что въ личныхъ формахъ глагола просвѣчиваетъ первоначальное предикативное отношеніе между матеріальнымъ и формальнымъ элементами сочетанія, при чемъ активный его членъ выражается личной флексіей, а пассивный — основою. Въ именахъ же (съ мѣстоименіями) и именеглаголахъ, наоборотъ, чувствуется аттрибутивное отношеніе между аналогичными элементами, при активной роли окончаній и пассивной — основъ. Если мы примемъ вслѣдствіе того глаголы за прототипъ предикативнаго, а имена—аттрибутивнаго сочетанія въ простомъ предложеніи, то придемъ къ выводу, что въ праарійскомъ языкѣ въ обоихъ случаяхъ активный членъ согласованія занималъ второе, а пассивный—первое мѣсто. То же было, кажется, и при дополнительномъ сочетаніи, если судить по слав. сложнымъ словамъ: **ѕвѣреловьство**, **винодѣлиѥ**, **ѹьстолюбиѥ** и т. п. Такого рода конструкцію, съ пассивнымъ членомъ на первомъ и активнымъ на второмъ мѣстѣ, можно назвать словорасположеніемъ восходящимъ.

3. Восходящая конструкція не упрочилась въ арійскихъ языкахъ, а наоборотъ, въ большей части случаевъ смѣнилась противоположною, нисходящею. Такъ подлежащее въ историческій періодъ жизни арійскихъ языковъ уже предшествуетъ

сказуемому, а послѣднее—своимъ дополненіямъ. Подобный типъ словорасположенія установился и въ слав. языкахъ, какъ видно и изъ нѣкоторыхъ сложныхъ словъ (**любоуьстиѥ, Владимиръ,** перекати-поле), и изъ обычной конструкціи предложеній, которая особенно выступаетъ наружу при сопоставленіи ц. слав. переводовъ съ греч. подлинникомъ, напр. **слово смѣѥть нѣуьто юношьско** τολμᾷ τι νεανικὸν ὁ λόγος; **иже не съглядаѥть вештии** ὅστις οὐ φύσεις ἐσκέψατο и т. п. Лишь въ опредѣлительномъ сочетаніи слав. языкъ сохранилъ конструкцію восходящую, напр. **вьсеи вьселѥньи** τῇ οἰκουμένῃ πάσῃ; **нашего съпасениꙗ** σωτηρίας τῆς ἡμετέρας.

4. Что касается словъ обстоятельственныхъ, то они издревле размѣщаются довольно свободно, то предшествуя своимъ ближайшимъ центрамъ, то слѣдуя за ними, напр. **и тъчиѫ къ богоу въздвизати ржцѣ** καί πρὸς Θεὸν μόνον αἴρειν τὰς χεῖρας; **самъ сѧ присьно пръспѣвлѧѩ** ἑαυτὸν ὑπερβάλλων ἀεί; **въ сего ржкоу поуивъшоу сладъцѣ** ἡδέως ἐναποφύξαντος. Да это и понятно: нити, соединяющія обстоятельства съ ихъ синтактическими центрами, столь тонки, что легко разрываются и замѣняются неопредѣленнымъ тяготѣніемъ къ цѣлому предложенію, а не къ отдѣльнымъ его членамъ.

5. Такимъ образомъ для историческаго періода славянскаго языка нормальной конструкціей простого предложенія является такая, при которой центръ занятъ глаголомъ, а фланги — одинъ подлежащимъ съ его опредѣлителями, другой же дополненіями личными, вещными и отвлеченными, при свободномъ размѣщеніи обстоятельствъ то въ непосредственномъ сосѣдствѣ, то въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ихъ древнихъ центровъ, т. е. предикативныхъ, аппозиціонныхъ и аттрибутивныхъ терминовъ предложенія. Такую конструкцію имѣютъ напр. предложенія: **сѥ ѥдинии отъ коустодиѩ пришьдъше въ градъ повѣдаша архиѥреомъ вьсѩ бывъшаѩ; оученици ѥго ношиѫ пришьдъше оукрадоша (Иисоуса) нами съпащемъ; ѥдинѣ же на десѧте оученикъ идоша въ Галилеѩ въ горѫ; во врѣмѧ оно въставъши Мариѧ иде въ горѫ съ тъщаниѥмь въ градъ Июдинъ.**

6. Правда, подобная нормальная конструкція очень часто нарушается въ славянскомъ, какъ и въ другихъ арійскихъ языкахъ, разными формами инверсіи; но самое примѣненіе инверсіи служитъ доказательствомъ, что славянскому языку присуще чувство словорасположенія нормальнаго.

7. При инверсіи главное для цѣлей выраженія слово выдвигается впередъ, второстепенныя же отступаютъ на задній планъ, чѣмъ достигается перспективное освѣщеніе словеснаго изображенія: однѣ его фигуры или группы выступаютъ рельефнѣе и освѣщаются ярче другихъ. Это особенно замѣтно въ предложеніяхъ вопросительныхъ, отрицательныхъ и вообще въ выраженіяхъ косвенной модальности, напр. **ѹ҃то ти сѧ мьнитъ? не оу҃ ти врѣмене ѥстъ сихъ слꙋшати; да не ꙋоуѣтъ шоуица твоѥ, ѹ҃то творитъ десьница твоѧ; хлѣбъ нашь насꙋщьныи даждь намъ дьнѣсь**; скажи онъ слово, я простилъ бы ему и т. п.

8. Значеніе инверсіи въ слав. языкѣ не столь впрочемъ рѣшительно, какъ въ языкахъ развернутаго строя, съ окоченѣлыми флексіями. Главныя цѣли изображенія достигается въ немъ и прямыми этимологическими формами, почему инверсія имѣетъ въ рус. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ болѣе условный, риторическій, чѣмъ необходимый, грамматическій характеръ, свойственный напр. ей въ языкѣ французскомъ.

§ 49.

Музыкальные оттѣнки въ строеніи предложеній.

1. Для полноты анализа предложеній съ внѣшней стороны слѣдуетъ обращать вниманіе и на нѣкоторые музыкальные моменты словесной изобразительности, а именно: во 1. на силу и формы интонаціи при переходѣ звуковъ отъ piano къ forte и отъ forte къ piano, при крутомъ или отлогомъ crescendo и diminuendo; во 2. на модуляціи голоса, въ видѣ его восхожденія или нисхожденія по хроматической скалѣ звуковъ, опредѣляемой

регистромъ говорящаго; въ 3. на метрическое растяженіе или сокращеніе звука опредѣленной тонической высоты и силы, и въ 4. на павзы между рядами созвучій, опредѣляемыя синтактическими условіями и требованіями. Двѣ первыя особенности характеризуютъ вертикальный, а двѣ послѣднія—горизонтальный разрѣзъ звуковъ человѣческой рѣчи.

2. Всѣ изложенныя особенности музыкальнаго оттѣненія и разчлененія предложеній могутъ быть изучаемы лишь на живомъ, а не на мертвомъ языкѣ, такъ какъ просодическіе и метрическіе знаки въ письмѣ древнихъ и новыхъ народовъ изображаютъ обыкновенно способы выговора отдѣльныхъ словъ, а не цѣлыхъ предложеній; интерпункція же даетъ и теперь лишь самое общее обозначеніе, а не точное измѣреніе длины синтактическихъ павзъ простого и сложнаго предложеній.

3. Система древнеславянской синтактической просодіи и метрики могла бы быть выведена изъ сравнительнаго изученія аналогичныхъ явленій въ новослав. нарѣчіяхъ; но этого пока не сдѣлано, почему мы и ограничимся здѣсь немногими общими замѣчаніями, основанными на особенностяхъ русскаго языка въ музыкальномъ строѣ предложеній.

4. Русскому языку свойственны всѣ четыре пріема музыкальной выразительности, хотя три первые не выражаются на письмѣ ни просодическими, ни метрическими знаками. Такъ напр. предложенія: молча́ть! руки по шва́мъ! пошёлъ! произносятся громче, чѣмъ выраженія: онъ молчитъ; вы держите руки по карманамъ; онъ пришелъ. Сравнивая же предложенія: а) не стыдно ли вамъ? какъ вы смѣете? и б) ему стыдно; вы смѣлы, мы замѣчаемъ разницу въ хроматической окраскѣ — яркую тамъ и блѣдную здѣсь. Сопоставивъ далѣе обороты: такъ??! не хотите? такъ вотъ же погодите! увидимъ и метрическую разницу въ нарѣчіи „такъ“ перваго и второго выраженія. Что касается наконецъ павзъ синтактическаго характера, то онѣ до нѣкоторой степени измѣряются знаками препинанія, слѣдующими въ такой нисходящей прогрессіи: точка, двоеточіе, точка съ запятою, запятая. Тире и многоточіе также означаютъ синтакти-

ческія павзы, но менѣе опредѣленной длины, чѣмъ четыре первые знака.

И ц. слав. языкъ отмѣчалъ на письмѣ павзы знаками препинанія, но почти сплошь простой или двойной точкой, безъ различенія разныхъ формъ и протяженности остановокъ.

5. Музыкальность синтактическую не слѣдуетъ смѣшивать съ риторическою и поэтическою, такъ какъ первая имѣетъ характеръ общенародный и грамматическій, а послѣдняя—индивидуальный и стилистическій. Перваго рода музыкальность является органическимъ звеномъ въ средѣ другихъ грамматическихъ формъ выраженія, чего никакъ нельзя сказать о второй, составляющей принадлежность не всякаго, а лишь украшеннаго изображенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЗНАЧЕНІЕ СИНТАКТИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ.

---

§ 50.

Значеніе предложенія вообще.

1. Хотя фраза, т. е. сочетаніе нѣсколькихъ словъ по соединительному, опредѣлительному, дополнительному или обстоятельственному типу, и представляетъ нѣкоторую самостоятельность и отдѣльный смыслъ, опредѣляемый со стороны матеріальной входящими въ нее корнями, а съ формальной—аффиксами, съ прибавленіемъ къ тѣмъ и другимъ еще скрытыхъ семемъ словъ и идей оборотовъ; однако она не выражаетъ еще законченнаго акта мысли, а лишь составную часть послѣдняго. Лишь предикативное сочетаніе словъ создаетъ грамматическій организмъ, соотвѣтствующій логической формѣ сужденія, хотя и далеко не тожественный съ нимъ. Послѣднее явствуетъ какъ изъ разнообразія формъ предложенія въ разныхъ языкахъ, при общемъ тожествѣ формъ сужденія у всѣхъ народовъ, такъ и изъ случаевъ внутренней коллизіи между требованіями грамматической и логической правильности выраженія. Такъ напр. предложеніе: „кругъ имѣетъ квадратную площадь“ допускается грамматикою, но отвергается логикою; извѣстное же латинское изреченіе: habemus schismam даже въ устахъ императора Сигизмунда опротестовано было какимъ то монахомъ за ошибку—не фактическую, а грамматическую.

2. Человѣческое мышленіе совершается процессомъ синтеза отдѣльныхъ представленій. Въ этотъ синтезъ входятъ не однородные, а разнородные душевные образы, представляющіе родъ полюсовъ психической батареи, изъ соединенія и взаимодѣйствія которыхъ образуется искра, мысль. На одномъ изъ этихъ полюсовъ лежатъ символы матеріи, а на другомъ—силы; тамъ міръ предметовъ, здѣсь же феноменовъ, а на грамматическомъ языкѣ—кругъ именъ и кругъ глаголовъ. Вотъ почему обычная, нормальная форма предложенія, какъ и сужденія,—двучленная.

3. Членораздѣльность моментовъ сознанія составляетъ однако не первый, а второй шагъ въ его развитіи; она характеризуетъ дѣятельность познавательную, въ отличіе отъ проявленія чувствованій и желаній. Вотъ почему одночленный строй предложеній типовъ: пожаръ! гремитъ! а даже и эллиптическихъ оборотовъ: пошелъ! молчать! мы встрѣчаемъ главнѣйше въ обнаруженіяхъ чувствованій и желаній, конечно въ формѣ представленій, слѣд. на общемъ фонѣ познавательной дѣятельности.

§ 51.

Значеніе формъ подлежащаго.

1. Подлежащее, обыкновенно имя существ. (въ обширномъ смыслѣ) въ именит. падежѣ, выводитъ на сцену рѣчи то реальное или идеальное, наблюдаемое или созерцаемое, опредѣленное или неопредѣленное существо (субстанцію), которое является либо мыслится непосредственнымъ носителемъ признаковъ, заключенныхъ въ сказуемомъ.

2. Существо реальное выражается подлежащимъ въ формѣ личнаго мѣстоименія или конкретнаго существительнаго; существо же идеальное, воображаемое, грамматическое вводится въ рѣчь существительными (съ мѣстоим. **кто, что** и числит. однородовыми) отвлеченными, напр. а) **азъ** **есмь** **Господь** **Богъ** **твои**; **глаголя**

Иисоусъ Симоноу Петроу; б) **милость и истина сърѣтостеса, правьда и миръ облобызастеса**; **ѣто ѥсть истина**; простота хуже воровства.

3. Къ числу оборотовъ съ воображаемымъ носителемъ признаковъ сказуемаго принадлежатъ и предложенія съ подлежащимъ въ формѣ прилагательнаго (въ обширномъ смыслѣ, съ родовыми мѣст. и числит.), при которомъ опущенное или хоть предполагаемое, угадываемое сущ. не ясно чувствуется, напр. **мъногы же бѫдѫть прьвыи послѣдьнии, а послѣдьнии прьвии**; **вьсѣ твоѥ моѥ сѫть и вьсѣ моѥ твоѥ**.

4. Грамматическими субстанціями чувствуются и всѣ другія замѣны подлежащаго, въ формѣ то особаго слова, то цѣлаго оборота, напр. иксъ равняется пяти, а игрекъ десяти, т. е. x=5, а y = 10; азъ да буки — и вся наука; и перекати-поле на виноватаго доносчикъ! Постепенное субстантивированіе такихъ словъ и оборотовъ отражается и на способности ихъ къ флексивному измѣненію, напр. прописнымъ азомъ ноги растопырилъ; стень усѣяна перекати-полемъ. Однако это не всегда бываетъ: названіе напр. растенія noli me tangere не-тронь-меня удерживаетъ ту же форму и въ объективномъ сочетаніи.

§ 52.

Значеніе формъ сказуемаго.

1. Для опредѣленія основного значенія сказуемаго нужно имѣть въ виду, что обычную его форму представляетъ личный глаголъ. Вступая въ сочетаніе съ подлежащимъ, т. е. субстантивированнымъ именемъ, глаголъ даетъ и отвлеченнымъ идеямъ сценическую постановку: феномены изображаются актами, исходящими отъ личнаго производителя. Этимъ опредѣляется драматическій характеръ словеснаго изображенія языковъ арійскихъ вообще, а славянскаго въ частности.

2. Выражаемый глагольнымъ корнемъ признакъ мыслится въ сказуемомъ не отвлеченно, а въ становленіи, въ зависимости

отъ дѣятельности перваго, второго или третьяго лица, въ условіяхъ то настоящаго, то прошедшаго, то будущаго времени и въ формахъ дѣйствительности реальной или идеальной. Присутствіе въ сказуемомъ означенныхъ отношеній обусловлено разсмотрѣнными выше (§ 31, 44 сл.) семемами личныхъ, временныхъ и модальныхъ флексій глагола; но даже и по отпаденіи послѣднихъ первыя остаются, съ характеромъ идей и отношеній скрытыхъ, угадываемыхъ.

3. Довольно существенную сторону въ значеніи сказуемаго представляютъ его видовые и залоговые оттѣнки, т. е. отношенія къ моментамъ и формамъ длительности дѣйствія или феномена съ одной стороны, а къ объектамъ созерцанія и изображенія съ другой. Отношенія эти отчасти вносятся въ сказуемое глагольными аффиксами и оттѣнками корневой вокализаціи, отчасти же угадываются мыслію и чувствомъ языка.

4. Сверхъ всего указаннаго сказуемому свойственна еще особаго рода синтетическая сила, какъ бы тяготѣніе къ субъекту, отражающееся на формахъ предикативнаго согласованія. Этой силы недостаетъ уже именеглаголамъ, почему они и не могутъ быть самостоятельными, а развѣ зависимыми сказуемыми предложенія.

5. Все сказанное относится какъ къ простому, такъ и къ составному сказуемому, насколько и въ послѣднемъ заключается личная форма глагола. При всей формальности своего связочнаго значенія, она все таки вноситъ въ предложеніе личные, временные, модальные, а отчасти видовые и залоговые оттѣнки, вмѣстѣ съ силой синтеза въ составѣ предложенія, напр. **инъ ѥсть сѣѩи и инъ ѥсть жьнаи; и ты, отроуа, пророкъ вышьнѣмъ нарекѹешисѧ; на мѣсто, ѥже ѥсть сѣказаѥмо Краниѥво мѣсто.**

6. Но составное сказуемое не есть полный синонимъ простого: оно соединяетъ съ основными функціями послѣдняго и нѣкоторыя особенныя, обусловленныя появленіемъ при глаголѣ имени (сущ., прил., прич.). Слитыя прежде въ одномъ словѣ значенія и отношенія развертываются тутъ различнымъ образомъ

между двумя терминами: предикативной связкой и предикативнымъ аттрибутомъ.

7. Превращеніе личнаго глагола изъ самостоятельнаго сказуемаго въ связку сопровождается опустѣніемъ его матеріальнаго содержанія и принятіемъ болѣе или менѣе формальныхъ функцій, нѣсколько аналогичныхъ значенію личныхъ, временныхъ и модальныхъ окончаній глагола. Это особенно относится къ связкѣ, выраженной личными формами вспомогательнаго глагола (**ѥсмь, бѫдѫ** и т. п.). И другіе глаголы въ той же роли теряютъ значительную часть своего матеріальнаго значенія; но до чисто формальныхъ оттѣнковъ глагола **ѥсмь** они при этомъ не доходятъ. Вотъ почему и эллипсы предикативныхъ связокъ, захватывая глаголъ существительный, рѣдко распространяются на другіе, болѣе самостоятельные.

8. Переходя затѣмъ отъ связокъ къ аттрибуту составного сказуемаго, мы замѣчаемъ, что онъ, будучи именемъ или причастіемъ, всегда вводитъ въ рѣчь вторую субстанцію, то возникающую (аттрибутъ причастный), то данную (аттр. прил. и сущ.), то неопредѣленную (прич., прил.), то опредѣленную (сущ.). Такъ напр. произнося предложеніе: **Богъ творитъ**, мы намѣчаемъ на словесной картинѣ лишь одну субстанцію—**Богъ**; но въ выраженіяхъ: **Богъ ѥсть творилъ, творѧи, творьць** и т. п. выводятся на сцену двѣ субстанціи: главная и второстепенная, согласуемая съ первою, между которыми глагольная связка устанавливаетъ отношеніе сопринадлежности логической или реальной.

9. Если мы желаемъ опредѣлить относительную силу предикативности въ разныхъ формахъ предикативнаго аттрибута, то должны обращать вниманіе на бо́льшую или меньшую глагольность этихъ формъ. Въ этомъ отношеніи причастіе стоитъ конечно выше прилагательнаго, а прилагат. выше существительнаго. Вотъ почему на почвѣ причастной могутъ вырабатываться даже изъ предикативныхъ аттрибутовъ чистые предикаты, напр. мы сбили, мы рѣшили; онъ вынивши, влюбившись и т. п. Въ прилагат. мы замѣчаемъ въ слав. попытку дифференцировать прилагат. въ роли простого и предикативнаго аттрибу-

та (членная и безчленная форма), вѣроятно, съ цѣлію обозначить присутствіемъ или отсутствіемъ мѣстоименнаго члена при прил-ыхъ бо́льшую ихъ близость къ именамъ или къ глаголамъ. Всѣхъ дальше отстоятъ отъ глагола, а слѣд. и отъ предикативности, существительныя, въ которыхъ первоначальное отношеніе къ феноменамъ совершенно затирается обозначеніемъ предметовъ и съ трудомъ можетъ быть реставрировано даже при участіи глагольной связки.

10. Дальнѣйшею причиною усложненій въ значеніяхъ составного сказуемаго является нерѣдкій перебой въ немъ различныхъ временныхъ, залоговыхъ и видовыхъ оттѣнковъ. Такъ мы выше видѣли, что связки: **ѥсмь, бѣахъ** (**бѣхъ**), **быхъ, бждж** могутъ сочетаться каждая то съ наст., то съ прош. прич. дѣйствит. или страд. залога, напр. **бѣ съ ними Петръ стоꙗ и грѣꙗсѧ; оученикъ тъи бѣ ꙁнаѥмъ архиѥреови** и т. п. Такъ получается цѣлый рядъ относительныхъ временъ, гдѣ возникновеніе извѣстнаго признака изображается предшествующимъ, современнымъ или послѣдующимъ въ отношеніи не къ моменту рѣчи, а къ возникновенію другого признака, выражаемаго другимъ членомъ составного сказуемаго. Аналогичный перебой оттѣнковъ, выражаемыхъ двумя членами составного сказуемаго, замѣтимъ и въ отношеніи видовомъ, напр. **ови бѣшꙗ бити и оубити; и сѣ бждеши мльчꙗ и не могы проглаголати.**

11. Къ формамъ составного сказуемаго примкнули со временемъ и инфинитивы съ супинами, бывшіе нѣкогда дополненіями (цѣли и направленія дѣйствія). Это произошло именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ инфинитивъ означаетъ дѣятельность, совершаемую главнымъ предметомъ предложенія, т. е. подлежащимъ, слѣдовательно употребляется въ субъективномъ значеніи. Такую роль играетъ напр. инфинитивъ (и супинъ) въ предложеніяхъ: **градъıи къ мьнѣ не ималъ въꙁлѣкатиса; Июда.... хотѣаше прѣдати и; идемъ ловитъ рꙑбъ.**

Такой видъ инфинитива занимаетъ средину между предикатомъ простымъ и составнымъ, выражая почти то же, что глагольная основа, т. е. общее обозначеніе феномена, лишь со сла-

бымъ намекомъ на его субстантивированіе. Предложенія напр. **азъ възиштѫ, азъ бѫдѫ ишта** и **азъ бѫдѫ искати** представляютъ значительную аналогію, при чемъ послѣднее является какъ бы поворотомъ къ первому, что выражается и въ легкомъ превращеніи составныхъ сказуемыхъ третьяго типа въ первый, напр. въ серб. радићу, малорус. робитиму и т. п.

12. Въ другихъ случаяхъ инфинитивъ соотвѣтствуетъ связочному, а не аттрибутивному члену составного сказуемаго, выражая идею сопринадлежности двухъ субстанцій: подлежащаго или главнаго дополненія съ одной стороны, а ихъ именного аттрибута съ другой, напр. а) **къто оубо отъ тѣхъ трии ближьнии мьнить ти сѧ быти**? б) **кого мѧ глаголѥть чловѣци быти**?

Въ послѣднемъ примѣрѣ инфинитивъ имѣетъ уже значеніе объективное, а не субъективное, т. е. относится къ проявленію признаковъ объекта, а не подлежащаго. Подобные инфинитивы мы встрѣтимъ ниже, при разсмотрѣніи значеній зависимаго сказуемаго.

§ 53.

Значеніе формъ опредѣленія.

1. Общее значеніе терминовъ опредѣлительныхъ (со включеніемъ эпитетовъ и приложеній) заключается въ указаніи нѣкоторыхъ признаковъ того представленія, которое является центромъ сочетанія. Но признакъ, выражаемый опредѣленіями, мыслится сосредоточеннымъ въ другой неопредѣленной или опредѣленной субстанціи, а не зыбкимъ изліяніемъ личной энергіи той же главной субстанціи. Въ этомъ отношеніи опредѣленія соединяютъ въ себѣ многія значенія предикативнаго аттрибута и по отношенію къ нему могутъ быть названы аттрибутами второстепенными.

2. Разсматривая разные виды опредѣлительнаго сочетанія со стороны его бо́льшей или меньшей близости къ предикативно-

му, мы можемъ составить слѣдующую нисходящую (по предикативности) ихъ градацію: 1. приложеніе; 2. опредѣленіе причастное; 3. опр. именное; 4. эпитетъ. Первые два вида опредѣленія сближаются со сказуемыми своимъ указаніемъ на признакъ, возникающій въ условіяхъ времени, тогда какъ два послѣдніе выражаютъ признакъ уже возникшій, данный. Если принять во вниманіе, что возникновеніе составляетъ необходимое условіе и общую принадлежность всего существующаго, то можно думать, что приложенія и причастныя опредѣленія составляютъ древнѣйшій слой и связующее звено между аттрибутами именными и предикативными.

3. Обозначая то возникающій, то данный признакъ другого представленія, опредѣленія увеличиваютъ тѣмъ самымъ его логическое содержаніе и уменьшаютъ объемъ, низводя напр. представленіе родовое въ видовое, а это въ недѣлимое. Такъ напр. представленіе **пастырь** шире по объему представленія: **пастырь добрыи**, такъ какъ въ послѣднемъ исключены изъ горизонта зрѣнія пастыри злые, посредственные и т. д. Еще у́же логическій объемъ представленій: **ржцѣ мои**, этотъ домъ, такъ какъ они соотвѣтствуютъ единичнымъ, недѣлимымъ предметамъ. Если мы представимъ себѣ логическій объемъ извѣстнаго существительнаго (въ широкомъ смыслѣ) въ видѣ круга, то каждое новое опредѣленіе производитъ сегментацію этого круга то по-поламъ, то на меньшія части, при чемъ логическая площадь такого представленія можетъ быть доведена до точки —въ названіяхъ недѣлимыхъ предметовъ.

4. Такъ какъ совокупность терминовъ опредѣлительнаго (съ эпитетомъ и аппозиціею) сочетанія выражаетъ въ итогѣ одно, а не два представленія, а именно точнѣе спеціализованное представленіе главнаго слова, то этимъ объясняется взаимное тяготѣніе и даже сращеніе этихъ терминовъ, выражаемое въ формахъ согласованія по категоріямъ рода, числа и падежа.

5. Плотность сочетанія членовъ опредѣлительнаго типа бываетъ наименьшею при аппозиціи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ въ себѣ много предикативной силы и даже можетъ быть

индѣ названа второстепеннымъ сказуемымъ. Оттого то мы встрѣчаемъ значительную навзу между активнымъ и пассивнымъ членами аппозиціоннаго сочетанія. Крѣпче сомкнуты части сочетанія собственно-опредѣлительнаго, особенно именного, такъ какъ тутъ глагольные элементы аттрибута совершенно стушевываются, а выдвигаются именные, т. е. однородные съ центромъ согласованія. Наконецъ въ эпитетѣ мы достигаемъ смежныхъ предѣловъ фразы и композиціи. Матеріальное значеніе опредѣленія здѣсь такъ ослабѣваетъ, что становится блѣдной тѣнью первоначальнаго представленія. Произнося напр. фразы: добрый молодецъ, мать сыра земля и т. п. мы не вызываемъ въ сознаніе представленій, соотвѣтствующихъ эпитетамъ, или по крайней мѣрѣ не даемъ имъ надлежащей ясности. Вотъ почему говоря о Новѣ-Городѣ на Ильменѣ или Стольномъ Бѣлградѣ въ Венгріи, мы не чувствуемъ противорѣчія эпитетовъ съ дѣйствительностію, а именно съ древнимъ происхожденіемъ перваго и давно позабытой престольностію второго.

§ 54.

Значеніе формъ дополненія.

1. Предикативное и опредѣлительное сочетанія словъ представляютъ два вида того же синтактическаго процесса, что отражается и въ общности для нихъ условій согласованія. Совершенно другой характеръ имѣетъ сочетаніе дополнительное. Тутъ мы не видимъ уже стремленія къ взаимному уподобленію сочетаемыхъ формъ; по крайней мѣрѣ оно играетъ здѣсь роль очень ограниченную (при аттракціи, вторыхъ косвенныхъ падежахъ и т. п.), въ сравненіи съ обратнымъ стремленіемъ расподоблять элементы сочетанія, подчиняя формы одного дѣйствію или управленію другого.

2. Такъ какъ въ дополнительномъ сочетаніи пассивнымъ терминомъ бываетъ обыкновенно сущ. или мѣстоим. однородовое,

то изъ этого видно, что въ немъ выводится на сцену особая субстанція, стоящая въ болѣе или менѣе зависимыхъ отношеніяхъ къ другимъ ея фигурамъ или обусловленная общею ситуаціею словесной драмы. Субстанція эта или объектъ изображенія можетъ получить въ немъ то бо́льшую, то меньшую выпуклость и раздѣльность, но никогда не сольется съ логической площадью другого предмета, какъ это случается въ сочетаніи опредѣлительномъ. Даже предметъ, обозначаемый вторыми, согласуемыми падежами въ составѣ объективной аппозиціи или зависимаго сказуемаго, не стушевывается совершенно подъ яркостію красокъ главнаго объекта, а лишь принимаетъ на себя бо́лѣе или менѣе замѣтный его отсвѣтъ. Съ теченіемъ времени и послѣдній темнѣетъ и стирается, вслѣдствіе чего вторые падежи превращаются въ простые объекты, съ оттѣнкомъ образа, средства, орудія дѣйствія или явленія.

3. Взаимное соотношеніе двухъ субстанцій—главной и зависимой — можетъ устанавливаться либо чрезъ непосредственное соприкосновеніе ихъ логическихъ круговъ, либо чрезъ передаточную среду глагола или предлога. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ дополненіе поименное, во второмъ же—поглагольное или попредложное, напр. а) **домъ отьца, оучение кънигамъ**; б) **азъ рѣхъ вамъ**, в) **ико идѫ къ отьцоу**. Если мы изобразимъ дополнительное отношеніе перваго рода въ видѣ двухъ соприкасающихся между собою шаровъ, то дополненію поглагольному будутъ соотвѣтствовать шары, связанные проволокой, а попредложному—спаянные цементомъ.

4. Что касается характера отношеній, устанавливаемыхъ дополнительнымъ сочетаніемъ между двумя предметами, то онъ особенно ярко выдвигается при соотношеніяхъ: а) причинности, б) цѣли и в) спутника или средства, т. е. при обозначеніи начальнаго, конечнаго и срединнаго моментовъ въ обнаруженіяхъ воздѣйствія одной субстанціи на другую. Первое изъ названныхъ отношеній служитъ средоточіемъ разнообразныхъ значеній славянскаго родительнаго-удалительнаго, второе—винит., дат. и мѣстнаго, третье—творительнаго; но логическія ихъ развѣт-

вленія выступаютъ нерѣдко и въ формахъ другихъ косвенныхъ падежей.

5. Въ болѣе независимыхъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ членамъ предложенія стоятъ тѣ объекты, которые опредѣляютъ а) пространственную, б) временную и в) образную среду проявленія другихъ предметовъ или дѣйствій. Сохраняя относительную независимость отъ послѣднихъ, объекты второй группы тяготѣютъ къ цѣлому предложенію; они составляютъ какъ бы его пространственныя, временныя и образныя рамки. При этомъ механическое давленіе на формы объекта столь слабо, что допускаетъ сохраненіе именит. над., невозможнаго въ средѣ зависимыхъ объектовъ первой группы (§ 54, 4).

6. Различеніе объектовъ прямыхъ и косвенныхъ не имѣетъ особеннаго синтактическаго значенія, за исключеніемъ того, которое обусловлено смысломъ падежныхъ формъ, а именно: неопредѣленностію и общностію функцій вин. над., при бо́льшей спеціализаціи значенія другихъ косвенныхъ падежей.

7. Изъ среды дополненій поименныхъ выдѣляются до извѣстной степени объекты, выраженные родит. п., приближаясь по значенію къ сочетаніямъ опредѣлительнымъ. Такъ напр. выраженія: **ученици Иоана** и **уч. Иоанови** (οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου) или: **дъшти Иродиады** и **д. Иродиадина** (ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρῳδιάδος) и т. п. представляютъ значительную близость значенія. Близость эта не доходитъ однако до тожества, такъ какъ при сочетаніи опредѣлительномъ двѣ субстанціи (неопред. и опредѣленная) сливаются болѣе или менѣе полно въ одномъ представленіи, чего нельзя сказать о сочетаніи дополнительномъ.

8. Дополненіе попредложное отличается отъ поименнаго или поглагольнаго бо́льшей опредѣленностію своего значенія. Предлогъ не только поддерживаетъ при этомъ поблекшія функціи падежей, но и дополняетъ, спеціализуетъ ихъ въ томъ или другомъ направленіи. Оттого то развитіе въ языкѣ попредложныхъ дополненій, ослабляя древній лаконизмъ выраженія, съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпляетъ и возвышаетъ общее метафизическое достоинство рѣчи.

§ 55.

Значеніе формъ обстоятельства.

1. Когда мѣстоименіе или имя обращается въ нарѣчіе, а слѣд. дополненіе въ обстоятельственное слово, то при этомъ совершенно ослабѣваютъ и даже исчезаютъ въ немъ отношенія къ неопредѣленной или опредѣленной субстанціи; остается же лишь обозначеніе пространственныхъ, временныхъ и образныхъ условій проявленія признаковъ какой либо сторонней субстанціи или цѣлой группы выводимыхъ въ предложеніи предметовъ.

2. Изъ сказаннаго видно, что обстоятельства развились на той же синтактической почвѣ, на которой сохранились независимые падежи. Дѣйствительно, сравнивая между собою рус. обороты: онъ конечно былъ тогда здѣсь и: онъ силою ворвался ночью въ домъ, мы замѣтимъ значительное сходство между обстоятельствами: конечно, тогда, здѣсь и независимыми дополненіями: силою, ночью, въ домъ; однако сходство это не исключаетъ и важныхъ различій. Во второмъ оборотѣ передъ нами выступаютъ въ дополненіяхъ грамматическія субстанціи: сила, ночь, домъ, тогда какъ въ первомъ обозначаются однѣ общія рамки или побочныя опредѣленія субстанціи „онъ“. Если мы обозначимъ дополненія отдѣльными кругами, то обстоятельства должны изобразить въ видѣ геометрическихъ знаковъ направленія, протяженія, напряженія и т. п.

3. Образованіе обстоятельствъ изъ независимыхъ дополненій мѣста, времени и образа объясняется изложеннымъ выше отношеніемъ такихъ дополненій не къ отдѣльнымъ членамъ предложенія, а къ ихъ совокупности. Этимъ обусловлена возможность употреблять ихъ при словахъ самаго разнообразнаго залоговаго значенія. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дополненіе тяготѣло нѣкогда къ отдѣльному члену предложенія, напр. сказуемому или аттрибуту, можетъ развиться нарѣчіе, а слѣд. об-

стоятельство, если разорвется слабая нить, связывавшая первоначальное сочетаніе.

4. Категоріи обстоятельственныхъ словъ вполнѣ совпадаютъ съ категоріями нарѣчій: а) мѣста, б) времени и в) образа (качественнаго, количественнаго и модальнаго). Школьная грамматика принимаетъ еще, правда, обстоятельства причины и цѣли; но отсутствіе нарѣчій этихъ двухъ категорій служитъ лучшимъ того опроверженіемъ. Отношенія причины и цѣли находятся въ слишкомъ непосредственномъ и наглядномъ взаимодѣйствіи съ предметами и феноменами мысли и словеснаго выраженія, чтобы не тяготѣть къ нимъ своими флексіями. Оттого послѣднія не окаменѣваютъ въ означенной роли, какъ это бываетъ при отношеніяхъ пространственныхъ, временныхъ и образныхъ.

5. Три вида обстоятельствъ соотвѣтствуетъ до извѣстной степени тремъ основнымъ категоріямъ глагола: а) залоговой, б) временной (съ видовою) и в) модальной. Для категорій же причины и цѣли и въ глаголахъ не находимъ спеціальныхъ формъ, какъ не нашли ихъ въ нарѣчіяхъ.

§ 56.

Значеніе формъ зависимаго сказуемаго и второстепенной связки.

1. Выше показано, что зависимое сказуемое выражается двумя формами: а) дѣепричастіемъ и б) инфинитивомъ. Первое развивается изъ аппозиціи къ подлежащему или дополненію; второй же принимаетъ значеніе зависимаго сказуемаго при дальнѣйшемъ развитіи и осложненіи составного предиката. Въ обоихъ случаяхъ въ предложеніи выдѣляется второй, хотя и не самостоятельный, зависимый отъ главнаго центръ группировки лицъ и феноменовъ словеснаго изображенія.

2. Генезисъ дѣепричастій, а потому и синтактическія ихъ функціи довольно аналогичны нарѣчнымъ. Какъ нарѣчія развиваются изъ именъ (съ мѣстоименіями и числительными), въ роли независимыхъ объектовъ, такъ дѣепричастія—изъ причастныхъ приложеній, заключающихъ въ себѣ указаніе на пространственную, временную и образную среду обнаруженій признака даннаго или возникающаго. Вотъ причина близости дѣепричастій къ нарѣчіямъ, т. е. словамъ обстоятельственнымъ. Но одновременно съ тѣмъ дѣепричастія вносятъ въ картину изображеніе феномена, происходящаго при извѣстныхъ условіяхъ временныхъ, видовыхъ, залоговыхъ, даже модальныхъ, напр. „бобы-не грибы: не посѣявъ—не взойдутъ“, въ значеніи: если не посѣяны. Лишь прямого указанія на дѣйствующее лицо не находимъ мы въ дѣепричастіи; но косвенно и это выражается общимъ построеніемъ оборота и угадываемымъ соотношеніемъ его отдѣльныхъ фигуръ.

3. Дѣепричастіе, развившееся изъ связки составного приложенія, соединяетъ въ себѣ основныя ея функціи съ выраженіемъ пространственной, временной и образной обстановки аппозиціоннаго аттрибута; напр. будучи самъ бѣденъ, онъ не можетъ помогать другимъ; не желая говорить, онъ удалился изъ собранія.

4. Инфинитивъ выдѣляется изъ составного предиката и становится зависимымъ сказуемымъ въ томъ случаѣ, когда означаетъ феноменъ, возникающій отъ дѣятельности не главнаго, а второстепеннаго предмета,—не отъ субъекта, а отъ объекта, при чемъ послѣдній принимаетъ тогда значеніе зависимаго подлежащаго. Такъ въ выраженіи: **вы же кого глаголете мя быти** выводятся два субъекта и два предиката, именно: **вы, кого и глаголете, быти.** То же найдемъ въ выраженіяхъ: **дасть имъ область ѹдомъ божиемъ быти; вамъ подобаетъ расти, намъ же малитися** и т. п. Различіе такихъ зависимыхъ сказуемыхъ отъ главныхъ заключается главнѣйше въ неясности указаній на временныя, личныя и модальныя условія возникновенія признака, характеризующаго бытіе или дѣятельность зависимаго субъекта.

Въ аналогичномъ отношеніи находится и второстепенная инфинитивная связка къ лично-глагольной, въ оборотахъ напр. **не трьпѣахъ оумилѥнъ видимъ кыти**; быть биту во снѣ значитъ пить.

§ 57.

Значеніе формъ отрицанія.

1. Отрицательное предложеніе допускаетъ существованіе феномена или отношенія, но внѣ рамокъ или условій изображаемой картины. Такъ напр. предложеніе: **безъ него ничьто же не кысть ѥже кысть** заключаетъ въ своемъ средоточіи выраженіе: **ничьто кысть**, констатирующее связь субъекта съ предикатомъ. Вставка отрицательной частицы не уничтожаетъ этой связи, а лишь исключаетъ возможность ея фактическаго обнаруженія при данныхъ условіяхъ личной дѣятельности. Даже въ такихъ выраженіяхъ, какъ: рыба не летаетъ, камень не плаваетъ и т. п. виднѣются на днѣ словеснаго изображенія движенія мысли, выражаемыя оборотами: рыба летаетъ, камень плаваетъ, изъ коихъ затѣмъ развились отрицательныя предложенія въ видѣ поправокъ къ прежнимъ дѣтскимъ и нелогичнымъ заключеніямъ.

2. При такомъ относительномъ, а не абсолютномъ характерѣ язычнаго отрицанія не удивительно, что въ его выраженіи господствуютъ формы изъявит. наклоненія, т. е. модальныя формы дѣйствительности реальной, а не идеальной.

3. Присутствіе на днѣ отрицательныхъ предложеній утвердительной основы видно и изъ возможности реставрировать послѣднюю, при удвоеніи напр. отрицанія (**не не имѣ Иисоусъ воды** = aquam habuit) или его сращеніи съ глаголомъ (**неимѣиждж**, **непьштоуѫ** и т. п.). И отрицательныя сравненія, столь обычныя въ славянской народной поэзіи, основаны на указанной особенности разсматриваемыхъ предложеній. Произнося напр. стихи: „Не трубушка трубила рано на зарѣ,—Свѣтъ-дѣвица пла-

кала по русой косѣ", мы изображаемъ двѣ реальныя картины, между которыми допускается даже сходство, а отрицается лишь тожество.

4. Быть можетъ, вслѣдствіе такой положительности обычнаго словеснаго выраженія душевныхъ движеній и образовъ, славянскій языкъ прибѣгаетъ къ усиленнымъ средствамъ для обозначенія дѣятельности отрицаемой, измѣняя напр. форму прямого объекта, удваивая отрицательную частицу (никогда ничего не знаетъ), вводя усиленіе изобразительное (ни зги не видать), плеонастическое (видомъ не видалъ, слыхомъ не слыхалъ; знать не знаю, вѣдать не вѣдаю), видовое (никогда не слыхивалъ) и т. п.

§ 58.

Значеніе формъ вопроса и отвѣта.

1. Вопросительныя предложенія развились, наряду съ отвѣтными, на почвѣ діалогической. Глубокая ихъ древность видна изъ существованія во всѣхъ арійскихъ языкахъ вопросит. и указат. мѣстоименій, служащихъ связками или цементомъ діалога, а также изъ сохраненія ими въ разсматриваемыхъ предложеніяхъ своего первоначальнаго значенія. Лишь въ вопросѣ косвенномъ мѣстоименія эти приняли характеръ соотносительный, при чемъ первобытный драматизмъ изложенія ослабѣлъ; діалогъ смѣнился монологомъ, общественная бесѣда—громкимъ раздумьемъ.

2. Подобно предложеніямъ отрицательнымъ, вопросительныя имѣютъ въ языкѣ характеръ довольно положительныхъ мнѣній, почему и выражаются формами индикатива. Лишь позже, при развитіи вопроса косвеннаго, проникъ сюда въ нѣкоторыхъ языкахъ элементъ условности, неувѣренности, выражаемый формами конъюнктива; но слав. языкъ, мало чуткій къ сопровож-

дающимъ мысль субъективнымъ ощущеніямъ, остался при древнемъ самоувѣренномъ взглядѣ и на дѣйствительность спорную, вопросную.

§ 59.

Значеніе формъ сочиненія и подчиненія предложеній.

1. Основное различіе древнѣйшаго паратактическаго строя предложеній отъ новѣйшаго ипотактическаго заключается въ томъ, что въ сочиненіи два или болѣе предложеній размѣщаются на одномъ планѣ, тогда какъ въ подчиненіи они группируются въ извѣстной перспективѣ, при чемъ одни выдвигаются на передній планъ, а другія убѣгаютъ на боковой и задній планы, рисуясь въ уменьшенныхъ отъ удаленія размѣрахъ.

2. Разсматривая отдѣльные виды паратактическаго строя предложеній, мы можемъ различить между ними четыре главныхъ оттѣнка, именно: а) сочетаніе соединительное, при связкахъ: **и, а, ти**, да, равно, сначала, потомъ, наконецъ и т. п.; б) сочетаніе раздѣлительное, при связкахъ: **или, любо, коли** и т. п.; в) соч. противительное, при связкахъ: **а, же, нж**, да, однако и т. п.; и г) соч. причинное, при связкахъ: **бо, ибо, небонъ**, слѣдовательно, значитъ и т. п.

3. Въ соединительномъ сочетаніи предложенія расположены такъ, что представляются механически нанизанными на общую пространственную, временную и т. п. нить, безъ дальнѣйшаго опредѣленія способовъ ихъ взаимодѣйствія и особенности соотношенія, напр. **и тогда съблазнятьса мънози и дроугъ дроуга прѣдасть и възненавидитъ дроугъ дроуга и мънози лъжи пророци въстанѫтъ и мъногы прѣльстатъ** и т. д.

4. Въ сочетаніи раздѣлительномъ соотношеніе предложеній опредѣляется нѣсколько частнѣе, именно устанавливается родъ дилеммы, трилеммы и т. д. между отдѣльными группами словесной картины, напр. быть или не быть? либо полковникъ, либо

покойникъ. Тутъ намѣчены уже контрасты между отдѣльными членами сочетанія; но выхода изъ нихъ, примиренія въ высшемъ единствѣ еще не замѣтно.

5. Далѣе проведена дифференцировка между отдѣльными членами противительнаго сочетанія: контрасты двухъ группъ представляются тутъ уже не въ видѣ неразрѣшенной или неразрѣшимой дилеммы, а какъ дознанное положеніе, напр. здѣсь друзья, а тамъ враги. Не видно лишь, гдѣ центръ и гдѣ детали такого изображенія.

6. Еще шагъ дальше и между двумя группами картины выдвигается отношеніе причинной связи, при чемъ одна изъ нихъ изображается реальною или мыслимою причиною, мотивомъ, источникомъ, а другая—дѣйствіемъ, фактомъ, слѣдствіемъ. На этой почвѣ можетъ уже возникнуть ясное перспективное разграниченіе двухъ частей изображенія, при чемъ одна изъ нихъ скрывается на заднемъ планѣ, уступая первое мѣсто болѣе важной для цѣлей изображенія группѣ. Такъ напр. предложенія: дождя не будетъ, ибо небо прояснилось, или: небо прояснилось, значитъ дождя не будетъ и т. п. построены еще паратактически; но въ аналогичномъ оборотѣ: такъ какъ (**поєликоу, понєже**) небо прояснилось, то дождя не будетъ—первая группа отодвигается на задній планъ, а вторая выступаетъ впередъ, т. е. предложенія дифференцированы на придаточное и главное, при чемъ выраженіе принимаетъ ипотактическій строй.

7. Произнося обороты перваго и второго типовъ причиннаго сочетанія, мы замѣчаемъ, что навза голоса между двумя членами паратактическаго строя нѣсколько дольше, чѣмъ при строѣ ипотактическомъ. Одновременно съ бо́льшей дифференцировкой отдѣльныхъ частей изображенія достигается слѣдов. и бо́льшая ихъ интеграція, т. е. лучше совмѣщаются условія разнообразія и единства, опредѣляющія художественное достоинство выраженія.

8. Къ причинному сочетанію предложеній, составляющему мостъ отъ ихъ сочиненія къ подчиненію, примыкаютъ болѣе или менѣе всѣ остальные виды ипотактическаго строя предложеній,

а именно: а) сочетаніе сравнительное, съ оттѣнками мѣстнымъ, временнымъ и образнымъ, напр. **идеже єсть съкровище ваше, тоу бждеть и срьдьце ваше; єгда приидеть господинъ жатвѣ, тогда отрѣбить гоумьно своє; тако възлюби Богъ мира, ико и сына своєго посъла**; б) сочетаніе соотносительное: **блаженъ тъ рабъ, єгоже господинъ обрашетъ тако творащя**; в) сочетаніе изъяснительное: **реѵє бо, ико сынъ божии єсть**; г) сочетаніе цѣлевое: **изѵедоша и, да и распьнжть**; д) соч. условное: **да видимъ, аще приидеть Илия съпастъ єго; аще хощєти съвршенъ быти, иди и продаждь имѣниє твоє**; и наконецъ е) соч. уступительное: хотя я просилъ, но дѣло еще не рѣшено; сколько ни плакать, а быть перестать; какъ на кинь—все клинъ; ѣстъ то онъ хорошо, да работаетъ дурно; нашумѣть-нашумѣли, а дѣла не сдѣлали.

9. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ мы замѣчаемъ извѣстную двойственность изображенія, напр. группу предшествующую и послѣдующую при сравненіи пространственномъ и временномъ; служащую масштабомъ и объектомъ измѣренія при сравненіи образномъ; вопросную и отвѣтную въ сочетаніи соотносительномъ; разъясняемую и разъясняющую въ изъяснительномъ; выражающую фактъ и его цѣль въ финальномъ; условіе (предположеніе) и выводъ въ условномъ; уступленіе и требованіе въ уступительномъ и т. п. Но этотъ дуализмъ изображенія побѣждается подчиненіемъ одного изъ членовъ сочетанія (обыкновенно предшествующаго логически) другому.

10. Сравнивая придаточныя предложенія съ распространительными терминами простыхъ, мы замѣчаемъ нѣкоторое соотвѣтствіе первыхъ то съ опредѣленіями, то съ дополненіями, то съ обстоятельствами, напр. а) **сє въ истинѫ Израндитѣнинъ, въ немь жельсти нѣсть**=вотъ Изр., чуждый лести; б) **помьните слово, ѣже азъ рѣхъ вамъ**=помните слово, сказанное вамъ мною; **рабъ бо не вѣсть, ѵьто творить господинъ єго**=рабъ не знаетъ дѣяній своего господина; в) **ѩкоже ѕаповѣда мьнѣ отьць, тако творѭ**=поступаю сообразно приказанію отца. Впрочемъ соотвѣтстіе это далеко не доходитъ до логическаго тожества. Опредѣленіе, дополненіе,

обстоятельство никогда не могутъ имѣть такой полноты и ясности выраженія, какая достигается въ придаточныхъ предложеніяхъ, благодаря присутствію въ нихъ личнаго глагола. Уже изъ этого видно, что прид. предложенія представляетъ болѣе зрѣлый и поздній плодъ синтактическаго развитія языка, чѣмъ второстепенные члены простого предложенія, напр. приложенія или зависимыя сказуемыя. Изъ послѣднихъ развиваются при благопріятныхъ условіяхъ прид. предложенія, но никакъ не наоборотъ.

11. Съ другой стороны, не слѣдуетъ преувеличивать генетической связи между членами простого и сложнаго предложенія: въ составѣ послѣдняго можно найти и такіе элементы, для которыхъ нѣтъ почвы въ средѣ членовъ перваго. Такъ напр. мы не можемъ перевести на языкъ простого предложенія многихъ оборотовъ условныхъ или уступительныхъ иначе, какъ съ большими натяжками. Да это и понятно: сложное предложеніе выражаетъ гораздо болѣе оттѣнковъ, чѣмъ простое, — въ томъ числѣ и такіе, на которые въ послѣднемъ существуютъ лишь косвенные, скрытые намеки. Мы можемъ, пожалуй, сопоставлять выраженія: непрошеный гость хуже Татарина и: ежели гость явился не званый, то онъ хуже Т. и т. п. но при этомъ мы сближаемъ скрытыя идеи простого предложенія съ выраженными яснаго, т. е. двѣ величины довольно разнородныя.

12. Что касается условій, при которыхъ членъ простого предложенія развивается въ придаточное, то они до извѣстной степени сходны съ превращеніемъ опредѣленій въ зависимыя сказуемыя, а дополненій въ обстоятельства. Характеризующая первыя предикативная сила, все болѣе и болѣе возростая, можетъ довести до превращенія зависимаго предиката въ независимый, съ замѣною именеглагола личнымъ глаголомъ, при чемъ условія прежняго согласованія едва мелькаютъ на измѣненномъ фонѣ придаточнаго предложенія. Съ другой стороны, и независимые объекты, выражающіе отношенія пространственныя, временныя и образныя, все отодвигаясь отъ своихъ центровъ, могутъ наконецъ выйти изъ рамокъ простого предложенія и осложниться до роли особаго, придаточнаго. На аппозитивной почвѣ

развились опредѣлительныя придаточныя предложенія, на объективной же—дополнительныя и ихъ дальнѣйшее вырожденіе—обстоятельственныя. Первыя господствуютъ въ сочетаніи соотносительномъ; вторыя—въ причинномъ, изъяснительномъ и цѣлевомъ, а третьи—въ разныхъ видахъ сравнительнаго. Что касается сочетаній условнаго и уступительнаго, то, какъ выше показано, они имѣютъ лишь отдаленное сходство съ распространительными терминами простого предложенія.

§ 60.

Значеніе формъ словорасположенія.

1. Трудно опредѣлить мотивы, которыми обусловленъ былъ въ разные періоды жизни языка выборъ то восходящей, то нисходящей конструкціи. Можно лишь догадываться, что сопровождающее оборотъ психическое движеніе въ первомъ случаѣ шло crescendo, во второмъ же—diminuendo. Послѣднее направленіе возобладало, кажется, въ историческія эпохи. Въ другихъ случаяхъ языкъ какъ будто старался установить равновѣсіе между главнымъ и второстепеннымъ предметами выраженія, сдѣлавъ при этомъ глаголъ главной осью движенія словесныхъ группъ. Помѣщеніе опредѣленія впереди опредѣляемаго, а предиката простого или составного позади подлежащаго содѣйствуетъ нѣкоторой дифференцировкѣ аттрибутовъ простого и предикативнаго, не достаточно различаемыхъ въ слав. языкѣ формою, особенно до развитія членнаго вида прилагательныхъ и причастій. Размѣщеніе дополненій за ихъ именными или глагольными центрами указываетъ, быть можетъ, на зависимость объектовъ отъ главныхъ лицъ или феноменовъ изображенія. Вольная же разстановка обстоятельствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ слабости ихъ связей съ отдѣльными членами предложенія и общимъ пропозиціональнымъ характеромъ многихъ обстоятельственныхъ опредѣленій.

2. Что касается затѣмъ обычной конструкціи предложеній сложныхъ, то сочиненныя слѣдуютъ одно за другимъ въ порядкѣ, опредѣляемомъ естественнымъ расположеніемъ описываемыхъ предметовъ или послѣдовательностію повѣствуемыхъ событій. Предложенія же придаточныя размѣщаются обыкновенно впереди главныхъ, т. е. по конструкціи восходящей, согласной съ установившеюся и въ простомъ предложеніи; но нерѣдко они вставляются въ организмъ главныхъ или слѣдуютъ за ними, по требованіямъ то грамматической, то риторической выразительности.

3. Сущность значенія инверсіи заключается въ бо́льшей рельефности слова, выдвинутаго впередъ, поставленнаго во главѣ фразы или предложенія. Съ другой стороны, замѣтна связь инверсіи съ примѣсями въ рѣчи элементовъ воли и чувства, которые менѣе связаны установленными нормами словорасположенія и легко нарушаютъ ихъ силою внутренняго порыва.

§ 61.

Значеніе музыкальныхъ оттѣнковъ предложенія.

1. Усиленіе либо ослабленіе голоса на извѣстномъ членѣ предложенія имѣетъ цѣлью выдвинуть однѣ фигуры словеснаго изображенія и стушевать другія. Наибольшихъ контрастовъ достигаетъ способъ интонаціи въ предложеніяхъ восклицательныхъ, а отчасти и повелительныхъ, вообще въ такихъ, которыя выражаютъ сильные аффекты говорящаго. Хроматическая модуляція голоса—то восходящая, то нисходящая—всего замѣтнѣе въ оборотахъ вопросительныхъ. Растяженіе же или сокращеніе звуковъ, медлительность или скороговорка соотвѣтствуютъ всего чаще внутреннимъ ощущеніямъ неизвѣстности, сомнѣнія, удивленія, неожиданности и т. п. Короче, на низкомъ и ровномъ регистрѣ держится рѣчь повѣствовательная и эпическая, выражающая дѣйствительность объективную; высшихъ же и силь-

нѣйшихъ нотъ достигаетъ она при изображеніи ораторскомъ, лирическомъ, драматическомъ.

2. Частое употребленіе усиленной интонаціи или модуляціи голоса при оборотахъ косвенной модальности показываетъ, что эти музыкальные пособники словеснаго изображенія имѣютъ нѣкоторое сходство съ инверсіей, которая другимъ путемъ достигаетъ аналогичной цѣли: перспективнаго освѣщенія и рельефнаго изображенія. Не удивительно, что инверсивные обороты сопровождаются обыкновенно усиленной интонаціей.

3. Что касается наконецъ голосовыхъ павзъ, то самыя бо́льшія изъ нихъ падаютъ на сочлененія независимыхъ предложеній. Довольно замѣтную длину имѣютъ онѣ и по краямъ придаточныхъ предложеній, а въ простыхъ—по обѣ стороны зависимыхъ сказуемыхъ и приложенія. Фразы опредѣлительнаго, дополнительнаго и обстоятельственнаго типовъ также сопровождаются павзами, но очень слабыми, часто едва ощутимыми. Изъ этого видно, что павзы голоса имѣютъ столь же существенное значеніе для цѣлей грамматической выразительности, какъ соотвѣтствующіе имъ знаки препинанія при письменной передачѣ мыслей.

Конецъ.

Замѣченныя опечатки и обмолвки.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
4	19	главныя	главныхъ
10	2	глагольскія	глаголическія
10	25 и 26	глагольскіе	глаголическіе
12	34	а) духовной, т. е. по внѣшнему строенію и б) матеріальной	а) матеріальной, т. е. по внѣшнему строенію и б) духовной
13	2 и 14	симазіологія	семазіологія
18	30	совпадатетъ	совпадаетъ
20	10	трукбѣ	трубкѣ
28	11—12	при болѣе широкой, но постепенно съуживаемой	при постепенно расширяемой
38	14	удлиненіи	удлиненія
40	25	стушовываются	стушевываются
43	14	языка: ψ, ϑ, ϰ	языка: φ, ϑ, χ
51	16	**ѥмь**	**ѥсмь**
51	22	синтаксической	синтактической
57	12	похоже	похожее
62	14	**дєнє-сь**	**дьнє-сь**
65	11	лат.	гот.
67	6	cor-dis-	cor-dis;
67	20	**сѣти,** лат. satum	**рѣпа,** лат. rapa, гр. ῥάπυς
67	30	типа А	типа А;
69	14	смѣщеніе	смѣшеніе
70	1	и н. др.) а также въ извѣстныхъ случаяхъ вм. А (оже, Олена	оже, Олена и н. др.), а также въ извѣстныхъ случаяхъ вм. А
79	15	**длат**	**длато**
81	22	**мьвж**	**мьрж**
85	16	**рѣкж**	**рекж**
86	2	***пробадса**	* **прободса**
87	22	чеш.	словац.
90	19	въ В.	въ Б.
93	22	словянскихъ	славянскихъ
95	12	глагольской	глаголической
96	6	**N** осмеричнаго	**И** осмеричнаго
98	23	менѣе	нѣмые
103	4	срѣдѣ	средѣ
115	5	**нст(с)ѣли**	**ист(с)ѣли**
115	19	**вѣ(ʒ)мь**	**вѣ(д)мь**
118	15	синтаксическомъ	синтактическомъ
123	26	синтаксическую	синтактическую
127	4	синтаксической	синтактической

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
133	13	симазіологическомъ	семазіологическомъ
135	9	на а, и	на а, и
136	30	класъ	дубасъ
144	23	полусогласные: У, й,	полусогласные: ў, й,
149	31	вишшж	вишж
151	30	вънѣыждоу	вънѣждоу
159	16	пжти	пжти
161	2	тема	тѣма
174	22	2 и 8-ое древнему	2—8-ое древнему
180	28	а и эти	а эти
195	2	оборотъ	фразу
205	3	небєськъıи	небєсьскъıи
205	7	алго, оуоумоу или даже	Вычеркнуть.
208	24	синтаксической	синтактической
214	9	μωλδω	Вычеркнуть.
215	27	пекло pîx и infernus	Вычеркнуть.
216	3	pupulus	populus
216	19	палата	полата
217	19	напр. бы	бог-ъ
219	21	ѕабъıти-ѕабъвєнъ	Вычеркнуть.
220	24	звуковой	звукового тембра,
227	11	мѣстоименій на	мѣстоименій на личныя, притяжательныя,
236	31	напр. въ род. ед.	напр. въ вин. муж. р.
238	28	суперлатива	суперлятива
240	31	притяжательными	относительными
242	4	коликъ	коликъ, єликъ
246	14	привѣчкой	привѣской
251	21	отмечается	отметается
255	19	животныхъ	четвероногихъ
258	12	синтаксическимъ	синтактическимъ
258	22	ассонація	ассонанція
259	4	синтаксическимъ	синтактическимъ
262	25	выраженіи	выраженія
269	32	оже ли	др. рус. оже ли
269	33	самъ бо	ц. слав. самъ бо
272	11	составнаго	составного
272	33	азъ єсмь	азъ єсмь,
273	11	синтаксической	синтактической
275	23	сочетаніи	строѣ
281	29	синтаксическихъ	синтактическихъ
283	1	синтаксической	синтактической
286	3	синтаксическою	синтактическою

БИБЛИОТЕКА